

А. М. Сергиенко

ПУСТЬ СИЛЬНЕЕ ДУЕТ ВЕТЕР ИСТОРИИ!

**Первые двенадцать дней
из военной жизни И. В. Сталина**

Белгород, 2012

ББК 68.52-1

С32

Сергиенко, А. М.

С32 Пусть сильнее дует ветер истории! Первые двенадцать дней из военной жизни И. В. Сталина / А. М. Сергиенко. – Белгород: КОНСТАНТА, 2012. – 398 с.

Десятки мифов породила деятельность Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны.

Один из них, самый устойчивый, вот уже более полувека гуляет по страницам книг, журналов и газет, засоряя мозги тем читателям, которые интересуются этим эпохальным событием советской истории. Суть этого мифа: в первые дни войны Секретарь ЦК ВКП (б), Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин от страха впал в прострацию, отказался выступить по радио с обращением к советскому народу, покинул Кремль, уединился на даче, ни с кем не общался и устранился от решения государственных дел.

Еще один миф родился значительно позже. Его сторонники пытаются доказать, что в первые дни войны И. В. Сталин несколько дней провел на даче и по этой причине не появлялся в своем кремлевском кабинете не в связи с прострацией, а из-за серьезной болезни.

Основываясь на сведениях, зафиксированных в журналах (тетрадах) регистрации посетителей кремлевского кабинета вождя, а также на воспоминаниях тех партийных и государственных деятелей, которые в эти дни были на приеме у И. В. Сталина, автор убедительно доказывает несостоятельность мифов о его прострации и болезни.

ISBN 978-5-9786-0213-5

© Сергиенко А. М., 2012

© Издательство «КОНСТАНТА», 2012

С большим удовлетворением воспринял предложение председателя Совета Белгородского регионального отделения РУСО, кандидата исторических наук А. М. Сергиенко написать вступительную статью к его новой книге.

Это второе обращение автора к теме о роли Верховного Главнокомандующего, генералиссимуса Советского Союза И. В. Сталина в Великой Отечественной войне. Первая книга «И. В. Сталин и Курская битва», вышедшая в минувшем году, вызвала у читателей повышенный интерес. Об этом можно судить по многочисленным просьбам и телефонным звонкам не только белгородцев, но и людей из других регионов страны, пытавшихся выяснить, где и каким образом можно приобрести эту книгу.

Актуальность новой работы Анатолия Михайловича в том, что она выходит в то время, когда в стране началась и набирает силу новая волна антисоветизма. Совет по развитию институтов гражданского общества и правам человека в настоящее время озабочен так называемой «десталинизацией». Руководитель Совета небезызвестный М. Федотов предлагает

президенту принять указ, запрещающий «прославление сталинизма» и жаждет судебных разбирательств по поводу «преступлений режима».

Тема, разработанная автором в предлагаемой книге, одна из злободневных. Вот уже шестой десяток лет сначала советским людям, а теперь россиянам, антисталинисты внедряют в сознание мысль о недееспособности И. В. Сталина в первые дни войны. То он впал в проstration и несколько дней скрывался на даче, то он болел и по этой причине отошел от решения государственных дел.

На основе архивных документов и воспоминаний тех, кто в первые дни войны вместе с И. В. Сталиным переводил страну на военные рельсы, Анатолий Михайлович убедительно доказывает, что Иосиф Виссарионович ни в какую проstration не впадал, а если и болел, то не до такой степени, чтобы не появляться на своем рабочем месте. День за днем, начиная с 22 июня и по 3 июля 1941 года, автор показывает, кого принимал И. В. Сталин в своем кремлевском кабинете, как решал неотложные проблемы, вызванные начавшейся войной.

Несколько слов о самом названии книги. Оно порождено размышлениями И. В. Сталина, которыми он поделился после возвращения из Тегерана с командующим Авиацией дальнего действия А. Е. Головановым. Он тогда сказал: «Я знаю, что когда меня не будет, не один ушат грязи будет вылит на мою голову. Но я уверен, что ветер истории все это развеет».

Новая книга А. М. Сергиенко – это частичка того ветра истории, который уносит мусор с могилы И. В. Сталина.

Пусть сильнее дует ветер истории!

С. В. Муравленко,
депутат Государственной Думы
от Белгородской области,
член фракции КПРФ

От автора

22 июня 1941 года. Спят советские люди в западных районах страны. А на востоке уже пробудился день. И никто не знает, что там, за границей, все готово к нападению на спящую после трудового дня страну, нападению внезапному, коварному. Для вторжения готово все. Покрылись утренней росой подвешенные к крыльям четырех тысяч самолетов бомбы. Угрюмо смотрели в нашу сторону зияющими жерлами пятьдесят тысяч нацеленных орудий. Застыли перед смертельным броском три с половиной тысячи танков. Сто девяносто пехотных и моторизованных дивизий ждали сигнала, чтобы перейти нашу священную границу.

Последние секунды перед вероломством. Последние секунды мирной жизни. Последние секунды сна. Четыре часа по средневропейскому времени. Грань между миром и войной. Страшный удар обрушился на нашу страну. В городах и селах разорвались первые бомбы и снаряды. Кованый немецкий сапог ступил на землю нашей священной Родины. Так родилась война.

Через 1 час 45 минут после вторжения германских войск на нашу территорию Секретарь ЦК ВКП (б), Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталин, приехав в Кремль из ближней дачи, открыл дверь своего кабинета. С этой минуты начался военный период его партийной и государственной деятельности. Вместе с ним в кабинет вошли пять человек: его заместитель по Совнаркому СССР и нарком иностранных дел В. М. Молотов, нарком обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Г. К. Жуков, начальник Главного политического управления Красной Армии Л. З. Мехлис и нарком внутренних дел Л. П. Берия. Именно с этими руководителями основных наркоматов советского правительства И. В. Сталин начал разрабатывать первые основополагающие мероприятия по организации отпора агрессорам и переводу страны на военное положение.

Приведенные сведения зафиксированы в книгах (тетрадах) регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина (далее – Журнал регистрации посетителей, ЖРП). Этот Журнал, начиная с 1924 года, фиксировал буквально по минутам фамилии всех, кто и во сколько входил в кабинет вождя и выходил из него. Эти записи делали дежурные в приемной И. В. Сталина, и, как видно по внешнему виду документа, каждый вершил эту процедуру по-своему.

Вот как в натуральном виде выглядят эти записи.

22 июня 1941 года		Крогусовские. 50	
1. м. Малютин	вход с 5-45 м выход 12-05 м	18. м. Береза	вход с 11-30 м выход 12-00 м
2. м. Береза	вход с 5-45 м выход 7-20 м	19. м. Малютин	вход с 11-30 м выход 12-00 м
3. м. Булатовский	вход с 5-45 м выход 8-30 м	20. м. Воронин	вход с 12-30 м выход 16-45 м
4. м. Береза	вход с 5-45 м выход 8-30 м	21. м. Малютин	вход с 12-30 м выход 14-20 м
5. м. Жуков	вход с 5-45 м выход 8-30 м	22. м. Булатовский	вход с 13-05 м выход 15-25 м
6. м. Малютин	вход с 7-30 м выход 9-20 м	23. м. Малютин	вход с 13-15 м выход 16-00 м
7. м. Малютин	вход с 7-55 м выход 9-30 м	24. м. Булатовский	вход с 14-00 м выход 16-00 м
8. м. Калинин	вход с 8-00 м выход 9-35 м	25. м. Жуков	вход с 14-00 м выход 16-00 м
9. м. Воронин	вход с 8-00 м выход 10-15 м	26. м. Булатовский	вход с 14-00 м выход 16-00 м
10. м. Булатовский	вход с 7-30 м выход 10-40 м	27. м. Жуков	вход с 15-20 м выход 15-45 м
11. м. Жуков	вход с 8-15 м выход 8-30 м	28. м. Жуков	вход с 15-30 м выход 16-00 м
12. м. Булатовский	вход с 8-40 м выход 10-40 м	29. м. Береза	вход с 16-20 м выход 16-45 м
13. м. Булатовский	вход с 8-40 м выход 10-40 м	Книжки	вход с 16-45 м
14. м. Жуков	вход с 9-40 м выход 10-20 м	23 июня 1941 года	
15. м. Малютин	вход с 9-50 м выход 11-30 м	1. м. Малютин	вход с 3-20 м выход 6-25 м
16. м. Малютин	вход с 13-25 м выход 16-45 м	2. м. Воронин	вход с 3-20 м выход 6-25 м
17. м. Воронин	вход с 12-45 м выход 12-05 м	3. м. Береза	вход с 3-25 м выход 6-25 м
Крогусовские.		Крогусовские.	

66 лет тетради хранились в «Особой папке Политбюро» Центрального партийного архива (ныне – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), а после распада СССР – в Архиве Президента Российской Федерации (АП РФ).

Публикация этих уникальных архивных сведений началась в шестом номере журнала «Известия ЦК КПСС» в 1990 году (дано содержание записей только за период с 21 по 28 июня). Затем публикацию серией статей продолжил журнал «Исторический архив» (№ 6 за 1994 год, №№ 2–6 за 1995 год, №№ 2–6 за 1996 год и № 1 за 1997 год). В № 4 за 1998 год этого же журнала опубликован «Именной алфавитный указатель» посетителей кабинета И. В. Сталина. В 2008 году издательством «Новый хронограф» Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина был опубликован отдельной книгой под названием «На приеме у Сталина». В 2010 году это же издательство осуществило второе переработанное и дополненное издание.

Записи посетителей с 22 июня по 3 июля свидетельствуют, что в течение десяти дней (29 и 30 июня приема в кремлевском кабинете не было) у И. В.

Сталина побывали все высшие партийные и государственные деятели. Преобладали среди них военные. Именно в эти дни были разработаны и приняты основные документы по переводу всей жизни страны на военный лад. Это: Директива № 2 «Военным Советам ЛВО, ПриОВО, ЗаОВО, КОВО, ОдВО, ВМФ о внезапном нападении Германии и боевых задачах войск»;

Директива № 3 «Военным Советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов»; коллективно подготовленное Заявление советского правительства о внезапном нападении фашистской Германии на Советский Союз; Указы Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных 1905 – 1918 годов рождения и о введении военного положения на территории ряда республик и областей; постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) о вводе в действие мобилизационного плана по производству боеприпасов, о мобилизационном народнохозяйственном плане на третий квартал 1941 года; Директива Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. В эти же дни были созданы новые военные органы: Ставка Главного Командования Вооруженных Сил СССР и Государственный Комитет Обороны.

Сегодня ЖРП является единственным беспристрастным архивным документом, по которому можно буквально до минуты восстановить организаторскую и руководящую роль И. В. Сталина в первый (22 июня) и последующие одиннадцать дней начавшейся войны.

Почему речь идет именно об этих днях? Да потому, что в эти временные рамки антисталинисты всех оттенков и мастей втиснули самую главную ложь о И. В. Сталине периода Великой Отечественной войны. Ее суть: получив сведения о нападении фашистской Германии на Советский Союз, И. В. Сталин растерялся, испугался ответственности, отказался выступить по радио с Заявлением советского правительства, впал в прострацию, отошел от дел и уединился на даче в Кунцево.

Сколько же продолжался период прострации? Лжецы были бы рады довести его до месяца, а то и больше, но тут на пути их черного дела встает совершенно неопровержимый факт – выступление И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года. Его не скрыть, не обойти, не объехать, не вырубить топором. И он, этот

факт, никак не вписывается в пресловутое проскурово ложе прострации. Человека, сжато, четко и емко сказавшего народу тяжелую правду, сформулировавшего всеобъемлющие задачи борьбы с агрессорами, ну никак нельзя назвать растерявшимся, бездеятельным, впавшим в прострацию. А вот с начала войны и до 3 июля, на фоне скудности конкретных документов о работе И. В. Сталина в эти тяжелые дни, можно громоздить горы лжи, вплоть до беспробудного пьянства. Сочинил байку, вбросил ее в средства массовой информации для тиражирования и сочиняй новую. Кто и как сможет ее опровергнуть?

В последнее время родилась еще одна версия относительно поведения И. В. Сталина в эти дни: в прострацию он не впал, но болел и по этой причине несколько дней не появлялся в своем кремлевском кабинете. Эту версию исповедуют историки, которые пытаются опровергнуть ложь о прострации. Сколько же дней он болел, в какие дни по этой причине не появлялся в Кремле, верно ли это?

На все эти вопросы, связанные с прострацией и болезнью И. В. Сталина в первые дни Великой Отечественной войны, я и попробую ответить.

Сердечная благодарность тем, кто помогал своими советами в процессе моей работы над книгой – С. С. Михедину, Ю. П. Антропову и В. М. Давыдок.

Глава первая

И. В. Сталин не впадал в прострацию. Он работал!

1. От кого и почему родилась ложь о недееспособности И. В. Сталина в первые дни войны

Версия, согласно которой руководитель партии и глава государства И. В. Сталин, узнав о нападении фашистской Германии на Советский Союз, был так поражен, что впал в прострацию, отказался выступить по радио, уединился на даче и отошел от решения партийно-государственных дел, не нова. Этой долгожительнице идет уже шестой десяток лет. Она прочно утвердилась в научных работах некоторых отечественных и зарубежных историков, периодически будируется средствами массовой информации, не обошли ее вниманием и некоторые авторы художественных произведений.

Ложь о недееспособности И. В. Сталина, ошеломившая народы Советского Союза и всего мира, впервые была озвучена в феврале 1956 года, через десять с лишним лет после окончания войны. И

хотя февраль месяц зимний, эта ложь стала сродни грому среди ясного неба. И это немудрено. Ведь по сути дела все годы войны и вплоть до 1956 года, а это пятнадцать лет, для каждого гражданина Страны Советов И. В. Сталин являлся непререкаемым авторитетом в деле организации борьбы советского народа с фашистскими захватчиками. Под его руководством мы трудными дорогами войны шли к Победе в 45-м. А тут оглушительная новость:

«Было бы неправильным не сказать о том, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из своих бесед в эти дни он заявил:

– То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вообще не приступал к делам и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте»¹.

Вот так: человек, который для абсолютного большинства граждан страны был идеалом руководителя, государственным, вождем, учителем и чуть ли ни полубогом, в одно мгновение превратился в негодяя, бросившего 22 июня страну и народ на произвол судьбы.

Автором этой гнусной лжи стал Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Озвучил он ее, как считают многие историки, в докладе на закрытом заседании XX съезда партии 24–25 февраля 1956 года «О культе личности и его последствиях».

¹ «Известия ЦК КПСС», 1989. № 3. С. 148–149.

Вот в какой обстановке и как решался этот вопрос. Ее обрисовал в своих воспоминаниях Л. М. Каганович: «XX съезд подошел к концу. Но вдруг устраивается перерыв. Члены Президиума созываются в задней комнате, предназначенной для отдыха. Хрущев ставит вопрос о заслушивании на съезде его доклада о культе личности Сталина и его последствиях. Тут же была роздана всем напечатанная в типографии красная книжечка – проект текста доклада. Заседание проходило в ненормальных условиях – в тесноте, кто сидел, кто стоял. Трудно было за короткое время прочесть эту объемистую тетрадь и обдумать ее содержание, чтобы по нормам внутривнутрипартийной демократии принять решение. И это за полчаса, ибо делегаты сидят в зале и ждут чего-то неизвестного для них, ведь порядок дня съезда был исчерпан... Кроме того, товарищи говорили, что мы просто не можем редактировать доклад и вносить нужные поправки, которые необходимы. Мы говорили, что даже беглое ознакомление показывает, что документ односторонен, ошибочен. Деятельность Сталина нельзя освещать только с этой стороны, необходимо более объективное освещение всех его положительных дел, чтобы трудящиеся поняли и давали отпор спекуляции врагов нашей партии и страны на этом.

Заседание затянулось, делегаты волновались, и поэтому без какого-либо голосования заседание завершилось и пошли на съезд. Там было объявлено о дополнении к повестке дня: заслушать доклад Хрущева о культе личности Сталина. После доклада никаких прений не было, и съезд закончил свою работу».²

Все здесь верно, кроме одного. Исчерпав повестку дня и приняв соответствующие решения, съезд завершил свою работу. Даже был избран новый состав ЦК. А вот доклад о «культе

² Каганович Л. М. Памятные записки. М., 1966. С. 509.

личности», если подходить формально, был озвучен вне повестки и не для делегатов съезда, а для тех, кто участвовал в его работе.

Но вернемся к цитате Н. С. Хрущева. В «одной из своих бесед в эти дни он заявил» – с кем? С самим Никитой Сергеевичем? Но его в эти дни в Москве не было. Да что там, в эти дни! В кремлевском кабинете И. В. Сталина он не был даже в первые месяцы войны. Вот сведения ЖРП: С. К. Тимошенко, как командующий юго-западным направлением, и Н. С. Хрущев, как член Военного совета этого направления, были приняты И. В. Сталиным 19 декабря 1941 года в период с 16 часов 15 минут до 18 часов 10 минут. Через семь часов они вновь посетили его кабинет (с 02 часов 20 минут до 04 часов 20 минут), при этом С. К. Тимошенко ушел на пять минут раньше. Если Семен Константинович до этого бывал в кабинете И. В. Сталина неоднократно, особенно когда он исполнял обязанности наркома обороны, то Н. С. Хрущев встретился с вождем впервые, то есть через шесть месяцев после начала войны.

Откуда же эти сведения и подробности? Если сам Никита Сергеевич с И. В. Сталиным не встречался, в его кабинете в первые полгода войны не был, видеть и, тем более, слышать ничего не мог, то значит с чьих-то слов. Доподлинно известно, что еще в первые дни войны слух о прострации И. В. Сталина и о том, что он собирается бежать на восток, запустила геббельсовская пропаганда. Не оттуда ли растут ноги хрущевской лжи?

Как бы там ни было, но ложные сведения относительно поведения И. В. Сталина в первые дни войны, словно выпущенный из бутылки джинн, были обнародованы в 1956 году.

Так называемое «развенчание культа личности И. В. Сталина» породило новую волну антисталинистов. Свое забрало против него вновь подняли те, кому в тридцатые годы удалось, скрыв свои антинародные помыслы, уйти от возмездия. К ним присоединились дети тех, кто за антисоветскую деятельность и

стремление восстановить в стране капиталистические отношения понес заслуженную кару. Лагерь антисталинистов пополнили изменники Родины, проявившиеся в годы Великой Отечественной войны и, сумев уйти от возмездия, осели за рубежом.

За пятидесятипятiletний период очернения имени и дел И. В. Сталина написана, как уже отмечалось, не одна сотня книг. Их авторы не обходят молчанием военный период деятельности вождя, в том числе и в первые дни войны. При этом те авторы, которые не скрывают своей ненависти к И. В. Сталину, берут за основу хрущевскую ложь о недееспособности и отстраненности от государственных дел, выброшенную в сознание советских людей в феврале 1956 года.

Приправленная новыми умозаключениями, вымыслами и «документами», она кочует от автора к автору, из книги в книгу. Можно каким-то образом понять того или иного сочинителя антисталинского толка, который, повторяя и интерпретируя опусы Н. С. Хрущева, не знал о наличии Журнала регистрации лиц, принятых И. В. Сталиным в кремлевском служебном кабинете. Если уж об этом сказал сам Н. С. Хрущев, то кто и каким образом сможет опровергнуть этот факт? Сам И. В. Сталин? Но его нет, он уже ничего не скажет. В. М. Молотов или Л. М. Каганович, свергнутые с олимпа власти за почитание вождя? Но кто им даст слово, и кто их будет слушать. Вот так, в условиях отсутствия убедительных доказательств, опровергающих эту чудовищную ложь, она тиражировалась в книгах, учебниках для школ и вузов, журнальных и газетных статьях, дополнялась новыми «свидетельствами» и домыслами. Но как понять «пропагандиста» хрущевской лжи, который знаком с содержанием Журнала регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина и вопреки этому продолжает ставить пластинку о прострации и отрешенности от государственных дел?

По ходу своего исследования на некоторых работах антисталинистов я остановлюсь подробнее, а пока здесь приведу

цитату профессора, заслуженного деятеля науки А. В. Огнева, который удачно собрал крупницы высказываний этих лжецов:

«Р. Медведев утратил последние признаки объективности. Он писал, что наша кадровая «армия была разбита и окружена в первые дни и недели войны из-за преступных просчетов Сталина, не сумевшего подготовить ни армию, ни страну к войне, из-за нелепых и глупых рассуждений Сталина в первый же день войны... В. Пикуль в «Барбароссе» утверждал, что в июле 1941 года «Сталин совсем растерялся, его воля была полностью парализована, он не думал теперь о государстве, а помышлял лишь о том, как бы ему удержаться на кремлевском престоле».

М. Захарчук писал о «двухнедельной прострации вождя, когда он по существу выронил из рук власть». А. Уткин в своей книге «Вторая мировая война» написал, что Сталин «сразу после начала войны ушел ото всех на трое суток». Он нарисовал «феерическую» интригу Кремля: узнав о нападении немцев, «Сталин, посоветовавшись с Молотовым и Берией, решил отдать Германии «значительную часть Украины, Белоруссии и всю Прибалтику»...

Юровский беспардонно клеветал: «Началась война. Сталин сразу же скрывается». А в это время «наша армия начала сражаться... И тогда Сталин выходит из укрытия, начинает действовать сам и вместе с Жуковым, чтобы ускорить поражение».³

С 1956 года и до конца своего правления Н. С. Хрущев продолжал периодически бросать камни в сторону ушедшего из жизни И. В. Сталина. Правда, были и откаты. Несколько позже в ряде выступлений он заявлял, что партия не позволит отдать имя И. В. Сталина врагам коммунизма. Но было поздно.

Вершиной борьбы Н. С. Хрущева с предшественником стало проташенное им решение о выносе тела прежнего вождя из Мавзолея. Случилось это 30 октября 1961 года. И уже ночью

³ «Правда». 2011. 28 – 31 октября.

с 31 октября на 1 ноября тело И. В. Сталина тайно вынесли из Мавзолея и замуровали у Кремлевской стены железобетонными блоками. Это действие стало апогеем антисталинской деятельности Н. С. Хрущева. И прошло оно без малейшего противодействия со стороны делегатов XXII съезда КПСС. Оно и понятно: к этому времени горы лжи против его предшественника выросли настолько, что этот кощунственный акт приобрел своеобразную закономерность. Трудно себе не только представить, но и подумать, что подобная идея могла бы родиться в голове И. В. Сталина по отношению к своему предшественнику. Тело В. И. Ленина буквально в первые дни войны в строжайшей секретности было отправлено в глубь страны, в Тюмень, и позже его вернули в Мавзолей. Найдите в работах И. В. Сталина, его статьях или речах хоть одну фразу, хоть одно слово, характеризующих В. И. Ленина с отрицательной стороны. Не найдете! Владимира Ильича он только пропагандировал и защищал.

После того, как сам Н. С. Хрущев получил по заслугам, он засел за воспоминания. Здесь уместно обратить внимание читателя на одну немаловажную деталь. Никита Сергеевич до такой степени впал в раж сочинительства антисталинских мифов, что его выступление о «культе личности» после завершения работы XX съезда долго не решались публиковать. Минула целая брежневская эпоха, сошли с короткой руководящей дистанции последователи Леонида Ильича Ю. А. Андропов и К. У. Черненко, и лишь при М. С. Горбачеве, да и то не сразу, хрущевский наскок на И. В. Сталина удостоился публикации.

А теперь подсчитаем: от выступления в 1956 году в закрытом режиме и до первой его публикации в 1989 году минуло 33 года. О чем это говорит? О том, что при Л. И. Брежнев, Ю. А. Андропове и К. У. Черненко антисталинские инсинуации Н. С. Хрущева были не востребованы. А вот М. С. Горбачеву пахнущее нафталином выступление Никиты Сергеевича понадобилось. Для чего? Для нового антисталинского похода. И

он при меченом начался, но снаряды, запущенные в сторону И. В. Сталина, от долгого лежания на складах оказались менее мощными. За три десятилетия хрущевские байки о военной деятельности Верховного Главнокомандующего основательно потрепали воспоминания советских полководцев и военачальников, наркомов военной промышленности, всех тех, кто в годы войны вместе с Иосифом Виссарионовичем бок о бок трудился во имя Победы. И получился курьез: публикация хрущевского выступления скорее ударила по нему самому, чем по И. В. Сталину. Ну как тут не вспомнить известного «классика»: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Но это к слову. А мы, читатель, вернемся к Н. С. Хрущеву.

Умер он, исполнив свой долг мемуариста, в 1971 году. Превратить его рукопись в книгу в Советском Союзе при Л. И. Брежневеве оказалось сложнее, чем за границей. Что и было сделано. Читателю будет небезынтересно узнать, что незадолго до выхода мемуаров Н. С. Хрущева в США, в газете «Правда» было опубликовано следующее заявление: «Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н. С. Хрущева. Это – фабрикация. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал – ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал таких материалов я и советским издательствам. Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать. Н. Хрущев».

Ну и мастак же на выдумки был Никита Сергеевич!

Что же касается издания мемуаров Н. С. Хрущева в СССР, то впервые они были опубликованы в журнале «Вопросы истории», затем уже в виде книги в издательстве «Вагриус» в 1997 году под неприхотливым названием – «Воспоминания.

Избранные фрагменты». Уже через год книга была переиздана издательством «Московские новости», теперь уже под названием «Воспоминания. Время. Люди. Власть».

Главную причину, усадившую Н. С. Хрущева за письменный стол, в предисловии к книге 1997 года издания сформулировал его сын Сергей Никитич: «Никита Сергеевич взялся за мемуары, когда власти всерьез задалась целью реанимировать Сталина. Их решение он считал безумным, губительным для страны и доступными ему средствами стремился воспрепятствовать этому, рассказать правду о Сталине и сталинизме».⁴ На деле же получилось, что не правда о И. В. Сталине, а кривда о нем стала губительной для страны.

Уже первый факт, в котором упоминается имя И. В. Сталина в хрущевских мемуарах в связи с начавшейся войной, никак правдивым назвать нельзя. Посудите сами, читатель. «Когда мы получили сведения, что немцы открыли огонь, из Москвы было дано указание не отвечать огнем. Это было странное указание, а объяснялось оно так: возможно, там какая-то диверсия местного командования немецких войск или какая-то провокация, а не выполнение директивы Гитлера (? – **А. С.**) Это говорит о том, что Сталин настолько боялся войны, что сдерживал наши войска, чтобы они не отвечали врагу огнем.. Когда мы сообщили Сталину, что враг уже бомбит Киев, Севастополь и Одессу, что не может быть и речи о локальной провокации немецких военных на каком-то участке, а это действительно начало войны, то только тогда было сказано: «Да, это война, и военным надо принять соответствующие меры».⁵

Ну, титан военной мысли!

Насчет указания «не отвечать огнем». В 7 часов 15 минут 22 июня из Москвы в округа ушла директива № 2. Вот первая фра-

⁴ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 5.

⁵ Там же. С. 95.

за из ее приказной части: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». Что за недоумки эти С. К. Тимошенко, Г. М. Маленков и Г. К. Жуков! Нет написать конкретно, по-военному – немедленно открыть огонь! А они, понимаешь, придумали: всеми силами и средствами... обрушиться... уничтожить. Сразу видно, академий не кончали. А этот Сталин, ну просто простофиля! Пока не вдолбили ему в голову, что бомбы уже сыпятся, он никак не мог поверить, что это настоящая война.

Свою ложь о том, что известие о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз так потрясло вождя, что он оказался недееспособным и даже отказался выступить по радио, обнародованную в докладе «О культуре личности», Н. С. Хрущев повторил и в мемуарах, несколько усилив этот факт. Вот как выглядит это место в его воспоминаниях:

«Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же лично Сталина пока что не было. Это производило нехорошее впечатление. Потом уже, днем в то воскресенье выступил Молотов. Он объявил, что началась война, что Гитлер напал на Советский Союз. Говорить об этом выступлении сейчас вряд ли нужно, потому что все это уже описано и все могут ознакомиться с событиями из газет того времени. То, что выступил Молотов, а не Сталин, – почему так получилось? Это тоже заставляло людей задумываться. Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями. Потом уже, после войны, я узнал, что, когда началась война, Сталин был в Кремле. Это говорили мне Берия и Маленков.

Берия рассказал следующее: когда началась война, у Сталина собрались члены Политбюро. Не знаю, все или только определенная группа, которая чаще всего собиралась у Сталина. Сталин морально был совершенно подавлен и сделал такое заявление: «Началась война, она развивается катастрофически.

Ленин оставил нам пролетарское Советское государство, а мы его про...». Буквально так и выразился. «Я, – говорит, – отказываюсь от руководства», – и ушел. Ушел, сел в машину и уехал на «ближнюю» дачу.

«Мы, рассказывал Берия, остались. Что же делать дальше? После того как Сталин так себя показал, прошло какое-то время, посовещались мы с Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым (хотя был ли там Ворошилов, не знаю, потому что в то время он находился в опале у Сталина из-за провала операции против Финляндии). Посовещались и решили поехать к Сталину, чтобы вернуть его к деятельности, использовать его имя и способности для организации обороны страны.

Когда мы приехали к нему на дачу, то я (рассказывает Берия) по его лицу увидел, что Сталин очень испугался. Полагаю, что Сталин подумал, не приехали ли мы арестовывать его за то, что он отказался от своей роли и ничего не предпринимает для организации отпора немецкому нашествию. Тут мы стали его убеждать, что у нас огромная страна, что мы имеем возможность организовать, мобилизовать промышленность и людей, призвать их к борьбе, одним словом, сделать все, чтобы поднять народ против Гитлера. Сталин тут вроде бы немного пришел в себя. Распределили мы, кто за что возьмется по организации обороны, военной промышленности и прочего».

Я не сомневаюсь, что вышесказанное – правда. Конечно, у меня не было возможности спросить Сталина, было ли это именно так. Но у меня не имелось никаких поводов и не верить этому, потому что я видел Сталина как раз перед началом войны. А тут, собственно говоря, лишь продолжение. Он находился в состоянии шока».⁶

Оказывается, «доказательством» отрешенности И. В. Сталина от дел в первые дни войны стал его отказ от выступления

⁶ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 95–96.

по радио с Заявлением советского правительства о нападении фашистской Германии на Советский Союз. То, что выступил с этим Заявлением В. М. Молотов, а не И. В. Сталин, это верно, против этого очевидного факта, как говорится, не попрешь. А вот по каким причинам это произошло, так это очередная ложь Н. С. Хрущева – «был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями». Как ложью является и то, что И. В. Сталин, оказывается, в таком раздерганном состоянии находился и «перед началом войны», а это, как свидетельствует ЖРП, 16 июня. Именно в этот день Н. С. Хрущев последний раз виделся и разговаривал с И. В. Сталиным. Может быть, он нервничал в связи с тем, что руководство Германии не отреагировало на заявление ТАСС от 14 июня? А может быть, он получил тайное послание от самого Гитлера с предупреждением о предстоящем нападении?

Особо хочу обратить внимание читателя на хрущевскую фразу: «Я не сомневаюсь, что вышесказанное – правда». Иезуитский прием: в рассказе Л. П. Берии Никита Сергеевич не сомневается, а тот, кто этому не верит, пусть спросит... А спрашивать-то не у кого. Ведь Лаврентия Павловича сам Н. С. Хрущев оклеветал и уничтожил. Верх цинизма!

А ссылаться на Л. П. Берию Н. С. Хрущеву было просто необходимо, так как его самого в эти дни, как я уже об этом писал, в Москве не было. Вполне понятно, что публикацию ЖРП он не застал, но трудно, очень трудно предположить, чтобы Никита Сергеевич не знал о его существовании. Бывая много раз в кремлевском кабинете И. В. Сталина, он не мог не заметить, что каждый раз его фамилия заносится в этот Журнал. Зная об этом, надо полагать, он мог сделать запрос в архив. Если сделал и, вопреки фактам, нагромоздил горы лжи, то тем хуже для первого лица в партии и государстве. Если это так, то, вполне возможно, был расчет, что этот документ вряд ли когда-либо выйдет на волю из недр архива.

И еще одно «доказательство», которое Н. С. Хрущев подает опять же якобы со слов Л. П. Берии: мол, заявив членам Политбюро в первый день войны, что отказывается от руководства, И. В. Сталин сел в машину и уехал на ближнюю дачу. Подчеркиваю: этот факт Н. С. Хрущев относит именно к первому дню войны. В связи с этим настало время ознакомить читателя с содержанием записей в ЖРП кремлевского кабинета И. В. Сталина за 22 июня.

22 июня 1941 года

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	5 ч. 45 мин.	12 ч. 05 мин.
2.	т. Берия	5 ч. 45 мин.	9 ч. 20 мин.
3.	т. Тимошенко	5 ч. 45 мин.	8 ч. 30 мин.
4.	т. Мехлис	5 ч. 45 мин.	8 ч. 30 мин.
5.	т. Жуков	5 ч. 45 мин.	8 ч. 30 мин.
6.	т. Маленков	7 ч. 30 мин.	9 ч. 20 мин.
7.	т. Микоян	7 ч. 55 мин.	9 ч. 30 мин.
8.	т. Каганович Л. М.	8 ч. 00 мин.	9 ч. 35 мин.
9.	т. Ворошилов	8 ч. 00 мин.	10 ч. 15 мин.
10.	т. Вышинский	7 ч. 30 мин.	10 ч. 40 мин.
11.	т. Кузнецов	8 ч. 15 мин.	8 ч. 30 мин.
12.	т. Димитров	8 ч. 40 мин.	10 ч. 40 мин.
13.	т. Мануильский	8 ч. 40 мин.	10 ч. 40 мин.
14.	т. Кузнецов	9 ч. 40 мин.	10 ч. 20 мин.
15.	т. Микоян	9 ч. 50 мин.	10 ч. 30 мин.
16.	т. Молотов	12 ч. 25 мин.	16 ч. 45 мин.
17.	т. Ворошилов	11 ч. 40 мин.	12 ч. 05 мин.
18.	т. Берия	11 ч. 30 мин.	12 ч. 00 мин.
19.	т. Маленков	11 ч. 30 мин.	12 ч. 00 мин.
20.	т. Ворошилов	12 ч. 30 мин.	16 ч. 45 мин.
21.	т. Микоян	12 ч. 30 мин.	14 ч. 30 мин.
22.	т. Вышинский	13 ч. 05 мин.	15 ч. 25 мин.
23.	т. Шапошников	13 ч. 15 мин.	16 ч. 00 мин.
24.	т. Тимошенко	14 ч. 00 мин.	16 ч. 00 мин.

25.	т. Жуков	14 ч. 00 мин.	16 ч. 00 мин.
26.	т. Ватутин	14 ч. 00 мин.	16 ч. 00 мин.
27.	т. Кузнецов	15 ч. 20 мин.	15 ч. 45 мин.
28.	т. Кулик	15 ч. 30 мин.	16 ч. 00 мин.
29.	т. Берия	16 ч. 25 мин.	16 ч. 40 мин.
Последние вышли в 16 ч. 45 мин.			

Как видим, в этот день И. В. Сталин работал в Кремле с 5 часов 45 минут до 16 часов 45 минут, приняв за 11 часов 29 посетителей (некоторые входили по несколько раз). Это были, как свидетельствует Журнал, высшие партийные, государственные и военные деятели, с которыми вождь обсуждал сложившееся положение и принимал неотложные меры по мобилизации всех человеческих и материальных ресурсов страны для борьбы с вторгшимся врагом. Каждому он давал конкретное задание, связанное с их занимаемыми должностями. На основе документов и воспоминаний тех, кто в этот день побывал в кремлевском кабинете И. В. Сталина, можно обозначить основные мероприятия, проведенные под его руководством в первые часы начавшейся войны.

С членами Политбюро И. В. Сталин обсудил текст Заявления советского правительства в связи с агрессией фашистской Германии, подписал ряд постановлений и принял ряд первоочередных решений: две директивы войскам приграничных округов, поправил и утвердил подготовленный ГШ проект Указа Президиума Верховного Совета СССР об образовании Ставки Главного Командования, указы о проведении мобилизации военнообязанных и о введении военного положения на территории европейской части страны. После ухода военных (наркома обороны и начальника Генерального штаба) он два часа работал с руководством Коминтерна Г. М. Димитровым и Д. З. Мануильским. Судя по всему, они обсуждали тактику действий коммунистических и рабочих партий в связи с нападением Германии на Советский Союз.

И что же получается? Выполнив такой объем работы, приняв первые необходимые меры по отражению агрессии, подготовив вместе с другими членами Политбюро ЦК Заявление советского правительства, И. В. Сталин заявил, что отказывается от руководства страной, сел в машину и уехал на дачу? Конечно же, уехал, но не хлопнув дверью, а для того, чтобы немного отдохнуть после 11 часов работы, и, оставшись наедине, продолжить обдумывать дальнейшие меры и действия по укреплению обороны. Да и отъезд на дачу «в сердцах» был не столь продолжительным, ибо уже в ночь на 23 июня он вновь работал, продолжая руководить страной. Об этом красноречиво говорят записи в ЖРП за 23 июня 1941 года.

23 июня 1941 г.

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	3 ч. 20 мин.	6 ч. 25 мин.
2.	т. Ворошилов	3 ч. 20 мин.	6 ч. 25 мин.
3.	т. Берия	3 ч. 25 мин.	6 ч. 25 мин.
4.	т. Тимошенко	3 ч. 30 мин.	6 ч. 10 мин.
5.	т. Ватутин	3 ч. 30 мин.	6 ч. 10 мин.
6.	т. Кузнецов	3 ч. 45 мин.	5 ч. 25 мин.
7.	т. Каганович	4 ч. 30 мин.	5 ч. 20 мин.
8.	т. Жигарев	4 ч. 35 мин.	6 ч. 10 мин.

23 июня 1941 года

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	18 ч. 45 мин.	1 ч. 25 мин.
2.	т. Жигарев	18 ч. 25 мин.	20 ч. 45 мин.
3.	т. Тимошенко	18 ч. 59 мин.	20 ч. 45 мин.

4.	т. Меркулов	19 ч. 10 мин.	19 ч. 25 мин.
5.	т. Ворошилов	20 ч. 00 мин.	1 ч. 25 мин.
6.	т. Вознесенский	20 ч. 50 мин.	1 ч. 25 мин.
7.	т. Мехлис	20 ч. 55 мин.	22 ч. 40 мин.
8.	т. Каганович Л.	23 ч. 15 мин.	1 ч. 10 мин.
9.	т. Ватутин	23 ч. 55 мин.	0 ч. 55 мин.
10.	т. Тимошенко	23 ч. 55 мин.	0 ч. 55 мин.
11.	т. Кузнецов	23 ч. 55 мин.	0 ч. 50 мин.
12.	т. Берия	24 ч. 00 мин.	1 ч. 25 мин.
13.	т. Власик	0 ч. 50 м.	0 ч. 55 мин.
Последн. вышли 1 ч. 25 мин. 24/VI 41.			

Итак, сегодня Журнал регистрации посетителей свидетельствует: очевидцем работы И. В. Сталина и его окружения в первые дни войны Н. С. Хрущев не был, а посему он не мог наблюдать и его поведения. Сфабрикованное им измышление о шоке И. В. Сталина и его прострации в первые дни войны и «факты», доказывающие его такое состояние, являются не чем иным, как сознательной клеветой. Поэтому тому, кому захочется в будущем сослаться на хрущевские «доказательства», хочу напомнить распространенное в годы войны предупреждение: «Осторожно! Заминировано!».

Почему первый человек в партии, сменивший своего предшественника на этом в то время высоком посту, затеял против него все это вселенское очернение? Причин много. Как член Военного совета ряда фронтов в годы Великой Отечественной войны Н. С. Хрущев неоднократно получал от Верховного Главнокомандующего замечания, а то и взбучки. Вот один пример, который по времени не так уж и далеко отстоит от рассматриваемого мной периода деятельности И. В. Сталина.

«Телеграмма ЦК КП (б) Украины, 9 июля 1941 г.

г. Киев.

ЦК ВКП (б) т. Маленкову

Считаем необходимым более точно определить, когда уничтожить имущество МТС и другое оборудование, которое не может быть вывезено. Вносим следующие предложения:

1. В зоне 100–150 километров от противника местные организации обязаны немедленно приступить к уничтожению всех комбайнов, лобогреек, веялок и других сельскохозяйственных машин. Трактора своим ходом перегонять в глубь страны, остальные трактора, которые не могут быть использованы отступающими частями Красной Армии и которые почему-либо нельзя вывезти, в этой же зоне подлежат немедленному уничтожению.

2. В этой же зоне необходимо немедленно раздавать колхозникам страховые и все остальные зерновые и прочие колхозные фонды.

3. В этой же зоне немедленно приступать к угону всего скота колхозов, совхозов, волов и молодняка лошадей. Рабочие лошади, которые могут понадобиться отступающим частям Красной Армии, подлежат угону тогда, когда противник подошел на расстояние 10–30 километров. Категорически запретить гнать скот по дорогам, где происходит передвижение войск, скот гнать по посевам, по свекле и по дорогам, которые не использует Красная Армия.

4. Свины колхозных ферм и совхозов в этой же зоне должны быть забиты. Мясо и сало необходимо передать воинским частям, колхозникам, рабочим в городах, госпиталям, больницам, ученикам ФЗО. Определенное количество свиней подлежит оставлению в этой зоне в живом виде для проходящих частей Красной Армии. Птица колхозных и совхозных ферм в этой же зоне также подлежит раздаче в убойном виде воинским частям, колхозникам, рабочим.

5. В зоне 100–150 километров местные органы власти, по согласованию с военным командованием, сами принимают решение о том, какое именно ценное оборудование, погруженное в вагоны, должно быть уничтожено в эшелонах вследствие невозможности вывоза его. Такую директиву военным и местным органам власти надо дать потому, что у нас есть случаи, когда, например, часть эшелонов с ценнейшим грузом, погруженных в Львове, досталась неприятелю, так как этим эшелонам противник перерезал путь.

6. В зоне 100–150 километров от противника надо уничтожать все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезенными при вынужденном отходе частей Красной Армии.

Секретарь ЦК КП (б) Украины Хрущев».

Получив это сообщение, И. В. Сталин вынужден был поправить Первого секретаря ЦК КП (б) Украины. 10 июля в его адрес ушла следующая шифровка:

«Киев, Хрущеву

1) Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать как в армии, так и среди населения настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2) Государственный Комитет Оборона обязывает вас ввиду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожить, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

3) Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать с тем, чтобы электростанции надолго не могли действовать.

4) Водопроводов не взрывать.

5) Заводов не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т. д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

6) После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

7) Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать.

8) Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование.

**Председатель Государственного Комитета Оборона
И. Сталин».⁷**

А буквально на следующий день Никита Сергеевич получил от И. В. Сталина уже не разъяснение, а прямо настоящий втык:

⁷ Мухин Ю. Убийцы Сталина. М., 2007. С. 351 – 352.

«11 июля: Товарищу Хрущеву.

Получены достоверные сведения, что вы все, от командующего Юго-Западным фронтом и до членов Военного совета, настроены панически и намерены произвести отвод войск на левый берег Днепра. Предупреждаю вас, что, если вы сделаете хоть один шаг в сторону отвода войск на левый берег Днепра, не будете до последней возможности защищать районы УРОВ на правом берегу Днепра, вас всех постигнет жестокая кара как трусов и дезертиров».⁸

Вот еще один не слишком лицеприятный для Н. С. Хрущева документ.

«С. К. Тимошенко, Н. С. Хрущеву, И. Х. Баграмяну 27 мая 1942 года

За последние четыре дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт – значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены, и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого по всей стране.

⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 209; Сталин. Соч. Т. 18. С.226. Липартелиани Г. Л. Сталин Великий. М., 2001. С. 187.

Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь.

Сталин».⁹

Такие нелюбезные замечания со стороны И. В. Сталина член Военного совета получал много раз. По свидетельству А. М. Василевского Никита Сергеевич во время войны избегал даже телефонных разговоров с Верховным Главнокомандующим. Без всякого сомнения, Н. С. Хрущев всегда завидовал И. В. Сталину, боялся и ненавидел его. Будучи человеком обидчивым и злопамятным, он и отыгрался на своем предшественнике, когда тот ответил ему уже не мог.

В 1967 году К. Симонов встретился с Маршалом Советского Союза А. М. Василевским. Вот фрагмент беседы, касающийся Н. С. Хрущева: «По словам Василевского, Хрущев при своем положении члена Военного совета фронта и члена Политбюро, тем не менее, на его памяти, сам не звонил Сталину, и были случаи, когда он просил позвонить Василевскому. Сталин вызывал Василевского в Москву, об этом узнавал Хрущев и говорил ему:

– Мне тоже надо поехать в Москву, зайти в Политуправление, поговорить со Щербаковым, хорошо бы мне слетать вместе с вами; позвоните Сталину, чтобы он меня вызвал в Москву.

Василевский отвечал:

– Позвоните сами.

Но Хрущев отнекивался и настаивал на своей просьбе:

– Вам удобнее, он вас уже вызвал, вы объясните ему, что мне нужно встретиться со Щербаковым.

⁹ *Сталин И.*, Сочинения. Т. 18. С. 292.

В общем итоге я звонил, рассказывал Василевский, Сталин спрашивал:

– А что, чего он хочет в Москве, что здесь ему нужно?

Я объяснял, что ему нужно быть в Политуправлении, встретиться со Щербаковым.

– Ну, возьмите его с собой, пусть прилетает, – говорил Сталин.

И мы летели вместе и вместе возвращались. Там, в Москве, насколько мне известно, со Сталиным в эти прилеты свои Хрущев не виделся и видеться не пытался.¹⁰

А вот оценка, данная Н. С. Хрущеву Л. М. Кагановичем: «И в завершение – «ночное» перемещение гроба Сталина из Мавзолея – тоже без обсуждения и даже без ведома большинства членов Президиума ЦК. Враждебные и диссидентски настроенные элементы могут даже похвалить Хрущева за такую «ловкость», но это не его ловкость, противопоставленная нашей «неловкости», а просто рецидив троцкизма у Хрущева, который в 20-е годы был троцкистом.

Если мы раньше без нужды не напоминали прошлые троцкистские грехи Хрущева, а Сталин их ему простил, то сегодня можно уверенно сказать, что в его перехлестываниях и приемах борьбы с умершим Сталиным проявились, сказались остатки его прошлых троцкистских грехов и троцкистской мстительности».¹¹

Ю. Мухин приводит еще один факт на эту тему, правда он относится уже к послевоенному периоду: «В конце сороковых Хрущеву хотелось показать себя народу как теоретика коммунизма, и кто-то подготовил ему статью для «Правды» о необходимости начать строительство агрогородков... Молотов рассказал писателю Ф. Чуеву продолжение этой истории. На

¹⁰ *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. В кн.: «Мгновения». М., 1989. С. 186–187.

¹¹ *Каганович Л. М.* Памятные записки. С. 563.

последующем заседании Политбюро зашел разговор об этой статье Хрущева, и Сталин, который, как обычно, прохаживался по комнате, подошел к сидевшему Хрущеву, положил ему руку на голову и сказал: «Наш маленький Маркс». Все засмеялись, засмеялся и Хрущев, но кто задумался о том, какие обиды, какая злоба в ответ на этот смех бушевала в душе Хрущева?»¹²

В отличие от И. В. Сталина, Никита Сергеевич совершенно не обладал стратегическим мышлением, не мог правильно оценивать перспективу хотя бы на несколько лет вперед. Подтверждает эту мысль как раз его непродуманная атака на своего предшественника: «разоблачая» И. В. Сталина, он по сути дела разоблачал социализм, как общественно-политическую систему. Начавшееся брожение в умах некоторых советских граждан привело к зарождению так называемого «диссидентства». Брожение в умах некоторой части людей в странах социализма привели к известным польским, венгерским и чехословацким событиям. Начался раздрай в мировом коммунистическом движении. В конце концов, все это привело к распаду СССР и мировой системы социализма. Предвидеть последствия своего опрометчивого шага Никита Сергеевич в силу своего комплекса неполноценности не смог. И получилось то, что получилось, что имеем.

И не приходится удивляться, что и по сей день хрущевское действо под названием «культ личности» некоторыми гражданами России трактуется как главное достижение всей его партийной и государственной деятельности, чуть ли не подвиг. Что и говорить, внутренних врагов социализма этим актом он вдохновил на более решительные действия.

Вполне очевидно, что более достоверными могут быть сведения о поведении И. В. Сталина в эти первые дни войны, которые исходят не от Н. С. Хрущева, а от тех, кто с первых минут

¹² Мухин Ю. Убийцы Сталина. С. 355.

фашистского вероломства общался с ним, решал и претворял в жизнь первые неотложные меры по отражению агрессии. Чуть позже я продолжу воспроизводить фамилии тех, кто побывал в кремлевском кабинете И. В. Сталина в период с 22 июня по 3 июля 1941 года. А сейчас (и пусть читатель поверит мне на слово) я приведу обобщающие цифры: за первые двенадцать дней войны в Журнале зафиксировано 228 посетителей, а если учесть, что некоторые из них в течение этого периода появлялись в кабинете И. В. Сталина по несколько раз, а кое-кто и по несколько раз в день, то получается, что с 22 июня по 3 июля через его кремлевский кабинет прошло 56 человек.

Кроме этих партийных и государственных деятелей, имевших прямой контакт с И. В. Сталиным, был еще один человек, присутствовавший в эти первые дни войны в его кремлевском кабинете. Речь идет об управляющем делами Совнаркома СССР Якове Ермолаевиче Чадаеве, которому было доверено вести записи обсуждавшихся вопросов и бесед. Присутствие самого Я. Е. Чадаева в кремлевском кабинете И. В. Сталина ЖРП не фиксировалось.

Итак, 57 человек, работая в непосредственном контакте с И. В. Сталиным, имели возможность наблюдать за его поведением в рассматриваемые мной двенадцать дней с начала войны. Вот они в алфавитном порядке.

1. А. А. Андреев	10. А. Я. Вышинский
2. П. А. Артемьев	11. Ф. И. Голиков
3. Л. П. Берия	12. А. Е. Голованов
4. С. К. Буденный	13. А. И. Гусев
5. Н. А. Булганин	14. П. В. Дементьев
6. Н. Ф. Ватутин	15. Г. Димитров
7. Н. С. Власик	16. Ф. И. Жаров
8. Н. А. Вознесенский	17. А. А. Жданов
9. К. Е. Ворошилов	18. П. Ф. Жигарев

19. **Г. К. Жуков**
20. И. М. Зальцман
21. И. Г. Кабанов
22. **Л. М. Каганович**
23. Кизаков
24. **И. В. Ковалев**
25. Д. В. Королев
26. **Н. Г. Кузнецов**
27. Г. И. Кулик
28. **Г. М. Маленков**
29. **В. А. Малышев**
30. Д. З Мануильский
31. И. И. Масленников
32. В. Н. Меркулов
33. Л. З. Мехлис
34. **А. И. Микоян**
35. **В. М. Молотов**
36. А. В. Никитин
37. **И. Т. Пересыпкин**
38. Г. М. Попов
39. Ф. Ф. Петров
40. И. А Серов
41. Сококоверов
42. Г. Г. Соколов
43. **П. М. Стефановский**
44. С. П. Супрун
45. И. Н. Рухле
46. **С. К. Тимошенко**
47. Ф. В. Титов
48. Н. И. Трубецкой
49. **Д. Ф. Устинов**
50. Я. Н. Федоренко
51. **Б. М. Шапошников**
52. **А. И. Шахурин**
53. М. Ф. Шкирятов
54. А. С. Щербаков
55. **А. С. Яковлев**
56. **Н. Д. Яковлев**
57. **Я. Е. Чадаев**

Составив список посетителей И. В. Сталина за двенадцать дней войны, я выявил тех, кто непосредственно оставил нам письменные свидетельства в виде мемуаров, дневников или интервью. Кроме этого, я учел воспоминания родственников некоторых из них. Всего, к кому можно «заглянуть», набралось 25 человек. В списке их фамилии выделены жирным шрифтом. Это члены Политбюро и правительства, министры, руководители военных ведомств, конструкторы военной техники, летчики-испытатели, партийные и государственные деятели.

Среди тех, кто в эти первые двенадцать дней общался с И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете и об этом общении оставил свои воспоминания в виде мемуаров в их классиче-

ском виде, всего несколько человек – Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, И. Т. Пересыпкин, П. М. Стефановский, А. И. Микоян, Н. Д. Яковлев, А. С. Яковлев.

Из тех, кто с 22 июня по 3 июля прошел через кремлевский кабинет И. В. Сталина и сумел в послевоенный период написать и издать свои воспоминания, двое проблему Великой Отечественной войны вообще не затронули. Это С. М. Буденный и К. Е. Ворошилов. Правда, Семен Михайлович, оказывается, вел дневник и кое-что оставил в них относительно первых дней войны. Но об этом позже.

Некоторые, освещая свою работу вместе с И. В. Сталиным, темы его поведения в первые дни войны не коснулись. Не написал об этом в своей книге «Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и государственного работника» Л. М. Каганович. А ведь был в эти дни в кабинете И. В. Сталина почти ежедневно. Не затронул эту проблему в книге «Крылья победы» нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин. А был он за этот период в кабинете И. В. Сталина три раза (24, 27 июня и 1 июля). Не находим мы оценки поведения И. В. Сталина в первые двенадцать дней и в воспоминаниях авиационного конструктора А. С. Яковлева «Цель жизни». Правда, в течение этих дней он был вызван к И. В. Сталину всего один раз – 1 июля. Нет оценок поведения И. В. Сталина и в трудах Б. М. Шапошникова. И, наконец, не поведал об этом в своей книге «Во имя победы» нарком вооружения Д. Ф. Устинов. Дмитрий Федорович описал четвертую свою встречу с вождем, которая состоялась 15 июля, а вот о первых трех (28 июня, 6 и 7 июля) не обмолвился.

Дважды в эти дни с И. В. Сталиным встречался Н. А. Булганин. Своих воспоминаний он не оставил. Однако, будучи заместителем Председателя Совмина, в своей речи, посвященной 70-летию со дня рождения вождя, Николай Александрович дал высокую оценку деятельности И. В. Сталина в условиях на-

чавшейся войны: «Дело шло о жизни и смерти народов СССР. Мысли, надежды всех советских людей были обращены к товарищу Сталину. В эти тяжелые и грозные для нашей Родины дни со всей силой проявилось величие вождя и учителя товарища Сталина. Он принял на себя всю полноту ответственности за судьбы страны и народа в качестве Верховного Главнокомандующего, борьбу против вражеского нашествия».¹³

Это, так сказать, общая оценка деятельности И. В. Сталина в первые дни войны, выраженная официально, да еще при жизни юбиляра. Трудно предположить, чтобы в официальном выступлении прозвучали такие тонкости, как оценки поведения И. В. Сталина в эти дни. Но, тем не менее, позиция Н. А. Булганина позитивна и вполне очевидна.

Еще три, кроме С. М. Буденного, посетителя кабинета И. В. Сталина в рассматриваемые мной дни оставили после себя дневники. Это нарком танковой промышленности В. А. Малышев, нарком внутренних дел Л. П. Берия и главный охранник вождя генерал Н. С. Власик.

Дневниковую тетрадь Вячеслава Александровича Малышева обнаружили в сейфе кабинета после его смерти. В 37 лет он стал наркомом тяжелого машиностроения. И ушел из жизни с поста министра. Так что особого времени для регулярного и подробного ведения дневника у него не было. И записывал он в него только то, что считал наиболее важным, а таковым, по его мнению, было общение с высшим руководством партии и государства и в первую очередь с И. В. Сталиным. Иосиф Виссарионович стал главным героем малышевского дневника. И это немудрено. 78 раз побывал в кабинете вождя В. А. Малышев. Из них 40 раз за период войны. Из всех наркомов, курировавших производство вооружений, он оказался в кабинете

¹³ Булганин Н. А. Сталин и Советские Вооруженные Силы. Новгород, 1950. С. 9.

И. В. Сталина первым. Это случилось 24 июня. Был он принят и 25 июня. И что обидно, так это то, что в дневнике запись за 22 июня есть, а вот первая встреча с И. В. Сталиным описана только в августе.

Дневники Л. П. Берии в трех томах опубликованы в 2011 году. Их публикатору известному историку С. Т. Кремлеву в прямом смысле слова повезло. Эту детективную историю воспроизводить я не буду так же, как не буду рассуждать о подлинности самих дневников, а вот оценить их с точки зрения полезности данного исследования нужно.

В самом дневнике много так называемых лакун, то есть пропущенных мест. Причин тут несколько. Главная предполагаемая причина этого, конечно же, сводится к тому, что у такого сверхзанятого государственным делами человека, каким был Лаврентий Павлович, для систематического занесения записей просто не хватало времени. Он сам об этом упоминает несколько раз. Вторая причина, которая тоже имеет право на существование, заключается в том, что с дневниками мог кто-либо «поработать». Кто же? Или те, кто их хранил, или те, кто их передавал в руки С. Т. Кремлева.

Все эти рассуждения понадобились мне для того, чтобы с сожалением констатировать: одна из таких лакун приходится на те первые дни войны, которые мы с вами, читатель, анализируем. Вот как во времени выглядит эта дневниковая пустота. Последняя запись что называется мирного времени помечена в дневнике 20 июня. А первая запись в период уже начавшейся войны произведена на ее тринадцатый день – 4 июля. Поэтому никаких оценок поведения И. В. Сталина в период с 22 июня по 3 июля в записях Лаврентия Павловича нет. А ведь бывал в кабинете вождя практически ежедневно и по несколько раз в день. Однако некоторые факты и мысли наркома НКВД, отраженные в последующих дневниковых записях, мной будут использованы, так как они, пусть и косвенно, но в определенной

степени помогают разоблачить ложь в отношении отстранения И. В. Сталина от государственных дел по причине прострации и болезни.

К тем, кто общался с И. В. Сталиным в эти первые дни войны и оставил дневниковые записи, теперь можно отнести еще одного человека – главного охранника вождя генерала Н. С. Власика. В этом году Федеральная служба охраны (ФСО) России рассекретила его дневниковые записки. С 5 марта 2011 года «Комсомольская правда» серией статей приступила к их публикации. К сожалению, свидетельств поведения И. В. Сталина в первые дни войны в этих газетных публикациях нет. Н. С. Власик в течение 1941 года находился в кремлевском кабинете И. В. Сталина всего три раза – 30 апреля, 23 июня и 31 июля. Как видим, период с 22 июня по 3 июля Николай Сидорович был в кабинете И. В. Сталина только один раз – 23 июня с 0 часов 50 минут до 0 часов 55 минут. Вполне понятно, что это был чисто служебный вызов и вряд ли главный охранник мог что-то существенное записать в свой дневник на основе своего пятиминутного пребывания в сталинском кабинете. А вот о поведении вождя вне кремлевского кабинета Н. С. Власик мог бы рассказать многое. Возможно, при превращении его дневника в книгу мы об этом узнаем.

Остальные соратники вождя, которые по своим служебным и партийным обязанностям оказались в эти трудные дни рядом с И. В. Сталиным и имевшие возможность наблюдать за его организаторской деятельностью, не выразили свою точку зрения по этому вопросу, ибо не оставили нам своих воспоминаний или других печатных работ.

Причины здесь разные. Кто-то не тяготел к творчеству мемуариста. Кто-то не смог этого сделать по причине гибели в процессе войны, скажем, С. П. Супрун или Н. Ф. Ватутин. Кто-то умер естественной смертью, например, Б. М. Шапошников. Кому-то не позволила сеть за воспоминания преждевремен-

ная смерть (Л. П. Берия). А кто-то не решился на сей нелегкий труд из-за принципа. С. К. Тимошенко, к примеру, заявил, что «всей правды написать ему не позволят, а лгать он не станет ни при каких обстоятельствах».¹⁴ Жаль, что нарком обороны начального периода Великой Отечественной войны категорически отказался писать мемуары, а ведь Семен Константинович многое мог бы рассказать не только о работе И. В. Сталина в первые дни войны, но и о взаимоотношениях в военном и политическом руководстве страны.

Некоторые сведения о контактах с И. В. Сталиным в первые дни войны оставлены нам детьми тех партийных и государственных деятелей, которые буквально с 22 июня вместе с ним перестраивали работу страны на военный лад. Это сын Л. П. Берии – С. Л. Берия, сын А. И. Микояна – С. А. Микоян и сын Г. М. Маленкова – А. Г. Маленков. Последний в своей книге «Мой отец Георгий Маленков» каких-либо сведений о работе И. В. Сталина в рассматриваемый мной период не отразил.

Куманев

Чуев

¹⁴ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 68.

Ряд партийных и государственных деятелей, не написавших своих личных воспоминаний, но имевших контакт с И. В. Сталиным в первые дни войны, в том числе и по телефону, оказались в поле зрения писателя Ф. И. Чуева и историка академика Г. А. Куманева. В таком виде оставлены нам воспоминания В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, К. С. Тимошенко, Я. Е. Чадаева и П. К. Пономаренко, И. В. Ковалева. То, что удалось в этом плане сделать Феликсу Ивановичу и Георгию Александровичу – выше всяких похвал.

В 2010 году вышла книга саратовского историка В. П. Мещерякова «Сталин и заговор военных 22 июня 1941 года». Вот его мнение относительно моего только что завершено анализа мемуарного наследия тех, кто в первые дни войны побывал в кремлевском кабинете вождя. Цитирую по Интернету.

«Что нам известно о первом дне войны по работе Наркомата обороны, Генерального штаба и Советского правительства? К сожалению, сведения об этом дне, да и о последующих начальных днях войны, довольно скудны. События первого дня отражены лишь в воспоминаниях Жукова, Микояна и частично Молотова в беседах с писателем Ф. Чуевым. Остальные участники высшего руководства страны о событиях первых дней войны не оставили никаких воспоминаний по ряду весомых причин. Например, Шапошников умер в 1942 году от туберкулеза?!¹⁵ Ватутин умер в Киеве в 1944 году, при весьма загадочных обстоятельствах, от ранения средней тяжести в ногу. Сталин и Берия погибли в 1953 году и не

¹⁵ Это что-то новое. Б. М. Шапошников умер 26 марта 1945 года. В приказе Верховного Главнокомандующего в связи с его смертью отмечалось: «Армия и Флот Советского Союза склоняют свои боевые знамена перед гробом Шапошникова и отдадут честь одному из выдающихся полководцев Красной Армии. ПРИКАЗЫВАЮ: В час погребения Маршала Советского Союза ШАПОШНИКОВА отдать умершему последнюю воинскую почесть и произвести в столице нашей Родины Москве салют в двадцать четыре залпа из ста двадцати четырех орудий».

смогли, разумеется, оставить воспоминаний. Мехлис, кстати, тоже умер в начале 1953 года и о его смерти упоминается глухо. Тимошенко, к глубокому сожалению, отделался молчанием. Ворошилов и Буденный могли бы восполнить данный пробел, но тоже не оставили воспоминаний о начальном периоде войны. Маленков, Поскребышев и Власик тоже много чего могли рассказать, но, увы!

Каганович, впрочем, как и Молотов, страдал «частичной» амнезией памяти. Многое помнил, но с 22 по 26 июня 1941 года что-то не очень. Кузнецов – нарком ВМФ – тоже не отличился разговорчивостью по данной теме. Уж очень скромненько осветил события первого дня войны. Кулик – много чего пона-рассказывал, но, к сожалению, видимо, только следователю на Лубянке. Эти рассказы, внесенные в подлинные протоколы допросов, по всей видимости, нам уже не доступны – уничтожены хрущевцами. Чуть не забыл о Вышинском. Умер в 1954 году (во времена Хрущева) вдали от Родины на посту постоянного представителя СССР в ООН. Воспоминаний, разумеется, не оставил.

Что мы имеем на данный момент? Мемуары Микояна и Жукова, а также очень скромные воспоминания Молотова, Кагановича и Кузнецова. Недаром существует афоризм, что историю пишут победители. Кто победил в 1953 году в борьбе за власть? То-то и оно! А Микоян и Жуков – хрущевцы, поэтому здесь надо быть внимательным к тому, о чем они писали в своих мемуарах. И Молотов предупреждал Ф. Чуева: «... на Жукова надо осторожно ссылаться». Мягко сказано: на то, видно, и дипломат. О мемуарах Жукова можно сказать и так: «Краткий курс Великой Отечественной войны» под редакцией ЦК КПСС.

Военный историк А. Б. Мартиросян приводит данные, что Жукову в ходе чтений его рукописи было дано около 1,5 тысяч (!) поправок и замечаний. Жуков, говорят, был очень огорчен и даже хотел приостановить дальнейшую работу, но потом все же продолжил ее и, как мы знаем, даже издал книгу. В дальнейшем в нее были еще внесены всевозможные дополнения и измене-

ния, в том числе и после его смерти. Так что вариантов трактовки отдельных эпизодов его деятельности бывает несколько: выбери по вкусу, какой тебе нравится! Микоян тоже издал воспоминания под незамысловатым названием «Так было», но было ли это так, под большим вопросом. Вот, собственно говоря, скромный набор воспоминаний участников тех далеких, трагических событий, покрытых искусственным налетом тайны».

Попробую в своем анализе поведения И. В. Сталина в период с 22 июня по 3 июля «опереться» на мнение тех, кто сумел высказаться по этому вопросу в своих книгах, дневниках, воспоминаниях, рассказанных историкам и писателям, а также своим родственникам.

2. И ты, Брут? Далеко ли падают яблоки от яблони?

Знакомство с этими источниками показало, что из всех членов Политбюро, кто в эти дни общался с И. В. Сталиным и мог наблюдать его в работе, бросил камень в сторону вождя только один – его ближайший помощник по партии А. И. Микоян. «Тот самый Микоян, что на XVII съезде назвал имя Сталина, великого и гениального, больше всех выступающих – 41 раз»¹⁶. Он осчастливил нас своими мемуарами под названием «Так было». Их, по уровню лжи, рав-

¹⁶ Бушин В. С. Злобный навет на великую Победу. М., 2010. С. 207.

ной хрущевской, вполне можно назвать «Так не было». Кроме этих мемуаров, как пишет А. Л. Костин, в РЦХИДНИ (ныне РГА-СПИ – **А. С.**) хранится его трехтомная рукопись «1941 год».

А. И. Микоян, как и Н. С. Хрущев, считает, что И. В. Сталин был так потрясен ошеломляющей вестью о нападении фашистской Германии, что отошел от всех дел и бросил руководство страной на произвол судьбы. Однако, в отличие от Н. С. Хрущева, не имевшего возможности наблюдать за поведением И. В. Сталина в первые дни войны, Анастас Иванович в своих мемуарах выступил, как очевидец поведения И. В. Сталина. Вот что писал этот «очевидец»:

«Решили, что надо выступить по радио в связи с началом войны. Конечно, предложили, чтобы это сделал Сталин. Но Сталин отказался: «Пусть Молотов выступит». Мы все возражали против этого: народ не поймет, почему в такой ответственный исторический момент услышат обращение к народу не Сталина – Первого секретаря ЦК партии, Председателя правительства, а его заместителя. Нам важно сейчас, чтобы авторитетный голос раздался с призывом к народу – всем подняться на оборону страны. Однако наши доводы ни к чему не привели. Сталин говорил, что не может выступить сейчас, это сделает в другой раз. Так как Сталин упорно отказывался, то решили – пусть выступит Молотов. Выступление Молотова прозвучало в 12 часов дня 22 июня.

Конечно, это было ошибкой. Но Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент не знал, что сказать народу»¹⁷.

Как видим, факт отказа И. В. Сталина выступить по радио 22 июня 1941 года, поданный Н. С. Хрущевым, описан А. И. Микояном более подробно. Но так как Никита Сергеевич при обсуждении данного вопроса не присутствовал, то мнение Ана-

¹⁷ Микоян А. И. Так было. М., 1999. С. 388, 389.

стаса Ивановича, как очевидца, придает этому факту большую достоверность. Тут особо не возразишь – присутствовал, видел, уговаривал. И не беда, что кто-то из присутствующих такого состояния вождя не заметил или по давности лет позабыл. А он, А. И. Микоян, и заметил, и не забыл.

Что же касается фразы «в тот момент не знал, что сказать народу», то это чистой воды выдумка Анастаса Ивановича. Доподлинно известно, что обращение, с которым выступил В. М. Молотов, это коллективный труд членов Политбюро, в том числе и самого И. В. Сталина. В связи с этим ему в этой сложной обстановке не нужно было ломать голову над тем, что сказать народу, а выполнить более скромную задачу – озвучить то, что было коллективно подготовлено.

Но почитаем книжечку Анастаса Ивановича дальше. «На второй день войны для руководства военными действиями решили образовать Ставку Главного Командования. При обсуждении вопроса Сталин принял живое участие. Договорились, что Председателем Ставки будет Тимошенко, а ее членами: Жуков, Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный и адмирал Кузнецов. При Ставке создали институт постоянных советников. Ими стали: Ватутин, Вознесенский, Воронов, Жданов, Жигарев, Мехлис, Микоян, Шапошников. В тот же день была образована Комиссия Бюро СНК СССР по текущим делам. В нее вошли Вознесенский, Микоян и Булганин. Комиссия должна была собираться ежедневно для принятия решений по неотложным вопросам и быстрого решения текущих дел.

Вечером собрались у Сталина. Сведения были тревожные. С некоторыми военными округами не было никакой связи. На Украине же дела шли не так плохо, там хорошо воевал Конев. Мы разошлись поздно ночью. Немного поспали утром. Потом каждый стал проверять свои дела, звонить друг другу, в Генштаб, каждый по своей линии: как идет мобилизация, как

промышленность переходит на военный лад, как с горючим, снаряжением, транспортом и т. д. Сталин в подавленном состоянии находился на ближней даче в Волынском (в районе Кунцево)»¹⁸.

Но как может Анастас Иванович свидетельствовать о «подавленном состоянии» И. В. Сталина, если он с ним даже в кремлевском кабинете ни 23, ни 24 июня не общался. С записями посетителей в ЖРП за 23 июня читатель уже знаком. А. И. Микоян у И. В. Сталина в этот день не было. Не было его и 24 июня. Вот эта страница Журнала.

24 июня 1941 г.

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Малышев	16 ч. 20 мин.	17 ч. 00 мин.
2.	т. Вознесенский	16 ч. 20 мин.	17 ч. 05 мин.
3.	т. Кузнецов	16 ч. 20 мин.	17 ч. 05 мин.
4.	т. Кизаков (Лен)	16 ч. 20 мин.	17 ч. 05 мин.
5.	т. Зальцман	16 ч. 20 мин.	17 ч. 05 мин.
6.	т. Попов	16 ч. 20 мин.	17 ч. 05 мин.
7.	т. Кузнецов (кр. М. фл.)	16 ч. 45 мин.	17 ч. 00 мин.
8.	т. Берия	16 ч. 50 мин.	20 ч. 25 мин.
9.	т. Молотов	17 ч. 05 мин.	21 ч. 30 мин.
10.	т. Ворошилов	17 ч. 30 мин.	21 ч. 10 мин.
11.	т. Тимошенко	17 ч. 30 мин.	20 ч. 55 мин.
12.	т. Ватутин	17 ч. 30 мин.	20 ч. 55 мин.
13.	т. Шахурин	20 ч. 00 мин.	21 ч. 15 мин.
14.	т. Петров	20 ч. 00 мин.	21 ч. 15 мин.
15.	т. Жигарев	20 ч. 00 мин.	21 ч. 15 мин.

¹⁸ Микоян А. И. Так было. – С. 389.

16.	т. Голиков	20 ч. 00 мин.	21 ч. 20 мин.
17.	т. Щербаков	18 ч. 45 мин.	20 ч. 55 мин.
18.	т. Каганович	19 ч. 00 мин.	20 ч. 35 мин.
19.	т. Супрун	20 ч. 15 мин.	20 ч. 35 мин.
20.	т. Жданов	20 ч. 55 мин.	21 ч. 30 мин.
Последние вышли 21 ч. 30 м.			

Анализ записей в Журнале показывает, что и 23 и 24 июня И. В. Сталин плотно работал. Освободился он от неотложных дел в первый день войны в 16 часов 45 минут, а уже ночью 23 июня начал прием в 3 часа 20 минут, который продолжался 3 часа 05 минут. Хозяин кабинета принял 8 человек. За исключением В. М. Молотова, Н. А. Вознесенского и Л. М. Кагановича, все посетители военные. Вечерний прием в этот день начался в 18 часов 45 минут и закончился в 01 час 25 минут нового дня. В кабинете И. В. Сталина побывали еще 13 человек. 24 июня он принял 20 человек. А. И. Микояна, как мог убедиться читатель, среди них не было.

Вполне возможно, этот факт и распалил воображение сына армянского народа, и, не помня себя в кабинете И. В. Сталина в эти дни, он решил, что вождь отсиживался на даче. Но такого не могло быть по определению. Не мог Анастас Иванович не знать, где находится И. В. Сталин в эти дни. Ведь решая вопросы, связанные с войной, он вступал в контакт с большим количеством лиц. И, без всякого сомнения, не мог не интересоваться у них или они у него, где находится И. В. Сталин. И если записи в Журнале свидетельствуют, что 23 и 24 июня И. В. Сталин работал в своем кремлевском кабинете, то значит, А. И. Микоян написал неправду.

А может быть, он сказал неправду, беседуя с историком Г. А. Куманевым? Заглядываю в его книгу «Рядом со Сталиным». В ней это место беседы фактически подано один к одному, как и в воспоминаниях, за исключением одного момента: той фра-

зы, что отражена в книге «Так было» – «Сталин в подавленном состоянии находился на Ближней даче» – Анастас Иванович не повторил»¹⁹. Что же так?

Что касается Ставки ГК. Долгие годы подлинный документ о SGK не публиковался, хотя в ряде научных работ, в том числе и в четвертом томе 12-томной «Истории Второй мировой войны», давался правильный поименный ее состав. А. И. Микоян ошибки в перечислении не допустил. Лишь в конце прошлого столетия этот документ увидел свет. И где вы думаете, он издан? В одном из сборников документов под общей редакцией небезызвестного А. Н. Яковлева. Только один этот факт говорит о том, что ухо следует держать востро. Судите, читатель, сами, познакомившись с этим документом.

«№ 1724-733сс

23 июня 1941 г.

Совершенно секретно. Особая папка.

Не для опубликования.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР

и Центральный Комитет ВКП (б)

ПОСТАНОВЛЯЮТ:

Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе тт. Наркома обороны Маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, Маршала Ворошилова, Маршала Буденного и Наркома Военно-морского флота адмирала Кузнецова.

¹⁹ *Куманев Г. А.* Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства, встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999. С. 26.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе т.т. Маршала Кулика, Маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса.

**Председатель Совнаркома СССР
Генеральный секретарь ЦК ВКП (б)
И. Сталин».²⁰**

Давайте более внимательно присмотримся к этому так называемому документу. Первое, что бросается в глаза, так это то, что к этому времени при подписании документов И. В. Сталин вот уже семь лет слово «генеральный» не употреблял. Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) он стал 3 апреля 1922 года. 10 февраля 1934 года на Пленуме ЦК после окончания работы XVII съезда И. В. Сталин был избран Секретарем ЦК партии. С этого момента и до 1953 года высшая партийная должность употреблялась без слова «генеральный». Вызывает недоумение поразительная неряшливость в оформлении документа такого уровня: ни у кого из перечисленных лиц нет инициалов, у одних военных указаны должности, у других – только воинские звания. Нет в этом документе и главного – для каких целей создан этот орган.

Повторяю: состав СГК А. И. Микоян перечислил правильно, а вот с постоянными советниками намудрил. Анастас Иванович перечислил фамилии восьми человек из тринадцати! Не надо полагать, что он позабыл фамилии остальных четырех членов этого органа – Л. П. Берию, Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича и Г. И. Кулика. Присмотритесь с политической точки зрения,

²⁰ 1941. Документы. Кн. 2. Документ № 615.

читатель, к каждой из перечисленных фамилий. Что вы заметили? Правильно: все они в свое время стали неудобными для Н. С. Хрущева. Именно по этой причине хрущевист-Микоян и совершил этот подлог.

Вообще-то, мягко выражаясь, ошибок в воспоминаниях и при разговоре с Г. А. Куманевым Анастас Иванович допустил предостаточно. Вот, скажем, его описание событий буквально накануне начала войны: «В субботу, 21 июня 1941 г., поздно вечером мы, члены Политбюро ЦК партии, собрались у Сталина на его кремлевской квартире. Обменялись мнением по внутренним и международным вопросам. Сталин по-прежнему считал, что в ближайшее время Гитлер не начнет войну против СССР. Затем в Кремль приехали нарком обороны СССР Маршал Советского Союза Тимошенко, начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков и начальник Оперативного управления Генштаба генерал-майор Ватутин. Они сообщили: только что получены сведения от перебежчика – немецкого фельдфебеля, что германские войска выходят в исходные районы для вторжения и утром 22 июня перейдут нашу границу. Сталин усомнился в правдивости информации, сказав: «А не перебросили ли перебежчика специально, чтобы спровоцировать нас?»»

Поскольку все мы были крайне встревожены и настаивали на необходимости принять неотложные меры, Сталин согласился «на всякий случай» дать директиву войскам, в которой указать, что 22–23 июня возможно внезапное нападение немецких частей, которое может начаться с их провокационных действий. Советские войска приграничных округов должны были не поддаваться ни на какие провокации и одновременно находиться в состоянии полной боевой готовности. Мы разошлись около трех часов ночи». ²¹

²¹ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 24.

Вот таким тупицей представлен нам И. В. Сталин «верным ленинцем» А. И. Микояном: верит какому-то Гитлеру, а своих боевых товарищей по Политбюро, которые ему правду говорят, не хочет даже слушать. Они все обеспокоены судьбой государства, а он один все сомневается и сомневается. Идет ловкое противопоставление И. В. Сталина всем остальным: мы – верим, он – нет, мы обеспокоены, а его надо уговаривать принять меры, мы – не верим, а он – верит, мы – хорошие, он – плохой.

Пойдем дальше: «Мы разошлись около трех часов ночи, а уже через час меня разбудили: война! Сразу же члены Политбюро ЦК собрались в кремлевском кабинете у Сталина. Он выглядел очень подавленным, потрясенным. «Обманул-таки, подлец Риббентроп», – несколько раз повторил Сталин». И опять скрытое противопоставление: если И. В. Сталин выглядел «подавленным и потрясенным», то как же все остальные? Да в отличие от него все были бодренькими и прямо светились от счастья!

А сколько ошибок на полстраничке текста! Начну с того, что факты, о которых так уверенно говорит Анастас Иванович, по месту их свершения относятся не к кремлевской квартире И. В. Сталина, а к его кремлевскому кабинету. О встрече членов Политбюро и военных на квартире вождя никто не упоминает. А вот встреча в кремлевском кабинете зафиксирована в ЖРП. Именно здесь 21 июня в период с 18 часов 27 минут до 23 часов шло совещание членов Политбюро и армейского руководства с обсуждением последних сведений с государственной границы СССР. Только вот в чем беда: А. И. Микоян на этом совещании не присутствовал! И чтобы читатель мне поверил, приведу сведения из ЖРП за 21 июня.

21 июня 1941 г.

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	18 ч. 27 мин.	23 ч. 00 мин.
2.	т. Ворошилов	19 ч. 05 мин.	23 ч. 00 мин.
3.	т. Берия	19 ч. 05 мин.	23 ч. 00 мин.
4.	т. Вознесенский	19 ч. 05 мин.	20 ч. 15 мин.
5.	т. Маленков	19 ч. 05 мин.	22 ч. 20 мин.
6.	т. Кузнецов	19 ч. 05 мин.	20 ч. 15 мин.
7.	т. Тимошенко	19 ч. 05 мин.	20 ч. 15 мин.
8.	т. Сафонов	19 ч. 05 мин.	20 ч. 15 мин.
9.	т. Тимошенко	20 ч. 50 мин.	22 ч. 20 мин.
10.	т. Жуков	20 ч. 50 мин.	22 ч. 20 мин.
11.	т. Буденный	20 ч. 50 мин.	22 ч. 20 мин.
12.	т. Мехлис	21 ч. 55 мин.	22 ч. 20 мин.
13.	т. Берия	22 ч. 40 мин.	23 ч. 00 мин.
Последние вышли 23 ч. 00 мин.			

Подсоединение военных к разговору на заседании Политбюро произошло несколько иначе, чем это подает А. И. Микоян. После И. В. Сталина и В. М. Молотова в 19 часов 05 минут в кабинет вошли: К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Н. А. Вознесенский, Г. М. Маленков, Н. Г. Кузнецов, С. К. Тимошенко и Г. Н. Сафонов (заместитель генерального прокурора СССР. – **А. С.**). Остальные участники совещания подсоединялись к работе в такой последовательности: Г. К. Жуков и С. М. Буденный в 20 часов 50 минут, Л. З. Мехлис в 21 час 55 минут. Никакого Н. Ф. Ватутина на совещании не было.

Да и сама подача реакции И. В. Сталина на доклад военных была несколько иной. Как свидетельствует Г. К. Жуков, на вопрос вождя «Что будем делать?» нарком ответил: «Надо немедленно дать директиву войскам...» И. В. Сталин тут же

сказал: «Читайте!» А у А. И. Микояна получается, что все были встревожены, начали настаивать на необходимости принятия неотложных мер, и только после этого И. В. Сталин согласился «на всякий случай» дать директиву войскам.

Участники совещания покинули кабинет И. В. Сталина в 23 часа. А Анастас Иванович, не присутствовавший на нем, где-то блудил до трех часов ночи. Не с молодежью ли, праздновавшей окончание школы?

Любопытный факт относительно совещания в кабинете И. В. Сталина поздно вечером 21 июня 1941 года привела дочь С. М. Буденного в передаче на канале РТР 26 апреля 2005 года. Оказывается, я уже об этом говорил, Семен Михайлович вел дневник. В нем, как поведала его дочь, есть такая запись: «21 июня Сталин сообщил нам, что немцы, не объявляя нам войны, могут напасть на нас завтра, то есть 22 июня, а поэтому [спросил], что мы должны и можем предпринять до рассвета. Тимошенко и Жуков заявили, что если немцы нападут, то мы разобьем их на границе, а затем и на их территории. Сталин подумал и сказал, это несерьезно»²².

Заинтересовавшись этим фактом, я «нырнул» в Интернет, чтобы поискать этот дневник прославленного Маршала Советского Союза. Оказывается, небезызвестный своими сенсационными книгами историк Н. А. Добрюха поместил в «Аргументах недели» более подробное дневниковое свидетельство С. М. Буденного. Вот оно.

«...21 июня в 19 часов были вызваны Тимошенко, Жуков (начштаба РККА) и я (замнаркома обороны). И.В. Сталин сообщил нам, что немцы, не объявляя нам войны, могут напасть на нас завтра, т.е. 22 июня, а поэтому, что мы должны и можем предпринять сегодня же и до рассвета завтра 22.06.41.

Тимошенко и Жуков заявили, что «если немцы нападут, то мы их разобьем на границе, а затем на их территории». И. В. Ста-

²² «Правда».2011. 21 – 24 октября.

лин подумал и сказал: «Это несерьезно». И обратился ко мне и спросил: «А Вы как думаете?» Я предложил следующее.

Во-первых, немедленно снять всю авиацию с приколов и привести ее в полную боевую готовность. Во-вторых, войска погран(ичных) и воен(ных) округов выдвинуть на границу и занять ими позиции, приступив немедленно к сооружению полевой фортификации... (далее следует перечисление других предложений Буденного. – **Асм.**).

За этой линией обороны развернуть резервный фронт, где будут обучаться отобилизованные дивизии и части, которые производят все фортификационные работы как на фронте, но резервном.

...Это надо делать и потому, что пр(отивни)к уже стоит на нашей границе в полной боевой готовности, выставив многомиллионную армию, армию, уже имеющую боевой опыт, которая только ждет приказа и может не дать нам отобилизоваться».

И.В. Сталин сказал, что «Ваши соображения правильные, и я беру на себя поговорить по вопросу авиации с комвойсками округов, а нарком и штабу дать указания округам. Вы знаете, что у нас сейчас делается на границе?»

Я ответил, что нет, не знаю...

Оказывается, (...) нарком обороны делает оборонительную линию по всей новой границе после 1939 года и вывез все вооружение из бывших укрепленных районов и свалил его кучами по границе и там же на границе работало свыше миллиона людей (рабочая сила), которые в большей своей части попали к немцам, оружие, сваленное, также попало к немцам, а бывшие укрепрайоны остались обезоруженными.

После этого обмена мнениями т. Сталин попросил собрать Политбюро... И.В. Сталин информировал Бюро, что при обмене мнениями выяснилось, что у нас нарком обороны и штаб вопросами обороны занимаются поверхностно и необдуманно, и даже несерьезно.

Тов. Сталин предложил «образовать особый фронт», подчинив его непосредственно Ставке, и назначить Буденного командующим фронтом...

Я после принятых решений на Политбюро ЦК ВКП(б) пошел прямо к себе на работу...

В 4.01 22.06.41 мне позвонил нарком т. Тимошенко и сообщил, что немцы бомбят Севастополь и нужно ли об этом докладывать т. Сталину? Я ему сказал, что немедленно надо доложить, но он сказал: звоните Вы! Я тут же позвонил и доложил не только о Севастополе, но и о Риге, которую немцы также бомбят. Тов. Сталин спросил: а где нарком? Я ответил: здесь со мной рядом (я уже был в кабинете наркома). Тов. Сталин приказал передать ему трубку... Так началась война!»

А вообще-то неточностей в этом разделе дневника С. М. Буденного превеликое множество. Еще раз обратимся к сведениям ЖРП. С. К. Тимошенко в кабинете И. В. Сталина вначале находился в течение одного часа и 10 минут без Г. К. Жукова и С. М. Буденного. Кроме него из военных присутствовали К. Е. Ворошилов и Н. Г. Кузнецов. Затем нарком обороны отлучился на 35 минут. Второй раз он вошел в кабинет вместе с Г. К. Жуковым и С. М. Буденным в 20 часов 50 минут. Так что в 19 часов ни Семен Михайлович, ни начальник Генерального штаба в кабинете И. В. Сталина не могли быть.

Что касается членов Политбюро, то некоторые из них находились там еще до прихода С. М. Буденного и Г. К. Жукова. Вызывает недоумение и высказывание в отношении «особого фронта», тем более с подчинением его еще не существующей Ставке. И, наконец, последнее. Кто только не докладывал первым по телефону И. В. Сталину о немецком вторжении! И В. М. Молотов, и Г. К. Жуков, и Н. Г. Кузнецов. И вот теперь Семен Михайлович. Уж слишком много сомнительного в этой дневниковой записи Маршала Советского Союза. Однако сведения Семена Михайловича значительно

разнятся с тем, что поведал своим читателям А. И. Микоян в своей книге «Так было». По-микояновски получается, что И. В. Сталин и 21 июня 1941 года не верил, что война с Германией возможна.

Но если предположить, что С. М. Буденный ничего не напутал, то получается, что фраза «Сталин сообщил нам» прозвучала не только для Семена Михайловича, но и для одновременно вошедших с ним С. К. Тимошенко и Г. К. Жукова. Как я уже отмечал, нарком обороны вторично вошел в кабинет И. В. Сталина одновременно с С. М. Буденным и начальником Генерального штаба в 20 часов 50 минут. При таком раскладе получается, что при первом вхождении в кабинет С. К. Тимошенко доложил членам Политбюро о новых сведениях с госграницы и об информации немецкого перебежчика, здесь же получил указание вызвать в Кремль Г. К. Жукова, С. М. Буденного и Л. З. Мехлиса и, исполнив его, вместе с ними вторично вошел в кабинет. Если это так, то выходит, что не начальник Генерального штаба проинформировал И. В. Сталина о возможном нападении фашистской Германии на Советский Союз, а наоборот.

И еще об одном говорит дневниковая запись С. М. Буденного, а именно: высшее военное руководство Красной Армии вариант ведения боевых действий на своей собственной территории не рассматривало, оно считало, что с самого начала агрессии война будет перенесена на территорию противника. В таком случае сталинская фраза – «это несерьезно» – говорит о его противоположном мнении по этому вопросу.

А вот что записал в своем дневнике Л. П. Берия 20 июня: «Все теперь будет как будет. Что успели, то успели, что не успели, уже не сделаешь. В своих пограничниках я уверен. Так Кобе и сказал. Если начнется, боюсь, достанется нам крепко. А там посмотрим. Коба сказал, вроде провалиться не должны. Еще сказал: «А если провалимся, деваться некуда. Все

равно эту войну надо будет выиграть». Куда же мы денемся. Придется»²³. Как видим, И. В. Сталин в неизбежности войны не сомневался.

Но вернемся к А. И. Микояну. Познакомимся с записями в ЖРП за 25 июня.

25 июня 1941 г.

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	01 ч. 00 мин.	05 ч. 50 мин.
2.	т. Щербаков	01 ч. 05 мин.	04 ч. 30 мин.
3.	т. Пересыпкин	01 ч. 07 мин.	01 ч. 40 мин.
4.	т. Каганович	01 ч. 10 мин.	02 ч. 30 мин.
5.	т. Берия	01 ч. 15 мин.	05 ч. 25 мин.
6.	т. Меркулов	01 ч. 35 мин.	01 ч. 40 мин.
7.	т. Тимошенко	01 ч. 40 мин.	05 ч. 50 мин.
8.	т. Кузнецов	01 ч. 40 мин.	05 ч. 50 мин.
9.	т. Ватутин	01 ч. 40 мин.	05 ч. 50 мин.
10.	т. Микоян	02 ч. 00 мин.	05 ч. 30 мин.
11.	т. Мехлис	01 ч. 20 мин.	05 ч. 20 мин.
Последние вышли 05 ч. 50 мин.			

25 июня 1941 года

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	19 ч. 40 мин.	01 ч. 15 мин.
2.	т. Ворошилов	19 ч. 40 мин.	01 ч. 15 мин.
3.	т. Малышев	20 ч. 05 мин.	21 ч. 10 мин.
4.	т. Берия	20 ч. 10 мин.	21 ч. 10 мин.

²³ Л. Берия. Личный дневник 1937 – 1941. «Сталин слезам не верит». М., 2011. С. 267.

5.	т. Соколов	20 ч. 10 мин.	20 ч. 55 мин.
6.	т. Тимошенко	20 ч. 20 мин.	24 ч. 00 мин.
7.	т. Ватутин	20 ч. 20 мин.	21 ч. 10 мин.
8.	т. Вознесенский	20 ч. 25 мин.	21 ч. 10 мин.
9.	т. Кузнецов	20 ч. 30 мин.	21 ч. 40 мин.
10.	т. Федоренко	21 ч. 15 мин.	24 ч. 00 мин.
11.	т. Каганович	21 ч. 45 мин.	24 ч. 00 мин.
12.	т. Кузнецов	21 ч. 50 мин.	24 ч. 00 мин.
13.	т. Ватутин	22 ч. 10 мин.	24 ч. 00 мин.
14.	т. Щербаков	23 ч. 00 мин.	23 ч. 50 мин.
15.	т. Мехлис	20 ч. 10 мин.	24 ч. 00 мин.
16.	т. Берия	00 ч. 25 мин.	01 ч. 15 мин.
17.	т. Вознесенский	00 ч. 25 мин.	01 ч. 00 мин.
18.	т. Вышинский	00 ч. 35 мин.	01 ч. 00 мин.
Последние вышли в 01 ч. 00 м.			

Как видим, А. И. Микоян после двух дней отсутствия на приеме у И. В. Сталина 25 июня встречался с вождем. Это было в ночное время – с 2 часов 10 минут до 5 часов 30 минут. Находился он в кабинете И. В. Сталина, решая неотложные вопросы войны, и в последующие дни – 26, 27 и 28 июня.

26 июня 1941 года

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Меркулов	12 ч. 10 мин.	16 ч. 25 мин.
2.	т. Маленков	12 ч. 40 мин.	16 ч. 10 мин.
3.	т. Буденный	12 ч. 40 мин.	16 ч. 10 мин.
4.	т. Жигарев	12 ч. 40 мин.	16 ч. 10 мин.
5.	т. Ворошилов	12 ч. 40 мин.	16 ч. 30 мин.
6.	т. Молотов	12 ч. 50 мин.	16 ч. 50 мин.

7.	т. Ватутин	13 ч. 00 мин.	16 ч. 10 мин.
8.	т. Петров	13 ч. 15 мин.	16 ч. 10 мин.
9.	т. Ковалев	14 ч. 00 мин.	14 ч. 10 мин.
10.	т. Федоренко	14 ч. 10 мин.	15 ч. 30 мин.
11.	т. Кузнецов	14 ч.50 мин.	16 ч. 10 мин.
12.	т. Жуков	15 ч. 00 мин.	16 ч. 10 мин.
13.	т. Берия	15 ч. 10 мин.	16 ч. 20 мин.
14.	т. Яковлев	15 ч. 15 мин.	16 ч. 00 мин.
15.	т. Тимошенко	13 ч. 00 мин.	16 ч. 10 мин.
16.	т. Ворошилов	17 ч. 45 мин.	18 ч. 25 мин.
17.	т. Берия	17 ч. 45 мин.	19 ч. 20 мин.
18.	т. Микоян	17 ч. 50 мин.	18 ч. 20 мин.
19.	т. Вышинский	18 ч. 00 мин.	18 ч. 10 мин.
20.	т. Молотов	19 ч. 00 мин.	23 ч. 20 мин.
21.	т. Жуков	21 ч. 00 мин.	22 ч. 00 мин.
22.	т. Ватутин	21 ч. 00 мин.	22 ч. 00 мин.
23.	т. Тимошенко	21 ч. 00 мин.	22 ч. 00 мин.
24.	т. Ворошилов	21 ч. 00 мин.	22 ч. 10 мин.
25.	т. Берия	21 ч. 00 мин.	22 ч. 30 мин.
26.	т. Каганович Л.	21 ч.05 мин.	22 ч. 45 мин.
27.	т. Щербаков	22 ч. 00 мин.	22 ч. 10 мин.
28.	т. Кузнецов	22 ч. 00 мин.	22 ч. 20 мин.
Последние вышли 23 ч. 20 м.			

27 июня 1941 г.

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Вознесенский	16 ч. 30 мин.	16 ч. 40 мин.
2.	т. Молотов	17 ч. 30 мин.	18 ч. 00 мин.
3.	т. Микоян	17 ч. 45 мин.	18 ч. 00 мин.
4.	т. Молотов	19 ч. 35 мин.	19 ч. 45 мин.

5.	т. Микоян	19 ч. 35 мин.	19 ч. 45 мин.
6.	т. Молотов	21 ч. 25 мин.	24 ч. 00 мин.
7.	т. Микоян	21 ч. 25 мин.	02 ч. 35 мин.
8.	т. Берия	21 ч. 25 мин.	23 ч. 10 мин.
9.	т. Маленков	21 ч. 30 мин.	00 ч. 47 мин.
10.	т. Тимошенко	21 ч. 30 мин.	23 ч. 00 мин.
11.	т. Жуков	21 ч. 30 мин.	23 ч. 00 мин.
12.	т. Ватутин	21 ч. 30 мин.	22 ч. 50 мин.
13.	т. Кузнецов	21 ч. 30 мин.	23 ч. 30 мин.
14.	т. Жигарев	22 ч. 05 мин.	00 ч. 45 мин.
15.	т. Петров	22 ч. 05 мин.	00 ч. 45 мин.
16.	т. Сококоверов	22 ч. 05 мин.	00 ч. 45 мин.
17.	т. Жаров	22 ч. 05 мин.	00 ч. 45 мин.
18.	т. Никитин	22 ч. 05 мин.	00 ч. 45 мин.
19.	т. Титов	22 ч. 05 мин.	00 ч. 45 мин.
20.	т. Вознесенский	22 ч. 15 мин.	23 ч. 40 мин.
21.	т. Шахурин	22 ч. 30 мин.	23 ч. 10 мин.
22.	т. Дементьев	22 ч. 30 мин.	23 ч. 10 мин.
23.	т. Щербаков	23 ч. 25 мин.	24 ч. 00 мин.
24.	т. Шахурин	00 ч. 40 мин.	00 ч. 50 мин.
25.	т. Меркулов	01 ч. 00 мин.	01 ч. 30 мин.
26.	т. Каганович	01 ч. 10 мин.	01 ч. 35 мин.
27.	т. Тимошенко	01 ч. 30 мин.	02 ч. 35 мин.
28.	т. Голиков	01 ч. 30 мин.	02 ч. 35 мин.
29.	т. Берия	01 ч. 30 мин.	02 ч. 35 мин.
30.	т. Кузнецов	01 ч. 30 мин.	02 ч. 35 мин.
Последние вышли 02 ч. 40 мин.			

28 июня 1941 г.

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	19 ч. 35 мин.	00 ч. 50 мин.
2.	т. Маленков	19 ч. 35 мин.	23 ч. 10 мин.
3.	т. Буденный	19 ч. 35 мин.	19 ч. 50 мин.
4.	т. Меркулов	19 ч. 45 мин.	20 ч. 05 мин.
5.	т. Булганин	20 ч. 15 мин.	20 ч. 20 мин.
6.	т. Жигарев	20 ч. 20 мин.	22 ч. 10 мин.
7.	т. Петров	20 ч. 20 мин.	22 ч. 10 мин.
8.	т. Булганин	20 ч. 40 мин.	20 ч. 45 мин.
9.	т. Тимошенко	21 ч. 30 мин.	23 ч. 10 мин.
10.	т. Жуков	21 ч. 30 мин.	23 ч. 10 мин.
11.	т. Голиков	21 ч. 30 мин.	22 ч. 55 мин.
12.	т. Кузнецов	21 ч. 50 мин.	23 ч. 10 мин.
13.	т. Кабанов	22 ч. 00 мин.	22 ч. 10 мин.
14.	т. Стефановский	22 ч. 00 мин.	22 ч. 10 мин.
15.	т. Супрун	22 ч. 00 мин.	22 ч. 10 мин.
16.	т. Берия	22 ч. 40 мин.	00 ч. 50 мин.
17.	т. Устинов	22 ч. 55 мин.	23 ч. 10 мин.
18.	т. Яковлев из ГАУНКО	22 ч. 55 мин.	23 ч. 10 мин.
19.	т. Щербаков	22 ч. 10 мин.	23 ч. 30 мин.
20.	т. Микоян	23 ч. 30 мин.	00 ч. 50 мин.
21.	т. Меркулов	24 ч. 00 мин.	00 ч. 15 мин.
Последние вышли в 00 ч. 50 мин.			

Правда, сочинительство А. И. Микояна по поводу этих дней также достойно критического анализа. Вот как он лягнул В. М. Молотова. «Помню, как на третий или четвертый день войны утром мне позвонил Молотов и пригласил на какое-то важное хозяйственное совещание. В его кабинете собралось более 30 человек: наркомы, их заместители, пар-

тийные работники. Молотов произнес длинную речь, и начались прения. Слово получил каждый или почти каждый из присутствующих, регламент при этом не соблюдался. Все порядком утомились, и наконец, часа через 3–4 совещание закончилось. Я сразу, как только участники совещания разошлись, обратился к Молотову: «Вячеслав! Раве можно так работать? Ведь началась война, обстановка требует и оперативных решений и оперативных заседаний. А у тебя что получается?» Меня, кстати, поддержал Берия, который тоже был на этом совещании. Молотов был явно недоволен таким замечанием»²⁴.

Подобного не могло быть по определению. Все первые дни войны, которые анализируются в этой книге, В. М. Молотов не мог проводить столь обширные совещания, да еще с таким количеством людей. Все эти дни он неизменно находился в кабинете И. В. Сталина и при этом отлучался для решения каких-то неотложных дел на очень короткое время. Постоянным участником совещаний был и Л. П. Берия. Временные зазоры между совещаниями в кабинете И. В. Сталина вполне позволяли проводить мероприятия другими руководителями страны, но не столь продолжительные. По крайней мере, по той причине, что после заседаний у И. В. Сталина им, реализуя выработанные решения, тоже нужно было время для дачи соответствующих указаний. Да и время для хотя бы короткого отдыха тоже надо было выкроить.

А вот при описании факта посещения И. В. Сталиным наркомата обороны Анастас Иванович допустил, мягко выражаясь, неточность. В книге «Так было» он писал: «29 июня, вечером, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда еще не поступало. Известно было только, что связи с войска-

²⁴ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 26.

ми Белорусского фронта (так в книге. – **А. С.**) нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке.

В кабинете были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи – никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: «Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?» Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5–10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые. Главным тогда было восстановить связь. Договорились, что на связь с Белорусским военным округом пойдет Кулик – это Сталин предложил, потом других людей пошлют. Такое задание было дано затем Ворошилову...

Дела у Конева, который командовал армией на Украине, продолжали развиваться сравнительно неплохо. Но войска Белорусского фронта оказались тогда без централизованного командования. А из Белоруссии открывался прямой путь на Москву. Сталин был очень удручен»²⁵.

Почти дословно этот эпизод отражен и в книге Г. А. Куманева, правда там есть многозначительная фраза: «Сталин уехал к себе на «ближнюю» дачу в Кунцево, и всякая связь с ним пол-

²⁵ Микоян А. И. Так было. С. 390.

ностью оборвалась». Кроме этого, словами «разрыдался, как баба» несколько усилена эмоциональность поведения Г. К. Жукова²⁶.

И вновь противопоставление: И. В. Сталин – взорвался, а Г. К. Жуков до того растерялся от его грубости, что расплакался как баба. Можете ли вы, читатель, представить Георгия Константиновича плачущим? Лично я нет. Так и вспоминается В. В. Маяковский: «Если выставить в музее плачущего большевика, весь день бы в музее торчали ротозеи. Еще бы: такого не увидишь и в века».

А посмотрите, под каким «соусом» подается причина поездки И. В. Сталина в наркомат обороны. По мнению А. И. Микояна, они поехали туда в связи с тем, что связи с Белоруссией не было, а С. К. Тимошенко ничего толком не мог объяснить по телефону. Его побудило ехать к военным не «отсутствие связи», как читателей пытается уверить Микоян, а то, что пал Минск и что это стало известно не от военных, а из сообщений иностранного радио. Узнали ли приехавшие от С. К. Тимошенко и от Г. К. Жукова об этом факте? В том-то и дело, что не узнали, и все по той же причине «отсутствия связи». Мог ли И. В. Сталин в такой обстановке подумать, что военные скрывают этот факт от политического руководства страны? Вполне. Уяснив это, он и пришел к выводу: без полного контроля над высшим военным руководством положение на фронтах не выправить.

Комментируя это место из микояновских воспоминаний, А. Л. Костин, сравнивая анализируемую мной цитату из мемуаров Анастаса Ивановича, с аналогичным местом в архивной рукописи, находит разночтения и приходит к выводу, что здесь не обошлось без вмешательства злодея-редактора. Оценивая достоверность микояновских воспоминаний, А. Л. Костин пишет:

²⁶ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 28, 29.

«Исследователи работают с мемуарами Микояна с большой осторожностью и считают, что ему можно верить без всяких оговорок лишь в том случае, когда речь идет о людях, с которыми у него никогда не было неприязненных отношений»²⁷.

Утверждение А. И. Микояна о том, что И. В. Сталин 29 июня принимал в кремлевском кабинете его, В. М. Молотова, Л. П. Берия и Г. М. Маленкова ошибочно. Не принимал И. В. Сталин никого в Кремле и 29 июня. Об этом красноречиво говорят пропуски этих дней в ЖРП.

Неверно и утверждение автора о том, что во время встречи в Наркомате обороны было принято решение направить в Белорусский военный округ Маршала Советского Союза Г. И. Кулика. В это время он уже был там, командированный туда И. В. Сталиным еще 22 июня.

Этот небольшой анализ ошибочных фактов, изложенных в воспоминаниях А. И. Микояна, подводит к следующему выводу: к утверждениям автора следует относиться весьма осторожно, в том числе и к его мнению о якобы подавленном состоянии И. В. Сталина в первые дни войны.

Но возникает вопрос: что это, намеренные «ошибки» или аберрация памяти? Скорее всего, первое. Но тогда во имя чего? Частично на этот вопрос ответил А. Л. Костин: «Что связывало Микояна и Хрущева в их антисталинской политике? Только ненависть. Микоян не мог простить Сталину, частенько иронизировавшему над ним, называя его «27-м бакинским комиссаром». Не думаю, что такая мелочь может породить ненависть.

А вот Р. К. Баландин, автор книги «Встать! Сталин идет!», приводит, ссылаясь на К. М. Симонова, более серьезный аргумент. Константин Михайлович, будучи членом ЦК КПСС, 16 октября 1952 года присутствовал на закрытом Пленуме ЦК, состо-

²⁷ Костин А. Л. Июнь 1941–го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 51.

явшемся сразу же после завершения работы XIX съезда партии. На нем выступил И. В. Сталин. Сказанное им расценивается как политическое завещание. Главная суть выступления – настоятельная необходимость менять как в партии, так и в государственных структурах, старые кадры на более молодых работников. Указав на ряд ошибок в деятельности В. М. Молотова, И. В. Сталин не обошел «вниманием» и А. И. Микояна. В связи с тем, что работа пленума не фиксировалась ни стенограммой, ни протоколом, свидетельство К. М. Симонова очень важно. Вот как он описал, происходящее на Пленуме:

«При всем гневе Сталина... – вспоминал Симонов, – в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части речи, посвященной Микояну, более короткой, но по каким-то своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной. В зале стояла страшная тишина. На соседей я не оглядывался, но четырех членов Политбюро, сидевших сзади Сталина за трибуной, с которой он говорил, я видел: у них у всех были окаменевшие, напряженные, неподвижные лица»²⁸.

Однако не только К. М. Симонов оставил свои воспоминания о работе октябрьского 1952 года Пленума ЦК КПСС. Нашелся еще один участник этого форума, который почти протокольно записал и выступление И. В. Сталина и ход обсуждения выборов Генерального секретаря ЦК КПСС. Нашел я имя этого человека и его запись о работе Пленума в книге С. Н. Семанова «Сталин». Познакомьтесь и вы, читатель, с этим местом в указанном произведении:

«16 октября 1952 года состоялся Пленум вновь избранного Центрального Комитета. С речью выступили Сталин и еще несколько деятелей. Стенограммы не велось, официального протокола тоже. Однако сохранилась и недавно была опубли-

²⁸ Баландин Р. К. Встать! Сталин идет! М., 2009. С. 275.

кована запись, сделанная Леонидом Николаевичем Ефремовым, первым секретарем Курского обкома партии, только что избранного в состав ЦК. Цитируем:

«Сталин: Итак, мы провели съезд партии. Он прошел хорошо, и многим может показаться, что у нас существует полное единство. Однако у нас нет такого единства.

Некоторые выражают несогласие с этими решениями.

Говорят, для чего мы так значительно расширили состав ЦК. Но разве не ясно, что в ЦК потребовалось влить новые силы.

Мы, старики, все перемрем, но нужно подумать, кому, в чьи руки вручим эстафету нашего великого дела, кто ее понесет вперед? Для этого нужны более молодые, преданные люди, политические деятели. А что значит вырастить политического, государственного деятеля? Для этого нужны большие усилия. Потребуется десять, нет, все пятнадцать лет, чтобы воспитать государственного деятеля...

Спрашивают, почему мы освободили от важных постов министров, видных партийных и государственных деятелей. Что можно сказать на этот счет? Мы освободили от обязанностей министров Молотова, Кагановича, Ворошилова и других и заменили их новыми работниками. Почему? На каком основании? Работа министра – это мужицкая работа. Она требует больших сил, конкретных знаний и здоровья. Вот почему мы освободили некоторых заслуженных товарищей от занимаемых постов и назначили на их место новых, более квалифицированных, инициативных работников. Они молодые люди, полны сил и энергии. Мы их должны поддержать в ответственной работе.

Что же касается самих видных политических и государственных деятелей, то они так и остаются видными политическими и государственными деятелями. Мы их перевели на работу заместителями Председателя Совета Министров. Так что я даже не знаю, сколько у меня теперь заместителей.

Нельзя не коснуться о неправильном поведении некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна...

Теперь о товарище Микояне. Он, видите ли, возражает против повышения сельхозналога на крестьян. Кто он, наш Анастас Микоян? Что ему тут не ясно?

Мужик – наш должник. С крестьянами у нас крепкий союз. Мы закрепили за колхозами навечно землю. Они должны отдавать положенный долг государству. Поэтому нельзя согласиться с позицией товарища Микояна.

А. И. Микоян на трибуне оправдывается, ссылаясь на некоторые экономические расчеты.

Сталин (прерывая Микояна): Вот Микоян – новоявленный Фрумкин. Видите, он путается сам и хочет запутать нас в этом ясном, принципиальном вопросе...

Сталин предлагает решить организационные вопросы, избрать руководящие органы партии. Вместо Политбюро образуется Президиум в значительно расширенном составе, а также Секретариат ЦК КПСС – всего 36 человек.

В списке, говорит Сталин, находятся все члены Политбюро старого состава, кроме А. А. Андреева. Относительно уважаемого Андреева все ясно, совсем оглох, ничего не слышит, работать не может, пусть лечится.

Голос с места: Надо избрать товарища Сталина Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин: Нет! Меня освободите от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР.

Г. Н. Маленков (на трибуне): Товарищи! Мы должны все единогласно и единодушно просить товарища Сталина, нашего вождя и учителя, быть и впредь Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Сталин (на трибуне): На Пленуме ЦК не нужны аплодисменты. Нужно решать вопросы без эмоций, по-деловому. А я про-

шу освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР. Я уже стар. Бумаг не читаю. Изберите себе другого секретаря.

С. К. Тимошенко: Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все, как один, избираем вас своим руководителем – Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может.

Все стоя горячо аплодируют, поддерживая Тимошенко. Сталин долго стоял и смотрел в зал, потом махнул рукой и сел»²⁹.

А вот что по этому поводу записал 17 октября 1952 года в своем дневнике Л. П. Берия: «Все закончилось, и все начинается. Провели Пленум. Коба все-таки попросил его заменить. Сказал нам, если Пленум колебнется, передаю ЦК тебе, Георгий, а Совмин тебе, Лаврентий. Мы сказали, этого не надо делать. Он сказал: «Я знаю, что не надо. А надо».

На Пленуме он дал по шее Вячеславу и Анастасу, все им высказал. Потом сказал, что работа министров это мужицкая работа, нужны молодые люди, полные сил и энергии. А потом

попросился в отставку. Все молчали. Не ожидали, но видно, что обдумывали. Пришлось выступить Георгию и мне. Потом Тимошенко сказал, что избираем Генеральным секретарем. А уже такой должности нет. Коба задумался, потом махнул рукой»³⁰.

Несколько причин прохладного отношения А. И. Микояна к И. В. Сталину можно найти в книге его сына Степана Анастасовича – «Мы – дети войны». Он пишет:

²⁹ Семанов С. Н. Сталин. М., 2009. С. 496–499.

³⁰ Берия Л. Секретный дневник 1945–1953. «С атомной бомбой мы живем!» М., 2011. С. 161–162.

«В 1943 году нашу семью постигла беда, начавшаяся с чужой трагедии. Шестнадцатилетний сын наркома авиационной промышленности А. И. Шагурина Володя (с не совсем здоровой психикой) застрелил девушку, за которой он ухаживал, – дочь К. А. Уманского, назначенного послом в Мексику (Володя не хотел, чтобы она туда уезжала). И тут же застрелился сам. Это произошло на лестнице Большого Каменного моста, по которой они спускались. Пистолет «вальтер», из которого стрелял Володя Шагурин, был наш (во время войны у нас дома было оружие). Он в тот день попросил моего брата Ваню «дать поносить пистолет», и Ваня по наивности, ничего не подозревая, отдал (он шел за ними, еще не успел перейти мост на пути к лестнице). Вначале это дело вел следователь Лев Шейнин. Он был довольно лоялен при допросах. Говорят, дело было прекращено.

Но вдруг оно снова закрутилось. Следователь, теперь уже Владзимерский (позже расстрелянный вместе с Берией), придал делу политическую окраску: раскрыл, мол, «юношескую антисоветскую организацию». Арестовали шестнадцатилетнего Ваню, а через неделю и другого моего брата, четырнадцатилетнего Серго. Были арестованы также сыновья генерала Хмельницкого (адъютанта Ворошилова), сын сестры жены Сталина Анны Сергеевны, сын профессора А. Н. Бакулева, сын секретаря моего отца Барабанова – всего 28 ребят такого же возраста. Владзимерский допрашивал уже по-другому, хотя и без побоев, и в самом деле состряпал «дело». Все это, конечно, делалось с ведома и даже по указанию Сталина, поэтому обращаться с какими-либо просьбами их родителям, хотя и занимавшим высокое положение, было совершенно бесполезно и могло привести только к худшему.

Мои братья «сидели» на Лубянке более полугодом. До самого освобождения Ваня не знал, что Серго тоже в тюрьме. Встретились они только в помещении, куда пришла их «принимать» мама. Братья до конца отрицали свою вину в анти-

советской деятельности и не хотели подписывать документ с признанием своей вины. Им снова предложили подписать его на выходе, угрожая: «Иначе не выйдешь!», они опять отказывались, но мама передала им указание отца подписать что потребуют.

Обоих сослали на год в Сталинабад (Душанбе). Правда, там Ване все же разрешили поступить в авиационную техническую школу, а Серго учился в средней школе. Местный главный чекист разрешил им не приходить каждую неделю «отмечаться», как полагалось: «Я и так о вас буду все знать».

Отец рассказывал позже, что в конце 40-х годов Сталин вдруг спросил его: «А где твои сыновья, которые были осуждены?». Отец ответил, что старший учится в академии имени Жуковского, а младший – в институте международных отношений. На что Сталин сказал: «А достойны ли они учиться в советском высшем учебном заведении?» Отец промолчал. После этого разговора он был уверен, что теперь их немедленно исключат, а может быть, и арестуют (это был период новой волны репрессий). Но ничего не произошло. Видимо, Сталина что-то отвлекло, и он забыл об этом, чего с ним почти никогда не бывало. После смерти Сталина судимость с братьев сняли, и теперь они получили удостоверение незаконно репрессированных, хотя, конечно, их судьбу не сравнить с судьбами миллионов других арестованных»³¹.

Вот такие сведения, которые в некоторой степени проливают свет на негативное отношение А. И. Микояна к И. В. Сталину.

Будет правильным, если я, «зацепившись» за книгу Степана Анастасовича Микояна, познакомлю читателя, как он излагает мнение отца о поведении И. В. Сталина в первые дни войны. При этом прошу не забывать мудрую народную поговорку о том, что яблоко от яблони далеко не падает.

³¹ Микоян С. Мы – дети войны. М., 2006. С. 133, 134.

«Здесь я отклонюсь от воспоминаний и приведу некоторые известные мне факты и свои соображения, связанные с Великой Отечественной войной 1941 – 1945 годов и роли Сталина в ней... Хочу привести рассказ отца о событиях первой недели в руководстве страной после нападения немцев. В первые дни войны Сталин проявлял большую активность, принимал многих высших должностных лиц, отдавал распоряжения, хотя ни он, ни другие руководители не представляли действительного положения дел на фронте. Сталин отдавал распоряжения «наступать!», «бомбить!», не зная, что о наступлении было нечего и думать, а фронтовая авиация была фактически разгромлена. Следовало говорить об организации стратегической обороны, но он еще мыслил, исходя из своей наступательной доктрины.

На восьмой день войны, 29 июня, Сталин и несколько членов Политбюро решили поехать в Наркомат обороны на улице Фрунзе, чтобы разобраться в обстановке. Там выяснилось, что никто толком ничего не знает, связь с действующими войсками нарушена, неизвестно, насколько продвинулись в глубь нашей территории войска противника, и сохраняют ли боеспособность части Западного фронта. Только тогда, как говорил отец, Сталин понял всю серьезность его просчета в отношении возможности нападения гитлеровской Германии. Он стал резко требовать от наркома Тимошенко и начальника Генерального штаба Жукова данных, которых они не имели. Напряжение было настолько велико, что, по рассказу отца, Жуков разрыдался и выбежал из кабинета. Молотов предложил не мешать военным и уйти. Сталин прямо оттуда уехал к себе на «Ближнюю» и оставался там в прострации (по словам Молотова), не отвечая на телефонные звонки.

На следующий день члены Политбюро под руководством Молотова подготовили предложение о создании Государственного Комитета Обороны, который должен возглавить Сталин, и о ряде других мер. В конце дня поехали к нему на дачу.

Когда вошли в столовую, Сталин, увидев их, напрягся, как будто сжался в кресле, и спросил: «Зачем приехали?» Как сказал отец, он явно испугался, думая, что пришли его арестовывать. В тот момент он, очевидно, понимал, что во многом виноват лично и есть основания для его снятия. Услышав о цели приезда, он посмотрел несколько удивленно, а потом заметно успокоился, согласился с предложениями. Когда зачитали список ГКО из пяти человек, Сталин спросил: «А почему не включили Микояна?». Вознесенский сказал, что его тоже почему-то не включили. Сталин предложил их добавить, но Молотов возразил: зачем расширять состав? Им, мол, следует сосредоточиться на работе в Совнаркоме. Тогда мой отец сказал, что можно их не включать в состав, а его назначить уполномоченным ГКО по снабжению фронта продовольствием, вещевым имуществом и горючим, то есть по тем вопросам, которые были близки к его области деятельности (В феврале 1942 года мой отец, Вознесенский и Каганович были введены в состав ГКО)».

Как видим, сын почти дословно повторил то, что написал его отец в мемуарах «Так было». Однако есть и существенные расхождения. Главное из них относится к 22 июня. Отец писал: «Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент не знал, что сказать народу». Сын пишет: «В первые дни Сталин проявлял большую активность, принимал многих должностных лиц, отдавая распоряжения».

Относительно того, что И. В. Сталин отдавал распоряжения «наступать» и «бомбить», так это чистой воды выдумка Степана Анастасовича. Содержание директив за номерами 2 и 3, которые утверждались коллективно, в том числе и И. В. Сталиным, опровергает это мнение. В этих документах совершенно четко обозначены две задачи. Первая: войскам всеми силами и средствами обрушится на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Вторая: мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничто-

жать авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск.

В отношении «своей наступательной доктрины». «Своей» наступательной доктрины И. В. Сталин не имел по определению. Она была доктриной Народного комиссариата обороны, а точнее доктриной военно-политического руководства страны.

Что ценно в воспоминаниях С. А. Микояна, так это неподдельная искренность. В частности, он не скрывает своего негативного отношения к И. В. Сталину. Вот его мнение на сей счет: «Не могу не рассказать о днях после смерти И. В. Сталина. 6 марта 1953 года, когда сообщили о его кончине, я находился на работе и выполнил два испытательных полета. Настроение было ужасное, даже в воздухе из головы не выходили тяжелые мысли. Как сможем мы жить без Сталина?

Должен сказать откровенно, что, хотя я вскоре стал и остался на всю остальную жизнь убежденным антисталинистом, до того времени я, как тогда и большинство народа, любил Сталина и верил ему. Ведь даже и теперь, в начале XXI века, в России имеется немалое число его сторонников, несмотря на столько разоблачений его жестокой, античеловечной власти...

В формировании моего политического сознания и понимания того, что возможны другие точки зрения, при этом не обязательно неверные, возможно, сыграло то, что я часто читал у отца секретные сводки ТАСС, рассылавшиеся членам Политбюро, где приводились материалы зарубежной прессы.

Но я был комсомольцем, потом членом партии и в те времена верил в идеи социализма и в то, что в принципе мы идем «верной дорогой». В это трудно поверить сейчас даже себе самому, но я и, думаю, большинство людей моего поколения до войны искренне одобряли общую линию, проводимую Сталиным, а многие недостатки и творившиеся беззакония обычно не связывали лично с ним, считая, что это все делалось без его ведома. Сталину верили, как правило, безоговорочно, никаких

сомнений у большинства не возникало. Сама мысль об этом ощущалась кощунством. Увы, так было. Мы, можно сказать, были идеологически одурманены (или оболванены)»³².

Вот так, член Политбюро А. И. Микоян, позволяя сыну читать то, что полагалось для ознакомления только ему, формировал у него антисоветские взгляды. Знакомство с материалами зарубежной прессы, по Микояну-младшему, это не оболванивание, это с помощью Дяди Сэма политическое прозрение.

А вот еще одно место, которое также проливает свет, откуда у Степана Анастасовича появились антисталинские настроения: «И все же я не помню, чтобы у меня возникали тогда серьезные сомнения в Сталине. В течение трех дней был открыт доступ к гробу Сталина в Колонном зале... В один из этих дней, обедая с отцом на даче, я сказал ему, что ходил в Колонный зал каждый день. И вдруг он говорит: «Ну и зря!» Я был ошарашен. Это был первый ясный сигнал о том, что к Сталину может быть критическое отношение и мой отец именно так настроен... С этого момента началось мое постепенное переосмысливание того, что происходило прежде...

Как нам стало известно значительно позже (ой ли! – **А. С.**), в последние полгода жизни Сталина мой отец, а также В. М. Молотов попали в опалу. Сталин резко критиковал их в своем выступлении на Пленуме ЦК после завершения XIX съезда партии в октябре 1952 года... Критика была неожиданной для всех, включая членов Политбюро, которые сидели бледные как полотно, не зная, кого Сталин назовет следующим... Не вызывает сомнения (помня о «деле» Вознесенского), что проживи Сталин еще немного, Молотов и Микоян были бы репрессированы. А репрессированных больших руководителей тогда в живых не оставляли... Прилюдная резкая критика Сталиным это гарантировала»³³.

³² Микоян С. А. Мы – дети войны. С. 231, 232.

³³ Там же. С. 233, 234.

Трудно поверить, что после критики на Пленуме ЦК А. И. Микоян не поделился этой информацией со своими близкими. А насчет предположения, что В. М. Молотов и А. И. Микоян, «проживи Сталин еще немного», были бы репрессированы, лично у меня, в отличие от С. А. Микояна, вызывает сомнение. Надо исходить из реальностей: И. В. Сталин после Пленума прожил «еще немного» – более четырех месяцев. И ни В. М. Молотов, ни А. И. Микоян не были репрессированы. А все, что могло быть за пределами этого срока, это из области фантазии, причем не очень этической.

И, наконец, чтобы ни у кого не было сомнения в отношении антисталинского тандема – Н. С. Хрущев и А. И. Микоян, приведу еще две выдержки из книги «Мы – дети войны». Степан Анастасович пишет: «Надо сказать, что вообще Хрущев в своих воспоминаниях часто несправедлив в отношении отца. Микоян был активный участник и ближайший помощник Хрущева в раскрытии правды о режиме Сталина и в проведении нового курса. Он был энтузиастом «оттепели». «А. И. Микоян поддержал намерение Хрущева разоблачить культ личности Сталина на XX съезде партии. Президиум ЦК запретил Хрущеву говорить о культе личности в отчетном докладе. Тогда Хрущев вместе с моим отцом решили, что доклад должен быть сделан в конце работы съезда, уже после выборов, на специальном закрытом заседании. Еще до доклада Хрущева на одном из заседаний съезда мой отец выступил с речью, в которой впервые прозвучала критика сталинского режима и репрессий... Это выступление Микояна как бы подготовило почву для доклада Хрущева»³⁴.

Вот по сути дела те два антисталиниста – Н. С. Хрущев и А. И. Микоян – из самого близкого окружения И. В. Сталина, которые попытались изобразить его в первые дни войны рас-

³⁴ Микоян С. А. Мы – дети войны. С. 237, 244.

терявшимся, впадшим в прострацию, испытавшим шок, устранившимся от управления страной. Однако инсинуации этих «королей» антисталинизма, биты «тузом», имя которому Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина.

Однако не все считают ЖРП документом, да еще правдивым. Некоторые авторы, к большому сожалению, даже не из стана врагов И. В. Сталина, имеют другую точку зрения. Здесь нам следует обратиться к книге уже упомянутого мной саратовского историка В. П. Мещерякова «Сталин и заговор военных 22 июня 1941 года», размещенной в Интернете.

В своем исследовании автор попытался выяснить причины, по которым в первые дни войны на советско-германском фронте сложилась сложная для Красной Армии ситуация. Одной из них В. П. Мещеряков считает отсутствие И. В. Сталина в первые дни войны, буквально с 22 июня, в Кремле. Автор предполагает, что его пытались отравить, то есть была осуществлена попытка военного переворота. Однако все завершилось благополучно, вождь через несколько дней вернулся в Кремль и приступил к выполнению своих обязанностей. Таково вкратце содержание этой поистине сенсационной книги.

В. П. Мещеряков не считает, как он пишет, «свой труд истиной в последней инстанции и с благодарностью примет все доброжелательные критические замечания и советы». Заниматься этим делом в полной мере я не собираюсь, ибо так называемый «заговор военных» автором документально не доказан. Со стороны военных проявились элементарные вещи, вытекающие из внезапного нападения врага, – растерянность, непродуманность принятых решений, если хотите, головотяпство, трусость и даже измена отдельных командиров. Но все это, согласитесь, на заговор не тянет. А обратился я к содержанию книги по двум причинам. Первую я обозначил – это отношение автора к Журналу регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина. С его мнением по этому вопросу

поспорить следует. И вторая – Владимир Порфирьевич в пух и прах разбил микояновские воспоминания. Хотелось бы с его верными критическими оценками познакомить читателя.

Вот мнение В. П. Мещерякова по содержанию ЖРП. «Но просто оставлять Сталина в этот день (22 июня. – **А. С.**) за пределами Кремля «советским военным историком» было опасно, поэтому в брежневские времена точку зрения Хрущева о трусливом бегстве Сталина на дачу несколько смягчили: Сталин, дескать, на даче был, но ничего там не делал, а думал и переживал на тему «Почему Гитлер его обманул и внезапно напал на Советский Союз?». В дальнейшем власти предержавшие решили все же на всякий случай «оставить» Сталина в Кремле с первых дней войны. Уже в конце горбачевской перестройки в журнале «Известия ЦК КПСС» были опубликованы страницы якобы из Журнала записи лиц, принятых И. В. Сталиным в Кремле в период с 21 июня по 3 июля 1941 года. Это дало повод историкам-патриотам утвердиться в мысли, что Сталин находился все время на своем боевом посту в Кремле и отвести наветы Хрущева о паническом состоянии Сталина. Казалось бы, вопрос закрыт, но есть определенная неудовлетворенность: почему отсутствуют страницы за 19, 29 и 30 июня? Никакого вразумительного ответа из официального печатного органа ЦК КПСС исследователям начального периода войны предложено не было. Ну нет и все тут! Как сейчас модно говорить: без комментариев.

Есть предположение, что Сталина просто не могло быть в эти дни в Кремле. Очень даже возможно. Поэтому, дескать, в тетради нет записей лиц, приходивших в его кабинет... Вообще, все записи лиц при внимательном изучении вызывают сильное сомнение в подлинности данного документа. Хочу уточнить. Речь идет лишь о первых нескольких днях войны, т.е. с 22 по 3 июля, примерно. Остальное пришлось, видимо, подгонять под этот текст, убирая инициалы присутствующих. Во-первых, не

факт, что Сталин в эти дни находился в Кремле. В Журнале зафиксированы люди, приходившие в кабинет Сталина, но само присутствие Сталина никак и никем не зафиксировано и не отражено. Во-вторых, почему фамилии присутствующих лиц без инициалов, я уже не говорю о полном написании имени и отчества? Особенно умиляют сноски редактора к дням посещений, например, 21 июня: «Видимо, нарком ВМФ СССР Н. Г. Кузнецов». Интересно, как бы объяснял секретарь, ведший «такие» записи, интересующимся лицам, например, внутренней охране Кремля, какой именно Кузнецов побывал в кабинете у Сталина? Наверное, данному секретарю надо было бы проконсультироваться у редактора журнала «Известия ЦК КПСС». В-третьих, можно ли считать фальшивкой данные материалы, например, по приведенной записи от «1 июля 1941 года»? Уже известны члены образованного 30 июня ГКО, но Молотов при записи в журнале не отражен, как член ГКО, а Микоян, к удивлению, отражен, как член ГКО, хотя стал им значительно позже. Или запись от «26 июня 1941 года». Прием: «Тимошенко – 13.00», после записи – «Яковлев – 15.15». Что это? Небрежность при подготовке издания данных материалов или брак при «корректировке» в архиве? Кроме того, в одном случае эти документы при публикации называются «Тетрадью...», в другом – «Журналом записи лиц, принятых И. В. Сталиным». Разноголосица явно не способствует истине. А ведь всего-то ставится под сомнение несколько дней, а смотрите, сколько нагородили препон.

Что же имеем в «сухом» осадке? Сомнения? Да. И можем ли мы теперь абсолютно точно сказать, что Сталин был в Кремле? То, что предложено публике как «Журнал...», назвать документом можно с большой натяжкой. К тому же сам «документ» требует пояснений и дополнений. А ведь неспроста все это покрывается дымовой завесой? Я могу понять историков-патриотов, грудью вставших на защиту вождя трудового народа с при-

зывает: «Руки прочь – от Сталина!» и не желающих обращать внимание на отсутствие трех дней в «Журнале», но хотел бы заметить, что отсутствие в Кремле 22 июня и в последующие дни товарища Сталина ну никак не умаляет достоинство этого великого человека. Даже, скажем, совсем наоборот. Его отсутствие лишний раз подчеркивает, с какой смертельной опасностью ему пришлось столкнуться в те первые, трудные и трагические июньские дни и проявить небывалое по силе мужество и стойкость. К тому же, не явился ли и божий перст судьбы, спасая Сталина для России. Ведь погибни Сталин в начале войны, вряд ли бы мы сейчас дискуссировали на эту тему».

Что можно сказать в отношении мнения В. П. Мещерякова относительно ЖРП? Ставя его, как документ, под сомнение, он приводит ряд своих неубедительных «доказательств».

Скажем, автор недоумевает, почему отсутствуют записи в Журнале за 19, 29 и 30 июня. Но ведь и ему понятно почему: нет записей лишь только потому, что не было приема. Ведь эти пропуски в регистрационном документе неединичные. Почти за тридцать лет ведения Журнала их набралось уйма. Не будем далеко ходить, проанализируем июль 1941 года. В течение этого месяца нет записей за 9, 11, 13, 14, 16, 19, 22 и 23 число. Не принимал в эти дни И. В. Сталин никого именно **в своем кремлевском кабинете**. Но это не значит, что он не принимал людей на даче, в своей квартире, в помещении Ставки.

В отношении фразы: «В Журнале зафиксированы люди, приходившие в кабинет Сталина, но само-то присутствие Сталина никак и никем не зафиксировано и не отражено». Спрашивается: а зачем фиксировать имя того, кто принимает посетителей? Это ведь не Журнал регистрации посетителей Кремля вообще. Если бы велся такой документ, тогда, вполне естественно, надо было бы фиксировать, что этот посетитель принял И. В. Сталиным, а вот этот был на приеме у В. М. Молотова. Название этого документа – «Журнал (тетрадь) регистрации посе-

тителей кремлевского кабинета И. В. Сталина» – говорит само за себя: прием посетителей вел И. В. Сталин и никто иной. Даже книга, собравшая все эти журналы (тетради) воедино, называется «На приеме у Сталина».

В. П. Мещеряков удивляется по поводу: «почему фамилии присутствующих лиц без инициалов, я уже не говорю о полном написании имени и отчества? Особенно умиляют сноски редактора к дням посещений, например, 21 июня: «Видимо, нарком ВМФ СССР Н.Г.Кузнецов». А меня удивляет, почему именно эти незначительные погрешности ЖРП «удивляют» автора. Вполне логично предположить, что полные сведения тех, кто шел на прием к И. В. Сталину фиксировались в бюро пропусков по предъявлению соответствующего документа. В связи с этим надобности предъявления документов, удостоверяющих личность посетителя в приемной кабинета И. В. Сталина, не было. Дежурные фиксировали вызванных лиц к вождю или по узнаваемой внешности, или по подсказке А. Н. Поскребышева. Не исключено, что дежуривший спрашивал фамилию посетителя. Все это предположения, ибо эта процедура в воспоминаниях тех, кто посещал кабинет вождя, никем не отражена. По крайней мере, я подобного не встречал.

В отношении ошибок в записях. Да, они есть, и В. П. Мещеряков подметил их правильно. Их немало. Некоторые будут приведены по ходу моего дальнейшего исследования, а здесь ограничусь только одним примером. Вот запись за 21 июня. Прием посетителей проведен в период с 18.27 до 23.00. Л. П. Берия зафиксирован дважды: первый раз с 19.05 до 23.00, и второй раз – с 22.40 до 23.00. Судя по всему, Лаврентий Павлович выходил из сталинского кабинета, но это не отражено.

Что же касается «сухого осадка»: «И можем ли мы теперь абсолютно точно сказать, что Сталин был в Кремле? То, что предложено публике как «Журнал...», назвать документом можно с большой натяжкой». «Сухой осадок» автора «выпал»

из затеянного им «мокрватого» дела. Такие мелочи, как отсутствие в Журнале записей за некоторые дни, фиксация посетителей без инициалов или не регистрация самого хозяина кабинета ну никак не могут поставить под сомнение подлинность этого документа. Все это надуманно и притянута за уши. И понадобилось это В. П. Мещерякову лишь для того, чтобы попытаться доказать, что в первые дни войны, буквально с 22 июня, И. В. Сталина в Кремле не было. Сами записи в ЖРП, свидетельства тех, кто в первые дни войны являлся посетителем его кабинета, которые уже приводились в данной книге и еще будут приведены, убедительно доказывают, что идея заговора военных сама по себе надуманна. Кроме размышлений и умозаключений ничего нет. А где документики?

Теперь познакомимся с теми оценками, которые В. П. Мещеряков дал А. И. Микояну, как политику, и его мемуарному творению. При этом я не буду «привязываться» к конкретным фактам, изложенным в его книге «Так было», по которым Владимир Порфирьевич глубоко прошелся плугом критики. Объясню почему. Эта критика понадобилась автору только для того, чтобы еще раз доказать свою версию – в стране был заговор военных. С чем, как я уже отмечал, согласиться весьма проблематично.

«Воспоминания Микояна... Эта такая смесь фантазии, нелепостей и лжи, что порой удивляешься, неужели такой человек занимал руководящий пост в правительстве и Политбюро?.. Вообще, у антисталинистов, а Микояна, как следует из его воспоминаний, вполне можно отнести к этой категории лиц, своеобразное понятие человеческих качеств. У них всегда то, что принято считать положительным качеством, оценивается со знаком минус и наоборот: отрицательные качества почему-то приобретают положительную окраску...

Как бы микояны не переставляли «кубики» фактов, логика происходящих исторических событий все равно выстроит их в

ряд закономерной последовательности. Как бы хрущевцы и их последователи не закатывали правду о войне асфальтом лжи и клеветы, все равно она, как росток вечно живой природы, пробьется к свету, преодолевая, казалось бы, непреодолимые препятствия. Более того, с каждым днем она будет набирать силу, укрепляясь и развиваясь. А затем, думается, все же наступит такое время, когда вся ложь, как шелуха, отлетит прочь, и мы увидим то настоящее подлинное «зерно правды», что было десятилетиями скрыто от нас, и по достоинству оценим тот подвиг, который совершил поистине великий человек, имя которому – Сталин.

Тысячу раз оказался он прав, говоря, что «на его могилу нанесут кучу мусора». Но не менее правым оказался он и в оценке действия «ветра истории», утверждая, что тот «безжалостно развеет эту кучу!»

В связи с тем, что мне пришлось коснуться воспоминаний С. А. Микояна, сына Анастаса Ивановича, следует, хотя бы кратко, упомянуть о том, как проблема первых дней войны, в том числе поведения самого И. В. Сталина, освещена в воспоминаниях еще одного сына высокопоставленного партийного и госу-

дарственного деятеля Советского Союза – С. Л. Берии.

Книга Серго Берии «Мой отец Берия» вышла в 2002 году в издательстве «Современник». Освещение периода Великой Отечественной войны и роли в ней самого Лаврентия Павловича на серьезное историческое исследование не тянет. Это будет понятно, если посмотреть на основе каких источников автор формировал факты и обосновывал свои выводы. А они

таковы: «я слышал, как отец говорил», «один из моих двоюродных братьев рассказал мне», «позднее отец рассказывал об этой сцене моей маме». А чего стоят наивные политические измышления автора, которых в книге предостаточно. Вот, к примеру, каким рассуждением С. Л. Берия начинает раздел книги «Война»: «В ночь с 22 на 23 июня Сталин созвал Политбюро, он не мог скрыть своего замешательства: как могло случиться, что Гитлер не понял, что оставаться союзником СССР было в его интересах? Неужели он не видел, что Советский Союз мог предложить ему в экономическом плане гораздо больше, чем Америка и Англия?»³⁵ Не буду комментировать это рассуждение С. Берии, поданное как размышление И. В. Сталина, его наивность очевидна.

Что касается оценки поведения И. В. Сталина в первые дни войны, то следует признать, что автор не скатился к хрущевской пресловутой отрешенности вождя от дел, он даже подобрал вполне объективное слово, характеризующее состояние вождя в тот момент. С. Берия пишет: «Только несколько дней после начала немецкого наступления Сталин оставался в смятении. Ему нужно было время, чтобы оценить масштаб катастрофы. Он удалился тогда на несколько дней на дачу, чтобы все обдумать и принять решение. В эти дни он никого не принимал. Члены Политбюро продолжали собираться, но без него. Некоторые из них начинали шептаться. Среди самых активных был Щербаков, который во время одного из таких заседаний, проходивших в отсутствие Сталина, повернулся к Молотову и сказал: «Вячеслав, будь руководителем!» Отец вмешался: «Успокойся, или я тебя повешу за ноги»³⁶.

Пожалуй, следует прервать цитирование, ибо читатель подобную дурь автора воспримет, как истину. Каким бы ни был

³⁵ Берия С. Мой отец Берия. М., 2002. С. 95.

³⁶ Там же. С. 97.

батюшка Серго Берии, он только не был дураком. В приведенной цитате меня привлекло вот это слово – «смятение». Действительно, оно наиболее объективно и точно характеризует внутреннее состояние не только И. В. Сталина, но и каждого советского человека. А «зацепился» я за объективную оценку поведения И. В. Сталина, данную сыном Л. П. Берии для того, чтобы через многочисленные редакторские комментарии, которые сопровождают каждую страницу книги по несколько раз, показать антисоветскую точку зрения самого издательства. При этом в роли комментатора выступает или какое-то авторитетное лицо, или автор той или иной книги. Вот некоторые из таких комментариев.

«Хрущев дает ему следующую характеристику: «Щербаков был одним из самых ничтожных личностей среди сталинского окружения в период войны. Это ядовитая змея». Щербаков принадлежал к клану Маленкова, враждебному Жданову. Он станет одним из инициаторов антисемитских чисток: начиная с 1943 г. он отправил в отставку всех евреев из редакции ежедневной армейской газеты «Красная звезда». Костырченко Г. С.»

«Первые три дня ни Сталин, ни военное командование не осознавали всей серьезности сложившейся ситуации. Советским войскам был отдан приказ «разгромить захватчика сокрушительным ударом». Откуда же эта «закавыченная фраза»? Вчитался в содержание директив №№ 1, 2 и 3, отданных руководством Красной Армии 21 и 22 июня 1941 года. Таких слов в этих документах нет. Значит, шарлатанство издателя.

«28 июля, когда немцы взяли Минск, Сталин впал в проstration. Он боялся, как бы Политбюро не сделало из него козла отпущения. Согласно различным источникам, он даже попросил об отставке». Печенкин А. А. Государственный Комитет Оборона в 1941 году//Отечественная история. 1994. №№ 4–5.

«Хрущев многократно возвращался в своих речах и мемуарах к моменту, когда Сталин продемонстрировал свою сла-

бость. Берия, должно быть, испытывал нескрываемое удовлетворение, пересказывая эту сцену отсутствовавшим тогда членам Политбюро. В феврале 1946 г. Берия не удержался от искушения напомнить об этих роковых днях с сарказмом, что характерно для его речи. В своей приветственной краткой речи по поводу выборов в Верховный Совет он заявил: «Если наша страна не была захвачена войной врасплох... то этим мы обязаны только мудрости нашего вождя товарища Сталина... В момент внезапного нападения жестокого врага, в момент его первых побед товарищ Сталин проявил мужество и беспрецедентный в истории дух решимости...»

Вот такими комментариями книга С. Берии буквально нашпигована. В сочетании с выдумками и сомнительными умозаключениями автора, она представляет собой творение антиисторического толка. Не обвиняя напрямую И. В. Сталина в бездеятельности, Серго Лаврентьевич так завуалированно подает факты, что у читателя складывается впечатление: это не он, И. В. Сталин, а его отец был организатором всех основных оборонных мероприятий в первые дни войны. Вот некоторые факты, которые вписываются в рассматриваемые мной двенадцать дней.

«На заседании председатель Госплана Вознесенский и отец обсуждали меры, которые надо было предпринять незамедлительно. Не дожидаясь распоряжений Сталина, они вдвоем подготовили план эвакуации важнейших для обороны заводов...

Война потребовала отказаться от прежних методов управления, навязанных партией. Отец разыскал в архиве документы о Комитете обороны, сформированном во время Гражданской войны (он всегда изучал исторические прецеденты). Так 30 июня 1941 года родился Государственный Комитет Обороны, который обладал всей полнотой власти и имел даже большее влияние, чем Политбюро. Ему подчинялись все партийные органы. Эта структура, задуманная моим отцом, очень его устраивала: она позволяла действовать в обход партийных аппаратчиков.

Инициативу формирования состава ГКО должны были взять на себя Молотов и мой отец. Последний рассчитывал, что Сталин даст на это свое согласие, учитывая безнадежную ситуацию. Члены Политбюро настоятельно требовали, чтобы Сталин их принял, и тот в конце концов решился пригласить их к себе на дачу. Он был убежден, что они приехали сообщить ему о его отстранении.

Позднее отец рассказал об этой сцене моей маме: «Я внимательно наблюдал за выражением его лица и за жестами, стараясь не пропустить ни одного нюанса. Сталин явно был готов ко всему, даже к самому худшему. В тот момент, когда Молотов сообщил ему о предложении сформировать ГКО и просил его взять на себя руководство этим важнейшим органом власти, я увидел, как исчезает напряжение с его лица». Сталин ограничился требованием о том, чтобы состав ГКО был немногочисленным, и принялся определять задачи каждого. Он составил для себя график работы и привычным для него способом выжал из людей все соки, «как из лимона».

Отец рассказывал нам смеясь: «В этот момент я понял, что все присутствующие плохо кончат». Хрущев отсутствовал, он находился на Украине, и об этом эпизоде узнал от моего отца. Когда отец вспоминал эти памятные часы, он всегда говорил своим коллегам: «Мы невольно стали свидетелями момента слабости Сталина, поэтому он нам этого никогда не простит. Не забывайте об этом». Много раз он подтрунивал над Микояном, прятавшимся за спину других, чтобы не попадаться на глаза Сталину. Самым смешным в этой истории было то, что даже Молотов осознал степень риска, который они взяли на себя. Однажды он сказал моему отцу: «Лаврентий, Иосиф Виссарионович никогда не простит нам этого поступка»³⁷.

³⁷ Берия С. Мой отец Берия. С. 98.

Вот такая галиматья на тему о бездеятельности И. В. Сталина в первые дни войны, но без употребления пресловутого слова «прострация» и без намека на болезнь. Ну, хотя бы заглянул в Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета вождя, чтобы не выставлять себя на всеобщее посмеище. И в самом деле, давайте подумаем над теми некоторыми нелепостями, которые сосредоточились всего лишь на одной книжной странице.

«Члены Политбюро настоятельно требовали, чтобы Сталин их принял, и тот в конце концов решился пригласить их к себе на дачу». Это как они требовали? Писали записки? Звонили по телефону или по мобильнику? Общались с помощью Интернета? И что члены Политбюро говорили? Может быть, следующее: «Дорогой Иосиф Виссарионович, ну хватит валять дурака, неужели не понимаешь, что это же война, а ты куда-то запропастился, мы настоятельно требуем принять нас, а то ведь, знаешь...» И, в конце концов, вождь сдался и допустил до своего тела партийных сановников.

Могли ли члены Политбюро «настоятельно требовать» от И. В. Сталина, чтобы он их принял, если они все эти дни практически безвылазно находились в его кабинете, отлучаясь только для решения неотложных дел, для сна и, извините, по нужде. Давайте все же заглянем в Журнал посещений, а заглянув, удостоверимся: с 22 по 29 июня, не пропуская ни одного дня, члены Политбюро находились в кабинете И. В. Сталина. И надо полагать, приходили они туда по его приглашению. То есть общение членов Политбюро было постоянным. Как известно, чисто официальных заседаний Политбюро в годы войны не проводилось, они совмещались с заседаниями Ставки или ГКО, да и все вместе члены этого высшего партийного органа собирались весьма редко.

Давайте проанализируем персональное присутствие некоторых членов и кандидатов в члены Политбюро в кремлевском

кабинете И. В. Сталина в период с 22 по 29 июня. В. М. Молотов и сам Л. П. Берия от имени которого Берия-младший живописует картину «настоятельных требований» членов Политбюро на встречу с вождем, не пропустили ни одного дня, то есть ежедневно общались с тем, кто их непонятно почему избегал. Л. М. Каганович пропустил один день – 28 июня. Дважды не присутствовали в кабинете К. Е. Ворошилов и А. И. Микоян. Трижды – А. С. Щербаков. Четырежды – А. А. Вознесенский. Всего один раз имел встречу с И. В. Сталиным ленинградец А. А. Жданов (24 июня). Ни разу за эти дни в кабинете И. В. Сталина не было четверых – А. А. Андреева, Н. М. Шверника, М. И. Калинина и Н. С. Хрущева. Таким образом, основная ударная сила высшего партийного органа практически ежедневно встречалась с И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете и, в связи с этим, никому из членов Политбюро не было необходимости слать ему телеграммы.

Как же можно при таком раскладе дел утверждать, что «члены Политбюро настоятельно требовали, чтобы Сталин их принял»? Требовали где? Сидя ежедневно в его кабинете? Принять где? В ресторане «Арагви»?

А теперь, читатель, обратите внимание на содержание следующей фразы С. Берии: «И тот в конце концов решил-ся пригласить их к себе на дачу». Это надо понимать так, что члены Политбюро настоятельно и долго требовали встречи с И. В. Сталиным, а тот все от нее увивал и увивал. А ведь общение в Кремле с 22 по 28 июня было ежедневным! Как известно, эта повседневная работа И. В. Сталина в кремлевском кабинете была прервана на два дня: 29 и 30 июня он приема не проводил. Но перед этими двумя днями, то есть 28 июня, И. В. Сталин провел очередной прием, его собеседниками стали 19 человек (Н. А. Булганин и В. Н. Меркулов входили в кабинет дважды), в том числе члены Политбюро В. М. Молотов, А. И. Микоян, Г. М. Маленков и **(внимание!)**... сам Берия. Более

того, он вместе с другими членами Политбюро (В. М. Молотовым и А. И. Микояном) последним в 00 часов 50 минут вышел из кабинета И. В. Сталина. Вполне возможно они вышли из кабинета все вместе. Ну и надо было Лаврентию Павловичу при выходе дернуть вождя за рукав кителя и сказать: «Слушай, Иосиф, ты когда нас соберешь? Мы настоятельно требуем!» А И. В. Сталин, поправляя на ходу трубкой свой ус, отвечает: «Ты знаешь, Лаврентий, все думаю, думаю и никак не могу определиться. А что, если завтра у меня на даче, а?» На том и порешили.

Вот такие пироги получились у отца и сына под фамилией Берия. Тут только одно: или сам Л. П. Берия, с чьей подачи нам преподнесли эти «исторические» факты, к этому времени стал маразматиком или его сын к этому времени уже страдал шизофренией. Скорее всего, второе.

И чтобы в этом убедиться, надо прочитать все три тома дневника Л. П. Берии, о которых я уже упоминал. Если обратиться к периоду Великой Отечественной войны, отраженному в первых двух томах, то в них в адрес И. В. Сталина со стороны Л. П. Берии нет ни одного недоброго слова. Полное взаимопонимание и

полная поддержка всего, что предлагал и делал И. В. Сталин. Вот некоторая подборка этих мест из дневника наркома внутренних дел.

«13 августа 1941 года. «Забирает у меня Коба людей, а замена все равно находится. Как не вспомнить, крепко Коба сказал: «Кадры решают все».

«7 ноября 1941 года. «А вот вам..., а не Москва. Парад провели и через год проведем! И через десять! И через сто! И в

Берлине проведем! Как грязь смыло. Коба – Гений! Другой подумал бы – что не время. А он сказал – надо провести. И провели! И собрание провели!»

«25 ноября 1941 года. «Коба занят фронтом. Я тоже фронтом, больше заводами. Эвакуированные заводы уже где-то начинают работать. Пока надо нажать на то, что есть. Пленный из 7-й пехотной дивизии показал, что дивизией командует оберлейтенант (старший лейтенант). Приказал кровь из носа проверить. Проверили. Был факт. Сообщил Кобе, он, слышу, сопит довольный. Говорит, ага, и их приперло. Ничего, скоро припрет еще больше».

«23 сентября 1942 года. «Сегодня впервые в жизни увидел на глазах у Кобы слезы. Докладывал по Сталинграду, как воюют люди. В 13-й гвардейской дивизии у генерала Родимцева осталось 500 активных штыков. Это за неделю боев. А было больше 10 000 штыков. В 10-й дивизии НКВД осталось 60 активных штыков. Какие ребята гибнут. Докладываю Кобе, смотрю, а у него слезы текут. Я стою, как дурак, не знаю, что дальше. Хорошо, зашел Вячеслав, потом Анастас, и пошел разговор. Пишу, и снова мурашки. Я когда до точки дойду, отматерю, сразу легче. А он марку держит, а сердце куда деть? Не выдержал. Хорошо, что один на один».

«15 ноября 1942 года. «Плохо мы знали людей. Кого ценили, кого не ценили. Коба сказал мне с Георгием (Г. М. Маленков), да, виноваты мы перед людьми. Сажали одних, а надо было сажать других. И расстреливали не всегда тех, кого надо. Коба сказал правильно. Это сейчас хорошо видно. Ряд чекистов мы освободили, а теперь они у немцев в тылу геройствуют. Суровые времена хорошо проверяют».

«31 марта 1943 года. «Предложил Кобе к концу года разрешить празднование Рождества. Мы к этому времени освободим много новых территорий, немцы там открывали храмы, а попы их где поддерживали, где как. Если мы вернемся, а храмы

останутся, это оценят. А мы еще Рождество добавим. Получится хорошо. Союзники тоже оценят. Коба послушал, говорит, а что, в дороге и веревочка пригодится, давай».

«5 апреля 1943 года. «Что-то устал. На Юге было лучше. Хотя и сложно там, а немного отдохнул. Даже отоспался. А сегодня товарищ Сталин взорвался и в присутствии Вячеслава, Анастаса и Георгия (надо полагать – В. М. Молотова, А. И. Микояна и Г. М. Маленкова. – **А. С.**), назвал змеей в очках. Не он первый. Обидно. Хорошо хоть, на грузинском выругался. Только Анастас и понял».

«5 сентября 1943 года. «Товарищ Сталин принимал трех Митрополитов... Решение по Церкви правильное, я Кобе в этом направлении докладывал в начале года. В этом году и Рождество разрешим праздновать».

«17 мая 1944 года. «Сегодня ночью Коба при Георгии и Вячеславе, когда все ушли, поздравил меня с назначением (заместителем Председателя ГКО. – **А. С.**), Георгий искренне поздравил, Вячеслав с натугой. Последними ушли Штеменко с Антоновым. Потом Коба пригласил к себе поужинать. Сказал хороший тост. Только что вернулся»³⁸.

Пусть читатель не подумает, что я сделал эту подборку о взаимоотношениях между И. В. Сталиным и Л. П. Берией по принципу «только о хорошем». Если кто-то сомневается в моей объективности, пусть попробует подобрать из бериевского дневника факты об их взаимоотношениях по принципу «только о плохом». Не получится. Ибо их там просто нет.

Написал о своем отце Г. М. Маленкове его сын А. Г. Маленков. Однако в книге «О моем отце Георгии Маленкове», как я уже упоминал, сведений о работе И. В. Сталина в первые дни войны нет.

³⁸ Подборка из книг «Сталин слезам не верит» и «Второй войны я не выдержу», в которых опубликована часть дневников Л. П. Берии.

Таким образом, из всех сподвижников И. В. Сталина, которые в первые дни войны побывали в его кремлевском кабинете, негативные оценки о работе и состоянии вождя оставил нам только один-единственный – А. И. Микоян. Отмечены факты негативного плана и в воспоминаниях сыновей двух соратников И. В. Сталина – С. А. Микояна и С. Л. Берии. И это все.

3. Лучше поздно, чем никогда

Те же, кто исполнил долг мемуариста или выразил свое мнение об И. В. Сталина в различных интервью, в основном объективно отнеслись к оценке его деятельности в первые дни войны, и, наравне с ЖРП, защитили доброе имя Иосифа Виссарионовича от клеветнических наскоков. Попробую с их помощью опровергнуть хрущевско-микояновскую ложь о том, что И. В. Сталин в первые дни войны впал в прострацию и не руководил страной, а также попробую доказать, что десять дней из двенадцати он работал в своем кремлевском кабинете, а два дня, не зафиксированных в Журнале, не волянил, а также работал.

Однако при этом следует сделать три оговорки. Первая. Воспоминания, какие бы благородные цели их авторы перед собой ни ставили, субъективны. Это естественно. Одно и то же событие каждый оценивает по-своему, под своим ракурсом. В связи с этим описываемый факт получает лишь различные оттенки. Но сама его суть при этом не меняется. Если же это происходит, то тут следует искать злой умысел. Следует иметь в виду, что на оценку того или иного события в определенной степени влияет общественно-политическая атмосфера. Как бы ты ни стремился к объективизму, но захлестнувшая страну борьба с «культом личности» не может не сказаться на твоём сознании.

Вторая оговорка. Аберрация памяти. Это закономерное физиологическое свойство человека. И подвержены ему все без исключения. Не избежали аберрации памяти и те, кто старался более или менее объективно оценивать поведение И. В. Сталина в эти первые двенадцать дней его военной работы. Это относится и к В. М. Молотову, и к Г. К. Жукову, и Н. Г. Кузнецову и ко всем другим, кто через годы обратился к мемуарной деятельности.

И, наконец, оговорка третья. Хорошо, что сподвижники вождя сумели защитить его доброе имя от хрущевской клеветы. Но сделали они это поздно. И то, что после наглого наскока Н. С. Хрущева на И. В. Сталина в 1956 году не по дням, а по часам стала расти рать хрущевистов, или, если хотите, антисталинистов, в этом их определенная вина. Восстать против наглой лжи следовало прямо там, в зале, после прослушивания выступления Н. С. Хрущева.

Лично мне в этом плане понравилось рассуждение С. Кремлева в книге «10 мифов о 1941 годе». И хотя оно несколько пространно, тем не менее, его следует воспроизвести, ибо доля правды, и немалая, в нем есть.

«Да, многое проясняется при анализе документов. И тогда ложь рушится. Но в 1956 году она нагло восторжествовала! Ведь ни один из тех, кто здравствовал в 1956 году, в 60-е, в 70-е и даже в 80-е годы и **точно** знал, как Сталин провел первый день войны, не возвысил голос в защиту Сталина и исторической правды.

Ведь не встал Молотов в зале XX съезда и не сказал в ответ на инсинуации Хрущева: «Да как вы смеете так подло лгать, гражданин Хрущев. Потому что после такой лжи вы мне не товарищ! Я ушел из кабинета товарища Сталина за час до наступления 22 июня 1941 года и вновь вошел в его кабинет наутро без пятнадцати шесть. И потом бывал день за днем в этом кабинете по несколько раз на дню!»

И Маленков не встал...

И Каганович...

Не встали маршалы и генералы, когда Хрущев, изгаляясь над нашей историей с трибуны XX съезда, записывал в стратеги- ги себя и отказывал в полководческом таланте их Верховному Главнокомандующему. А ведь все они сидели тогда в зале – кроме маршала Рокоссовского, бывшего тогда министром обо- роны Польши.

Не встали маршалы Ворошилов и Жуков. Не встали после того, как Хрущев заявил, что Сталин в военных делах ничего не смыслил, что ему по глобусу докладывали обстановку, что он чуть ли не из-за голенища сапога вытаскивал карту, на которой был помещен чуть ли не весь мир...

А ведь могли сказать правду и маршал Тимошенко, и мар- шал Василевский, и адмирал Кузнецов. Зато последний как-то обмолвился, что он-де увидел Сталина чуть ли не через неделю после начала войны. А ведь был вызван в сталинский кабинет в 15 часов 20 минут по московскому времени 22 июня 1941 года.

И другие – или прошедшие в первые дни войны через этот кабинет, или получавшие непосредственно от его хозяина при- казы и распоряжения – тоже не встали.

И все они тогда промолчали...

Почему практически все лгали или своим молчанием «ос- вящали» чужую ложь, включая ложь о том, как Сталин начал войну? Да и не только Сталин...

Тем не менее, лично я сейчас уверен, что практически вся тогдашняя партийно-государственная и военная элита, имев- шая возможность видеть общую картину, находясь в Москве, в центре событий, позднее составила заговор молчания отно- сительно первых **военных** дней Сталина потому, что ей нужно было исказить картину последних **предвоенных** дней Сталина, да еще и представить его перед самой войной то ли глупцом, то ли трусом...

А громко сказать тому же Жукову или Тимошенко, или Василевскому, или Мерецкову в пятидесятые ли, в шестидесятые ли годы, что Сталин не только знал, но и **вовремя санкционировал** приведение войск в боевую готовность, это же... Это же означало совершить гражданское самоубийство! Или – если подбирать сравнение более возвышенное – лечь грудью на амбразуру. А на самопожертвование никто из них не отважился.

Да и как мог отважиться на это, скажем, Молотов: он ведь тоже прямо лгал – даже в 1984 году. И эта ложь тогда же была зафиксирована Феликсом Чуевым, хотя он считал ее святой правдой. В его книге «Сто сорок бесед с Молотовым» есть запись от 13 января 1984 года: «Читаю Молотову выдержки из книги Авторханова о 22 июня 1941 года: «Приехали к нему на дачу и предложили выступить с обращением к народу. Сталин наотрез отказался. Тогда поручили Молотову...»

– Да, правильно, приблизительно так...»

Но ведь это даже приблизительно не так! Это абсолютно не так! 22 июня 1941 года Сталин не был на даче, а принимал Молотова в своем кремлевском кабинете в 5. 45 и весь день был в Кремле, начиная дело войны...

Увы, никто из первых лиц державы ни в реальном масштабе времени, ни позднее не вступился за поруганную честь и доброе имя вождя, за правду о товарище Сталине...»³⁹.

Пожалуй, не во всем можно согласиться с мнением автора, некоторые детали можно и оспорить. Однако в принципе он прав: хрущевскую наживку в феврале 1956 года все, кто был рядом с И. В. Сталиным в первые дни войны и видел, как он поворачивал страну на военный лад, заглотили молча.

Вот некоторые факты и рассуждения, которые я хотел высказать перед тем, как предоставить слово защитникам имени И. В. Сталина.

³⁹ *Кремлев С. 10 мифов о 1941 годе. М., 2010. С. 94–100.*

Пожалуй, начать надо с телефонных разговоров, которые вел И. В. Сталин буквально с первых часов начавшейся войны. Фактов, отражающих эту его руководящую работу в первый день войны, мало. Но они есть. Даже сам Н. С. Хрущев в своих мемуарах отразил несколько таких разговоров.

«А на участке КОВО в первые дни войны сложилось тяжелое, но не катастрофическое положение. У нас в резерве имелось два танковых корпуса, а армия Конева должна была вот-вот начать разгружаться... Я позвонил Сталину, чтобы он разрешил нам привлечь войска Конева к атаке на этом участке. Сначала он согласился, но потом позвонил и приказал: «Немедленно вновь грузите армию Конева и отправляйте в Белоруссию».

Наши механизированные корпуса были разбиты, были разбиты и другие наши войска. Немцы получили возможность шествовать на Киев, а наш штаб все еще сидел под Тарнополем. Позвонил нам Сталин и сказал, чтобы штаб снимался с места и отступал... Не помню, на какой день войны позвонил мне Сталин. Он сказал: «К вам прилетит Жуков, и вам следует вместе с Жуковым выехать к войскам в штаб»... Не помню, сколько пробыл Жуков у нас: день, два или три. Потом был получен звонок из Москвы. Жуков сказал, что его вызывает Сталин: «Приказал все оставить и срочно прибыть в Москву»... Прибыл Конев в КОВО, его армия разгрузилась, мы были очень обрадованы, что получили резерв. Эту армию мы сейчас же нацелили в направлении на Броды. Но как только его армия вошла в соприкосновение с противником, последовал звонок от Сталина: «Немедленно погрузить армию Конева и содействовать скорейшей отправке этих эшелонов в распоряжение Москвы». Тут я стал упрашивать оставить армию Конева нам... Сталин выслушал меня и ответил: «Хорошо, оставляем резервную армию, но оставляем именно для нанесения удара». А спустя некоторое время – опять звонок от Сталина: «Немедленно погрузите ар-

мию Конева». Она уже вела боевую операцию, но дан приказ, и она убыла... Как только мы прибыли в Проскуров и развернули штаб, тут же позвонил Сталин. Я разговаривал с ним. Сталин говорит: «Вы сейчас же переезжайте в Киев и в Киеве немедленно организуйте его оборону»⁴⁰.

Как видим, все эти факты телефонных разговоров И. В. Сталина с Н. С. Хрущевым происходили в июньские дни. О чем они говорят? Они красноречиво свидетельствуют о том, что с первых часов начавшейся войны И. В. Сталин взял руководство военными действиями в свои руки. Как теперь все это вяжется с протрацией, шоком, уединением на даче и отказом от руководства страной? Ну, можно как-то оправдать такое недоразумение, если речь идет об устном выступлении Н. С. Хрущева. Где-то сказал одно, а через некоторое время в другом месте брякнул совершенно иное. Но ведь все эти факты в мемуарах поданы буквально сразу, – повторяю: буквально сразу, на одной странице! – после разглагольствования о том, что И. В. Сталин отказался выступить по радио в связи с тем, что был «парализован в своих действиях», а также после того, как он на даче заявил, что «отказывается от руководства». Чувствуется, ко времени написания мемуаров мозги у Никиты Сергеевича заплыли жиром окончательно.

Относительно переговоров И. В. Сталина по телефону, заслуживает внимания факт, который приводит академик РАН Г. А. Куманев в своей книге «Рядом со Сталиным». Он, как я уже отмечал, встречался со многими партийными, государственными и военными деятелями, работавшими в годы войны вместе с вождем. Одним из них стал П. К. Пономаренко – первый секретарь ЦК КП (б) Белоруссии. Именно территория этой советской республики оказалась на острие атак вермахта, именно здесь развивались самые трагические события начального пе-

⁴⁰ Хрущев Н. С. Воспоминания. Избранные фрагменты. С. 96–106.

риода войны. В начале агрессии П. К. Пономаренко находился в Минске, и уже 22 июня ему пришлось по телефону пообщаться с И. В. Сталиным. Вот что поведал Пантелеймон Кондратьевич Г. А. Куманеву:

«В 11.30 я приехал в ЦК, т. к. наступило время, когда, как было условлено, должен был позвонить по высокочастотной связи

Сталин. В тот момент ко мне в кабинет вошел корреспондент «Правды» по Белоруссии Петр Александрович Лидов, впоследствии автор известной статьи в «Правде» о Зое Космодемьянской... Не успел Лидов начать разговор, как раздался звонок. У телефона был Сталин. Он сразу спросил: «Что вы можете сказать о военной обстановке? Что делает и как себя чувствует Павлов?»

Я рассказал ему коротко о тяжелой обстановке, как она рисовалась по данным штаба фронта и сообщениям секретарей обкомов и райкомов партии, о наших попытках восстановить связь и результатах этого... «Я хотел бы просить Вас, товарищ Сталин, – заявил я, – прислать в штаб фронта одного из авторитетных Маршалов Советского Союза, который, не будучи поглощен разрешением многочисленных текущих оперативных вопросов, изучал бы внимательно обстановку, продумывал бы неотложные мероприятия и подсказывал их командующему».

Сталин ответил: «Я уже думал об этом, и сегодня же к вам выезжает Маршал Борис Михайлович Шапошников. Имейте в виду: это опытный военный специалист, пользующийся полным доверием ЦК. Будьте к нему поближе и прислушивайтесь к его словам».

В тот же день, 22 июня, Маршал Шапошников прибыл в Минск».⁴¹

Историк В. В. Суходеев, в одной из своих книг о военной деятельности И. В. Сталина, приводит факт о еще более раннем звонке Иосифа Виссарионовича в Минск: «Сталин добивался сведений о положении на западной границе. В 7 часов утра он позвонил в Минск первому секретарю ЦК КП (б) Белоруссии П. К. Пономаренко и, заслушав сообщение, указал: «... Не жалея сил, задерживать противника на каждом рубеже, чтобы дать возможность Советскому государству развернуть свои силы для разгрома врага. Требуйте, чтобы все действовали смело, решительно и инициативно, не ожидая на все указания свыше. Вы лично перенесите свою работу в Военный совет фронта. Оттуда руководите и направляйте по линии ЦК и правительства Белоруссии. В середине дня я еще позвоню вам, подготовьте к этому времени более подробную информацию о положении на фронте».

Во второй раз, позвонив около 12 часов, Сталин спросил Пономаренко о военной обстановке, положении дел у Павлова и сообщил, что на фронт выезжает маршал Шапошников, посоветовав «прислушиваться к его мнению»⁴².

Жаль, что фактов телефонных разговоров И. В. Сталина по вопросам организации отпора врагу мало.

Среди тех, кто не скатился в болото хулителей вождя, был его многолетний единомышленник и помощник, фактически второе лицо в партии и государстве – В. М. Молотов. На период начала войны он являлся членом Политбюро, заместителем Председателя СНК, наркомом иностранных дел. После смерти И. В. Сталина Вячеслав Михайлович постепенно стал выжиматься из партийных и государственных структур, а после от-

⁴¹ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 122, 123.

⁴² Суходеев В. В. Война началась – война Отечественная. М., 2010. С. 14.

крытого несогласия с политикой Н. С. Хрущева, особенно в связи с его критикой И. В. Сталина, был зачислен в антипартийную группу и даже исключен из партии. «Полудержавный властелин», как метко охарактеризовал его писатель Ф. Чуев, доживал свой длинный век на подмосковной даче полузабытым пенсионером.

Казалось бы, человеку, родившемуся при Александре III и умершему при Н. С. Горбачеве, с молодых лет ставшему революционером, испытавшему все «прелести» царского режима, активному участнику Октябрьской революции, видному государственному деятелю в период социалистического строительства, несколько лет исполнявшему должность Председателя СНК, многолетнему члену Политбюро, руководившему все годы Великой Отечественной войны наркоматом иностранных дел, наконец, члену ГКО, есть что рассказать. Но за письменный стол он не сел, своими мемуарами нас не осчастливил.

И благо для нас, для нашей истории, что нашелся человек, который своим настойчивым писательским трудом, проявляя завидное упорство, восполнил этот пробел одного из могикан советской эпохи. Его имя Феликс Иванович Чуев. Именно он оставил нам две книги, которые раскрывают внутренний мир В. М. Молотова, его оценки политическим событиям и людям. Первая книга – «Сто сорок бесед с Молотовым» и вторая – «Молотов. Полудержавный властелин».

Искренне завидую Феликсу Ивановичу. Для этой зависти есть причина – он 140 раз встречался с В. М. Молотовым, а мне хотелось встретиться с ним всего один раз, но не получилось.

Все искал подходы, все откладывал. Смерть Вячеслава Михайловича оборвала мечту.

А встретиться ой как надо было! Дело в том, что в биографии наркома иностранных дел, в истории внешней политики нашей страны, в истории Aviации дальнего действия был уникальный случай – полет В. М. Молотова на советском бомбардировщике Пе-8 под руководством командира корабля Э. К. Пусэпа в Лондон и Вашингтон для переговоров с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом по вопросу открытия второго фронта в Европе. Недавно я описал этот полет, отразив авиационную и дипломатическую сторону этого неординарного события. Как воспоминания пассажира В. М. Молотова украсили бы описание этого перелета через океан только ему известными фактами! И по сей день корю себя за нерешительность.

Не могу не воспроизвести несколько чужеских выдержек из вступительной статьи к книге. «Мне думается, Сталина будут изучать еще не одно столетие, и потому весьма ценно все, что говорили о нем и его эпохе люди, соприкасающиеся с ним. И, конечно же, в первую очередь такая крупнейшая фигура, как Молотов...

Я встречался с ним регулярно последние семнадцать лет его жизни – с 1969 по 1986 год. Сто сорок подробнее записанных бесед, каждая по четыре-пять часов. Как бы ни относились люди к Молотову, мнение его авторитетно, жизнь его не оторвать от истории государства... То, что вошло в книгу, не мемуары Молотова, а живой разговор. Молотов рассказывал, а не надиктовывал. Многие суждения «вытащить» из него было весьма непросто, особенно в первый период нашего знакомства... Он понимал, что я буду писать о нем книгу. Сам он не оставил мемуаров. «Мне неинтересно, где, кто и что сказал, кто куда плюнул... Ленин не писал мемуаров, Сталин – тоже...»

До конца жизни у него была прекрасная память, и я старался все записать. У меня не было первоначального плана записок,

я решил разделить их на несколько условных глав по темам, но получилось весьма приблизительно. Многие взаимно переплетаются. Но и другого выхода я не вижу: как из массы материала, не нарушая его достоверности, выбрать то, что может представлять интерес для читателя. Из пяти тысяч страниц моего дневника выбрать не более семисот. Очень интересная книга, и, повторяю, это не мемуары Молотова, ибо многое из того, о чем здесь говорится, было рассказано очень доверительно и могло бы и не попасть в книгу воспоминаний Молотова, если бы такая была им написана...

И все же над этим дневником мелькнул какой-то знак судьбы. В нашей семье Молотов был, пожалуй, наиболее уважаемым из всех тогдашних руководителей. Сталин – само собой. Сталин был богом. Выше его не было ни по должности, ни в сердце. Что бы ни говорили, это так. За ним был Молотов. Да и, пожалуй, не только в нашей семье. Несколько моих друзей зовут Славками – в честь его назвали. Это уж не внедришь никакими партийными директивами...

Каким бы он ни был, он стал свидетелем и участником важнейших событий XX столетия. А свидетельства таких людей всегда интересны и важны, хоть времена и меняются... В разные периоды он сам не раз рисковал жизнью, не щадя прежде всего себя. Чего стоит только его полет в Лондон и Вашингтон в 1942 году над оккупированной немцами территорией!..

Он умер на девяносто седьмом году 8 ноября 1986 года, в тот день, когда ровно шестьдесят девять лет назад стоял рядом с Лениным, провозглашающим Советскую власть. Вскрыли его завещание. В конверте была сберегательная книжка: пятьсот рублей на похороны – все накопления».

Россыпью этих чувственных мыслей я представил не только самого В. М. Молотова, но и автора с его великолепно исполненной задумкой. Всему, что наговорил Вячеслав Михайлович Фе-

лику Чуеву, можно верить, хотя есть и такие нюансы, которые вызывают, мягко выражаясь, недоумение.

Какие же суждения о деятельности И. В. Сталина в первые дни войны удалось «вытащить» автору книги? Прежде чем подать их читателю, хотелось бы высказать одно замечание А. Л. Костину, автору уже цитированной книги. В разделе «Свидетельства В. М. Молотова» он сделал такую оговорку: «Интервью Ф. Чуеву Молотов давал, будучи глубоким стариком, в 1984 году, на 95-м году жизни, поэтому скидки на возраст неизбежны».

Насчет скидок верно. Но не на возраст, а на время, отделяющее рассказчика от событий почти тридцатилетней давности. Ф. И. Чуев встречался с В. М. Молотовым на протяжении семнадцати лет, то есть их начало падает на семидесятивосьмилетний рубеж жизни «полудержавного властелина». Это, во-первых. И, во-вторых, давайте воспроизведем чуевскую оценку: «До конца жизни у него была прекрасная память, и я старался все записать». Так что скидку на возраст будем иметь в виду, но и считать В. М. Молотова маразматиком не станем.

Вначале несколько молотовских оценочных мнений о И. В. Сталине, как руководителе.

«Чем больше нападают на него, там выше он поднимается, Сталин. Идет борьба. Огромное в Сталине не видят. Более последовательного, более талантливого, более великого человека, чем Сталин, после Ленина не было и нет! Никто лучше после смерти Ленина не разобрался в ситуации... Я считаю, в том замечательном, что сделал Сталин, не разобрались, а в том неправильном, что у него есть, – на это напирают. Они хотят не того, чтобы ошибки Сталина исправить, а при помощи этих ошибок испортить всю линию партии. А я, несмотря на ошибки Сталина, признаю его великим человеком, незаменимым! В свое время не было ему другого равного человека...

Его роль другая была. У Сталина великая роль, необычная. Он руководил, он был вождем. Сначала боролся со своим культом, а потом понравилось немножко... Нельзя меня равнять со Сталиным. Ни один человек после Ленина, не только я, ни Калинин, ни Дзержинский и прочие, не сделали и десятой роли того, что Сталин. Это факт. Я критикую в некоторых вопросах Сталина, довольно крупных, теоретического характера, но как политический деятель, он выполнил такую роль, которую никто не мог взвалить на свои плечи...

Сталин был не военный, но с руководством Вооруженными Силами справился хорошо. Хорошо. Никакой нарком не руководил авиацией, а руководил Сталин, и артиллерией – Сталин. Были и ошибки. Они неизбежны, но все шло, и это накачивание новой техникой военной – под его началом. Этого почти никто не знает...

Со временем в истории России Сталин будет восстановлен. Будет музей Сталина в Москве. Обязательно! Потребуют. Роль Сталина огромна. Я не сомневаюсь, что имя его поднимется снова и займет свое славное место в истории... «Сталин – человек эпохи, а Ленин безграничен. Один талант, другой гений...

Сталин – человек эпохи, но он не того периода, как Ленин или Маркс... На определенном этапе Сталин сделал то, что никто не сделал и не мог бы сделать...

«Горжусь, что работал с И. В. Сталиным многие годы, которые можно назвать Сталинской эпохой. В. Молотов», – написал Вячеслав Михайлович на своей фотографии, подаренной музею И. В. Сталина в Гори»⁴³.

Эти оценочные мнения В. М. Молотова о И. В. Сталине, рассыпанные Ф. И. Чуевым по всей книге, собраны мной воедино лишь только для того, чтобы читатель убедился, насколько Вя-

⁴³ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М., 1999. С. 318, 321, 345, 369, 385, 450.

чеслав Михайлович высоко ценил своего старшего товарища и был объективен по отношению к нему. Ни прибавил, ни убавил, ни покривил душой. А ведь мог затаить обиду за жену, за критику в свой адрес на октябрьском 1952 года Пленуме ЦК КПСС после завершения работы XIX съезда партии. Мог, но до хрущевской и микояновской мстительности не опустился.

Эта критика тогда прозвучала в адрес А. И. Микояна и В. М. Молотова. Ее зафиксировал секретарь Курского обкома партии Л. Н. Ефремов. О том как «досталось» Анастасу Ивановичу в выступлении И. В. Сталина я уже, ссылаясь на книгу С. Н. Семанова «Сталин», читателя познакомил. Критика же в адрес Вячеслава Михайловича была более жесткая. Вот это место из выступления И. В. Сталина.

«Нельзя не коснуться неправильного поведения некоторых видных политических деятелей, если мы говорим о единстве в наших делах. Я имею в виду товарищей Молотова и Микояна.

Молотов – преданный нашему делу человек. Позови и, не сомневаюсь, он, не колеблясь, отдаст жизнь за партию. Но нельзя пройти мимо его недостойных поступков. Товарищ Молотов, наш министр иностранных дел, находясь под «шартрезом» на дипломатическом приеме, дал согласие английскому послу издавать в нашей стране буржуазные газеты и журналы. Почему? На каком основании потребовалось давать такое согласие? Разве не ясно, что буржуазия – наш классовый враг и распространять буржуазную печать среди советских людей – это, кроме вреда, ничего не принесет. Такой неверный шаг, если его допустить, будет оказывать вредное, отрицательное влияние на умы и мировоззрение советских людей, приведет к ослаблению нашей, коммунистической идеологии и усилению идеологии буржуазной. Это первая политическая ошибка товарища Молотова.

А чего стоит предложение товарища Молотова передать Крым евреям? Это грубая ошибка товарища Молотова. Для чего это ему потребовалось? Как это можно было допустить? На

каком основании товарищ Молотов высказал такое предложение? У нас есть еврейская автономия. Разве этого недостаточно? Пусть развивается эта республика. А товарищу Молотову не следует быть адвокатом незаконных еврейских претензий на наш Советский Крым. Это вторая политическая ошибка товарища Молотова. Товарищ Молотов неправильно ведет себя как член Политбюро. И мы категорически отклоняем его надуманные предложения.

Товарищ Молотов так сильно уважает свою супругу, что не успеет мы принять решение Политбюро по тому или иному важному вопросу, как это быстро становится известным товарищу Жемчужиной. Получается, будто какая-то невидимая нить соединяет Политбюро с супругой Молотова Жемчужиной и ее друзьями. А ее окружают друзья, которым нельзя доверять. Ясно, что такое поведение члена Политбюро недопустимо...

В. М. Молотов на трибуне признает свои ошибки, оправдывается и заверяет, что он был и остается верным учеником Сталина.

Сталин (прерывая Молотова): Чепуха! Нет у меня никаких учеников. Все мы ученики великого Ленина»⁴⁴.

Что и говорить, верным соратником И. В. Сталина был Вячеслав Михайлович. И сохранил эту верность, невзирая на критику, до конца своих дней. Тем самым он признал, что сталинская критика в его адрес на Пленуме ЦК ПСС 16 октября 1952 года была справедливой.

Из молотовских оценок поведения И. В. Сталина в первые дни войны я пока возьму главное – впал ли он в протрацию и отстранился ли от дел. Остальные его свидетельства этого периода будут проанализированы немного позже.

На вопрос Ф. Чуева о том, что якобы И. В. Сталин в первые дни войны растерялся, дар речи потерял, Вячеслав Михайло-

⁴⁴ Семанов С. Н. Сталин. С. 498.

вич ответил так: «Растерялся – нельзя сказать, переживал – да, но не показывал наружу. Свои трудности у Сталина были, безусловно. Что не переживал – нелепо. Но его изображают не таким, каким он был, – как кающегося грешника его изображают! Ну, это абсурд, конечно. Все эти дни и ночи он как всегда работал, некогда ему было теряться или дар речи терять».

В другом месте книги на вопрос, был ли Сталин в первые дни в панике, В. М. ответил: «Не думаю, чтобы он был в панике. В штабе этого не чувствовалось. Если бы Сталин был в панике, то обязательно бы отразилось на нашей работе»⁴⁵.

На страницах 398 и 399 уместилась целая серия ответов В. М. Молотова на измышления одного из ярких антисталинистов Авторханова – бывшего гражданина СССР, сбежавшего за границу и стреляющего по сей день оттуда своим ядовитыми антисоветскими стрелами.

«Читаю Молотову выдержки из книги Авторханова о 22 июня 1941 года: «Приехали к нему на дачу и предложили выступить с обращением к народу. Сталин наотрез отказался. Тогда поручили Молотову...»

– Да, правильно, приблизительно так было».

Этот непродуманный ответ В. М. Молотова, как помнит читатель, подвергся жесткой критике со стороны С. Кремлева. И не без основания. Но мы пойдем дальше.

«– Сталину предложили возглавить Главное командование Красной Армии – отказался.

– Ну, зачем ему все брать на себя? Он и так оставался во главе, но не завален мелочами, второстепенными вопросами. Это правильно он делал, конечно.

– Когда члены Политбюро начали напоминать Сталину о его личной ответственности в случае катастрофы, Сталин перешел в контрнаступление и обвинил Молотова в предательстве...

⁴⁵ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. С. 60, 65.

– Молотова?

– Да, «... за подписание Пакта с Риббентропом».

– Ну, знаете, абсурд! Сталин же там был. Все это было по его инициативе, по сути дела.

– Ворошилова и Жданова назвал саботажниками соглашения с англо-французской миссией.

– Ну, неправильно.

– На возражение, что все это делалось ведь по прямому предложению лично Сталина, Сталин с несвойственной ему горячностью вскочил с места, обложил всех матом и исчез в один из своих тайников...

– Ну, ну.

– Приводит слова Хрущева: «Я знаю, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован от страха перед Гитлером, как кролик, загипнотизированный удавом».

– Ну, конечно, он переживал, но на кролика не похож, конечно. Дня два-три он не показывался, на даче находился. Он переживал, безусловно, был немножко подавлен. Но всем было очень трудно, а ему особенно.

– Якобы был у него Берия, и Сталин сказал: «Все потеряно, я сдаюсь».

– Не так. Трудно сказать, двадцать второго или двадцать третьего это было, такое время, когда сливался один день с другим. «Я сдаюсь» – таких слов я не слышал. Я считаю их маловероятными».

Как видим, В. М. Молотов категорически отвергает мнение Н. С. Хрущева, да и А. И. Микояна относительно того, что И. В. Сталин впал в прострацию и растерялся. По его мнению, он «переживал, был немножко подавлен». Думаю, что любой здравомыслящий человек заметит ту большую смысловую разницу, которую несут молотовские слова в отличие от хрущевских и микояновских. Слова В. М. Молотова более объективны. Кто в те первые ошеломляющие часы и дни не переживал? Сам

В. М. Молотов? Н. С. Хрущев? А. И. Микоян? Г. К. Жуков? Рабочий? Колхозник? Учитель? Художник? Архитектор? Переживала вся страна, кроме затаившихся врагов, которые все годы социалистического строительства ждали своего часа.

А что, И. В. Сталин на эти переживания не имел права? Или он не человек? Переживал он как любой смертный, и это вполне естественно. Неестественным было бы, если бы он этого не делал. Только его переживания во стократ сильнее, чем, скажем, какой-то Марии Ивановны из какого-то колхоза «Большевик», ибо у него ответственность перед страной и народом, в том числе и перед этой Марией Ивановной, а у нее только перед семьей.

В. М. Молотов категорически отвергает и хрущевскую ложь относительно того, что И. В. Сталин самоустранился от дел. Повторю его фразу: «Все эти дни он работал, некогда ему было теряться».

Так кому мы будем, уважаемый читатель, верить? Н. С. Хрущеву, который в эти двенадцать дней не был не то, что в кабинете И. В. Сталина, но и в Москве? Или В. М. Молотову, который согласно Журналу регистрации посетителей все эти дни, не пропустив ни одного, работал вместе с И. В. Сталиным?

Ну, а о фразе Вячеслава Михайловича – «дня два-три он не показывался, на даче он находился» – следует порассуждать более обстоятельно. Плохую службу она сослужила в деле защиты доброго имени И. В. Сталина. За нее зацепились некоторые недобросовестные историки, доказывая с ее помощью, что, впад в протрацию, И. В. Сталин отошел от государственных дел, уединившись на даче.

Например, эта фраза В. М. Молотова стала основополагающей для И. Картукова – американского исследователя поведения лидера Советского Союза в первые дни начавшейся войны. Достаточно только назвать его книгу, и станет понятно, как В. М. Молотов ему подсобил – «Бегство Сталина на дачу в июне

1941 года». Вот как Картуков доработал эту фразу Вячеслава Михайловича: «Двадцать второе или двадцать третье» пусть тут не смущает, они всплыли из хрущевской версии, которую как раз Чуев с Молотовым обсуждал. Конечно, невозможно через 43 года точно вспомнить дату событий, важно подтверждение факта «прострации»⁴⁶.

По Картукову выходит, что В. М. Молотов своей фразой – «дня два-три он не показывался, на даче находился» – подтверждает, что И. В. Сталин буквально с первых дней войны впал в прострацию. Но В. М. Молотов этого не говорил, даты этих «двух-трех» дней не указывал. А ведь они, судя по Журналу регистрации посетителей, были. Это 28 и 29 июня, когда записи посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина не производились. Однако это не значит, что он в эти два дня не работал. И сам В. М. Молотов говорил об этом Ф. Чуеву: «Все эти дни он работал, некогда ему было теряться». Меня удивляет, что такой опытный журналист и писатель, как Ф. И. Чуев, не уточнил у самого Вячеслава Михайловича, на какие числа падают эти «два-три дня». Если бы он это сделал, мы бы сегодня не мучились в догадках, когда это было, а некоторые антисталинисты были бы лишены возможности интерпретировать слова В. М. Молотова на свой лад. Вообще следует заметить, что место в книге, в котором Феликс Иванович попросил В. М. Молотова прокомментировать авторхановские инсинуации, не совсем удачное.

Убедительно показал В. М. Молотов и причины, по которым И. В. Сталин не выступил с Заявлением советского правительства о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну: «Далее он рассказал, как вместе со Сталиным писали обращение к народу, с которым Молотов выступил 22 июня в двенадцать часов дня с Центрального телеграфа.

⁴⁶ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 62.

– Почему я, а не Сталин? Он не хотел выступить первым, нужно, чтобы была более ясная картина, какой тон и какой подход. Он, как автомат, сразу не мог на все ответить, это невозможно. Человек ведь. Но не только человек – это не совсем точно. Он и человек, и политик. Как политик он должен был и выждать, и кое-что посмотреть, ведь у него манера выступлений была очень четкая, а сразу сориентироваться, дать четкий ответ в то время было невозможно. Он сказал, что подождет несколько дней и выступит, когда прояснится положение на фронтах.

– Ваши слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами» – стали одним из главных лозунгов войны.

– Это официальная речь. Составлял ее я, редактировали, участвовали все члены Политбюро. Поэтому я не могу сказать, что это только мои слова. Там были и поправки, и добавки, само собой.

– Сталин участвовал?

– Конечно, еще бы! Такую речь просто не могли пропустить без него, чтоб утвердить, а когда утверждают, Сталин очень строгий редактор. Какие слова он внес, первые или последние, я не могу сказать. Но за редакцию этой речи он тоже отвечает». ⁴⁷

Как это свидетельство В. М. Молотова, человека, который готовил и озвучивал Заявление советского правительства, опровергает хрущевскую ложь о том, что И. В. Сталин был в шоке и «даже отказался выступить по радио»! Свидетельство В. М. Молотова – это удар и по микояновской лжи о том, что И. В. Сталин был в таком подавленном состоянии, что в тот момент «не знал, что сказать народу». Это откровенное вранье было растиражировано многими антисталинистами, которые стали плодиться начиная с февраля 1956 года, как грибы после дождя, и продолжают плодиться по сей день. И невдомек ни

⁴⁷ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. С. 59.

первым антисталинистам, ни их нынешним последователям, что иные суждения по поводу невыступления И. В. Сталина по радио 22 июня 1941 года, отличные от молотовского, лишены элементарной логики. Если человек, будучи в прострации, отказывается выступить, то кто будет настаивать, чтобы он это сделал. Возьмет да еще ляпнет по радио на всю страну что-либо прострационное. Ну, а если он не знал, что сказать народу, то возникает вопрос, а кто в первые часы мог знать, что необходимо сказать? Вот поэтому текст Заявления стал результатом коллективного творчества. Обратите внимание на такой факт: В. М. Молотов вошел 22 июня в кабинет И. В. Сталина в 5 часов 45 минут и вышел в 12 часов 05 минут. О чем это говорит? Для подготовки текста он из кабинета не выходил, текст отработывался прямо на месте и коллективно. А вот в отношении времени выхода, то здесь произошла какая-то необъяснимая неувязочка, так как выступление состоялось ровно в 12 часов, то есть тогда, когда Вячеслав Михайлович еще находился в кабинете.

Вот мнение одного из современных историков, который многие годы своей исследовательской работы посвятил сталинской теме, подарил нам ряд добропорядочных книг о его военной деятельности. Я говорю о Владимире Васильевиче Суходееве. Вот его мнение:

«Политбюро ЦК решило, что с Заявлением Советского правительства в связи с разбойничьим нападением фашистской Германии и ее союзников на Советский Союз выступит В. М. Молотов – заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров СССР и народный комиссар иностранных дел СССР. Как вспоминал Молотов, Заявление Советского правительства он писал вместе со Сталиным и окончательно отработывали с другими членами Политбюро ЦК. Призыв «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» сформулировал И. В. Сталин.

В. М. Молотов выступил по радио в 12 часов дня, его слушала вся Советская страна. Сталин ободряюще сказал Молотову: «Ну и волновался ты, но выступил хорошо». Прямое и призывное Заявление правительства придало советским людям силу и твердую уверенность в разгроме фашистского агрессора». ⁴⁸

В 2008 году в издательстве «Яуза» – «Эксмо» вышла книга «Мифы Великой Отечественной», переизданная в 2010 году. В ней есть статья О. Трубецкого «Была ли прострация у Сталина в первые дни войны». Его мнение по анализируемому мной вопросу заслуживает внимания: «Почему Сталин не выступил в первый день в 12 часов дня, предоставив это право Молотову, понятно – было еще неясно, как развивается конфликт, насколько он широк, полномасштабная ли это война или какой-то ограниченный конфликт. Были предположения, что от немцев могут последовать какие-то заявления, ультиматумы. И самое главное, были основания считать, что советские войска сделают с агрессором то, что им вменялось в обязанность, – нанесут сокрушительный ответный удар, перенесут войну на территорию противника, и не исключено, что через несколько дней немцы запросят перемирия» ⁴⁹.

Доля правды в этих рассуждениях есть. Она вытекает из его прежних установок – не поддаваться на провокации, сделать все возможное, чтобы как можно на более длительный срок оттянуть неизбежную войну с Германией. Надежда еще как-то уладить возникший конфликт стала последним штрихом в этой сталинской концепции. Эта надежда растаяла после встречи В. М. Молотова с германским послом.

Думается, что решение кому выступать по радио, было верным, поскольку за те несколько часов, которые отделяли выступление В. М. Молотова по радио от фактического нападения

⁴⁸ Суходеев В. В. Война началась – война Отечественная. С. 14, 15.

⁴⁹ Мифы Великой Отечественной. М., 2010. С. 42.

фашистской Германии, представить себе всю полноту опасности и сказать народу все, что необходимо в связи с этим делать, было просто невозможно. Неясностей было предостаточно. Ну, скажем, кто, кроме Германии, поднял забрало против Советского Союза? Или: как среагируют на агрессию правительства таких стран как Великобритания и Соединенные штаты Америки? Это были отнюдь не праздные вопросы. Вполне можно предположить, что буквально с первых минут вторжения у И. В. Сталина не было сомнений в том, что это война, но он был искусным политиком и понимал, что его выступление как главы Советского Союза должно носить не только информационный характер, но и политико-аналитический.

Кроме писателя Ф. И. Чуева с В. М. Молотовым встречался и историк Г. А. Куманев. Приезжал он на дачу к Вячеславу Михайловичу вместе с бывшим управляющим делами Совнаркома Я. Е. Чадаевым. Таких встреч, по сравнению с чуевскими, было гораздо меньше. Во время одной из них разговор коснулся поведения И. В. Сталина в первые дни войны. Начался он с поздравления... А, впрочем, обратимся к источнику.

«13 июня 1984 г. мы с Я. Е. Чадаевым снова оказались у него в гостях. Незадолго до этого узнали, что Молотов, кажется, 28 мая, был восстановлен в рядах КПСС. С поздравления и начинаем наш разговор.

Лично мне было любопытно, какая будет его реакция на наши слова. Я ожидал, что Молотов отнесется к ним довольно сухо и официально, поскольку, как казалось, вопрос для него был слишком выстраданным и наболевшим, тем более, что решение об исключении его из партии он упорно считал несправедливым, незаслуженным. Но отреагировал Вячеслав Михайлович на поздравительные слова Чадаева весьма неожиданно.

– Восстановили! Восстановили! – радостно воскликнул Молотов, сидя на стуле, и по-женски всплеснул руками. – Сам товарищ Черненко вручил мне в Кремле партбилет.

Потом лицо его сделалось серьезным, и он громко сказал:

– Это мое исключение сделал Хрущев, потому что я всегда был верен Сталину. Вы меня, кажется, спрашивали, – продолжал он, обращаясь ко мне, – о роли Сталина в Великой Отечественной войне. Так вот, хочу подчеркнуть, что всем нам очень повезло, что с самого начала войны с нами был Сталин. Отмечу хотя бы его огромную роль в руководстве народным хозяйством. Все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу.

– Но действительно ли у Сталина была растерянность в первые дни или часы войны? – спрашиваю Молотова.

– А как же Вы думаете? Ведь Сталин был живой человек и на какое-то время неожиданные события его буквально потрясли и ошеломили. Он в самом деле не верил, что война так близка. И эта его позиция оказалась ошибочной»⁵⁰.

Как видим, и в беседе с Г. А. Куманевым Вячеслав Михайлович придерживается такого же мнения, которое он высказывал и Ф. И. Чуеву о поведении И. В. Сталина в первые дни войны. Я уже говорил о том, что Иосиф Виссарионович воспринял известие о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз так, как его восприняли все советские люди – с потрясением и ошеломлением. Хочу здесь немного развить свою мысль. По логике вещей его восприятие по сравнению с простым человеком должно было быть более эмоциональным, ибо на нем самая высокая ответственность за судьбу всей страны. Но, кроме этого, как подчеркнул В. М. Молотов, его угнетала ошибочность в просчете о сроках начала войны. Но потрясение и ошеломленность – это не хрущевская прострация. Прострация – это категория психологическая, это паралич воли и утрата

⁵⁰ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 12.

дееспособности. Потрясение и ошеломление – это чувственное состояние души, нервное потрясение. И если бы кто-то попытался доказывать, что Иосиф Виссарионович в эти минуты, часы и дни не испытывал этих общечеловеческих чувств, то тогда следовало бы усомниться в него человекоподобии.

Не согласны с хрущевско-микояновской ложью и другие сподвижники И. В. Сталина, работавшие с ним в эти полные драматизма дни.

Если заглянуть в Журнал регистрации посетителей с пометкой «22 июня», то можно обнаружить, что под номером 12 значится фамилия Георгия Димитрова, Генерального секретаря Исполкома Коминтерна. Находился он в кабинете ровно два часа – с 8 часов 40 минут до 10 часов 40 минут. Вошел он и вышел в одно и то же время с Д. З. Мануильским, членом ЦК ВКП (б), секретарем ИККИ. Это было единственное

вхождение Г. Димитрова в кабинет И. В. Сталина в течение рассматриваемого мною периода. В своем дневнике за 22 июня руководитель Коминтерна сделал такие пометки:

«В кабинете Сталина находятся Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков... Удивительное спокойствие, твердость, уверенность у Сталина и у других; редактируется правительственное заявление, которое Молотов должен сделать по радио; даются распоряжения для армии и флота; мероприятия по мобилизации и военное положение; подготовлено подземное место для работы ЦК ВКП (б) и Штаба».⁵¹

⁵¹ Пыхалов И. В. Великая оболганная война. М., 2009. С. 278.

А вот как в пух и прах разбивает хрущевскую ложь о про-
страции И. В. Сталина в первый день войны Я. Е. Чадаев,
который стал свидетелем его разговора с С. К. Тимошенко
в кабинете В. М. Молотова в полдень 22 июня: «Позвонил
кремлевский телефон. Молотов взял трубку и посмотрел на
Сталина:

– Тебя разыскивает Тимошенко. Будешь говорить?

Сталин подошел к телефону, немного послушал наркома
обороны, потом заявил:

– Внезапность нападения, разумеется, имеет важное зна-
чение в войне. Она дает инициативу и, следовательно, боль-
шое военное преимущество нападающей стороне. Но Вы
прикрываетесь внезапностью. Кстати, имейте в виду – немцы
внезапностью рассчитывают вызвать панику в частях нашей
армии. Надо строго-настрого предупредить командующих о
недопущении какой-либо паники. В директиве об этом ска-
жите... Если проект директивы готов, рассмотрим вместе с
последней сводкой... Свяжитесь еще раз с командующими,
выясните обстановку и приезжайте. Сколько потребуется Вам
времени? Ну, хорошо, два часа, не больше... А какова обста-
новка у Павлова?

Выслушав Тимошенко, Сталин нахмурил брови:

– Поговорю сам с ним...

Сталин положил трубку на аппарат и сказал:

– Павлов ничего конкретного не знает, что происходит на
границе! Не имеет связи даже со штабами армий! Ссылается
на то, что опоздала в войска директива. Но разве армия без ди-
рективы не должна находиться в боевой готовности?

Я внимательно наблюдал за Сталиным, думал в тот момент,
какую все-таки огромную власть он имеет. И насколько пра-
вильно сможет употребить эту власть, от чего зависит судьба
всей страны. Через некоторое мгновение, сдержав свой гнев,
Сталин добавил:

– Надо направить к Павлову Шапошникова. Я не сомневаюсь, что он поможет организовать управление войсками, укрепить их оборонительные позиции. Но наши войска, видимо, не могут справиться с задачей прикрытия западной границы. Они оказались в очень тяжелом положении: не хватает живой силы и военной техники, особенно самолетов. С первых часов вторжения господство в воздухе захватила немецкая авиация... Да, не сумели мы подтянуть силы, да и вообще не все сделали... не хватило времени. Надо немедленно нанести контрудары по противнику, а одновременно поручить кому-то заняться эвакуацией населения, предприятий и другого имущества из прифронтовых районов на восток. Ничего не должно достаться врагу. Обсудим этот вопрос на заседании, а вот товарищу Чадаеву поручим подобрать группу расторопных работников, чтобы они немедленно связались с местными партийными и советскими органами прифронтовой полосы и дали конкретные предложения.

Сталин подозвал меня поближе к себе.

– Надо организовать взятие на учет всех недостроенных, пустующих и других помещений, которые могут быть использованы под эвакуированные предприятия... У Вас, конечно, тьма других работ. Но сейчас это дело поважнее, и им следует заняться в первую очередь. О первых результатах доложите Вячеславу Михайловичу. А теперь можете идти...

В первый день войны мне довелось присутствовать на двух заседаниях у Сталина и вести протокольные записи этих заседаний. Что особенно запомнилось – это острота обсуждаемых вопросов на фоне отсутствия точных и конкретных данных у нашего высшего политического и военного руководства о действительном положении на фронтах войны. Несмотря на это, решения были приняты весьма важные и неотложные»⁵².

⁵² Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. М., 2005. С. 481–482.

Все описанное происходило 22 июня приблизительно в 14 часов. После нападения фашистской Германии прошло всего лишь десять часов, а И. В. Сталин, в меру имеющейся информации, уже осмыслил ситуацию, давал четкие указания наркомму обороны. Более того, он, размышляя о необходимости эвакуации населения и предприятий, уже начинал осознавать перспективы случившегося. Не стоит ли, на основе приведенных Я. Е. Чадаевым фактов, вооружиться микроскопом и с его помощью поискать эту пресловутую протрацию? При всем этом, следует выразить сомнение по поводу времени и места данного разговора. После выступления по радио В. М. Молотов вернулся в кабинет И. В. Сталина, как помечено в ЖРП, в 12 часов 25 минут и находился там до 16 часов 45 минут. Могло ли описанное Я. Е. Чадаевым происходить в полдень в кабинете наркома иностранных дел? К тому же в это время в кабинете И. В. Сталина, входя и выходя, находилось десять человек. Прием завершился в 16. 45. После этого, вполне возможно, И. В. Сталин и заходил в кабинет к В. М. Молотову, но в таком случае факт его разговора с С. К. Тимошенко никак не вписывается во временную логику событий – какой смысл приглашать в Кремль наркома обороны с проектом директивы после 16 часов 45 минут, если он вместе с Г. К. Жуковым и Н. Ф. Ватутиным там уже были с 14 до 16 часов? К рассуждениям по этому чадаевскому факту мы еще обратимся.

Опровергает хрущевскую ложь и Л. М. Каганович. За все эти дни он не был в сталинском кремлевском кабинете только один раз – 28 июня. К большому сожалению, Лазарь Моисеевич в своих воспоминаниях «Памятные записки» не оставил никаких суждений о поведении И. В. Сталина в первые дни войны, но зато с ним основательно поработали Ф. И. Чуев и Г. А. Куманев.

Пять лет Феликс Иванович встречался с Лазарем Моисеевичем, говорил по телефону. Пришло время, и все записанное

превратилось в книгу, аналогичную той, которая родилась после встреч с В. М. Молотовым. И хотя о первых днях войны Л. М. Каганович говорил мало, однако то, что он сказал, вряд ли понравится «сталиноедам»⁵³.

«Спрашиваю о 22 июня 1941 года:

– Был ли Сталин растерян? Говорят, никого не принимал?

– Ложь! Мы-то у него были... Нас принимал. Ночью мы собра-

лись у Сталина, когда Молотов принимал Шуленбурга. Сталин каждому из нас сразу же дал задание – мне по транспорту, Микояну – по снабжению»⁵⁴.

Понятно, что речь идет о первом дне войны. Но, что также вполне понятно, если бы Л. М. Каганович заметил какие-либо отклонения в поведении И. В. Сталина в последующие дни, наподобие прострации, он сказал бы об этом непременно. Заметил бы обязательно и болезненное состояние вождя. Но ничего подобного он Ф. Чуеву не поведал.

Жаль, очень жаль, что Феликс Иванович ограничился только вопросом относительно первого дня войны. Но зато версию, что И. В. Сталин был растерян и никого не принимал, отверг одним словом, да так, словно присургучил, – **ЛОЖЬ!**

А вот что хорошо сделал Ф. И. Чуев, так это то, что приложил к своей книге документ под заголовком «Из заметок Л. М. Кагановича о Н. С. Хрущеве». В нем есть интересные факты, ко-

⁵³ Выражение Л. М. Кагановича.

⁵⁴ Чуев Ф. И. Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. В кн.: Каганович. Шипилов. М., 2001. С. 115.

торые в какой-то мере проливают свет на политическое нутро Н. С. Хрущева. В нем есть и оценки роли И. В. Сталина в деле социалистического строительства. Думаю, они будут полезны читателю.

«Помню, когда я советовался с товарищем Сталиным по этому вопросу, я рассказал ему о Хрущеве, что он хороший работник, и о троцкистской стезе Хрущева в 1923–1924 годах. Товарищ Сталин спросил: «А как он, изжил эти ошибки?» Я ответил: «Не только изжил, но активно с ними борется». – «Ну тогда, – сказал Сталин, – выдвигать, тем более, что он работник хороший».

Помню, когда я потом обедал у него дома, Сталин спросил жену (она тогда тоже учились в Промакадемии): «Надя, это тот Хрущев из Промакадемии, о котором ты мне говорила как о хорошем работнике?» – «Да, – ответила она. – Он хороший работник». Потом вызвали товарища Хрущева на заседание секретариата ЦК, и товарищ Сталин сказал: «Что касается вашего греха в прошлом, то вы об этом скажете при выборах на конференции, а товарищ Каганович скажет, что ЦК это знает и доверяет товарищу Хрущеву». Так и было сделано...

Меня также спрашивают сейчас, не жалею ли я, что ввел Хрущева? Я отвечаю: нет, не жалею, он на моих глазах рос с 1925 года и вырос в крупного руководящего деятеля в краевом и областном масштабе. Он принес пользу нашему государству и партии, наряду с ошибками и недостатками, от которых никто не свободен. Однако «вышка» – Первый секретарь ЦК ВКП (б) – оказалась для него слишком высокой. Есть люди, у которых на большой высоте голова кружится. Хрущев и оказался таким человеком...

Вышеуказанные строки о Хрущеве были написаны мною до ознакомления с опубликованными «мемуарами» Хрущева. Когда в Москве появились опубликованные в Америке

мемуары, я их не читал, так как не мог их достать в Москве. Когда я спросил товарища Молотова, читал ли он эти мемуары, он мне сказал, что читал. На мой вопрос, как он их оценивает, он мне ответил: «Это антипартийный документ». Тогда я спросил: «Неужели Хрущев так опустил?» Молотов ответил: «Да, да в своем озлоблении, в связи с концом... его карьеры государственного руководителя он дошел до падения, политического и партийного падения в омут». Когда я сказал с сожалением и возмущением: «Да, это очень печально», Молотов мне сказал: «... особенно тебе, ведь ты его выдвинул». «Да, – сказал я, – выдвинул, правда до определенной черты, на пост 1-го секретаря ЦК я его не выдвигал, предвидя... что он не осилит эту работу, что провалится. Вы же все, в том числе и ты, Вячеслав, приняли это предложение Маленкова и Булганина»...

Не знал Сталин, что, приближая к себе «Микиту» с его «бульканьем», тот «булькнет» о Сталине после его смерти такое, что превзойдет даже намного Опанаса с его топорами и прорубью. На Украине рассказывают про одного «дюже разумного» Опанаса, который занимался тем, что придумывал новое. Вот раз ночью он будит жену и говорит ей: «Танько, вставай, придумал я нове: коли зібраты з всього села топори, да вырубить проруб в річці, да кинути її топори в ту проруб, ось булькне, аж на все село чутко буде».

Между прочим, сам Хрущев рассказывал это Сталину, и Сталин, когда приходил Хрущев, часто встречал его словами: «Ну, скажи, Микита, что сегодня «булькнет»...

Неверно, будто Молотов, Ворошилов, Каганович, Маленков отрицают ошибки Сталина. Но они в отличие от Хрущева и подерживавших его товарищей – Микояна, Шверника – считают, у Сталина преобладало Великое, положительное во всей его исторической революционной партийной деятельности. Они считают, что опыт и уроки Великой, действительной, не искус-

ственно раздутой исторической деятельности Сталина по руководству партией, советским народом всех национальностей после гениального Ленина на протяжении 30 лет – это Великий Капитал партии, не только исторический, а действующий, как и весь опыт марксизма-ленинизма. К этому Великому Капиталу – опыту Сталина – нельзя относиться бесцеремонно, по мелкобуржуазному.

Старые большевики в Президиуме ЦК говорили: мы должны критиковать, отменить и не допускать все отрицательное, что допускалось в практике Сталина и сталинского руководства и по объективным, и субъективным причинам. Это вредно для нашего продвижения вперед на пути к коммунизму. **Но мы не должны выбрасывать Великий опыт Сталина и всех нас, опыт и уроки борьбы с внутренними и внешними врагами социализма, которые могут еще появиться, повторить опыт гитлеровского фашизма и «пятой его колонны», которая разгромлена, но может возродиться. Сталин и его Великий опыт принадлежат партии, Советскому государству, советским народам (выделено мной. – А. С.)**

Никому не удастся отнять у нас Сталина, которого они глубоко чтили, уважали, приветствовали, выражая ему свою преданность и любовь в письмах... никому не удастся выключить из истории Великой борьбы народов СССР и партии Великого Сталина как талантливого соратника Ленина, признанного Великого вождя партии, Советских народов, полководца Советской Армии – революционного теоретика и практика мирового рабочего и коммунистического движения. Критикуя ошибки Сталина и не допуская их повторения, мы оставляем на вооружении нашей Родины и партии весь его богатый опыт и уроки борьбы за победу коммунизма».⁵⁵

⁵⁵ Чувев Ф. И. Каганович. Шипилов. С. 275, 281.

Все в этой пространной цитате верно.

Довелось встречаться с Л. М. Кагановичем и историку Г. А. Куманеву. В одной из бесед были затронуты вопросы о поведении И. В. Сталина в первый день войны. Вот как отвечал на них Лазарь Моисеевич.

«Г. А. Куманев: Лазарь Моисеевич, в 6-м номере за этот год журнала «Известия ЦК КПСС» (Вы его, наверное, получаете) опубликовано содержание тетради записей лиц, принятых Сталиным с вечера 21 по 28 июня 1941 года. И вот в записи от 22 июня дежурным отмечено, что в 8.00 часов к нему в кремлевский кабинет вошел т. Каганович Л. М., а вышел в 9.35, то есть Вы находились у Сталина полтора часа.

Л. М. Каганович: Да, верно.

Г. А. Куманев: А каким Вы нашли Сталина в тот момент?

Л. М. Каганович: Собранным, спокойным, решительным.

Г. А. Куманев: Интересно, какие лично Вам он давал указания?

Л. М. Каганович: Очень много указаний я получил. Они показались мне весьма продуманными, деловыми и своевременными.

Г. А. Куманев: Вы пришли по своей инициативе или Сталин Вас вызвал?

Л. М. Каганович: Вызвал Сталин. Он всех вызывал. Конечно, основной круг заданий мне был связан с работой железнодорожного транспорта. Эти поручения касались проблем максимального обеспечения перевозок: оперативных, снабженческих, народнохозяйственных, а также и эвакуационных⁵⁶.

Вот вам и прострация – «собранный, спокойный, решительный»! Обратите внимание, читатель, на фразу Лазаря Моисеевича относительно данного ему И. В. Сталиным задания: «Оно

⁵⁶ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 73.

показалось мне весьма продуманным, деловым и своевременным». В состоянии протрации человек нормально думать не в состоянии.

Теперь проследим, как хрущевско-микояновская ложь о поведении И. В. Сталина в первые дни войны, обволакивалась новыми «подробностями» новыми антисталинистами, а если по-кагановичски, то «сталиноедами». Ну, Лазарь Моисеевич! Припечатал он недругов И. В. Сталина классически!

4. «Сталиноед» в генеральских погонах и некоторые другие

Пожалуй, следует начать с генерала-историка Д. А. Волкогонова. Почему с него? Во-первых, он все-таки человек военный, многие годы проработавший на ниве просвещения и воспитания личного состава Советской Армии. Во-вторых, Дмитрий Антонович дважды доктор наук (философских и исторических), а это не фунт изюма. В-третьих, как-никак, а все-таки он несколько лет возглавлял Институт военной истории – альма-матер военной науки. Кому, как не ему, имевшему несравненно большие, чем кто-либо другой, возможности в деле доступа к архивным документам, объективно показать роль И. В. Сталина в Великой Отечественной войне.

Возможно, он это и сделал бы, да бес (читай – Хрущев) попугал. А тут еще подкатила возможность развернуть на

180 градусов свою политическую ориентацию. Память о репрессированном в тридцатые годы отце и умершей в ссылке матери, приглушенная высокими должностями в Советской Армии, распалила воображение. Почуввав куда ведет горбачевская перестройка, Д. А. Волкогонов загорелся идеей сострять политический портрет И. В. Сталина. Замысел воплотился в жизнь. Свою работу автор назвал «Триумф и трагедия». Поясняя название, он отмечал: «Так назвал книгу, пытаюсь показать, как триумф одного человека обернулся трагедией для великого народа».

Намекая на репрессии, издательство АПН, в недрах которого книга рождалась, отмечает: «Читатель узнает, как обожествление Сталина привело к тому, что триумф одного человека обернулся трагедией целого народа». Как может триумф одного человека (И. В. Сталина) обернуться трагедией для всего народа? Репрессии не могли стать трагедией целого народа, ибо они коснулись только его части, причем части незначительной и в своей основе враждебной большинству народа. И если говорить о причинах нашей Победы в этой страшной и жертвенной войне, то одной из них стало то, что в период германского нашествия в стране не было «пятой колонны», то есть не было организованного выступления антинародных элементов против советской власти. Те, кто мог претендовать на роль организатора борьбы с народной властью, были уничтожены. В годы войны, чего греха таить, были предатели. Но это капля в море. Причины предательства различны. И если среди этих причин были политические мотивы, то они проявлялись в наименьшей степени.

Дать книге о И. В. Сталине название, которое пришло в голову с воспаленным воображением Д. А. Волкогонова, можно было бы в том случае, если б «триумфатор с надутым в народе авторитетом» привел страну не к Победе в Великой Отечественной войне, а к поражению. Под волкогоновское название

книги очень хорошо вписалась бы биография Адольфа Гитлера – десятилетний триумф завоевателя привел к трагедии целого народа. Триумф немецкого лидера привел немецкий народ к поражению, а триумф советского лидера привел народы Советского Союза к триумфальной победе.

Прежде чем вступить в сражение со многими неправдоподобными фактами, которыми изрядно напичкана книга генерала-историка, следует сказать, что основой их формирования стали не только хрущевские опусы, но и мемуары Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». Освещая работу И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны, в том числе и в рассматриваемый нами период, Д. А. Волкогонов призывает в помощники известного маршала, ссылаясь на него, как на самого высокого и авторитетного исследователя этой войны. Вообще-то, в целой главе «Катастрофическое начало» официальная ссылка на книгу Г. К. Жукова всего лишь одна. Остальное – это беспардонное передирание жуковских фактов и даже прямой речи. Перекочевали в волкогоновскую книгу и, мягко выражаясь, те неточности, которые Георгий Константинович допустил в своих мемуарах. Их совершенно четко высветил Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина.

Следует заметить, что Г. К. Жуков, обиженный в послевоенный период на И. В. Сталина, достаточно основательно клюнул на хрущевскую удочку. Это своими мемуарами Георгий Константинович представил себя убежденным сталинистом, но до этого побывал в антисталинистах. Сегодня стала достоянием гласности подготовленная для выступления на плани-

ровавшемся во второй половине 1956 года Пленуме ЦК КПСС его речь «Состояние и задачи военно-идеологической работы». Почти вся она была посвящена критике «культы личности» И. В. Сталина. 19 мая Г. К. Жуков направил ее Н. С. Хрущеву для ознакомления. Пленум не состоялся, речь не озвучивалась, но ее текст в архив попал.

Впервые этот документ обнародовал В. М. Сойма в книге «Запрещенный Сталин». В 2006 году произнесенная речь Г. К. Жукова была включена в восемнадцатый том сочинений И. В. Сталина в качестве приложения. С небольшим сокращением я ее воспроизвел в книге «И. В. Сталин и Курская битва». Здесь же из этой несостоявшейся речи приведу один фрагмент, который показывает, как Григорий Константинович оценивал деятельность И. В. Сталина в первый день войны.

«22 июня в 3 ч. 15 мин. немцы начали боевые действия на всех фронтах, нанеся авиационные удары по аэродромам с целью уничтожения нашей авиации, по военно-морским базам и по ряду крупных городов в приграничной зоне. В 3 ч. 25 мин. Сталин был мною разбужен, и ему было доложено о том, что немцы начали войну, бомбят наши аэродромы, города и открыли огонь по нашим войскам. Мы с тов. С. К. Тимошенко просили разрешения дать войскам приказ о соответствующих ответных действиях. Сталин, тяжело дыша в телефонную трубку, в течение нескольких минут ничего не мог сказать и на повторные вопросы ответил: «Это провокация немецких военных. Огня не открывать, чтобы не развязать более широких действий. Передайте Поскребышеву, чтобы он вызвал к 5 часам Берия, Молотова, Маленкова, на совещание прибыть вам и Тимошенко».

Прервемся буквально на минутку, и прервемся для того, чтобы заметить: о том, что Георгий Константинович в телефонном разговоре вместе с наркомом обороны просили разрешения дать войскам приказ об ответных действиях, в своих мемуарах не упоминает. А теперь продолжим.

«Свою мысль о провокации немцев Сталин вновь подтвердил, когда он прибыл в ЦК. Сообщение о том, что немецкие войска на ряде участков уже ворвались на нашу территорию, не убедило его в том, что противник начал настоящую и заранее подготовленную войну. До 6 часов 30 мин. он не давал разрешения на ответные действия и открытие огня, а фашистские войска тем временем, уничтожая героически сражавшиеся части пограничной охраны, вклинились в нашу территорию, ввели в дело свои танковые части и начали стремительно развивать удары своих группировок».

И вновь есть необходимость прерваться. Факта, что И. В. Сталин до 6 часов 30 минут не давал разрешения на ответные действия, в мемуарах маршала нет. А теперь завершим цитирование.

«Как видите, кроме просчетов в оценке обстановки, неподготовленности к войне, с первых минут возникновения войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, использовав которую, противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях»⁵⁷.

Как все просто и... до глупого наивно. Нерастерявшиеся С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков в 5 часов 45 минут по вызову растерявшегося И. В. Сталина оказались в его кабинете! Растерявшийся хозяин кабинета одиннадцать часов принимал всех основных руководителей партии и государства, переводил страну на военное положение. «Полную растерянность» И. В. Сталина использовал противник. А что делали в условиях этой «полной растерянности» наши пограничники и регулярные части Красной Армии? Они ведь не ждали, когда эта растерянность пройдет, не ждали приказа из Москвы, они, исходя из создавшейся обстановки, сражались! Пусть и отступая, но сражались!

⁵⁷ Сталин И. Сочинения. Т. 18. С. 695–696.

Что все это означает? Только ли необъективность? Нет, это стремление переложить вину высшего военного руководства за подготовку армии к войне, ее боеготовность накануне нападения Германии, в том числе и свою личную ответственность, на одного человека.

Однако справедливости ради, следует сказать, что в беседе с писателем К. М. Симоновым Г. К. Жуков на проблему ответственности посмотрел более объективно:

«У нас часто принято говорить, в особенности в связи с предвоенной обстановкой и началом войны, о вине и об ответственности Сталина.

С одной стороны – это верно. Но с другой, думаю, что нельзя все сводить к нему одному. Это неправильно. Как очевидец и участник событий того времени должен сказать, что со Сталиным делят ответственность и другие люди, в том числе и его ближайшее окружение – Молотов, Маленков, Каганович.

Не говорю о Берии. Он был личностью, готовой выполнить все, что угодно, когда угодно и как угодно. Именно для этой цели такие личности и необходимы. Так что вопрос о нем – особый вопрос, и в данном случае я говорю о других людях.

Добавлю, что часть ответственности лежит и на Ворошилове, хотя он и был в 1940 году снят с поста наркома обороны, но до самого начала войны оставался Председателем Комитета Обороны. Часть ответственности лежит на нас – военных. Лежит она и на целом ряде других людей в партии и государстве»⁵⁸.

Фраза – «Часть ответственности лежит на нас – военных» – справедливая. Но она была бы более справедливой, если бы автор добавил еще одно слово – «большая». Поведение некоторых высокопоставленных чиновников в погонах в первый

⁵⁸ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. В кн.: «Мгновения». С. 101–102.

день войны просто удивляет. Удручающее впечатление произвел на меня факт, описанный Н. Д. Яковлевым в его мемуарах.

15 июня 1941 года Николай Дмитриевич неожиданно для себя был назначен начальником Главного артиллерийского управления Красной Армии. 21 июня он представился наркому обороны и получил указание принять должность у своего предшественника маршала Г. И. Кулика. Во время телефонного разговора с ним Николай Дмитриевич получил приглашение поучаствовать в совещании в ГАУ. Далее слово предоставляю автору.

«Была уже глубокая ночь, а совещание все продолжалось. Теперь высказывались военные и гражданские инженеры. Первые давали свои оценки взрывателям, вторые – свои. Спорили подчас довольно остро. Г. И. Кулик не вмешивался, сидел молча, с безразличным выражением на лице. Я тоже вскоре потерял в потоке жарких слов нить обсуждения, да, честно говоря, мне в общем-то и не была известна суть дела. К тому же я просто устал.

Так проспорили до начала четвертого утра 22 июня. А вскоре последовал звонок по «кремлевке». Кулик взял трубку, бросил в нее несколько непонятных фраз. Со слегка побледневшим лицом положил ее на рычаги и жестом позвал меня в соседнюю комнату. Здесь торопливо сказал, что немцы напали на наши приграничные войска и населенные пункты, его срочно вызывают в ЦК, так что мне теперь самому надо будет вступать в должность начальника ГАУ. И действительно, Г. И. Кулик тотчас же закрыл совещание и уехал.

Я остался один в кабинете начальника ГАУ. Стал думать, что же мне теперь делать, с чего начинать. Никого из личного состава в управлении, кроме дежурных, не было.

Между тем за окнами светало, и, если принять во внимание сказанное Куликом, шла война. А телефоны молчат. Позвонил сам наркому, затем – начальнику Генштаба. Пробовал связать-

ся с Н. Ф. Ватутиным, Г. К. Маландиным. Словом, со всеми, кого знал по работе в КОВО. Все в ЦК. Что же делать? И почему Кулик не объявил о начале войны ответственным товарищам из промышленности, в том числе и наркомам, присутствовавшим на совещании? Да и отпустил их, не представив меня...

Вызвал недоумевающего дежурного, объявил ему, что являюсь новым начальником ГАУ, и потребовал от него список руководящего состава управления. Он еще больше смутился, когда я распорядился вызвать на 10 часов своих заместителей. На неуверенное напоминание, что сегодня же воскресенье, я резко подтвердил свое распоряжение.

Дежурный вышел.

Ровно в 10.00 ко мне зашли генералы В. И. Хохлов, К. Р. Мышков, А. П. Байков, П. П. Чечулин, комиссар И. И. Новиков. Объявил им о вступлении в должность, познакомился и передал, что сегодня рано утром немецко-фашистские войска без объявления войны напали на нашу Родину. Это сообщение буквально ошарашило моих заместителей»⁵⁹.

Уму непостижимо! Заместители начальника ГАУ узнали о начале войны в 10 часов утра 22 июня! А каков маршал Г. И. Кулик! Узнает по телефону о начале войны и не доводит эту информацию до участников совещания! И куда же он уехал, закрыв совещание? По сведениям ЖРП он был в кабинете И. В. Сталина в период с 15. 30 до 16. 00. Кто же приводил в боевую готовность подчиненные ГАУ части и подчиненные ему учреждения? Уму непостижимо!

Но вернемся к Г. К. Жукову. В 1955 году «Военно-исторический журнал» опубликовал под интригующим названием статью доктора исторических наук полковника в отставке В. А. Анфилова «Разговор закончился угрозой Сталина», сопроводив ее пояснением – «10 неизвестных бесед с маршалом Г. К. Жуковым

⁵⁹ Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1984. С. 58–59.

в мае-июне 1965 года». «На вопрос, как Вы оцениваете Сталина? Георгий Константинович ответил: «Сталин, безусловно, является сильной личностью. Он был подготовлен не только как марксист-теоретик... Будучи Верховным Главнокомандующим, он, конечно, руководил военными действиями не по глобусу, как это утверждает Хрущев. Но его подготовка к началу войны базировалась главным образом на опыте гражданской войны. К современной войне он не был подготовлен, а отсюда и растерянность, и неумение оценить обстановку, и грубейшие просчеты и ошибки. Все это пагубно сказалось на ряде операций в первом периоде войны»⁶⁰.

Да-а! И вроде не было никаких совещаний, организованных по инициативе И. В. Сталина, на которых он, «неподготовленный к современной войне», тыкал носом военных в те недостатки в боевой подготовке войск, которые как раз и порождались тем, что многие из них никак не могли отрешиться от опыта гражданской войны. Приведу один наиболее яркий пример в этом плане.

Как известно, закончившаяся в марте 1940 года советско-финская война вскрыла ряд недостатков военно-политического характера. Они были подробнейшим образом обсуждены на совещании начальствующего состава Красной Армии 17 апреля этого же года. Центральным местом совещания стало выступление И. В. Сталина. Читаешь этот документ и еще раз убеждаешься, насколько был компетентен в военных вопросах этот сугубо штатский человек. Вот несколько фрагментов из этого выступления с моими комментариями.

«Гражданская война – это не настоящая война, потому что это была война без артиллерии, без авиации, без танков, без минометов... Так вот, что помешало нашему командному составу с ходу вести войну в Финляндии по-новому, не по ти-

⁶⁰ Военно-исторический журнал. 1995. № 3.

пу гражданской войны, а по-новому. Помешали, по-моему, культ традиции и опыта гражданской войны. Как у нас расценивают комсостав: а ты участвовал в гражданской войне? Нет, не участвовал. Пошел вон. А ты участвовал? Участвовал. Давай его сюда, у него большой опыт и прочее».

Вот этот культ Гражданской войны, который бесспорно ценен, но явно недостаточен, и помешал командному составу Красной Армии перестроиться в войне с Финляндией на новый лад, на рельсы современной войны. Только что закончившаяся война, по мнению выступающего, подсказывает, что с этим надо покончить. Далее он привел весьма убедительные примеры устаревших подходов к современной войне. Некоторые командиры до сих пор не понимают, что нельзя сразу вести атаку, без артиллерийской подготовки, нельзя вести полки на ура. Непонимание того, что в современной войне артиллерия, автоматическое оружие во многом решают дело наступления, присуще многим командирам. **«Все эти разговоры о том, что жалеть нужно снаряды, нужны ли самозарядные винтовки, что они берут много патронов, зачем нужен автомат, который столько патронов берет, все эти разговоры, что нужно стрелять только по целям – все это старое, это область и традиции гражданской войны. Это не содержит ничего современного».**

Дело дошло до того, что невоенные люди, в том числе И. В. Сталин и В. М. Молотов, спорили с руководителями военных ведомств по всем этим вопросам и заставили последних признать, что война с Финляндией, которую обучала Германия, обучают Франция и Англия, – это современная война.

Далее выступающий ставит совершенно конкретные вопросы: почему прекратили производство автоматов Дегтярева, почему нет минометов? Дело это ведь не новое еще со времен империалистической войны. 24 года прошло с момента ее окончания, а у нас до сих пор нет минометов? Почему? И. В. Сталин резюмирует: **«Ни ответа, ни привета».**

Выступающий, назвав конкретные фамилии командующих армиями (В. А. Фролов, М. П. Ковалев), которые начали успешно перестраиваться на новый лад уже в ходе войны с Финляндией, еще раз заострил внимание участников совещания: **«Традиции и опыт гражданской войны совершенно недостаточны, и кто их считает достаточными, наверняка погибнет. Командир, считающий, что он может воевать и побеждать, опираясь только на опыт гражданской войны, погибнет как командир. Он должен этот опыт и ценность гражданской войны дополнить обязательно...дополнить опытом войны современной».**

После анализа этих основных недостатков, касающихся военной политики советского государства и вытекающих из итогов войны с Финляндией, И. В. Сталин перешел к характеристике современной, на тот период, армии, убедительно показал, что ей необходимо иметь, чтобы стать таковой. Он дал точные и выверенные оценки всем новым видам оружия, которые характеризуют современные армии и войны. Вот выжимки из его высказываний.

«Что такое современная война – интересный вопрос, чего она требует? Она требует массовой артиллерии. В современной войне артиллерия это Бог...кто хочет перестроиться на новый современный лад, должен понять – артиллерия решает судьбу войны, массовая артиллерия. И поэтому разговоры, что нужно стрелять по цели, а не по площади, жалеть снаряды, это несусветная глупость, которая может загубить дело. Если нужно в день дать 400–500 снарядов, чтобы разбить тыл противника...нужно не жалеть снарядов и патронов».

«Второе – авиация, массовая авиация, не сотни, а тысячи самолетов. И тот, кто хочет вести войну по-современному и победить в современной войне, тот не может говорить, что нужно экономить бомбы. Чепуха, товарищи, побольше бомб нужно давать противнику для того, чтобы оглушить его, пе-

ревернуть вверх дном его города, тогда добьемся победы. Больше снарядов, больше патронов давать, меньше людей будет потеряно. Будете жалеть патроны и снаряды – будет больше потерь. Надо выбирать. Давать больше снарядов и патронов или жалеть свою армию, сохранять силы, давать минимум убитых, или не жалеть бомбы, снаряды».

«Дальше – танки, третье, тоже решающее, нужны массовые танки, не сотни, а тысячи. Танки, защищенные броней – это все. Если танки будут толстокожими, они будут чудеса творить при нашей артиллерии, при нашей пехоте».

«Минометы – четвертое, нет современной войны без минометов, массовых минометов. Все корпуса, все роты, батальоны, полки должны иметь минометы 6-дюймовые обязательно, 8-дюймовые. Это страшно нужно для современной войны...Замечательная штука миномет. Не жалеть мин, вот лозунг, жалеть своих людей. Если жалеть бомбы и снаряды – не жалеть людей, меньше людей будет. Если хотите, чтобы у нас война была с малой кровью, – не жалейте мин».

«Дальше – автоматизация ручного оружия. До сих пор идут споры: нужны ли нам самозарядные винтовки с десятизарядным магазином? Люди, которые живут традициями гражданской войны, – дураки, хотя они и хорошие люди, когда говорят: а зачем нам самозарядные винтовки?.. Боец с самозарядной винтовкой равняется трем бойцам».

Весьма интересны мысли, высказанные Иосифом Виссарионовичем относительно командного состава Красной Армии, штабной работы и солдатской массы. Не буду их интерпретировать, дабы не обеднять стиль, характерные особенности речи выступающего и манеру его говорить, их лучше тоже процитировать.

«Нынешний общевойсковой командир, это не командир старой эпохи гражданской войны – там винтовка, трехдюймовый пулемет. Сейчас командир, если он хочет быть авто-

ритетным для всех родов войск, он должен знать авиацию, танки, артиллерию с разными калибрами, минометы, тогда он может давать задания. Значит, нам нужен командный состав квалифицированный, культурный, образованный».

На этом совещании Г. К. Жуков присутствовал, об этом он упоминает в своих мемуарах, а вот о выступлении И. В. Сталина – ни слова. Как после всего этого выглядит его фраза о том, что военная подготовка И. В. Сталина к началу войны базировалась главным образом на опыте Гражданской войны и что к современной войне он не был подготовлен? А каким опытом к началу Великой Отечественной войны обладал сам Георгий Константинович? Всего лишь опытом боев в районе Халхин-Гола. Кстати, после возвращения он был вызван в Кремль, где впервые встретился с И. В. Сталиным. Итог этой встречи Г. К. Жуков описал в своих воспоминаниях так: «Возвратясь в гостиницу «Москва», я долго не мог в ту ночь заснуть, находясь под впечатлением этой беседы. Внешность И. В. Сталина, его негромкий голос, конкретность и глубина суждений, **осведомленность в военных вопросах** (выделено мной. – **А. С.**), внимание, с которым он слушал доклад, произвели на меня большое впечатление»⁶¹.

Для руководства войной не обязательно быть военным. Ни А. Гитлер, ни У. Черчилль, ни Ф. Рузвельт тоже не были профессиональными военными. И тоже руководили вооруженной борьбой своих стран. Думаю, И. В. Сталин не хуже их разбирался в стратегических вопросах войны.

Вот мнение на сей счет Л. М. Кагановича. Высказал он его в одной из бесед с Г. А. Куманевым.

«Л. М. Каганович: Я обращаю Ваше внимание на суть одной статьи Сталина, которая называется «К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов». Она была напечатана в «Прав-

⁶¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1., М., 1975. С. 192.

де» еще в марте 1923 г. и вошла в 5-й том сочинений Сталина. Уже в этой статье он показал, что как раз неплохо разбирается в военной теории, в вопросах стратегии и тактики. Этот том у меня как раз под рукой, и я прошу Вас прочитать сейчас вслух из данной статьи те места, где имеются закладки и что я когда-то подчеркнул, начиная со слов: «План стратегии – это план...» и т. д.

Г. А. Куманев: (читает вслух) «План стратегии – это план организации решающего удара в том направлении, в котором удар скорее всего может дать максимум результатов... Иначе говоря: определить направление основного удара – это значит предрешить характер операций на весь период войны, предрешить, стало быть, на 9/10 судьбу всей войны. В этом задача стратегии».

И вот еще одно место, подчеркнутое Вами: «Тактика есть часть стратегии, ей подчиненная, ее обслуживающая. Тактика имеет дело не с войной в целом, а с ее отдельными эпизодами, с боями, с сражениями. Если стратегия старается выиграть войну или довести до конца, скажем, борьбу с царизмом, то тактика, наоборот, стремится выиграть те или иные сражения, те или иные бои, успешно провести те или иные кампании, те или иные выступления, более или менее соответствующие конкретной обстановке борьбы в каждый данный момент.

Важнейшей задачей тактики является определение тех путей и средств, тех форм и способов борьбы, которые более всего соответствуют конкретной обстановке в данный момент и вернее всего готовят стратегический успех. Поэтому действия тактики, их результаты должны быть расцениваемы не сами по себе, не с точки зрения непосредственного эффекта, а с точки зрения задач и возможностей стратегии» (Сталин И. В. Соч. Т. 5. С. 163–164, 166).

Л. М. Каганович: Благодарю Вас. Все эти замечания, рассуждения Сталина по вопросам военного искусства мне пред-

ставляются достаточно зрелыми в теоретическом отношении. Но Сталин вышел из гражданской войны обогащенным и разнообразной практикой. В этой войне он проявил свою высокую компетентность. В огне ее он видал виды. В сложных ситуациях мог и растеряться, но не растерялся. Сталин владел великой стратегией. Приходилось и отступать, но не испугался отступлений. Посмотрите, как в гражданской войне Москва была окружена: Колчак, Юденич, Деникин. Москва вот-вот должна была пасть. А Сталин последовательно был членом Военных советов и Западного, и Южного, и Царицынского, и Юго-Западного, и Северо-Западного фронтов. И сыграл немалую роль в защите Советской республики и ее столицы.

Сталин, повторяю, видал виды, войну он знал лучше всех других руководителей (не считая, конечно, Ленина) и его опыт в Гражданской войне колоссален. Он не писал много об этом. И когда началась Великая Отечественная война, наш вождь, военный руководитель был компетентен с самого ее начала и снова не растерялся, что мы отступаем. Он был твердо уверен, что мы победим, и твердо руководил страной, партией, армией, экономикой»⁶².

А вот мнение историка С. Н. Семанова: «Военного образования у Сталина, как мы знаем, не было, но практика военная имела – в годы Гражданской войны. Однако, во-первых, это был все же двадцатилетней давности опыт гражданской войны, и он отнюдь не всегда мог годиться в условиях 1941 года, а во-вторых, в 1918–1920 годах Сталину по преимуществу приходилось решать военно-политические и организационные задачи. Теперь же, в начале июля 1941 года, перед ним встала необходимость овладеть всей суммой военных знаний, вплоть до общестратегических проблем. Не следует думать, что подобные проблемы могли вызвать смущение у Сталина, а тем

⁶² Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 66–67.

более страх: ведь он был незаурядным знатоком политической стратегии, а это значило немало.

На рабочем столе Верховного Главнокомандующего появляются книги по военной стратегии, он тщательно штудировал их. Ум Сталина по-прежнему цепок и всеобъемлющ, память – великолепная, а потому военную теорию он вскоре будет знать и понимать (а это – главное) получше многих генералов Генштаба, удивляя их этим раз за разом. Но все же для познания необходимо время, а ему, Верховному Главнокомандующему, надо принимать решения сейчас, немедленно, и решения эти – одно другого тяжелее и ответственнее...»⁶³

Или вот еще факт необъективной оценки деятельности И. В. Сталина в первые дни войны со стороны Г. К. Жукова. В марте 1964 года Георгий Константинович написал письмо писателю В. Д. Соколову, автору романа «Вторжение». В нем также есть фрагмент о поведении И. В. Сталина в первые дни войны. Вот это место: «До 10 июля Главкомом и Председателем Ставки был Тимошенко, но это был юридический Главком. А фактически ГК был Сталин. Без утверждения Сталина Тимошенко не имел возможности отдать войскам какое-либо принципиальное распоряжение. Сталин ежечасно вмешивался в ход событий, в работу Главкома, по несколько раз на день вызывал Главкома Тимошенко и меня в Кремль, страшно нервничал, бранился и всем этим только дезорганизовывал и без того недостаточно организованную работу Главного командования в осложнившейся обстановке»⁶⁴.

Действительно нарком обороны С. К. Тимошенко не мог без согласования с И. В. Сталиным отдать войскам то или иное **принципиальное** распоряжение. И ничего удивительного в этом с точки зрения государственной субординации нет. Все-

⁶³ Семанов С. Н. Сталин. С. 333–334.

⁶⁴ Кремлев С. 10 мифов о 1941 годе. С. 193.

таки наркомат обороны – это часть Совета Народных Комиссаров, председателем которого был И. В. Сталин. И он не мог, не имел права не интересоваться ходом начавшейся войны и не давать наркому и начальнику Генерального штаба принципиальных указаний. Только вот по Жукову, оказывается, он им мешал работать. Сама по себе такая постановка вопроса просто неэтична. Но она еще и неверна фактически. Попробую обосновать это с помощью ЖРП, взяв период с 22 июня по 3 июля 1941 года.

22 июня. С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков были в кабинете И. В. Сталина дважды: с 5.45 до 8.30 и с 14.00 до 16.00. Общее время общения составило 4 часа 45 минут. В этот день начальник Генерального штаба вылетел в штаб Юго-Западного фронта.

23 июня. В этот день совещание в Кремле проводилось дважды – ночью и вечером. Нарком обороны появлялся в кабинете И. В. Сталина трижды: с 3.30 до 6.10, с 18.59 до 20.45 и с 23.55 до 0.55. Всего на общение с вождем ушло 4 часа 26 минут.

24 июня. С. К. Тимошенко вызывался один раз и присутствовал в кабинете И. В. Сталина с 17.30 до 20.55, то есть 3 часа 25 минут.

25 июня. С. К. Тимошенко находился в кабинете дважды – в ночное и вечернее время. Первый раз с 1.40 до 5.50 и второй – с 20. 20 до 24.00. Общее время составило 7 часов 50 минут.

26 июня. Нарком обороны побывал в кабинете И. В. Сталина дважды: с 13.00 до 16.10 и с 21.00 до 22.00. Второй раз он посетил кабинет И. В. Сталина вместе с вернувшимся из командировки Г. К. Жуковым. Общая затрата времени на посещение составила 4 часа 10 минут.

27 июня. Оба военных руководителя были приняты в период с 21.30 до 23.00, что составило 1 час 30 минут.

28 июня. Вновь и С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков появились и покинули кабинет И. В. Сталина в одно и то же время – с 21.30 до 23.10. Общались они 1 час 40 минут.

29 и 30 июня приема не было.

1 июля. С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков вместе пробыли в кабинете вождя 2 часа 10 минут, их визит продолжался с 16. 50 до 19.00.

2 июля. Руководители военного ведомства в Кремль не вызывались.

3 июля. Начальник Генерального штаба вошел в кабинет И. В. Сталина в 24.00 и пробыл там 1 час 40 минут.

Где здесь чрезмерность вызовов? Где здесь «ежечасно» и «по несколько раз в день»? Таких дней было всего-то три. Что касается самого Георгия Константиновича, то за этот анализируемый мной период он вызывался в Кремль дважды в день только пару раз – 22 и 26 июня. Первый раз с утренним докладом о нападении Германии и убытием в командировку, и второй раз днем по случаю прибытия из нее и вечером вместе с С. К. Тимошенко и Н. Ф. Ватутиным для доклада об общей обстановке на советско-германском фронте.

Можно ли при таком фактическом раскладе времени посещений кремлевского кабинета И. В. Сталина нарком обороны и начальником Генерального штаба говорить, что он **«ежечасно вмешивался в ход событий»** и **«по несколько раз на день вызывал»** их в Кремль? Ведь необходимость в этих вызовах объясняется прежде всего тем, что ни нарком обороны, ни начальник Генерального штаба сами толком не знали обстановки на фронтах, не могли по этому вопросу дать внятного ответа руководству страны. А потом, как можно переводить страну на военный лад, какие давать указания и принимать решения на отражение агрессии, без контакта с руководством военного ведомства? Это был естественный, жизненно необходимый процесс. И прошу читателя заметить, что в связи с относительным

прояснением обстановки в районе боевых действий, вызовы военных руководителей в Кремль, их пребывание там, значительно сократились.

Но по Жукову оказывается, в начальный период войны И. В. Сталин не налаживал работу, а дезорганизовывал ее. Вот так, брошенные как бы мимоходом несколько фраз, да еще таким авторитетным в стране человеком, каким являлся Георгий Константинович, начисто искажают подлинную организаторскую деятельность И. В. Сталина в первые дни войны, и сдвигают мозги набекрень у некоторой части читательской публики. Не заслужил Иосиф Виссарионович такой оценки своей деятельности со стороны своего ближайшего помощника по военным делам.

И еще об одном малоизвестном факте, о котором поведал Л. Лопуховский в своей статье «В первые дни войны». Речь идет о том, что накануне немецкого вторжения некоторые командующие приграничных округов пытались что-то предпринять в связи, как пишет автор, с «всевозрастающей опасностью нападения немцев», но «эти попытки пресекались на корню». Кем пресекались, понятно. Так вот, в такой обстановке «в Красной Армии не было людей, способных хотя бы попытаться противоречить вождю». Далее цитирую: «Нарком обороны и начальник Генерального штаба проявили в канун войны, по крайней мере, малодушие. В старой русской и в новой советской армии генералы (за редким исключением) своего начальства боялись больше, чем врага». Затем Л. Лопуховский этот свой вывод подтверждает фактом, позаимствованным из журнала «Коммунист» (№ 14 за 1988 год).

«При посещении редакции Военно-исторического журнала 13 августа 1966 г. в минуту откровенности Г.К. Жуков сделал характерное признание, записанное на магнитофон:

«Тимошенко кое-что начал двигать, несмотря на строжайшие указания. Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал:

вот, мол, военные не выполняют, провоцируют, я имею донесение от [неразборчиво. – Ред.]. Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует нахлобучку. Этот удар спустился до меня. Что вы смотрите? Немедленно вызвать к телефону Кирпоноса, немедленно отвести, наказать виновных и прочее. Я, конечно, по этой части не отставал. Ну и пошло. А уже другие командующие не рискнули. Давайте приказ, тогда... А кто приказ даст? Кто захочет класть свою голову? Вот, допустим, я, Жуков, чувствуя нависшую над страной опасность, отдаю приказание: «Развернуть». Сталину докладывают. На каком основании? На основании опасности. Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал. Я, конечно, не снимаю с себя ответственности [...]

После цитирования автор делает свой вывод: «Здесь прославленный маршал признался, что у него не хватило гражданского мужества для того, чтобы сказать вождю правду о действительном положении вещей. А для этого надо было признать, что прозевали развертывание немецких войск для нападения, что войска армий прикрытия по своему составу не способны отразить удар немцев и обеспечить мобилизацию и развертывание Красной Армии. Ведь Сталин был убежден, что советская оборона выдержит первый удар немцев и тем самым будет создана возможность для реализации планов контрнаступления, которые неоднократно отрабатывались на учениях разного уровня. Тем самым Жуков признал, что он свою безопасность и личное благополучие поставил выше государственных интересов»⁶⁵.

Вот таков Г. К. Жуков вне своих мемуаров.

В последующем, обиженный Н. С. Хрущевым, он подкорректировал свое мнение о И. В. Сталине, что и отразилось в его воспоминаниях. В связи с этим назвать Георгия Константиновича ан-

⁶⁵ Лопуховский Л. В первые дни войны. В кн.: 1941. Великая Отечественная катастрофа. Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. 2009. С. 368–369.

тисталинистом ну никак нельзя. Однако не могу не согласиться с мнением на сей счет А. Л. Костина, мнением более резким и критическим, но справедливым: «Ярким, можно сказать классическим, примером конъюнктурного характера мемуаров являются «Воспоминания и размышления» Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, которые длительное время назывались едва ли не самой объективной летописью Великой Отечественной войны».

И еще: «Да к тому времени Жуков сдал Сталина с потрохами и стал «твердым антисталинистом», принял самое активное участие в возведении на властный Олимп Хрущева».

И еще раз «еще»: «Да и сами мемуары прославленного полководца – сплошной миф в прославление своих же заслуг. А вот, поди ж ты, все ученые-историки и маститые писатели непременно сошлутся в своих трудах на сие бессмертное творение, по существу, давно уже разобранный на цитаты, как усиленно разбирается на цитаты классический труд «27-го бакинского комиссара» «Так было» новым поколением мифоразрушителей сталинской «прострации»⁶⁶.

Хочу пояснить читателю, почему мне пришлось так много говорить об этой стороне деятельности Г. К. Жукова. Полководческий талант Георгия Константиновича неоспорим. Но Жуков-полководец и Жуков-политик – это две разные вещи. Да и мемуары его оказались далеко не безупречными. После этого замечания, вернусь к Д. А. Волкогонову.

Перенося факты из жуковских мемуаров в свою книгу один к одному, Дмитрий Антонович не только повторил его ошибки и неточности, но, используя его внемемуарные оценки, осознанно сопроводил их своими умопомрачающими домыслами и подтасовками. Сделав это подлое дело, он стал в исторической науке преступником.

⁶⁶ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 7, 88, 163.

Теперь обратимся к тем местам волкогоновской книги, в которых освещается деятельность И. В. Сталина в первые дни войны. Но начнем с 21 июня, так как при описании этого дня автор допустил ряд грубых ошибок и вымыслов.

Узнав, как пишет Д. А. Волкогонов, от командующего Киевским особым военным округом генерал-полковника М. П. Кирпоноса, что перебежчики сообщили о том, что этой ночью германские войска совершат нападение на Советский Союз, С. К. Тимошенко немедленно доложил об этом И. В. Сталину. Тот приказал наркомун прибыть к нему в Кремль вместе с Г. К. Жуковым и Н. Ф. Ватутиным. Далее цитирую: «Как вспоминает Жуков, там уже были все члены Политбюро. Сталин, как всегда, расхаживал вдоль стола. Когда вызванные военачальники вошли, он сказал, обращаясь ко всем:

– Что будем делать?

Все молчали.

– Надо немедленно дать директиву о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, – в напряженной тишине, наконец, прозвучал голос Тимошенко»⁶⁷.

Плохо читал воспоминания Г. К. Жукова историк Д. А. Волкогонов. Он неудачно воспользовался следующим местом из воспоминаний Маршала Советского Союза. Открываем страницу 264-ю первого тома «Воспоминаний и размышлений» издания 1975 года и читаем: «Примерно в 24 часа 21 июня командующий Киевским округом М. П. Кирпонос... доложил по ВЧ, что, кроме перебежчика, о котором сообщил генерал М. А. Пуркаев, в наших частях появился еще один немецкий солдат... и сообщил, что в 4 часа немецкие войска перейдут в наступление. М. П. Кирпоносу было приказано быстрее передать директиву в войска о приведении их в боевую готовность... Об этом мы доложили в 00. 30 минут ночи И. В. Стали-

⁶⁷ Волкогонов. Д. А. Триумф и трагедия. М., 1989. С. 146, 147.

ну. И. В. Сталин спросил, передана ли директива в округа. Я ответил утвердительно».

Как видим, никого в Кремль после доклада С. К. Тимошенко И. В. Сталин не вызывал. Однако вызов был, но на несколько часов раньше. Теперь заглянем на страницу 261-ю жуковской книги. Цитирую: «Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М. А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик – немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня. Я тотчас же доложил наркомку и И. В. Сталину, что передал М. А. Пуркаев.

– Приезжайте с наркомом в Кремль, – сказал И. В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н. Ф. Ватутиным мы выехали в Кремль. По дороге договорились, во что бы ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

– А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? – спросил Сталин.

– Нет, – ответил С. К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их.

– Что будем делать? – спросил И. В. Сталин.

Ответа не последовало.

– Надо немедленно дать директиву войскам о приведении всех войск приграничных округов в полную боевую готовность, – сказал нарком.

– Читайте! – сказал И. В. Сталин.

Я прочитал проект директивы...»⁶⁸.

⁶⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 261, 262.

Таким образом, звонок наркома обороны И. В. Сталину в полночь с 21 на 22 июня и якобы последовавшее его приказание военным прибыть в Кремль Д. А. Волкогонов совместил с действительно имевшим место совещанием в вечернее время этого дня.

Напутал здесь, стараясь себя выпятить, и Георгий Константинович. Уж где-где, а в армии строгая субординация. Не может начальник Генерального штаба, доложив наркому о чем-то, параллельно доносить об этом же председателю СНК. Он мог это сделать только в том случае, если бы получил такое указание от самого С. К. Тимошенко. Но тогда об этом следовало бы и написать.

А теперь о волкогоновской фразе: «Как вспоминал Жуков, там уже были все члены Политбюро». А как же на самом деле вспоминал Георгий Константинович? Вынужден еще раз повторить это место из его воспоминаний: «И. В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен». И якобы уже после беседы с наркомом и начальником Генерального штаба появились члены Политбюро: «... тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их».

Чувствуется, читал воспоминания Маршала Советского Союза Д. А. Волкогонов по диагонали, иначе не написал бы, что «разъехались члены Политбюро в третьем часу», это также является выдумкой историка, так как последние посетители кабинета И. В. Сталина покинули его еще 21 июня – в 23 часа вечера.

Настало время все поставить на место. И сделаю я это с помощью ЖРП. Для этого прошу читателя вернуться к сведениям этого документа за 21 июня. Убедились?

Как видим, Г. К. Жуков за давностью лет много напутал. С. К. Тимошенко вошел в кабинет в 19 часов 05 минут вместе с К. Е. Ворошиловым, Л. П. Берией, Н. А. Вознесенским,

Г. М. Маленковым, Н. Г. Кузнецовым и Г. Н. Сафоновым. Ни Г. К. Жукова, ни Н. Ф. Ватутина в это время в кабинете не было. Пробыв у И. В. Сталина один час десять минут, нарком вышел по каким-то неотложным делам. Второй раз он вошел в кабинет в 20 часов 50 минут. Где он был и что делал в течение 35 минут неизвестно. Можно предположить, что из приемной А. Н. Поскребышева вызывал к И. В. Сталину Г. К. Жукова, С. М. Буденного и Л. З. Мехлиса, так как первые двое вместе с наркомом вошли в кабинет одновременно, а начальник ГлавПУра пятью минутами позже. Что касается Н. Ф. Ватутина, то, как видно из Журнала регистрации, он в этот день в кабинете И. В. Сталина не был.

А мы вернемся к воспоминаниям Г. К. Жукова. После прочтения предлагаемой военным округам директивы о приведении всех приграничных войск в полную боевую готовность, И. В. Сталин якобы заметил, что ее в таком содержании давать преждевременно. И предложил дать короткую директиву, в которой указать, что нападение может начаться с провокационных действий немецких частей, и что в таком случае войска приграничных округов не должны поддаваться ни на какие провокации, чтобы не вызвать осложнений.

Далее Георгий Константинович пишет: «Не теряя времени, мы с Н. Ф. Ватутиным вышли в другую комнату и быстро составили проект директивы наркома. Вернувшись в кабинет, попросили разрешения доложить. И. В. Сталин, прослушав проект директивы и сам еще раз его прочитав, внес некоторые поправки и передал наркому для подписи... С этой директивой Н. Ф. Ватутин немедленно выехал в Генеральный штаб, чтобы тотчас же передать ее в округа»⁶⁹. Здесь же Г. К. Жуков дает текст этой директивы.

⁶⁹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 262, 263.

«ДИРЕКТИВА № 1

**Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.
Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота
«О внезапном нападении Германии
и боевых задачах войск»**

1. В течение 22 – 23. 6. 41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности, встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточено и замаскировано;

г) противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов;

д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

**Тимошенко. Жуков.
22. 6. 41 г.»**

Содержание этого документа отражает четкую позицию И. В. Сталина – войскам приграничных округов ни в коем случае не поддаваться на провокации. Как он не хотел этой войны! Сколько писано-переписано по поводу того, что он, сдерживая военное руководство, постоянно твердил: «Не занимайтесь провокациями», «Не поддавайтесь на провокацию». И эта его позиция ставится ему в вину – дескать, боясь спровоцировать немецкое руководство, он не давал согласия на своевременное приведение войск приграничных округов в боевую готовность. Да, И. В. Сталин считал, что любое движение советских войск в приграничных с Германией районах немцы обязательно используют для нападения на СССР. И он был прав! Вот мнение В. М. Молотова на сей счет. Рассуждая о якобы наивности сообщения ТАСС от 14 июня 1941 года, он говорил: «Этот шаг направлен, продиктован и оправдан тем, чтобы не дать немцам никакого повода для оправдания их нападения. Если бы мы шелохнули свои войска, Гитлер бы прямо сказал: «А вот видите, они уже там-то, войска двинули! Вот вам фотографии, вот вам действия! Говорят, что не хватало войск на такой-то границе, но стоило нам начать приближение войск к границе – дали повод!»⁷⁰

В доказательство того, что в стремлении не дать повода для провокации И. В. Сталин был прав, можно привести два документа, которые красноречиво показывают, как руководство фашистской Германии уже в первый день агрессии, нагло, без всякого повода, использовало этот «фактор» в свое оправдание. Первый документ – это беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом рано утром 22 июня 1941 года.

«Шуленбург, явившийся на прием в сопровождении советника Хильгера, сказал, что он с самым глубоким сожалением

⁷⁰ Чуев Ф. И. Молотов. Полудержавный властелин. С. 51.

должен заявить, что еще вчера вечером, будучи на приеме у наркома т. Молотова, он ничего не знал. Сегодня ночью, говорит он, было получено несколько телеграмм из Берлина. Германское правительство поручило ему передать Советскому правительству следующую ноту:

«Ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для восточной германской границы вследствие массивной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии, Германское правительство считает себя вынужденным немедленно принять военные контрмеры. Соответственная нота одновременно будет передана Деканозову в Берлине (выделено мной – А. С.)

Шуленбург говорит, что он не может выразить свое подавленное настроение, вызванное неоправданным и неожиданным действием своего правительства. Посол говорит, что он отдавал все свои силы для создания мира и дружбы с СССР.

Тов.Молотов спрашивает, что означает эта нота?

Шуленбург отвечает, что, по его мнению, это начало войны.

Тов. Молотов заявляет, что никакой концентрации войск Красной Армии на границе с Германией не производилось. Проходили обычные маневры, которые проводятся каждый год, и если бы было заявлено, что почему-либо маневры, по территории их проведения, нежелательны, можно было бы обсудить этот вопрос. От имени Советского правительства должен заявить, что до последней минуты Германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству. Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и тем самым фашистская Германия является нападающей стороной. В четыре часа утра германская армия произвела нападение на СССР без всякого повода и причины. Всякую попытку со стороны Германии найти повод к нападению на СССР считаю ложью или провокацией. Тем не менее, факт нападения налицо.

Шуленбург говорит, что он ничего не может добавить к имеющимся у него инструкциям. Он, Шуленбург, не имеет инструкций по поводу техники эвакуации сотрудников посольства и представителей различных германских фирм и учреждений. Посол просит разрешить эвакуировать германских граждан из СССР через Иран. Выезд через западную границу невозможен, так как Румыния и Финляндия совместно с Германией тоже должны выступить. Шуленбург просит к проведению эвакуации германских граждан отнестись возможно лояльнее и заверяет, что сотрудники советского посольства и советских учреждений в Германии встретят со стороны Германского правительства самое лояльное отношение по части эвакуации и просит сообщить, какое лицо будет выделено по осуществлению техники этого дела.

Тов. Молотов заявляет Шуленбургу, что поскольку к сотрудникам советского посольства и советских учреждений в Германии будет проявлено лояльное отношение, на что тов. Молотов надеется, то и в части германских граждан будет проявлено такое же отношение. Для осуществления эвакуации тов. Молотов обещает выделить соответствующее лицо.

Тов. Молотов спрашивает: «Для чего Германия заключала пакт о ненападении, когда так легко его порвала?»

Шуленбург отвечает, что он не может ничего добавить к сказанному им.

В заключение беседы Шуленбург говорит, что он в течение 6 лет добивался дружественных отношений между СССР и Германией, но против судьбы ничего не может поделать»⁷¹.

И второй документ – это выдержки из декларации Гитлера от 22 июня 1941 года.

[...] «Германский народ, национал-социалисты! После тяжелых размышлений, когда я был вынужден молчать в течение

⁷¹ 1941 год. Документы. Кн. 2. С.432.

долгих месяцев, наконец, наступил момент, когда я могу говорить с полной откровенностью...

... принимая на себя тяжелые обязательства, я служу делу мира в этом районе...

... Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего пакта о дружбе. Делая все это, правители Кремля притворялись до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы так же, как это было в отношении Финляндии и Румынии. Они сочинили опровержение, производившее впечатление невинности. В то время как до сих пор обстоятельства заставляли меня хранить молчание, теперь наступил момент, когда выжидательная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы. Сейчас приблизительно 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки. Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра.

Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам и по своему территориальному охвату является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. Сотрудничая со своими финскими товарищами, соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана. Германские дивизии под командованием победителя Норвегии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение

дение, действующими под руководством своего маршала. От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта. На берегах Прута, на нижнем течении Дуная до берегов Черного моря находятся германские и румынские солдаты под командованием генерала Антонеску, главы румынского государства: в задачу этого фронта входит уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и, следовательно, защита всех стран Европейского континента. Таким образом, я решил сегодня передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!»⁷²

Как видим, И. В. Сталин был не то что прав, а трижды прав в том, чтобы не давать Гитлеру повода для развязывания войны. И если уж не имея никаких конкретных фактов «ввиду нетерпимой далее угрозы, создавшейся для германских восточных границ вследствие массивной концентрации и подготовки всех вооруженных сил Красной Армии», германское руководство в приведенных документах их наглым образом сфальсифицировало, то можно себе представить, как бы оно среагировало на первое же наше шевеление вдоль западной границы. Нападение свершилось бы не 22 июня 1941 года, а раньше, как только бы мы, по удачному выражению В. М. Молотова, «шелхнули свои войска».

Профессор А. В. Огнев в статье «Жестокие поражения в начале войны», опираясь на мнение президента Академии военных наук генерала армии М. А. Гареева, рассуждает: «... если бы 13 июня Сталин принял предложение Тимошенко и Жукова и провел бы «форсированную мобилизацию», то появились бы сложности международного характера». Далее профессор цитирует М. А. Гареева: «Фашистское руководство в связи с этим, конечно, подняло бы шум. Да и реакция во всем мире была бы

⁷² 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 437.

неоднозначной». И завершает свои рассуждения А. В. Огнев так: «Действительно, следует отметить, что эта «неоднозначная реакция» могла иметь самые серьезные негативные последствия для СССР. Могла намного увеличиться вероятность зловещего сговора Гитлера с руководителями западных держав на антисоветской почве. «Новый мюнхенский» альянс западных держав с Германией, направленный на крушение и раздел СССР, мог стать реальностью».

Однако давайте вернемся к содержанию директивы № 1 и подумаем, как практически отличить, где провокация, а где нападение? Мы все сильны, как говорится, задним умом. Сегодня можно легко находить в этой директиве изъяны и неточности. И хотя постскриптум – дело не очень этичное, тем не менее, следует признать, что в пункте «б» явная ошибка. Если суть директивы в том, что возможно нападение, что в связи с этим необходимо привести части в боевую готовность, то как можно, исходя из этой сути, давать команду рассредоточить авиацию по полевым аэродромам **к рассвету?** Логика вещей подсказывает: надо рассредоточить не к рассвету, а **немедленно**. Вот где, на мой взгляд, кроется основная причина столь значительных потерь советской авиации на аэродромах в первые часы войны.

Теперь о времени передачи директивы в войска. С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков и Л. З. Мехлис покинули кабинет И. В. Сталина в 22 часа 20 минут с готовым документом. Можно предположить, что, вернувшись на рабочее место, Г. К. Жуков передал директиву своему заместителю Н. Ф. Ватутину для отправки ее в округа. В своих мемуарах начальник Генерального штаба указывает, что передача директивы в войска закончилась в 00.30 минут 22 июня. Это что же получается: чтобы передать столь важный документ командованию пяти округов, надо два часа? Не могу в связи с этим не привести мнение автора книги «Сталин. Разгадка Сфинкса» М. М. Ахметова: «Отправка столь

судьбоносного сообщения войскам была организована на редкость медлительно, что убедительно опровергает притязания Жукова на сомнительные лавры самого прозорливого полководца Красной Армии образца июня 41 года»⁷³.

Сведения Журнала однозначно показывают: Н. Ф. Ватутина в кабинете И. В. Сталина не было, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков в Кремль вместе не выезжали, нарком обороны приехал по вызову раньше, а начальник Генерального штаба появился в кабинете И. В. Сталина после него через один час 45 минут. Если Н. Ф. Ватутина в кабинете И. В. Сталина не было, то с утвержденной директивой в Генеральный штаб для ее передачи в приграничные округа он не выезжал. Этот факт в какой-то степени подтверждается и свидетельством наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова.

Он писал: «Около 11 часов вечера зазвонил телефон. Я услышал голос маршала С. К. Тимошенко:

– Есть очень важные сведения. Зайдите ко мне.

... Маршал, шагая по комнате, диктовал. Было все еще жарко. Генерал армии Г. К. Жуков сидел за столом и что-то писал. Перед ним лежало несколько заполненных листов большого блокнота для радиোগрамм... Семен Константинович заметил нас, остановился. Коротко, не называя источников, сказал, что считается возможным нападение Германии на нашу страну.

Жуков встал и показал нам телеграмму, которую он готовил для пограничных округов. Помнится, она была пространной – на трех листах. В ней подробно излагалось, что следует предпринять войскам в случае нападения гитлеровской Германии... Позднее я узнал, что нарком обороны и начальник Генштаба были вызваны 21 июня около 17 часов к И. В. Сталину»⁷⁴.

⁷³ Ахметов М. М. Сталин. Разгадка Сфинкса. Караганда, 2006. С. 356.

⁷⁴ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 2003. С. 424–426.

Что за документ готовил Г. К. Жуков в 23 часа 21 июня? Если это были какие-то дополнительные указания наркома обороны и начальника Генерального штаба к директиве, то об этом, без всякого сомнения, Георгий Константинович в своих мемуарах упомянул бы. Но там только приводится текст самой директивы. Но, с другой стороны, вполне возможно что-то напутал сам нарком ВМФ.

Для подкрепления своих размышлений по этому поводу призываю в помощники мнение А. Л. Костина: «Как явствует из записей в Журнале, Н. Ф. Ватутин не входил в кабинет вообще и, стало быть, не выходил вместе с Жуковым для корректировки проекта Директивы войскам. Молотов, Ворошилов и Берия вышли из кабинета И. В. Сталина в 23. 00, а Маленков вышел в 22. 20 вместе с Буденным, Тимошенко и Жуковым. А вот кратковременно, на 35 минут – с 20 часов 15 минут до 20 часов 50 минут – выходил Тимошенко, который, похоже, и докладывал членам Политбюро по проекту Директивы, войдя вместе с ними в кабинет И. В. Сталина в 19 часов 05 мин., и сам же выходил ее корректировать (тут могли подключиться вызванные им Жуков и Ватутин).

Все-то напутал Георгий Константинович! А будь у него под рукой этот Журнал, сверился бы с записями и не допустил бы подобных ляпсусов. Как знать, может, и знал Жуков об этих записях, но был уверен, что они вечно будут храниться в «Особой папке Политбюро», будучи недоступными историкам и иным исследователям этого трагического для страны периода.

Зачем нужно было Г. К. Жукову «вспоминать» о том, что он лично Сталину зачитал проект Директивы, составленный не им, а своим заместителем Н. Ф. Ватутиным, которого он «прихватил» с собой на всякий случай. А вот нарком С. К. Тимошенко, выходит, при сем присутствовал. Так не бывает. У Сталина четко соблюдался принцип субординации и иерархии. Он поручает доложить по ситуации С. К. Тимошенко и доложить не

ему лично, а в присутствии членов Политбюро, которые вместе с докладчиком вошли к нему в кабинет в 19 часов 05 минут. Доклад и его обсуждение длились 1 час 05 минут («ответа не последовало» – со стороны членов Политбюро, которые, по версии Г. К. Жукова, вошли в кабинет И. В. Сталина уже после доклада Жукова). Похоже, проект Директивы обсуждался основательно, и наркому было предложено внести соответствующие коррективы, что он и сделал, выйдя в смежную комнату в 20 часов 15 минут (почему-то вместе с Г. Н. Сафоновым – заместителем Генерального прокурора СССР с 15. 12.1939 г.), где его поджидали Жуков и Ватутин. И только после доработки Директивы Тимошенко и Жуков вошли в кабинет И. В. Сталина в 20 часов 50 минут. Ватутин туда вообще не входил»⁷⁵.

Думаю, читатель согласится: рассуждения А. Л. Костина вполне логичны, правдоподобны и обличают Г. К. Жукова в лукавстве – не он, а нарком обороны докладывал членам Политбюро проект директивы о приведении приграничных войск в боевую готовность. Очевидно, он прав и в том, что генерал Н. Ф. Ватутин вполне мог быть в Кремле, но не в кабинете И. В. Сталина, а в приемной А. Н. Поскребышева.

По этому вопросу есть и суждение В. М. Молотова: «Жуков снимает с себя ответственность за начало войны, но это наивно. И не только снимает с себя, он путается. Двадцать первого июня представил директиву, что надо привести войска в боевую готовность. У него двусмысленность: то ли правильно, он считает, Сталин поправил, то ли неправильно, – он не говорит. А конечно, Сталин поправил правильно. И вот в одних округах сумели принять меры, а в Белорусском не сумели...»⁷⁶.

Как бы там ни было, но приведенные сведения подводят к выводу о том, что директива Генерального штаба о приведении

⁷⁵ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 15, 16.

⁷⁶ Чувев Ф. И. Молотов. Полудержавный властелин. С. 58.

войск в боевую готовность в связи с возможной агрессией со стороны Германии, передавалась в войска недопустимо долго.

И вот все ошибки и неточности, допущенные Г. К. Жуковым в его мемуарах, полностью перекочевали в книгу Д. А. Волкогонова. Кроме этого, он искажил факты вызова наркома и начальника Генштаба к И. В. Сталину, а также произвольно установил время завершения работы тех, кто принимал участие в совещании вечером 21 июня. Как явствует запись в ЖРП, все его оставшиеся участники, а это В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и Л. П. Берия, покинули кабинет И. В. Сталина в 23 часа, а не в третьем часу ночи, как это утверждает генерал-историк.

Но кроме конкретных ошибок, допущенных им, следует сказать и о тех фантастических домыслах, которые так часто посещали голову дважды доктора наук при написании этой книги, в том числе и при описании первых военных дней вождя. Ни философ, а тем более историк, как мне представляется, не имеет права в своих научных изысканиях говорить и думать за своего исторического персонажа, тем более за первое лицо в государстве, да еще такое, каким являлся И. В. Сталин. Но это не для Дмитрия Антоновича. Такого мастера вкладывать свои мысли в голову своего героя, в стане отечественных историков еще не было.

Вот пример такого шарлатанства, относящийся к рабочему дню И. В. Сталина 21 июня 1941 года. Д. А. Волкогонов пишет: «Когда военные ушли отдавать необходимые распоряжения, Сталин как бы про себя сказал:

– Думаю, что Гитлер нас провоцирует... Неужели он решился на войну?»⁷⁷

Откуда взята эта фраза, кто может подтвердить это? В воспоминаниях присутствовавших на совещании Н. Г. Кузнецова и Г. К. Жукова нет, в беседе с Ф. Чуевым В. М. Молотов об этом не

⁷⁷ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 147.

говорил, в книге сына Л. П. Берии Сергея Лаврентьевича этого факта тоже нет. Каких-либо письменных свидетельств Н. А. Вознесенский, Г. М. Маленков, Г. Н. Сафонов и Л. З. Мехлис не оставили. Я перечислил всех присутствовавших на совещании 21 июня 1941 года. Откуда же Д. А. Волкогонов взял только что приведенную фразу И. В. Сталина?

Тут только один вариант – он сам присутствовал на этом совещании. Почему же в Журнале регистрации посетителей не зафиксирована его фамилия, спросит любопытствующий читатель. Какой же вы, право, наивный! Дмитрий Антонович был настолько скромным человеком, что упросил дежурного, который фиксировал посетителей, не вписывать его фамилию.

Далее Д. А. Волкогонов, судя по всему, уехал вместе с И. В. Сталиным на дачу в Кунцево. Иначе как же он мог заметить, что вождь «устало смотрел из окна своего бронированного автомобиля на безлюдную улицу». Да что там в машине! Он вместе с И. В. Сталиным находился в его спальне. Ведь не придумал же он такие детали, как: «Едва Сталин стал засыпать, разложив постель на диване...», «Натянув пижаму, Сталин вышел...».

Чувствуется, Дмитрий Антонович очень долго мучился проблемой – в каком месте своей книги вставить текст поздравительной телеграммы А. Гитлера И. В. Сталину по случаю его 60-летия, которое, как известно, скромно отмечалось в 1939 году. И он посчитал, что наиболее уместным будет именно тот момент, когда Г. К. Жуков сообщит по телефону И. В. Сталину о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Вот это одно из самых удачных мест волкогоновской книги:

«Диктатор тяжело дышал в трубку и ничего не говорил. Парализующая, колоссальная, фантастическая тяжесть легла на его плечи, и до сознания плохо доходил вопрос Жукова. Вопреки его желанию, воле, уверенности Гитлер решился начать войну. Возможно, в сознании мелькнул текст поздравительной телеграммы Гитлера в день 60-летия Сталина:

«Господину Иосифу Сталину.

Ко дню Вашего 60-летия прошу принять мои самые сердечные поздравления. С этим я связываю свои наилучшие пожелания. Желаю доброго здоровья Вам лично, а также счастливого будущего народам дружественного Советского Союза»⁷⁸.

Какой грубый монтаж! В сознании И. В. Сталина, какой бы феноменальной памятью он не обладал, может промелькнуть только факт поздравления, но не дословный его текст. А почему в сознании не промелькнул текст благодарственной ответной телеграммы А. Гитлеру? Если уж хотелось Д. А. Волкогонову как можно сильнее поддеть вождя, то лучше было бы чтобы в его сознании промелькнул текст поздравительной телеграммы министра иностранных дел Германии. И ерунда, что он на одну строчку больше, но И. В. Сталину с его великолепной памятью это под силу. Промаяхнул генерал-историк, ведь в телеграмме И. фон Риббентропа есть более сочные места, чтобы ими уязвить И. В. Сталина. Посудите сами:

«Господину Иосифу Сталину.

Москва

Памятуя об исторических часах в Кремле, положивших начало решающему повороту в отношении между обоими великими народами и тем самым создавших основу для длительной дружбы между нами, прошу Вас принять ко дню Вашего шестидесятилетия мои самые теплые поздравления».

Во имя чего этот топорный монтаж? Это для того, чтобы еще раз показать, как умник Гитлер объегорил бездаря Сталина.

Продолжу волкогоновскую лживую интерпретацию фактов работы И. В. Сталина в первый день войны, буквально с первых ее минут. Давайте посмотрим, как он усилил то жуковское место, в котором Маршал Советского Союза описывает свое со-

⁷⁸ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 148.

общение по телефону И. В. Сталину о нападении фашистской Германии. Вот это место в мемуарах Г. К. Жукова:

«Я доложил обстановку и просил разрешения начать ответные боевые действия. И. В. Сталин молчал. Слышу лишь его дыхание.

– Вы меня поняли?

Опять молчание. Наконец И. В. Сталин спросил...»

А вот как этот факт подан Д. А. Волкогоновым: «Жуков коротко доложил о налетах вражеской авиации на Киев, Минск, Севастополь, Вильнюс, другие города. После доклада начальник Генерального штаба переспросил Сталина:

– Вы меня поняли, товарищ Сталин?

Диктатор тяжело дышал в трубку и ничего не говорил. Парализующая, колоссальная, фантастическая тяжесть легла на его плечи, и до сознания плохо доходил вопрос Жукова... Сталин молчал. А из трубки вновь раздалось тревожно-удивительное:

– Товарищ Сталин, Вы меня поняли?

Сталин с трудом постигал смысл слов Жукова, который продолжал тревожно-удивленно бросать в телефонную трубку:

– Товарищ Сталин, Вы меня слышите? Вы меня поняли, товарищ Сталин? Алло, товарищ Сталин»⁷⁹.

Зачем понадобилось Д. А. Волкогонову многократно повторять жуковскую фразу «Вы меня поняли?» А для того, чтобы убедительнее была ложь о том, что Сталин в первые дни войны растерялся, испугался, впал в протрацию и устранился от дел. И можно ли в таком состоянии, когда И. В. Сталин с трудом постигал смысл слов Г. К. Жукова, вспоминать поздравительную телеграмму от А. Гитлера?

Таким образом, Г. К. Жуков утверждает в своих мемуарах, что именно от него И. В. Сталин узнал о нападении фашистской Германии на СССР. Повторяет этот факт, подкрашивая его дополни-

⁷⁹ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 151.

тельными картинками, и Д. А. Волкогонов. А вот о чем, на основе встреч с В. М. Молотовым, поведал писатель И. Ф. Стаднюк.

«Теперь о втором предмете спора: имела ли место «самоизоляция Сталина» в первые дни войны. По свидетельству Молотова – это злой вымысел. Я поверил утверждению Вячеслава Михайловича безоговорочно, ибо уже имел точные сведения о том, чем занимался Сталин с первого часа начала войны и до 30 июня, когда был создан Государственный Комитет Обороны.

Но, как и когда Москва узнала о начале войны? Молотов взял с меня слово, что я пока буду держать в тайне подробности, которые тогда, в конце шестидесятых годов, могли надевать шуму за рубежом. Суть этих подробностей в следующем (они уже обнародованы мной печатно: «Вопросы истории», № 6, 1988 год – и не принесли никакого вреда).

Вот что услышал я от Вячеслава Михайловича: 22 июня 1941 года между двумя и тремя часами ночи на даче министра иностранных дел Молотова раздался телефонный звонок германского посла графа фон Шуленбурга. Он просил срочно принять его для вручения важнейшего государственного документа. Молотову нетрудно было догадаться, что речь идет о меморандуме Гитлера об объявлении войны. Он ответил послу, что будет ждать его в Наркомате иностранных дел, и тут же позвонил на дачу Сталину, разбудил его и сообщил о разговоре с Шуленбургом. Сталин ответил: «Езжай в Москву, но прими немецкого посла только после того, как военные нам доложат, что вторжение началось... Я тоже еду и собираю Политбюро. Будем ждать тебя...»

Молотов так и поступил.

– А как же тогда относиться к мемуарам маршала Жукова? – спросил я Вячеслава Михайловича. – Уважаемый маршал пишет, что он, получив известие о начале немцами военных действий, с трудом заставил по телефону охранников Сталина разбудить его...

– Я тоже об этом размышлял, – перебил меня Молотов. – Полагаю, что дежурный генерал охраны Сталина, получив звонок Жукова, не доложил ему, что Сталин уехал. Не полагалось... И в то же время Сталин позвонил Жукову, тоже не сказав ему, что он в Кремле... Вам же советую писать в книге, что я узнал о намерении Шуленбурга вручить нам меморандум об объявлении войны от позвонившего мне дежурного по Наркомату иностранных дел. А то буржуазные писаки могут сейчас завопить, что никакого внезапного нападения Германии на нас не было, а была объявлена война, как полагалось по международным нормам»⁸⁰.

В описании первого рабочего дня И. В. Сталина в условиях начавшейся войны Д. А. Волкогонов продолжил повторять жуковские ошибки и лепить вокруг его фактов свои домыслы, приправленные мыслями вождя.

Г. К. Жуков констатирует: «В 4 часа 30 минут мы с С. К. Тимошенко приехали в Кремль. Все вызванные члены Политбюро были уже в сборе. Меня и наркома пригласили в кабинет. И. В. Сталин был бледен и сидел за столом, держа в руках набитую табаком трубку». Это неверно. Ни вызванные в Кремль члены Политбюро, ни нарком обороны, ни начальник Генерального штаба в 4 часа 30 минут не могли быть в кабинете И. В. Сталина по той простой причине, что в нем еще не было самого хозяина.

Давайте еще раз заглянем в Журнал регистрации посетителей и посмотрим, во сколько вошли в кабинет вызванные И. В. Сталиным люди. Они вошли в 5 часов 45 минут. Как видим, ошибка у Г. К. Жукова получилась в один час 15 минут. Эту ошибку Маршала Советского Союза подметил А. К. Костин. И не только подметил, но и обосновал ее поминутным подсчетом.

⁸⁰ *Стаднюк И. Ф. Исповедь сталиниста. М., 1993. С. 361.*

«По Журналу учета регистрации посетителей кабинета Сталина Жуков, Тимошенко, члены Политбюро Молотов и Берия, а также Мехлис вошли в него в 5 часов 45 минут. Другие члены Политбюро вошли в кабинет Сталина гораздо позже: Маленков – в 7 часов 30 минут, Микоян – в 7 часов 55 минут, Каганович и Ворошилов – в 8 часов. А по Жукову получается совершенно иная картина: все члены Политбюро (поскольку он утверждает, что Сталин приказал собраться всем членам Политбюро) были уже в сборе в момент прибытия в Кремль Жукова и Тимошенко (4 часа 30 минут)...

Если верить Жукову, то Сталин продержал в приемной всех членов Политбюро и Тимошенко с Жуковым целый час и 15 минут, сидя в это время в своем кабинете с трубкой, набитой табаком. Случись такое, именно этот эпизод врезался бы в память присутствующих, и прежде всего самого Жукова. Бомбят советские города, развернуто массированное наступление немцев, а Сталин практически ничего об этом не знает и томит людей в приемной...

Не мог Жуков в 4 часа 30 минут войти в кабинет И. В. Сталина в воскресенье 22 июня 1941 года. Подвела маршала память, а с Журналом учета посетителей он почему-то свою память не сверил... Жуков принял звонок Ф. И. Кузнецова, по его воспоминаниям, в 3 часа 40 минут. Учитывая, что за десять минут до этого звонка Жуков выслушал доклады начальников штабов двух военных округов, то на доклад Ф. И. Кузнецова приходится также где-то 5 минут. Далее следует доклад Жукова Тимошенко, принятие решения об оповещении Сталина о сложившейся обстановке, длинные звонки на дачу, принятие решения полупроснувшегося Власика, три минуты паузы (побудка Сталина), доклад Сталину, молчание Сталина, диалог с вождем и, наконец, принятие решения о его выезде в Кремль – на все про все это заняло не менее 15–20 минут. То есть отдать команду на выезд машины Сталин мог не ранее 4 часов утра, если не позже.

Учитывая, что путь от ближней дачи до Кремля занимал не более 30 минут, а вызванные посетители вошли в кабинет Сталина в 5 часов 45 минут, то выехать из Кунцева вождь мог в 5 часов или даже в 5 часов 15 минут. Верь после этого свидетельским воспоминаниям очевидцев!»⁸¹

Напутал Г. К. Жуков и в следующих эпизодах: «Около 9 часов С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и просил разрешения снова приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов. Короткий путь до Кремля автомашины наркома и моя покрыли на предельно большой скорости. Со мной был первый заместитель начальника Генерального штаба Н. Ф. Ватутин...

Примерно в 13 часов мне позвонил И. В. Сталин и сказал:

– Наши командующие фронтами не имеют достаточного опыта в руководстве боевыми действиями и, видимо, несколько растерялись. Политбюро решило послать вас на Юго-Западный фронт в качестве представителя Главного Командования. На Западный фронт пошлем Шапошникова и Кулика. Я их вызвал к себе и дал соответствующие указания. Вам надо вылететь немедленно в Киев и оттуда вместе с Хрущевым выехать в штаб фронта в Тернополь...

Я позвонил домой, чтобы меня не ждали, и минут через 40 был уже в воздухе»⁸².

Сколько тут неточностей! Начнем с того, что, прибыв к И. В. Сталину рано утром, нарком обороны и начальник Генерального штаба покинули кабинет в одно и то же время – в 8 часов 30 минут. Второй раз, как свидетельствует Журнал регистрации, они были у И. В. Сталина с 14.00 до 16.00. Отсюда следует:

⁸¹ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 8.

⁸² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 268, 269.

с проектом Указа ПВС СССР в 9 часов утра они не приезжали; не ехал с ними и Н. Ф. Ватутин, который вместе с С. К. Тимошенко и Г. К. Жуковым оказался в кабинете И. В. Сталина в 14.00; в 13 часов телефонного звонка от И. В. Сталина с приказанием вылететь на Юго-Западный фронт не было, а вот приглашение прибыть в Кремль к 14.00, судя по всему, для получения такого приказа, имело место; в 13.40 Георгий Константинович в самолете быть не мог, так как с 14 до 16 часов находился в кабинете И. В. Сталина; как мог И. В. Сталин при телефонном разговоре в 13.00 сказать Г. К. Жукову, что он **вызывал** к себе Б. М. Шапошников и Г. И. Кулика и дал им соответствующие указания, если первый вошел к нему в 13 часов 15 минут, а второй – в 15 часов 30 минут.

И еще об одном. В придуманном телефонном разговоре в 13.00 И. В. Сталин не мог употребить выражение «в качестве представителя Ставки Главного Командования», ибо проект о ее образовании обсуждался после приезда военных (Б. М. Шапошников, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков, Н. Ф. Ватутин, Г. И. Кулик). Как известно, Ставка была образована постановлением СНК 23 июня.

Надо сказать, что эти мемуарные ошибки Г. К. Жукова подметил ярый антисоветчик из Самары М. Солонин, переплунувший в своих вральских ошеломляющих выводах даже самого Резуна-Суворова. Посудите сами: Резун в своей книге «День «М» пытался доказать, что И. В. Сталин выбрал днем нападения на Германию 6 июля 1941 года, а ретивый самарец перещеголял его на целых 13 дней. Своим днем «М» он предпринял попытку доказать, что в июне 1941 года Гитлер, сам того не ожидая, опередил удар И. В. Сталина по Германии на один день! Его очередная книга так и называется – «23 июня – день «М». В книгу в 500 страниц, он, словно в помойку, собрал всякую всячину, но доказать, как и его зарубежный враль, что 23 июня советское руководство планировало напасть на Германию, так и не сумел. Ни он, ни Ре-

зун не смогли предъявить ни одного подлинного документа, подтверждающего эти сенсационные «открытия». Знакомлюсь я с шедеврами М. Солонина, а он плодоносит со скоростью кошачьего воспроизводства потомства, и все жду, когда же он в своей Самаре загремит в психушку. Но пока сия справедливая кара обходит его стороной. Это и понятно: если уж само московское издательство «Яуза» заинтересовано в его шизофренических выводах... Что ж, будем ждать его новых творений.

Так вот, этот «историк» из Самары, обличая маршала в том, что он «самозабвенно врет в своих мемуарах», цитирует то же место из воспоминаний Георгия Константиновича, что и я, но... Давайте заглянем: «С. К. Тимошенко позвонил И. В. Сталину и просил разрешения приехать в Кремль, чтобы доложить проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о проведении мобилизации и образовании Ставки Главного Командования, а также ряд других вопросов. И. В. Сталин ответил, что он занят на заседании Политбюро и может принять его только в 9 часов»⁸³.

Ну и гусь этот самарец! Открываю жуковские мемуары, изданные в 1975 году, и еще раз убеждаюсь, что фразы о занятости И. В. Сталина в них нет. Не знаю, возможно, в поздних изданиях эта фраза и есть, не смотрел. Но ведь сам по себе этот факт – сущая нелепица. Посудите сами, читатель. Предположим, во время утренней встречи в Кремле руководство Наркомата обороны получило указание подготовить проект Указа ПВС СССР о проведении всеобщей мобилизации. Что, для этого надо возвращаться на свои рабочие места? Разве нельзя его набросать прямо у А. Н. Поскребышева? Предположим, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков решили готовить этот документ у себя в Наркомате. В соответствии с записями в ЖРП они покинули кабинет И. В. Сталина в 8 часов 30 минут. Минут 15 им понадобилось для того, чтобы вернуться на место. Минут 15 надо затратить,

⁸³ Солонин М. 23 июня – день «М». М., 2009. С. 256.

чтобы отработать этот документ. Потом надо звонить в Кремль и просить новую аудиенцию. И после всего этого И. В. Сталин говорит, что он занят и может их принять только в 9 часов. А стрелки часов уже ушли далеко за цифру 9.

Посмотрим далее, как антисоветчик отреагировал на фразу Г. К. Жукова о том, что вождь занят «на заседании Политбюро». Ерничая, он пишет: «Интересно, что ранним утром 22 июня могло быть более важным для пресловутого «Политбюро», нежели доклад руководства Вооруженных Сил? Чем в эти часы было занято «Политбюро» – чтением вслух избранных мест из переписки Каутского с Бебелем?» Да нет, Марк Солонин, у членов Политбюро в эти утренние часы 22 июня были дела куда поважнее – во главе с И. В. Сталиным они сидели и ждали окончания переговоров Л. П. Берии с руководством Куйбышева, нынешней Самары. Лаврентий Павлович страшал своего самарского подчиненного по поводу того, что надо хорошенько присмотреть за мальчиком по имени Марк: «Есть предположение, что со временем он станет историком и попытается раскрыть нашу тайну – напасть на Германию 23 июня. Этого допустить нельзя. Товарищ Сталин взял это дело под свой личный контроль».

Не затрагивая вопроса о времени прибытия И. В. Сталина и вызванных им лиц в Кремль, Д. А. Волкогонов, взяв посыл Г. К. Жукова о том, что «все вызванные члены Политбюро были уже в сборе», приводит такие детали, которые в очередной раз подтверждают мое предположение, что он неотступно следуя за И. В. Сталиным, вместе с ним приехал с дачи в одной машине, проследовал за ним в кабинет и присутствовал при обсуждении неотложных мер в деле организации отпора врагу. Более того, он, полагая, что когда-то будет писать книгу о И. В. Сталине, примостился в уголочке и зафиксировал всех членов и кандидатов в члены Политбюро, присутствовавших на первом военном совещании. Судите сами:

«Войдя в специальный, только для него, подъезд и поднявшись к себе в кабинет, Сталин, проходя через приемную, бросил бледному Поскребышеву:

– Приглашайте всех сразу...

Неслышно, как-то осторожно, молча зашли члены и кандидаты в члены Политбюро, за ними Тимошенко и Жуков. Не здороваясь с вошедшими, Сталин произнес, не обращая ни к кому конкретно:

– Свяжитесь с германским послом...

Молотов вышел. Наступила тягостная тишина. За столом сидели те, кого пригласил Поскребышев: А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. И. Калинин, Н. М. Шверник, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, Н. А. Вознесенский, А. С. Щербаков»⁸⁴.

А теперь от волкогоновских сведений сделаем бросок к ЖРП и вновь обратимся к странице, отражающей сведения за 22 июня 1941 года. Ну как тут не воскликнуть: «Вот это – да-а-а!» Не только рано утром, а вообще на протяжении всего дня А. А. Андреева, М. И. Калинина, Н. М. Шверника, Н. А. Вознесенского и А. С. Щербакова в кабинете И. В. Сталина не было. А. И. Микоян появился в 7 часов 55 минут, а К. Е. Ворошилов и Л. М. Каганович прибыли лишь в 8 часов. А когда же впервые появились в кабинете вождя те, кого генерал-историк усадил за длинный стол сталинского кабинета ранним утром 22 июня? Н. А. Вознесенский – 23 июня, А. С. Щербаков – 24 июня, Н. М. Шверник аж 8 сентября, а Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин в течение 1941 года в кабинете И. В. Сталина вообще не был. Из тех же, кто с первых минут находился в кабинете, Дмитрий Антонович не упомянул Л. З. Мехлиса.

Как хотелось Д. А. Волкогонову раскрыть персонально жуковскую фразу о том, что все члены Политбюро были в сборе,

⁸⁴ *Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 152.*

так сказать, показать знание предмета! Но переусердствовал. Даже кандидатов в члены Политбюро перечислил. Интересно, откуда дровишки? Не из многотомной ли истории КПСС? А какие подробности! И «специальный подъезд», и «бледность Поскребышева», и «тягостная тишина». Даже заметил, какой И. В. Сталин невоспитанный – ни с кем не поздоровался. А можно ли себе представить такую сцену: И. В. Сталин, направляясь в свой кабинет, проходит по приемной А. Н. Поскребышева, где уже находятся В. М. Молотов, Л. П. Берия, С. К. Тимошенко, Л. З. Мехлис и Г. К. Жуков, «бросает» своему секретарю фразу: «Приглашайте всех сразу».

Кстати, Лев Захарович Мехлис в Журнале посещений записан как начальник Главного политического управления Красной Армии, а вот генерал-историк на странице 154 своей книги пишет, что И. В. Сталин назначил Л. З. Мехлиса на эту должность вместо А. И. Запорожца на второй день войны. Негоже так ошибаться бывшему высокопоставленному работнику Главного политического управления КА.

И еще одна вольность историка Волкогонова: «В кабинет вошел первый заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин. В его кратком докладе было мало новой информации: после ураганного артиллерийского обстрела и авиационных налетов в ряде районов северо-западного и западного направлений крупные силы немецких войск вторглись на советскую территорию. Многие погранзаставы, встретив в первом бою гигантский каток германской военной машины, погибли, но не оставили боевых позиций. Авиация противника непрерывно бомбит аэродромы»⁸⁵.

Не делал генерал Н. Ф. Ватутин «краткого доклада», так как рано утром он в кабинет И. В. Сталина не входил. А содержание несостоявшегося доклада придумал сам автор книги. И сделал

⁸⁵ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 153.

это весьма неудачно. Ну посудите сами, мог ли Н. Ф. Ватутин в своем докладе, прозвучавшем через три часа после начала войны, сказать о том, что «многие пограничники, встретив в первом бою гигантский каток германской военной машины, погибли, но не оставили боевых позиций». Какая чушь! Об этом можно было сказать как минимум через несколько дней после начала войны, но никак не через несколько часов.

Дальнейшие опусы Д. А. Волкогонова, относящиеся к первому дню войны, я критически рассмотрел в книге «И. В. Сталин и Курская битва». В связи с тем, что она издана архималым тиражом, всего в 200 экземпляров, есть необходимость перенести этот материал в данную книгу почти полностью. Что и делаю, проставив ко всем упоминающимся фамилиям инициалы. Этот раздел я закавычу.

«Поражает та легкость, с которой автор рисует в книге «Триумф и трагедия» внутренние монологи И. В. Сталина. Создается впечатление, что в мозгу вождя был какой-то компьютер, который фиксировал все, о чем он думал, а потом эти электронные записи достались только ему, Д. А. Волкогонову. Удивляют и те приводимые детали, которые в документах ну никак не отражаются.

Вот он живописует первые часы начала войны в кабинете И. В. Сталина. В. М. Молотов, вернувшись после переговоров с немецким послом, докладывает:

«— Посол сообщил: германское правительство объявило нам войну. — Заглянув в бумажку, которую держал в руках, Молотов добавил: — Формальный повод стандартный: «Националистическая Германия решила предупредить готовящееся нападение русских...»

Насчет выражения, «заглянув в бумажку». Такие детали архивные документы не фиксируют. Так мог написать человек, присутствующий в кабинете И. В. Сталина. То, что Д. А. Волкогонова в то утро туда не приглашали — это более чем очевидно.

Но так мог написать и человек, который заглядывал в кабинет через замочную скважину из апартаментов Поскребышева. Если и это подвергнуть сомнению, то фраза «заглянул в бумажку» – чистой воды выдумка Д. А. Волкогонова. Как и приписанное В. М. Молотову слово «националистическая».

Но пойдём дальше. Вот что пишет «историк» сразу же после доклада В. М. Молотова: «Тишина стала словно густой, вязкой. Сталин сел за стол, посмотрел на Молотова, вспомнил, как он полгода назад, здесь же, после приезда из Берлина уверенно докладывал... Сталин еще раз взглянул на Молотова, теперь уже зло...»

А сядил ли И. В. Сталин? А смотрел ли на В. М. Молотова? А вспоминал ли что-либо? Ай да Дмитрий Антонович, присутствовал в кабинете Сталина в такой ответственный момент нашей истории, все видел, все слышал и столько лет молчал. Скромный все-таки генерал!

И еще о первом дне войны. «Первая растерянность и подавленность прошли. Но в голове неотвязно вертелась мысль: как он мог довериться Гитлеру. Как фюрер смог провести его? Хорош и Молотов! Выходит, все многочисленные сообщения разведки, информация по другим каналам о готовящемся нападении Германии и конкретных сроках были верны? Выходит, что если бы он послушался Павлова и несколько дней назад дал указание привести войска в состояние полной боевой готовности, многое могло произойти по-другому? Сталину все время казалось, что сегодня в кабинете соратники с укоризной думали о его просчетах. Ему даже подумалось, что они засомневались в его прозорливости. Это было невыносимо! Сама мысль о том, что люди (и не только здесь, в Кремле) могут усомниться в его мудрости, прозорливости, непогрешимости, была нестерпимой...»

Ну и ловкач же историк Волкогонов! Оказывается, исторические исследования можно писать не только на основе до-

кументов и воспоминаний активных участников тех или иных событий, но и на основе их глубоких размышлений. Но посмотрите как грубо, через голову И. В. Сталина («в голове неотвязно вертелась...»), Волкогонов протаскивает некоторые мифы о нем. Не мог так И. В. Сталин думать, это Д. А. Волкогонов за него думает!

И. В. Сталин А. Гитлеру никогда не доверял. Кто кого провёл – это еще вопрос. О конкретных сроках нападения Германии на СССР никто из разведчиков не доносил. Информацию о возможности нападения Германии просеивали, обобщали и делали выводы руководители разведывательных ведомств, этими выводами И. В. Сталин и руководствовался. Стремление «обелить» Д. Г. Павлова шито белыми нитками. За две недели до нападения Германии у него с И. В. Сталиным в присутствии А. Е. Голованова состоялся телефонный разговор.

«Нет, товарищ Сталин, это неправда. Я только что вернулся с оборонительных рубежей – никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией»⁸⁶.

Нет ли в этой павловской фразе частички сформировавшейся сталинской установки – «ни в коем случае не поддаваться на провокацию»? Сталин ведь не бог, все его концепции, установки и выводы по той или иной проблеме рождались на основе информации от руководителей министерств и ведомств. Для этого они и существовали. Не пора ли прекратить все валить на И. В. Сталина?! Как какой-то негатив – так И. В. Сталин, как что-либо хорошее – так все мы, но без И. В. Сталина.

О каких просчетах могли думать соратники И. В. Сталина в первый день войны, когда у каждого было полно работы?! О тех просчетах, которые сформулировал Н. С. Хрущев через 11 лет после ее окончания? В тот злополучный для страны день

⁸⁶ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. М., 2004. С. 50.

соратники И. В. Сталина вместе с ним думали о том, какие нужно принимать меры для отпора врагу. А было ли время у перегруженного работой самого И. В. Сталина думать о том, что соратники усомнились в его мудрости, прозорливости, непогрешимости? Это же набор слов из выступления о «культе личности», ловко вмонтированный Д. А. Волкогоновым в мудрую голову вождя. Какие нечистоплотные для историка приемы! Какое жульничество!

Вот еще один опус: «А Сталин ждал победных или, по крайней мере, обнадеживающих донесений. Но их не было. Как только открывалась дверь его кабинета, он быстро вскидывал голову, вглядываясь в лицо входящего. Успокаивающих реляций не было... Неясная обстановка действовала на него угнетающе. Ждать больше Сталин не мог. Не закончив обсуждения с Молотовым, Ждановым, Маленковым документа о создании Ставки Главного Командования, который привез Тимошенко, Сталин вдруг поднялся, походил по кабинету и приказал:

– Срочно направить авторитетных представителей Ставки на Юго-Западный и Западный фронты. К Павлову поедут Шапошников и Кулик, к Кирпоносу – Жуков. Вылететь сегодня же. Немедленно.

Подойдя к столу и оглядев всех присутствующих, вновь жестко и как бы с угрозой сказал:

– Немедленно!

Все согласно закивали».

Нет, все же я был прав, когда предположил, что Д. А. Волкогонов весь день 22 июня 1941 года провел в кабинете И. В. Сталина. Посудите сами. Мог ли историк Волкогонов воспроизводить такие детали, как: «он быстро вскидывал голову, вглядываясь в лицо входящего», «поднялся, походил по кабинету», «подойдя к столу», «оглядев всех присутствующих», «жестко и как бы с угрозой», «все согласно закивали». А от кого, вскидывая голову, ждал И. В. Сталин «успокаивающих реляций»? С. К. Тимошенко

и Г. К. Жуков вошли в его кабинет в 5 часов 45 минут и вышли в 8 часов 30 минут. За 2 часа 45 минут никто – ни первый, ни второй – из кабинета не выходил. Или «успокаивающие реляции» могли принести вошедшие позже Г. М. Маленков (вошел в 7.30), А. И. Микоян (вошел в 7. 55), Л. М. Каганович и К. Е. Ворошилов (вошедшие в 8.00)? Какой информацией они могли обладать, если сами ничего не знали?

В этот же день в кабинете И. В. Сталина была подписана Директива № 3. Вот как по-волкогоновски происходило дело. «По его (Сталина. – **А. С.**) инициативе и требованию Ватутин к исходу дня подготовил одну директиву Главного Военного Совета... Далее в директиве конкретизировались совершенно нереальные наступательные задачи. Пункт четвертый, продиктованный самим Сталиным, гласил: «На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей».

Само построение фразы с троекратным повторением слова «граница» свидетельствует о том, что Сталин был «не в своей тарелке». Директиву подписали Тимошенко, Маленков и Жуков. Хотя Жуков уже улетел в Киев. Сталин приказал поставить и его подпись».

И в этом описании Д. А. Волкогонов «в своей тарелке». Документ готовил Н. Ф. Ватутин, подписали С. К. Тимошенко и Г. М. Маленков, а в стилистических изъянах виновен только И. В. Сталин. Вообще-то это подлость – высмеивать автора и подписантов документа, готовящегося в условиях первого дня войны. А ведь на предыдущей странице у этого горе-историка есть такая фраза: «За весь первый день войны Сталин выпил лишь стакан чая». Ну, если ты подметил такую бытовую деталь (на самом деле ее подметил управляющий делами Совнаркома Я. Е. Чадаев), то сам должен понимать, в какой обстановке готовился этот документ. Ан нет! Кусать так кусать, смаковать так смаковать!

Удивляюсь, как у меня хватило терпения «раскрутить» первый рабочий день Сталина в условиях войны, так «мастерски» описанный душеведом-историком в генеральских погонах. И подобных опусов по несколько на каждой странице книги. Не верите? Тогда откройте 168-ю страницу и сами убедитесь в этом...

«Уехав ночью на ближнюю дачу, Сталин пришел к себе в кабинет и, не раздеваясь, лег на диван. Но уснуть не мог. Поднялся, прошел в зал, столовую».

«Открыл дверь в комнату дежурного помощника: там сидел генерал-майор В. А. Румянцев. Тот суетливо вскочил из-за стола, вопросительно уставившись на Сталина. Хозяин дачи невидящими глазами скользнул по фигуре генерала, тихо закрыл дверь и пошел к себе».

«Сталин постоял у щели задрапированного окна, вглядываясь в ночные силуэты парка. Почему-то вспомнилось место из письма Тухачевского».

«Пожалуй, будь Тухачевский на месте Павлова, многое могло быть по-другому. Но к чему это он? Отогнав тень прошлого, Сталин попытался забыться во сне. Но сон не шел: действительность была страшной».

И все это на одной странице. Видите, как ловко вкладывает Д. А. Волкогонов свои мысли в голову И. В. Сталина! И вот такими внутренними монологами напичкана вся книга генерала-историка. Это шулерский прием: когда не хватает аргументов, их дополняют выдуманными, грубо камуфлируя их под мысли персонажа. При этом никакой правды – то выдумка, то ложь, то все вместе. Настолько это омерзительно, что возникает естественное желание на этом поставить точку»⁸⁷.

Надо сказать, что работу И. В. Сталина в следующие после 22 июня дни Д. А. Волкогонов описывает не так подробно и без

⁸⁷ Сергиенко А. М. Сталин и Курская битва. Белгород, 2011. С. 62–70.

особой конкретики. Однако все время пытается говорить о внутреннем состоянии вождя. Приведу некоторые фрагменты, не стараясь при этом их особо комментировать. Хотелось бы, чтобы сам читатель поучаствовал в этом процессе и дал им свою оценку. В скобках будут указаны страницы этих волкогоновских рассуждений.

«Нет, в первый день большого шока у Сталина не было. Была заметная растерянность, злоба на всех – его так жестоко обманули – тревога перед неизвестностью. Тот первый день члены Политбюро почти сутки пробыли у него в кабинете, ожидая вестей с границы. Лишь изредка они выходили, чтобы позвонить, выпить чаю, размяться. Говорили мало. Все в душе надеялись, что это лишь временные неудачи. Никто не сомневался, что Гитлер получит достойный отпор. Возможно, переговаривались между собой члены партийного ареопага, на неделю-другую в районе границы завяжутся жестокие бои. Война может на какое-то время стать позиционной, до тех пор пока Красная Армия не нанесет агрессору сокрушающий ответный удар» (154).

Краткий комментарий:

«Почти сутки» – это преувеличение. Совещание с ответственными партийными и государственными деятелями началось в 5 часов 45 минут и завершилось через 11 часов – в 16 часов 45 минут. Оказывается, собравшиеся не решали неотложные проблемы начавшейся войны, а сидели в кабинете «в ожидании вестей с границы». И еще оказывается, Дмитрий Антонович проявил способности думать не только за И. В. Сталина, но и за весь «партийный ареопаг».

«Когда утром 22 июня встал вопрос, кто обратится к народу с сообщением о нападении гитлеровской Германии, то все, естественно, повернулись к Сталину, но тот неожиданно отказался. Почти не раздумывая. Отказался решительно... Вероятнее всего, он не хотел ничего говорить народу, не уяснив себе

ситуации. Сталин никогда до этого, во всяком случае в 30-е годы, не делал крупных шагов, не будучи уверенным в том, как они скажутся на его положении. Он всегда исключал риск, который мог бы поколебать его авторитет вождя.

22-го утром Сталин не услышал победных реляций, был в тревоге, даже смятении, но его не покидала внутренняя уверенность, что через две-три недели он накажет Гитлера за вероломство и вот тогда «явится» народу. (Парализующий шок поразит Сталина лишь через четыре-пять дней, когда он, наконец, убедится, что нашествие несет смертельную угрозу не только Отечеству, но и ему, «мудрому и непобедимому вождю») (156, 157) .

Краткий комментарий:

Как ловко генерал-историк в этом эпизоде рисует коварство и хитрость И. В. Сталина. Пусть, мол, кто-то подставляется в этой неясной ситуации, а я подожду «победных реляций» и уже потом «явлюсь» народу.

«Отрывочные сведения, поступающие из штабов фронтов, данные авиаразведки, сообщения уполномоченных Ставки повергли Сталина в состояние глубокой растерянности. Он сам почувствовал едва ли не парализующее замешательство, слушая очередной доклад Ватутина... Сталин уже 23, 24, 25, а тем более 26 июня догадывался, что приграничные сражения проиграны, но чтобы за пять-шесть дней пропустить немецкие войска на 150 – 200 километров в глубь территории страны?! Это непостижимо! Что делают Павлов, Кулик, Шапошников? Почему Генштаб не руководит войсками? Неужели это катастрофа? Военные молча выслушивали оскорбительные злые тирады Сталина и, получив, в конце концов, разрешение, быстро уезжали к себе, в Генштаб» (164, 165).

Краткий комментарий:

Да, о грубости со стороны И. В. Сталина в разговоре с военными в эти первые дни войны есть свидетельства очевидцев. Речь идет о посещении им Наркомата обороны 29 июня

1941 года. Но это была обоюдная грубость. Не знаю, как вы, читатель, повели бы себя, узнав из иностранной радиосообщения о том, что Минск в руках противника, и, приехав в Наркомат обороны, не могли бы добиться вразумительных объяснений по этому поводу. А ведь И. В. Сталин мог и не ограничиться только одним разговором на высоких тонах. Кроме этого факта грубости со стороны Иосифа Виссарионовича о подобном больше никто и нигде не упоминает. А по волкогоновскому писанию получается, что И. В. Сталин только тем и занимался, что отпуская в адрес военных «оскорбительные, злые тирады». Но что это я, право, критикую Дмитрия Антоновича, позабыв, что ему виднее, как вел себя И. В. Сталин в эти дни, ведь он там присутствовал.

«Но на фронте, и это уже нельзя было скрыть от народа, надвигалась катастрофа. Сталин чувствовал, что страна смотрит на него, вождя, столько раз вместе с Ворошиловым заверявшего советских людей, что Красная Армия способна сокрушить любого врага. В эти дни его «стальная» воля была сильно деформирована и никак не могла распрямиться... Сталин нервничал, требовал, кого-то вызывал, а временами уединялся на даче или в кабинете и часами не давал о себе знать. Нарком Тимошенко, назначенный одновременно и главой Ставки, чувствовал себя крайне неуютно в этой должности. Окружающие понимали, что фактическое главенство и полнота власти все равно остается за Сталиным. А он вел себя как-то непривычно импульсивно; все видели его подавленность, крайнюю угнетенность. Состояние Сталина в определенной мере передавалось и руководству Генштаба» (166, 167).

Краткий комментарий:

Не знаком с заверениями И. В. Сталина о том, что Красная Армия «способна сокрушить любого врага». Да и К. Е. Ворошилов в этом плане особо не отличался. А вот пропаганда в этом деле, чего греха таить, переусердствовала. А насчет «стальной»

воли, так это Н. С. Хрущев, А. И. Микоян и другие антисталинисты, в том числе и Д. А. Волкогонов, так ее деформировали, что и по сей день ее не удается выпрямить. Не уединялся Иосиф Виссарионович ни на даче, ни в кабинете, а работал. И после короткого отдыха все эти дни регулярно давал о себе знать, собирая у себя ежедневно по 30 человек.

«Для Сталина надвигающаяся катастрофа была не только тем, чем она могла быть для каждого гражданина Отечества. Это была гибель земного бога, каким он себя представлял. «Вождь» падал с большей высоты, чем другие. Для человека, который поверил в свою исключительность, прозорливость, особое предназначение, разверзшаяся бездна была бездонна. После нескольких дней, в течение которых Сталин находился в глубоком психологическом шоке, почти параличе, он, наконец, начал приходить в себя» (169).

Совсем не краткий комментарий:

А не краткий потому, что Дмитрий Антонович довел меня своими рассуждениями до точки кипения. В связи с этим, не могу ограничиться только краткими репликами, призыву на помощь и самого И. В. Сталина, и тех, кто его знал.

Не подумайте, читатель, что слово вождь закавычил я. Нет, это сделал Дмитрий Антонович. Только неясно, почему он не взял в кавычки и слова «земного бога», а ведь это выше, чем вождь. В отношении «психологического шока» и «почти паралича», можно сказать словами Марка Твена: слухи о таком состоянии И. В. Сталина слишком преувеличены. Тут Дмитрий Антонович превзошел даже Н. С. Хрущева.

Ну, а для тех, кто всерьез воспримет волкогоновский опус о том, что Иосиф Виссарионович якобы «поверил в свою исключительность, прозорливость и особое предназначение», стоит порассуждать более обстоятельно. Этот камушек брошен не в тот огород. Это что, И. В. Сталин приклеивал эти эпитеты к своему имени? Укажите мне хоть один документ, хоть одно место из

многочисленных воспоминаний тех, кто общался с ним, в которых приводится факт о том, что Иосиф Виссарионович предлагал, настаивал, требовал, наконец, приказывал, чтобы его величали «великим вождем», «мудрым учителем», «непревзойденным руководителем», «гениальным стратегом», «величайшим полководцем». Ничего подобного нет и не могло быть. И. В. Сталин в различных приставках к своему имени не нуждался, ибо по складу своего характера он был скромным человеком. Бесконечная череда эпитетов исходила от тех, кто окружал его, а затем, подхваченная пропагандой, летела от Москвы до самых до окраин. Так что не по адресу этот волгогоновский упрек.

На этот счет можно привести массу примеров. Ограничусь лишь несколькими. При этом подберу их таким образом, чтобы сам Иосиф Виссарионович был действующим лицом.

Вот его мнение по вопросу издания книги «Рассказы о детстве Сталина»: «Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остается фактом.

Но не это главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льет воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу.

Советую сжечь книжку»⁸⁸.

⁸⁸ *Белади Л., Краус Т.* Сталин. М., 1989. С. 204.

И еще один факт, характеризующий скромность И. В. Сталин. «Старый партиец Б. Е. Бибинейшвили написал книгу «Камо» о знаменитом большевике-боевике Тер-Петросяне (Камо). 20 апреля 1933 года председатель правления и заведующий издательством Всесоюзного общества старых большевиков Илья Ионович Ионов-Бернштейн обратился к секретарю Сталина А. Н. Поскребышеву с просьбой: Бибинейшвили и сестра Камо просили показать И. В. Сталину посвящение, с тем чтобы получить его согласие на помещение в книге...

На следующий день И. В. Сталин направил Ионову записку: «Тов. Ионов! Я против «посвящения». Я вообще против «посвящений» с воспеванием. Я тем более – против предложенного текста «посвящения», так как он насилует факты и полон ложноклассического пафоса воспевания. Не нужно доказывать, что никакой я не «теоретик» и тем более – «гениальный организатор» или «стратег международной революции». Прошу успокоить не на шутку разволновавшегося автора и сообщить ему, что я решительно против «посвящения». Привет! И. Сталин»⁸⁹.

И еще несколько его реплик. «По словам В. М. Молотова, Сталин говорил: «Молотов еще сдерживается, Маленков, а другие – эсеры прямо: Сталин, Сталин!»

«Беседуя с главным редактором газеты «Правда» П. Н. Поспеловым, Сталин спросил:

– А почему в газете печатается так много фотографий товарища Сталина?

Не получив ответа, продолжил:

– Я думаю, товарищ Поспелов, фотографий девять товарища Сталина в год вполне достаточно. Пожалуй, и это много!»

«Д. Т. Шипилов вспоминал. На Пленуме ЦК после XIX съезда партии в Свердловском здании Кремля при появлении Сталина многие присутствующие встали. Он сказал:

⁸⁹ *Кремлев С.* Зачем убили Сталина? М., 2008. С. 44 – 45.

– Здесь этого никогда не делайте».

В 1946 году было решено откорректировать и дополнить прежний текст краткой биографии Сталина. Он его забраковал. По воспоминаниям доктора исторических наук Р. П. Конюшной, «Сталин отругал авторов: «Вы что эсеровщиной занимаетесь? Народ, партия – ничто, Сталин – все? Сталин стар, скоро умрет. Хотите, чтобы народ в панику впал – раз все делал он, то без него конец?»

Не подумайте, читатель, что эту подборку сталинских реплик я придумал. На подобные сочинительства я, в отличие от Дмитрия Антоновича, не способен. В связи с этим, отсылаю вас к источнику: Р. Баландин «Встать! Сталин идет!», страницы 271 и 346.

С. В. Кормилицын в своей книге «Сталин против Гитлера. Поэт против художника» приводит из воспоминаний телохранителя вождя В. Тукова эпизод о том, как члены Политбюро решили к Параду Победы сшить Верховному Главнокомандующему форму генералиссимуса и что из этого вышло: «Сказано – сделано. Начальник тыла Армии А. Хрулев быстро заказал у Легнера три формы генералиссимусов. С эполетами, галунами, позументами и атласными накидками. Хрулев привел в приемную к Сталину трех «генералиссимусов». Попросил Сталина выбрать одну из форм. Сталин вышел из кабинета, бросил взгляд и спросил Хрулева: «Это кто такие?» А. Хрулев: «Это пошитые формы для Парада Победы». Снова Сталин сверкнул глазами: «Нет уж, мне что-либо попроще. Такое мне не подойдет. Павлины не водятся на Красной площади». А. Хрулев скомандовал молодцам: «Кругом, шагом марш из приемной!»

В форме генералиссимуса И. В. Сталина так никто и никогда не видел. Точно так же как никогда он не прикалывал к маршальскому кителю Золотую Звезду Героя Советского Союза, считая, что ничего героического в годы войны он не совершал.⁹⁰

⁹⁰ Кормилицын С. В. Сталин против Гитлера. Поэт против художника. Москва – Санкт-Петербург, 2008.

В связи с этим не могу пройти мимо одного корреспондентского бреда. 19 июня 1997 года спецкор «Комсомольской правды» А. Гамов опубликовал в своей давно некомсомольской газете статью под привлекательным названием «Почему Сталин никогда не носил Золотой Звезды?» Ответ на этот вопрос автор вложил в уста некоего дяди Миши Секрета, который всю жизнь собирал материалы о Героях Советского Союза, и которых не 12600, как отражено в одноименном двухтомнике, а 12850. Так как же дядя Миша объяснил, почему И. В. Сталин не носил этой высокой награды? Оказывается, он никогда не надевал Звезду Героя Советского Союза потому, что «ему это звание самовольно присвоил Михаил Калинин уже после Парада Победы летом 1945 года, и вождю просто неудобно было носить боевую награду, полученную в мирное время». Забыл дядя Миша (читай – А. Гамов) о том, что это самовольство проявил и секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин, подпись которого стоит под Указом. Не знает дядя Миша (читай – А. Гамов), что хотя И. В. Сталин получил эту награду, как он выразился, в мирное время, награждался он ею за руководство Красной Армией в борьбе с фашистской Германией. И второй орден «Победа» Сталин получил после окончания войны, и звание генералиссимуса ему присвоили в мирное время.

Вот так под видом дяди Миши подсовывают нам очередную сказку о советском прошлом. Ну а позиция автора статьи окончательно проясняется в следующем его рассуждении: «Я слушал истории, и меня не покидала подленькая мыслишка – в духе нашего прагматичного времени – для чего нужен сегодня этот домашний «наградной отдел», ведь и Советского Союза больше нет, да и многие его герои уже не в той чести, что прежде». Видите, как мазанул черной краской всех Героев Советского Союза, и мертвых, и живых. Мыслишка не подленькая, а что ни на есть подлая.

А вот факт, о котором Г. К. Жуков рассказал К. М. Симонову: «Однажды, полушутя-полусерьезно обратившись к двум присутствовавшим при нашем разговоре людям, он (И. В. Сталин. – **А. С.**) сказал:

– Что с вами говорить? Вам что ни скажешь, вы все: «да, товарищ Сталин», «конечно, товарищ Сталин», «совершенно правильно, товарищ Сталин», «вы приняли мудрое решение, товарищ Сталин»... Только вот один Жуков иногда спорит со мной»⁹¹.

Фактически И. В. Сталин был безразличен к наградам. Иконстаса, как некоторые его последователи, не имел, некоторые награды не носил, да и получать их не торопился. Скажем, первым орденом «Победа» он был награжден 29 июля 1944 года, а вручил его М. И. Калинин Верховному Главнокомандующему лишь 5 ноября. Эту высокую награду Иосиф Виссарионович получать не торопился.

И еще парочку фактов к затронутой теме. Первый. Москвич, доктор исторических наук Н. Козлов в статье «Титан, который двигал вперед эпоху» отмечал: «Для полноты характеристики И. В. Сталина нелишне отметить его скромность в личной жизни. Это особенно актуально сегодня, в условиях процветающего казнокрадства в нынешней России. Так, известно, что, когда умер И. В. Сталин (5 марта 1953 года), опись его имущества уместилась на одном листе. В опись вошли: записные книжки, общие тетради, курительные трубки и табак, 6 кителей, 10 брюк, 4 шинели и 4 фуражки. В его спальне обнаружили сберкнижку с пометкой о вкладе на сумму 900 рублей. Вот такой человек был И. В. Сталин»⁹².

И второй. Письмо И. В. Сталина К. Ф. Старостину от февраля 1935 года о присвоении московскому метрополитену имени Л. М. Кагановича. «До ЦК партии дошли слухи, что коллектив

⁹¹ *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. В кн.: «Мгновения». С. 113.

⁹² «Правда». 2006. 21 декабря.

метро имеет желание присвоить метро имя т. Сталина. Ввиду решительного несогласия т. Сталина с таким предложением и ввиду того, что т. Сталин столь решительно настаивает на том, чтобы метро было присвоено имя т. Кагановича, который прямо и непосредственно ведет успешную организационную и мобилизационную работу по строительству метро, ЦК ВКП (б) просит коллектив метро не принимать во внимание протестов т. Кагановича и вынести решение о присвоении метро имени т. Кагановича»⁹³.

Так что, если говорить об исключительности И. В. Сталина, то она, прежде всего в том, что он был исключительно скромным и в связи с этим в своем возвеличивании не нуждался. А мы, читатель, полистаем очередные страницы волгогоновской книги.

«Целая пропасть разделяла его, безгрешного земного бога до войны, и растерявшегося «вождя», сознававшего полный крах всех его планов, предположений, стратегических расчетов в течение всего одной недели. Вынести все это оказалось не по плечу даже такой волевой натуре, как Сталин. Вероятно, он ожидал, что недовольство окружения, военного руководства и народа будет обращено против него, главного виновника просчетов неудавшейся «игры» с Гитлером, беспрецедентного ослабления террором кадров армии... Но советский народ оказался выше сведения счетов со своим лидером в дни и часы смертельной опасности. «Величие духа» советского народа было столь высоким, что он не опустился в этот трагический момент до выискивания виновников создавшегося положения. Мудрость народного опыта предоставила это сделать истории» (171).

«Сталин в первые две недели войны явно не проявил того «величия духа», о котором так долго и настойчиво твердили

⁹³ Каганович Л. М. Памятные записки. С. 527.

после Победы наши историки и писатели. Подлинными лидерами, вождями, полководцами, как правило, проявляют «величие духа» именно в минуты крайней опасности, экстремальной обстановки, критические моменты истории. В обыкновенных условиях героем, гением, кумиром быть проще» (173).

Приговор:

Браво, Дмитрий Антонович! Что верно, то верно: советский народ «оказался выше сведения счетов со своим лидером в дни и часы смертельной опасности». Он об этом даже не помышлял, правда, за исключением тех, кто затаился и ждал прихода фашистов, чтобы вместе с ними свергнуть народную власть. И если бы в годы лихолетья Д. А. Волкогонову дали в руки винтовку, уверен, он повернули бы ее в сторону того народа, о котором так пекся. Как хорошо, что в то время, когда И. В. Сталин со своими товарищами по руководству страной приступил к первым оборонительным мероприятиям, он, хотя уже и не сидел на горшке, но еще не достиг призывного возраста. Одним вооруженным предателем стало меньше. Но его антинародное нутро проявилось позже и он в стан предателей все же попал.

Верно и то, что «величие духа советского народа было столь высоким, что он не опустился до выискивания виновников создавшегося положения». Он не выискивал виновников ни в первые дни войны, ни в ее ходе, ни после окончания. Потому что с первого дня и до последнего он, этот народ, верил И. В. Сталину, руководителям партии и государства, верил в нашу Победу. Д. А. Волкогонов же, потенциально обреченный на гибель, но оставшийся в живых благодаря титанической военной работе И. В. Сталина, своего «величия духа» не показал и опустился до «выискивания виновника создавшегося положения».

И насчет суда истории. И Н. С. Хрущев, и Д. А. Волкогонов, и вся рать хулителей И. В. Сталина – это не история. Это попытка ее исказить. Свой вердикт история уже вынесла. Вклад в дости-

жение Победы Верховного Главнокомандующего, занимавшего в годы Великой Отечественной войны почти все высшие государственные должности, а в военной структуре все до одного, достойно оценен. В ходе войны ему было присвоено звание Маршала Советского Союза, он был награжден орденом «Победа». После окончания войны в Европе ему, единственному из всех полководцев, было присвоено звание Генералиссимус Советского Союза, он был награжден вторым орденом «Победа», ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Эти награды – высшая оценка его полководческой деятельности. И хотя для Д. А. Волкогонова это ничего не значит, ему своей антисталинской книгой эти награды не отобрать, и из анналов истории не выжечь. А вот попытка исказить историю подсудна.

Вот так, домыслами, наглой ложью, своими вульгарными размышлениями, поданными под прикрытием сталинских мыслей, Д. А. Волкогонов изобразил вождя в первые дни войны растерянным, в глубоком шоке, потерявшим способность управлять страной, грубым, с деформированной волей, с частыми уединениями в кабинете или на даче, нерешительным и бездеятельным. И вот эта волкогоновская ложь, размноженная трехсоттысячным тиражом, увидела свет в 1989 году. Знал ли он о существовании Журнала регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина? Возможно, и нет, хотя имел неограниченный доступ к архивам. А знал ли он о его публикации, ведь это произошло почти одновременно с выходом его книги? Очень трудно предположить, что эта публикация прошла мимо генерала. Но даже если он ее пропустил, то разве не могли его многочисленные приспешники, а то и читатели, подсказать ему, мол, Дмитрий Антонович, дал же ты тут пенку. Бесспорно, Д. А. Волкогонов знал о публикации ЖРП, но никаких покаянных устных или письменных заявлений не сделал. Это еще одно преступление историка. Но оно как раз и свидетельствует о том, что для него неважна историческая правда,

ему важнее политические взгляды, под которые он подгонял придуманную им фактуру сталинской недееспособности в первые дни войны.

Мне остается только ко всему проанализированному и сказанному назвать тот раздел книги, в котором сконцентрирована ложь о поведении И. В. Сталина в первые дни войны – «Парализующий шок». Вспомните, читатель, концовку из приведенной мною цитаты Н. С. Хрущева: «Он находился в состоянии шока». Что ж, в лице Дмитрия Антоновича Никита Сергеевич нашел достойного продолжателя своего черного дела. Но благо есть судьбы истории. Одним из таких судей стал Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина. Вернемся к только что процитированным словам генерала-историка: «мудрость народного опыта предоставила это сделать истории». Дмитрий Антонович полагал, что его книга и есть частичка опыта народной мудрости, что она и есть история. Однако благодаря неопровержимым фактам ЖРП волкогонское творение превратилось в фальшивку. Суд истории, к которому апеллировал Д. А. Волкогон, пришел!

Среди тех, кто, основываясь на хрущевских фактах, отразил поведение И. В. Сталина в первые дни войны, оказался, как это ни странно, и посол Советского Союза в Великобритании И. М. Майский. Я бы назвал его полуантисталинистом. В 1964 году в 11-м номере журнала «Новый мир» Иван Михайлович опубликовал свою рукопись «Воспоминания советского посла». Вот небольшая выдержка из этой публикации: «С момента нападения Германии Сталин заперся у себя в кабинете, никого не видел и не принимал никакого участия в решении государственных дел... Советские послы за границей в столь критический момент не получали никаких директив из центра».

Ну и пнул бы за это своего непосредственного начальника, наркома иностранных дел В. М. Молотова, так нет же, надо все свалить на бедную сталинскую голову. В книжном варианте вос-

поминания вышли буквально на следующий год и... этого суждения уважаемого дипломата в ней не оказалось. Любопытный читатель задастся вопросом: а почему? Ответу: когда готовился к выходу одиннадцатый номер журнала, Н. С. Хрущев еще был в фаворе, а когда готовилась к изданию книга, его на олимпе власти уже не было. А вот чья это инициатива убрать из книги сей пасквиль на И. В. Сталина, – издательства или прозревшего Ивана Михайловича Майского, – остается загадкой. Как, между прочим, остается загадкой и вопрос: сам ли он вставлял этот пасквиль в журнальный вариант издания рукописи.

А вот мнение еще одного авторитетного в СССР человека – Адмирала Флота Советского Союза И. С. Исакова, которое он высказал в беседе с К. М. Симоновым 21 мая 1962 года: «Насколько я помню, Сталин был очень потрясен случившимся – таким началом войны. Он категорически не допускал этой возможности. Размеры потрясения были связаны и с масштабом ответственности, а также и с тем, что Сталину, привыкшему к полному повиновению, к абсолютной власти, к отсутствию сопротивления своей воле, вдруг пришлось в первые же дни войны столкнуться с силой, которая в тот момент оказалась сильнее его. Ему была противопоставлена сила, с которой он в тот момент не мог совладать. Это было потрясение огромное, насколько я знаю, он несколько дней находился в состоянии, близком к прострации. Думаю, что с этим связано и то, что не он, а Молотов выступил по радио и говорил о начале войны, хотя естественно было бы ждать такого выступления именно Сталина»⁹⁴.

Уважаемый адмирал флота употребил многозначное выражение – «насколько я знаю». Ровно на столько, сколько об этом знал Н. С. Хрущев. В 1941 году И. С. Исаков в кабинете

⁹⁴ Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. В кн.: Мгновения. С. 155.

И. В. Сталина ни разу не был. В 1942 году побывал там дважды – 12 марта и 19 июня. Вот две встречи за весь период войны. Судя по всему, обе встречи в Кремле связаны с назначением И. С. Исакова на должности сначала заместителем Главкомандующего и членом Военного совета северо-кавказского направления, а затем заместителем и членом Военного совета Закавказского фронта. В октябре 1942 года Иван Степанович был тяжело ранен. Состояние его здоровья осложнилось до такой степени, что стоял вопрос о возможном летальном исходе. И без всякого преувеличения можно сказать, что на ногу (вторая нога была ампутирована) его поставила телеграмма от И. В. Сталина и Н. Г. Кузнецова. Об этом написал А. М. Арзуманян в своей книге «Адмирал».

«Несколько дней спустя (из рассказа А. И. Соколова, адъютанта командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева. – **А. С.**) мы с командующим фронтом приехали в госпиталь, где находился Иван Степанович. Здесь мы узнали, что ампутация ноги неизбежна... Когда состояние Исакова снова ухудшилось, в Москву на имя Сталина была послана телеграмма: «Состояние Исакова чрезвычайно тяжелое. Резкое ослабление сердечной деятельности. Пульс временами не прощупывается. Общая адинамия. Температура 37,2. Имеются явления газового сепсиса. Конечность ампутирована предельно высоко. Состояние раны удовлетворительное. Сознание сохраняется. Исход для жизни зависит от количества запасных сил...».

Вице-адмирал Н. М. Кулаков рассказывал мне, что, когда поступила правительственная телеграмма на имя Исакова, тот находился в совершенно безнадежном состоянии: около двух часов пульс едва прослушивался, казалось, раненого покинули последние силы. Он лежал в забытьи, с закрытыми глазами. И все же решили прочитать ему депешу. В полной тишине прозвучало: «Мужайтесь. Мнению специалистов, можете выздо-

роветь. Лучший миноносец Черноморского флота будет назван вашим именем. Сталин. Кузнецов». Большой открыл глаза. Это было похоже на чудо»⁹⁵.

Среди тех, кто подхватил хрущевскую ложь А. В. Антонов-Овсеенко, сын известного революционера и партийного деятеля В. А. Антонова-Овсеенко. В 1980 году в Нью-Йорке вышла его книга «Портрет тирана». С некоторыми добавлениями ее в 1990 году издали в России. О военном периоде деятельности И. В. Сталина автор пишет мало, а о первых днях буквально несколько строк. В основу положено мнение Н. С. Хрущева: «Год 1941-й. 22 июня. «Это конец», – решил генсек. «Все, что создано Лениным, потеряно навсегда», – запомнилась Хрущеву сталинская фраза... Да, Сталин явил миру полную растерянность и отменную трусость»⁹⁶.

Вот так: Н. С. Хрущеву запомнилась сталинская фраза, которую он, будучи на Украине, сам от него никогда не слышал. После такого «факта» можно с уверенностью лепить фразу о «полной растерянности и отменной трусости».

Еще один перебежчик из родной страны в Соединенные Штаты Америки, некий Р. Бракман, также ссылаясь на выступление Н. С. Хрущева на закрытом заседании после завершения работы XX съезда КПСС, пошел еще дальше: «В течение десяти дней Сталин не проронил ни слова. Страна ждала от него призыва к защите отечества, но он молчал. В течение недели после начала войны Сталин отказывался видеть кого-либо из членов Политбюро, принимал только Берию, с которым обсуждал показания Мерецкова и других «заговорщиков» и разрабатывал сценарий показательного процесса. Но 30 июня 1941 года несколько членов Политбюро добились встречи с главой государства, умоляя его «предпринять

⁹⁵ Арзуманян А.М. Адмирал. М., 1980. С. 437–438.

⁹⁶ Антонов-Овсеенко А. В. Сталин без маски. М., 1990. С. 373.

немедленно определенные шаги с целью улучшения ситуации на фронте»⁹⁷.

Да, всего ничего, несколько коротких фраз, но сколько в них лжи. И гуляла она и продолжает гулять по городам и весям США.

Подобных хулителей деятельности И. В. Сталина в первые дни войны предостаточно. Их, вместе с упомянутыми здесь мною, можно отнести к тем, кто не ведал о существовании ЖРП. Но как понять и оценить тех антисталинистов, которые ложь о прострации И. В. Сталина повторяли и продолжают повторять и после того, как в 1989 году Журнал регистрации лиц был опубликован? Но больше всего меня удивляют те историки, писатели и журналисты, которые в своих писаниях не скрывают того, что они знакомы с Журналом регистрации посетителей и даже ссылаются на него, но продолжают ставить давно заезженную пластинку о прострации. То есть публикация этого документа не то, что не прекратила тиражирование вымысла о недееспособности И. В. Сталина в первые дни войны, но даже используется для его подтверждения.

Казалось бы, козырная карта так называемой прострации сведениями ЖРП бита. Ведь его содержание убедительно доказывает, что буквально с первого дня войны И. В. Сталин включился в активную работу. Ан нет! Продолжают долбить, как дятел, в одну точку. Так как это понять и оценить? Это преступление! Для таких псевдоученых, лжеисториков и продажных газетно-радиотелевизионных журналистов документальные факты ничего не стоят, во имя политической конъюнктуры ими, по их мнению, можно и пренебречь. И происходит это лишь только потому, что заведомая ложь в исторической науке не наказуема.

Среди тех, кто с упорством, достойным иного применения, продолжает и после публикации ЖРП, тиражировать хрущевскую ложь о прострации И. В. Сталина, можно назвать многих.

⁹⁷ *Бракман Р.* Секретная папка Иосифа Сталина. Скрытая жизнь. М., 2004. С. 410–411.

Ну, скажем, Ю. Бореев, книга которого вышла в 2003 году, без тени сомнения повторяет Н. С. Хрущева: «Война была для Сталина большой неожиданностью. Он думал, что перехитрил Гитлера, однако тот оказался коварнее его. Сталин впал в прострацию. Наша армия сражалась с превосходящими силами противника, а человек, который насильственно сосредоточил всю власть в своих руках, преступно отстранился от руководства борьбой. 3 июля 1941 года Сталин, наконец, собрался с духом и обратился к народу по радио»⁹⁸.

Автора этой книжечки можно сказать совсем не знаю, а посему не особо удивляюсь подобному мнению. А вот кто удивил, так это доктор исторических наук Ю. Н. Жуков, которого числю среди современных историков как одного из активных сталинистов. Судите сами: «... война, оказавшаяся 22 июня 1941 года для узкого руководства полной неожиданностью, событием, к которому они, как выяснилось в первые же часы, страну не подготавливали. Новая тройка лидеров – Сталин, Вознесенский, Жданов – 22 июня не просто растерялась. Они были не в состоянии принять хоть какие-нибудь меры, отвечавшие той экстремальной ситуации, тому катастрофическому положению, в котором оказался Советский Союз. Ту же неспособность действовать проявило и большинство руководства партии, страны»⁹⁹.

И ты, Брут?! Но, как говорится, Бог с ним!

А что, всем известный писатель В. С. Пикуль не знал о публикации ЖРП? Да кто в это поверит! И, тем не менее, познакомьтесь с фрагментом из романа «Барбаросса», взятого мной из Интернета.

«Из Генштаба прибыл генерал Ватутин с докладом: германская армия наступает по всему фронту – от и до, от моря и до моря, рано утром немцы уже отбомбились по городам, список

⁹⁸ Бореев. Ю. Сталиниада. М., 2003. С. 280.

⁹⁹ Жуков Ю. Н. Настольная книга сталиниста. М., 2010. С. 172.

которых слишком велик, бои идут на советской земле. Сталин сразу сделался меньше ростом, словно пришибленный сверху чем-то тяжелым, а слова его были самые похабные:

– Великий Ленин завещал нам великое пролетарское государство, а вы (он не сказал «я»!), – все вы про...ли его!

Всего несколько часов назад Лаврентий Берия отдал приказ «растереть в лагерную пыль» арестованных им разведчиков, которые докладывали, что нападение свершится сегодня, а теперь что он мог сказать в утешение своему грузинскому другу? Что мог сказать трусливый Калинин? Подлейший Каганович? Палач и карьерист Маленков? Ничем не могли они утешить своего сюзерена и потому молчали. Сказал сам Сталин:

– Я ухожу... отказываюсь. Мне больше ничего не нужно. Вы тут сами нагадили, сами и разбирайтесь.

Берия гортанно выкрикнул что-то по-грузински.

Сталин махнул рукой и уехал, чтобы скрыться на загородной даче. Тут все члены Политбюро разом заговорили, что вот, мол, хорошо ему, взял да уехал, а мы тут теперь давай разбирайся, где лево, где право, кто виноват, кто прав. Сообща решили тоже ехать на дачу, вернуть машиниста к рычагам правления, чтобы тянул воз дальше. Увидев своих приспешников, гуртом входящих к нему, Сталин аж затрясся от страха – вот сейчас всей кучей навалятся, свяжут, как цуцика, и потащат в Бутырки, а сами начнут делить – кому стул, кому кресло, кому престол. Но члены Политбюро чуть не попадали ниц перед ним, взывая вернуться на государственный парнас, и тут Сталин ожил, обрел прежний вид, стал возвещать.

– Нельзя, – сказал он, – чтобы народ узнал то, о чем докладывал Ватутин... паника начнется! Лучше скрыть...

Какой уже час шла война, а народ так и не был о ней оповещен. Обращаться к народу по радио Сталин не желал, потому что теперь ему пришлось бы говорить совсем не то, что говорил он еще вчера, и все внимали ему – с трепетом.

– Вон Вячеслав, – показал Сталин на Молотова, – это он лизался тут с Риббентропом... пусть и оправдывается!

Во все времена русские цари, если начиналась война, сами обращались с монаршими манифестами, объясняя народу, кто войну начал и ради чего эта война ведется. Но это – цари, а вот Генеральный секретарь партии решил пересидеть эти дни в кустах, не высовываться».

Вот таков Валентин Пикуль. Этот бред сивой кобылы даже комментировать не хочется.

5. Многостаночник Э. С. Радзинский и еще кое-кто

Одним из тех, кто не скрывает о том, что знаком с ЖРП, и, невзирая на это, продолжает многосерийный фильм на тему отхода И. В. Сталина в первые дни войны от государственных дел, оказался многостаночник Э. С. Радзинский. Он и драматург, и романист, и историк, и публицист, и артист. В общем, и жнец, и на трубе дудец.

Много людей, порождая различные эмоциональные оценки, прошли передо мной за годы жизни. Но ни к кому я не испытывал такого отвращения, как к этому фигляру. Внешний вид, полумужской и одновременно полуженский голос, ужимки, смешки и ухмылочки неизменно навевают мысль – не из стана ли голубых? А тут еще подвернулась под руку книга почитаемого мной В. С. Бушина «Злобный

навет на великую Победу». Не позавидуешь тому, кто попадает под его сатирическое перо. «Какая наследственность у человека! Во время войны его молодая матушка Софья Гавриловна, ведая пайками для эвакуированных в Ташкент писателей, обкрадывала уже старую Анну Ахматову, – об этом со слов самой Анны Андреевны рассказала в книге о ней Лидия Чуковская. Мамаша подкармливала пятилетнего Эдика. Вот почему он вырос таким талантливым – ахматовские харчишки! Но с другой стороны – материнские гены: он тоже любит при случае стянуть что-нибудь вкусненькое.

Как незадолго перед смертью рассказала корреспонденту «Литгазеты» дочь генерала Деникина, Эдик уворовал у нее изрядный по объему лакомый кусочек простодушно подаренной ему книги о Распутине. Поэтому нет ничего удивительного, что и Великую Отечественную войну он изображает не как войну за свободу и независимость родины от фашистского нашествия, а как разборку двух воровских банд, за что и полюбили его два президента по эту и ту сторону Атлантики, за что и получил он какие-то ордена, какие-то премии, за что и держат его в должности главного трепача на телевидении. Словом, за любой приз Радзинский может поспорить с кем угодно»¹⁰⁰.

В общем, Владимир Сергеевич еще больше укрепил меня в моем собственном мнении. По этой причине с нескрываемым чувством чего-то грязного беру в руки книгу Э. С. Радзинского «Сталин». Но что делать – настало время поговорить.

Начну разговор с предупреждения издателя: «Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке». А судьи кто? Или издательство

¹⁰⁰ Бушин В. С. Злобный навет на великую Победу. С. 90.

«Вагриус» или сам автор? И к чему сей строгий запрет? Насчет «воспроизведения всей книги» понятно. А вот в отношении «любой ее части»... Получается, что ее нельзя и цитировать? Да это похлеще цензуры! Здорово придумано! А без цитирования, тем более двойного, мне ну никак не обойтись.

Почему двойного? Дело в том, что при описании состояния и поведения И. В. Сталина в первые дни войны, автор книги основательно использует неопубликованную рукопись бывшего управляющего делами Совнаркома Я. Е. Чадаева «В грозное время», которая якобы и по сей день хранится в секретном фонде Архива Октябрьской революции. Но в связи с тем, что уважаемый управляющий делами Совнаркома в своей рукописи (а может, кто-то за него!) допустил ряд существенных ошибок, которые четко высвечиваются на фоне сведений ЖРП, следует о них поговорить отдельно. А уже после этого обратиться к комментариям самого Э. С. Радзинского.

Но вначале давайте познакомимся с фрагментом, которым автор объясняет, на основе чего родилась рукопись Я. Е. Чадаева. Э. С. Радзинский пишет: «Я просматриваю Журнал регистрации лиц, принятых Сталиным в тот страшный день, точнее, рассветное теплое утро. 22 июня – Молотов, потом Берия, Тимошенко, Мехлис, Жуков, Маленков, Микоян, Каганович...

Но среди пришедших в кабинет был человек, не указанный в Журнале, ибо он не был посетителем. Я. Чадаев был управляющим делами Совнаркома. Хозяин поручил ему вести краткие записи всех заседаний Правительства и Политбюро, проходивших в его кабинете. Как упоминает несколько раз Чадаев в своих воспоминаниях, он был «единственным, кому Сталин разрешил записывать». Поэтому его рукопись о драматическом начале войны, написанная уже после смерти Хозяина, представляет огромный интерес»¹⁰¹.

¹⁰¹ Радзинский Э. С. Сталин. М., 1997. С. 492.

Как видим, Э. С. Радзинский знаком с Журналом регистрации посетителей сталинского кремлевского кабинета. А я начну, как выражался «классик», отделять котлеты от мух. Вот чадаевские «котлеты». Хочу особо подчеркнуть: поданные к столу Э. С. Радзинским.

22 июня. «На рассвете у Сталина были собраны члены Политбюро плюс Тимошенко и Жуков. Докладывал Тимошенко: «Нападение немцев следует считать свершившимся фактом, противник разбомбил основные аэродромы, порты, крупные железнодорожные узлы связи...» Затем Сталин начал говорить, говорил медленно, подыскивая слова, иногда голос прерывала спазма. Когда он закончил, молчали все, и молчал он. Наконец он подошел к Молотову: «Надо еще раз связаться с Берлином и позвонить в посольство». Молотов из кабинета позвонил в наркомат иностранных дел, все ждали, он сказал кому-то, чуть заикаясь: «Пусть едет». И пояснил: «Шуленбург хочет меня видеть». Сталин сказал коротко: «Иди».

После беседы с Шуленбургом Молотов вернулся в кабинет и сказал: «Германское правительство объявило нам войну». Это вызвало замешательство среди членов Политбюро».

Вот такая чадаевская зарисовка первых часов работы тех государственных деятелей, которые собрались по случаю нападения фашистской Германии на Советский Союз в сталинском кремлевском кабинете. Давайте сопоставим отраженные в ней факты с записями Журнала регистрации посетителей и свидетельствами тех, кто еще, кроме Я. Е. Чадаева, присутствовал в эти утренние часы у И. В. Сталина.

Из членов Политбюро, кроме И. В. Сталина, в эти утренние часы присутствовали только двое – В. М. Молотов и Л. П. Берия. Остальные подошли позже: Г. М. Маленков в 7 часов 30 минут, А. И. Микоян – через 25 минут после него, затем, через пять минут, еще двое – Л. М. Каганович и К. Е. Ворошилов. Не мог такой ответственный работник как управляющий делами Со-

внаркома так легкомысленно отразить факт сбора членов Политбюро. Даже если предположить, что в эти действительно ошеломляющие часы И. В. Сталин не поинтересовался о причине задержки опоздавших, то они сами, в свое оправдание, просто не могли не сказать об этом.

Выше уже приводился рассказ В. М. Молотова писателю И. Ф. Стаднюку о том, в какое время он встречался с германским послом Шуленбургом. Его сведения расходятся с мнением Я. Е. Чадаева.

Кроме этого, хочу обратить внимание читателя на такой факт. После того, как в кабинете вождя собрались первые вызванные на совещание партийные и государственные деятели, нарком обороны, стремясь ввести присутствующих в курс событий, сделал информацию. И хотя она была предельно короткой, Я. Е. Чадаев все же отразил ее суть. А вот о чем говорил И. В. Сталин, не написал ни слова. Описал, как говорил, но не о чем. Скорее должно быть наоборот: Я. Е. Чадаев должен был, прежде всего, раскрыть содержание разговора И. В. Сталина, а не суть информации С. К. Тимошенко. Как-никак, он управляющий делами Совнаркома, а не представитель военного ведомства. Да и сама информация наркома на тот час не могла быть столь обобщающей и категоричной.

Эти критические замечания относительно самого первого свидетельства Я. Е. Чадаева вольно или невольно подвели меня к некоторым сомнениям. Если он был единственным, кому И. В. Сталин разрешил записывать, то эти записи должны быть похожи на стенографию, на своеобразный протокол ведения совещания. Ведь получил он это разрешение не для того, чтобы позже сесть за написание своих воспоминаний. Как же исполнял свои обязанности писарчук Я. Е. Чадаев, если он допустил такие грубые ошибки?

А мы продолжим с помощью Э. С. Радзинского знакомиться с неопубликованными воспоминаниями управляющего дела-

ми Совнаркома после беседы В. М. Молотова с Шуленбургом и его возвращения в кабинет. «Сталин произнес спокойно: «Противник будет бит по всему фронту». И обратился к военачальникам: «Что вы предлагаете?»»

Жуков: «Дать указания пограничным войскам ударить по всему фронту и задержать зарвавшегося противника».

Тимошенко: «Не задержать, а уничтожить».

Ба! Как это похоже на одно место из воспоминаний и размышлений Г. К. Жукова! Вот оно: «Через некоторое время в кабинет быстро вошел В. М. Молотов:

– Германское правительство объявило нам войну.

И. В. Сталин молча опустился на стул и глубоко задумался. Наступила длительная тягостная пауза. Я решил нарушить затянувшееся молчание и предложил немедленно обрушиться всеми имеющимися в приграничных округах силами на прорвавшиеся части противника и задержать их дальнейшее продвижение.

– Не задержать, а уничтожить, – уточнил С. К. Тимошенко».

Если учесть, что Я. Е. Чадаев писал, а Г. К. Жукову этим заниматься было некогда, то здесь может быть одно из двух: или у Георгия Константиновича великолепная память, или он знаком с архивными воспоминаниями управляющего делами Совнаркома и у него позаимствовал этот эпизод.

Продолжим. «Я мельком видел Сталина в коридоре... Вид у него был усталый, утомленный. Его рябое лицо осунулось. В первой половине дня Политбюро утвердило обращение к советскому народу. В 12 часов его зачитал Молотов».

Получается, что Я. Е. Чадаев так усердно исполнял функции регистрации всего, что происходило в кабинете вождя, что не видел во время этой работы его физического состояния? И заметил это состояние только мельком в коридоре? Более чем нереально.

В своих сомнениях я оказался прав. Все стало на свои места, когда я внимательно вчитался в письменные ответы Я. Е. Чада-

ева профессору Г. А. Куманеву: «Ранним утром 22 июня мельком видел в коридоре Сталина. Он прибыл на работу после кратковременного сна. Вид у него был усталый, утомленный, грустный. Его рябое лицо осунулось. В нем проглядывалось подавленное настроение. Проходя мимо меня, он легким движением руки ответил на мое приветствие»¹⁰². Таким образом, описание внешнего вида И. В. Сталина сделано Я. Е. Чадаевым не в период заседаний в его кабинете, а в момент его приезда на работу рано утром 22 июня.

Далее Я. Е. Чадаев свидетельствует: «В 2 часа меня вызвали в кабинет Молотова, туда пришел и Сталин. Он сказал: «Ну и волновался же ты, но речь прошла хорошо». По этому факту мне уже пришлось говорить. Тогда же я обещал читателям вернуться к этой проблеме чуть позже. Это «чуть позже» настало.

Давайте попробуем разобраться с этим чадаевским «фактом». Из него явствует, что И. В. Сталин слушал выступление В. М. Молотова по радио. Но вся загвоздка в том, что трудно определить, в какое время суток были сказаны эти слова – или днем в 14 часов или ночью в 2 часа. Если речь идет о дневном времени, то это ошибка, такого не могло быть по определению. Посудите сами. После выступления по радио В. М. Молотов вернулся в кабинет И. В. Сталина в 12 часов 25 минут и пробыл там до 16 часов 15 минут. Как он мог вызвать Я. Е. Чадаева в свой кабинет, если в это время находился у И. В. Сталина? Да и сам Я. Е. Чадаев должен был быть там. Как мог И. В. Сталин ходить в кабинет наркома иностранных дел, если тот в это время находился у него? Кроме него, там были и другие посетители. По логике вещей И. В. Сталин должен был произнести эту оценочную фразу сразу же после возвращения В. М. Молотова в его кабинет, но не через полтора часа после выступления наркома.

¹⁰² Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. С. 480.

Если речь идет о ночном времени, то в этом факте отсутствует элементарная логика. 22 июня И. В. Сталин завершил прием в 16 часов 45 минут. Новый прием, уже 23 июня, он начал в 3 часа 20 минут. Где он был между концом приема 22 и его началом 23 июня, никто не знает. То ли в своей кремлевской квартире, то ли уехал на дачу. (Стоп! Как же я мог позабыть?! Об этом же знал Д. А. Волкогонов, он ведь вместе с И. В. Сталиным уехал на ближнюю дачу!). И что же это получается: И. В. Сталин после выступления наркома и его возвращения в кабинет не удосужился сказать ему то, что сказал в 2 часа ночи? И перед тем, как начать прием в своем кабинете, зашел к наркому и сказал: «Ты извини, Вячеслав, я тебя днем не поблагодарил за хорошее выступление, но волновался ты изрядно». Это действительно вопреки всякой логики.

Все эти мои рассуждения относительно времени вызова Якова Ермолаевича в кабинет В. М. Молотова оказались пустым делом. И это опять же прояснилось при чтении книги Г. А. Куманева. Оно показало: речь идет о дневном времени. Убедитесь, читатель, сами: «К 12 часам дня я находился в своем кабинете и с тяжелым чувством приготовился слушать по радио речь В. М. Молотова... На душе было беспокойно, тревожно. Серьезность тона речи Молотова красноречиво говорила о том положении, в каком оказалась наша Родина. Примерно часа через два после правительственного сообщения мне позвонили из приемной Молотова и передали приглашение прийти к нему. Не успел я зайти в его кабинет, как сюда же вошел Сталин. Я хотел было удалиться, но Сталин сказал:

– Куда Вы? Оставайтесь здесь.

Я задержался у двери и стал ждать указаний.

– Ну и волновался ты, – произнес Сталин, обращаясь к Молотову, – но выступил хорошо.

– А мне казалось, что я сказал не так хорошо, – ответил тот».

Время разговора И. В. Сталина в кабинете В. М. Молотова прояснилось, а вот сам чадаевский факт, подтвержденный в беседе с Г. А. Куманевым, со сведениями, отраженными в ЖРП, никак не стыкуется и остается загадкой. В отношении того, что И. В. Сталин в полдень мог находиться в кабинете наркома иностранных дел, у меня большие сомнения.

23 июня. «Сталин, выслушав Тимошенко, пришел в бешенство. Он винил во всем командование Западного фронта... Потом обрушился с упреками на Ватутина и Тимошенко. Побледневшие Тимошенко и Ватутин, пряча обиду, попросились послать их на фронт.

– Фронт от вас никуда не уйдет. А кто в Генштабе расхлебывать будет сложившуюся ситуацию, кто будет исправлять положение?

Их просьба еще больше распалила его негодование... Был вызван на заседание нарком танковой промышленности Малышев.

– Медленно поворачиваетесь, – прервал его доклад Сталин и начал задавать конкретные вопросы о том, как расширить военное производство и как наладить дело с броневым листом. Было решено образовать на Урале и в Сибири новую базу танкостроения. В завершение по телефону он позвонил заместителю начальника Генерального штаба Василевскому: «Немедленно передайте командующим фронтами, что мы выражаем крайнее недовольство отступлением войск». Были приглашены ожидавшие в приемной секретарь МГК Г. Попов и секретари райкомов. Сталин провел трубкой по усам и сказал: «В ЦК поступают многочисленные просьбы от советских людей создать народное ополчение... Идя навстречу москвичам, мы создадим несколько добровольческих дивизий из ополченцев».

Впервые нарком В. А. Малышев появился в кабинете И. В. Сталина не 23, а 24 июня. При этом в списке посетителей

его фамилия стоит первой. Находился он в кабинете с 16.20 до 17.00. С. К. Тимошенко вошел в кабинет И. В. Сталина в 17.30, то есть после ухода В. А. Малышева. В отношении второго секретаря МГК Г. М. Попова Я. Е. Чадаев прав, это подтверждается и именным алфавитным указателем книги «На приеме у Сталина». А вот что касается секретарей райкомов, то они в Журнале не зафиксированы.

Как управляющему делами Совнаркома Я. Е. Чадаеву надо было бы знать, что А. М. Василевский в первые дни войны был начальником Оперативного управления Генерального штаба, что заместителем начальника этого органа Красной Армии он стал в августе 1941 года.

25 июня. «25 июня Поскребышев срочно вызвал меня в приемную Сталина. Надо было сделать протокольную запись. Я сразу же вошел в кабинет. Кроме Сталина, Тимошенко и Ватутин, никого не было. Ватутин заканчивал доклад... После этого Тимошенко спросил Сталина: отправлять ли на передовую позицию его сына Якова, который очень туда просится.

– Некоторые, – молвил Сталин, сдерживая гнев, – мягко говоря, чересчур ретивые работники всегда стремятся угодить начальству. Я не причисляю вас к таковым, но советую вам впредь никогда не ставить передо мной подобных вопросов».

В отношении того, кто находился в кабинете И. В. Сталина, когда туда вошел Я. Е. Чадаев. Открываем ЖРП. В этот день было два приема – ночной и вечерний. Проанализируем первый. В 1 час 40 минут в кабинет вошли трое – С. К. Тимошенко, Н. Г. Кузнецов и Н. Ф. Ватутин. Будем считать, что Я. Чадаев вошел немного раньше. Почему же он не заметил наркома ВМФ? Но он не заметил не только его. Там находились В. М. Молотов, А. С. Щербаков, Л. М. Каганович и Л. П. Берия. Их-то как можно было не заметить?

В вечернее время в кабинет И. В. Сталина С. К. Тимошенко и Н. Ф. Ватутин вошли в 20 часов 20 минут. Там уже находились

В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, В. А. Малышев, Л. П. Берия и Г. Г. Соколов. И здесь нестыковочка!

Неужели И. В. Сталин как отец мог так грубо ответить С. К. Тимошенко? Вообще вопрос наркома обороны И. В. Сталину в отношении сына Якова под большим сомнением. Вот факт, который говорит о том, что здесь что-то не так: «В мае 1941 года старший лейтенант Джугашвили стал командиром артиллерийской батареи и с первого дня войны без колебаний отправился на фронт. Практически Яков не попрощался должным образом ни с отцом, ни со своей семьей. Уже 27 июня 1941 года его батарея в составе 14-го гаубичного артполка вступила в боевые действия и спустя неделю попала в окружение соединений немецкой группы армий «Центр». Яков Джугашвили оказался затем в плену, а о том, что он старший сын Сталина стало известно в результате предательских действий его сослуживцев»¹⁰³.

А вот письмо Якова Джугашвили жене Юлии Пельцер и дочери Гале, написанное 26 июня 1941 года: «Дорогая Юля! Все обстоит хорошо. Путешествие довольно интересное. Единственное, что меня беспокоит, – это твое здоровье. Берги Галку и себя, скажи ей, что папе Яше хорошо. При первом удобном случае напишу более пространное письмо. Обо мне не беспокойтесь, я устроился прекрасно. Завтра или послезавтра сообщу тебе точный адрес и попрошу прислать мне часы с секундомером и перочинный нож.

Целую крепко Галю, Юлю, отца, Светлану, Васю. Передай привет всем. Еще раз крепко обнимаю тебя и прошу не беспокоиться обо мне. Привет В. Ивановне и Лидочке. С Сапегиным все обстоит благополучно. Весь твой Яша»¹⁰⁴.

25 июня С. К. Тимошенко задает И. В. Сталину вопрос о сыне, который настойчиво просится на фронт, а тот практически

¹⁰³ Ахметов М. М. Сталин. Разгадка Сфинкса. С. 513.

¹⁰⁴ Колесник А. Н. Мифы и правда о семье Сталина. Харьков. С. 149.

уже там: 26 июня он пишет письмо жене, а на следующий день принял свой первый бой с врагом.

27 июня. «Утром 27 июня члены Политбюро, как обычно, собрались у Сталина. После окончания заседания... я вышел из кабинета и увидел в окно, что Сталин, Молотов и Берия садились в машину. Чуть помедлив, Поскребышев сказал: «Видно, уже немцы взяли Минск». Вскоре позвонил правительственный телефон и Поскребышев пояснил, что звонил Власик – начальник охраны Сталина – и сообщил, что Хозяин, а также Маленков, Молотов и Берия находятся в Наркомате обороны.

Потом мне рассказывал Ватутин, что их появление... было встречено с большим недоумением. Работники наркомата, увидев Сталина, остановились в настороженном оцепенении. Не в силах постигнуть – наяву ли они видят Вождя... Войдя в кабинет Тимошенко, Сталин тут же сообщил, что они прибыли для ознакомления на месте с поступающими сообщениями с фронтов и выработки дополнительных мер...

Сталин молча стоял у оперативной карты, и было видно, что он сдерживает гнев и бешенство. По знаку Тимошенко в кабинете остались Жуков и Ватутин.

– Ну что там под Минском? Положение не стабилизировалось?

– Я еще не готов докладывать.

– Вы обязаны постоянно видеть все как на ладони и держать нас в курсе событий, сейчас вы просто боитесь сообщать нам правду.

Жуков, еще будучи до приезда Сталина во взвинченном состоянии, вспылал:

– Товарищ Сталин, разрешите нам продолжать работу.

– Может, мы вам мешаем? – вклинился Берия.

– Вы знаете, – раздраженно произнес Жуков, – обстановка на фронтах критическая, командующие ждут от наркомата указаний, и потому лучше, если мы это сделаем сами – наркомат и Генштаб.

Берия запальчиво:

– Указания можем дать и мы.

Жуков:

– Если сумеете – дайте.

– Если партия поручит – дадим, – сказал Берия.

– Это если поручит, – не меняя резкости тона, ответил Жуков, – а пока дело поручено нам.

Наступила пауза. Жуков подошел к Сталину:

– Извините меня за резкость, товарищ Сталин, мы, безусловно, разберемся, приедем в Кремль и доложим обстановку.

Сталин посмотрел на Тимошенко.

– Товарищ Сталин, мы обязаны сейчас в первую очередь думать, как помочь фронтам, а потом уже вас информировать, – сказал Тимошенко.

– Вы делаете грубую ошибку, отделяя себя от нас... о помощи фронтам надо думать вместе, – ответил Сталин. Затем обвел удрученным взглядом членов Политбюро и сказал: – Действительно, пускай они сами сначала разберутся, поедуте, товарищи.

И первым вышел из кабинета».

Вновь обращаюсь к Журналу регистрации посетителей сталинского кремлевского кабинета и вновь фиксирую грубейшую ошибку того, кто не имел права ошибаться, так как официально должен был записывать все, что происходило в кабинете И. В. Сталина – утреннего приема вообще не было. Но может быть уважаемый регистратор ошибся числом? Смотрю на день раньше. Прием 26 июня начался в полдень и завершился в 23. 20. Смотрю на день позже. Прием 28 июня начался вечером в 19. 35. Так видел ли в окно Я. Е. Чадаев как И. В. Сталин, В. М. Молотов и Л. П. Берия садились в машину утром 27 июня? Доподлинно известно, что разговор на повышенных тонах в Наркомате обороны состоялся не 27, а 29 июня.

Ну а дальше... Чем глубже в лес, тем больше дров. «Во второй половине дня 27 июня я зашел к Поскребышеву... Позвонил правительственный телефон, Поскребышев ответил:

– Товарища Сталина нет, и не знаю, когда он будет.

– Позвонить, что ли, на дачу? – спросил вошедший заместитель наркома обороны Лев Мехлис.

– Позвоните, – сказал Поскребышев.

Мехлис привычно набрал по вертушке номер Ближней дачи и ждал полминуты. Но никто не ответил.

– Непонятно, – сказал Поскребышев. – Может быть, выехал сюда, но тогда мне позвонили бы из охраны.

Подождали еще несколько минут. Поняв, что ждать не стоит, пошли к Молотову. В это время позвонил телефон, и Молотов кому-то ответил, что не знает, будет ли Сталин в Кремле».

Теперь, сверяясь с Журналом регистрации посетителей, я приглашаю с собой и читателя. Давайте вместе посмотрим на записи, которые сделаны 27 июня. Мог ли исполнительный А. Н. Поскребышев так отвечать кому-то по телефону в то время, когда И. В. Сталин в 16 часов 30 минут уже начал прием? К нему входили и выходили Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, Л. П. Берия, Г. М. Маленков, С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков и другие. Всего с 16 часов 30 минут до 2 часов 40 минут в кабинет вошло и вышло 30 человек. Предбанник А. Н. Поскребышева не пустовал. Получается, он Л. З. Мехлису наврал? И как это сам Лев Захарович не заметил, что в кабинет И. В. Сталина заходят и из него выходят люди. А как можно поверить в то, что на сталинской даче никто не поднимал трубку телефона? Ну а насчет В. М. Молотова, так это уже ни в какие ворота не лезет. Он ну прямо Фигаро здесь, Фигаро там. Он и на своем рабочем месте, и в кабинете И. В. Сталина. Он трижды в этот вечер входил в его кабинет и последний раз вышел в 24 часа.

28 и 29 июня. «На следующий день, – цитирует дальше Э. С. Радзинский Я. Е. Чадаева, – я пришел в приемную Сталина.

Но Сталин не приехал. У всех было недоумение – что случилось? На другой день я опять отправился в приемную подписывать бумагу. И Поскребышев мне сказал сразу и определенно:

– Товарища Сталина нет и едва ли будет.

– Может быть, он выехал на фронт?

– Ну что же ты меня терзаешь! Сказал: нет и не будет.

Вечером я вновь зашел с бумагами к Поскребышеву, и вновь... Сталин не появился. У меня скопилось много бумаг, и поскольку первым заместителем был Вознесенский, я попросил его подписать. Вознесенский позвонил Молотову, потом долго слушал его и, положив трубку, сказал:

– Молотов просит обождать один день и просит членов Политбюро собраться у него в два часа. Так что пусть эти документы побудут у вас...

Вознесенский поднял трубку вертушки, ждал минуту и сказал:

– Никто на даче не отвечает. Непонятно, видно, что-то случилось с ним в такой тяжелый момент».

Поздно вечером Я. Чадаев еще раз пришел в приемную Сталина. И вновь узнал, что:

«– Хозяина нет, и сегодня не будет, – сказал Поскребышев.

– И вчера его не было...

– Да, и вчера его не было, – с некоторой иронией произнес Поскребышев...

Я предполагал, что Сталин заболел, но спросить не решился».

У кого могло быть недоумение в связи с отсутствием И. В. Сталина, когда Я. Е. Чадаев пришел, скажем, утром или днем 28 июня к Поскребышеву? У В. М. Молотова, который расстался с вождем в 24 часа, то есть в ночь с 27 на 28 июня? У Г. М. Маленкова, который находился в кабинете до 00 часов 47 минут? У кого из 30 человек, принятых в эту ночь И. В. Сталиным, могло быть недоумение в связи с его отсутствием 28 июня, если многие из них покинули его кабинет далеко за полночь, то

есть уже 28 июня? Если предположить, что Я. Е. Чадаев пришел к А. Н. Поскребышеву вечером 28 июня, то как он не мог не заметить, что конвейер приема уже работает. С 19 часов 35 минут до 00 часов 50 минут у И. В. Сталина побывал 21 человек. О каком недоумении может идти речь, если в ночь с 27 на 28 июня, практически за сутки с небольшим, в кабинете И. В. Сталина побывал 51 посетитель?

Что же касается 29 июня, то, как явствует из записей в Журнале и как я это уже отмечал, И. В. Сталин в этот день в своем кремлевском кабинете никого не принимал.

А мы, читатель, пойдем вслед за Я. Е. Чадаевым дальше. Э. С. Радзинский предлагает нам его очередное свидетельство: «И вот он не приехал... Ближайшее окружение было встревожено, если не сказать больше. Мы все всегда знали: проходило немного времени, чтобы тот или иной работник не был к нему приглашен. А теперь телефоны молчат, известно только одно: он на Ближней даче, но никто не решается поехать к нему. В эти дни его уединения у Молотова собрались члены Политбюро и стали решать, как быть? По сообщению обслуживающего персонала дачи, Сталин был жив, здоров. Но отключился от всех, никого не принимает, не подходит к телефонным аппаратам. Члены Политбюро единодушно решили: ехать всем».

Итак, по Я. Е. Чадаеву получается, что 27, 28 и 29 июня И. В. Сталин в своем кремлевском кабинете не работал, никого не принимал, уединился на даче, отключился от всего и всех. Но эту галиматью бьет Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина. Он убедительно показывает, что все эти дни Иосиф Виссарионович работал. С последними посетителями он расстался практически уже в часы начавшегося нового дня – 29 июня.

Мы подошли к аккордному цитированию Э. С. Радзинским воспоминаний Я. Е. Чадаева. И как он замечает, то, что произошло на даче после приезда членов Политбюро, подается не са-

мим управделами Совнаркома, а Н. А. Булганиным. «Всех нас поразил тогда вид Сталина. Он выглядел исхудавшим, осунувшимся... землистое лицо... покрытое оспинками... он был хмур. (Обращаюсь к читателям: не подумайте, что эти многоточия поставил я, нет, это сделал Э. С. Радзинский. Для чего это сделано, я думаю, понятно).

Он сказал: «Да, нет великого Ленина... Посмотрел бы он на нас, кому судьбу страны доверил. От советских людей идет поток писем, в которых справедливо упрекают нас: неужели нельзя остановить врага, дать отпор. Наверное, среди вас есть и такие, которые не прочь переложить вину, разумеется, на меня».

Молотов: «Спасибо за откровенность, но заявляю: если бы кто-то попытался направить меня против тебя, я послал бы этого дурака к чертовой матери... Мы просим тебя вернуться к делам, со своей стороны мы будем активно помогать».

Сталин: «Но все-таки подумайте: могу ли я дальше оправдывать надежды, довести страну до победного конца. Может, есть более достойные кандидатуры?»

Ворошилов: «Думаю, единодушно выражу мнение: достойнее никого нет».

И сразу же раздались дружные голоса: «Правильно!»

Возникает вопрос: каким образом не член Политбюро Н. А. Булганин смог так подробно рассказать Я. Е. Чадаеву, что происходило на даче у И. В. Сталина 29 июня 1941 года? Ведь его там не было и быть не могло. За эти двенадцать дней Николай Александрович побывал в кабинете И. В. Сталина дважды, и оба раза в один день – 28 июня. Первый раз в течение пяти минут (с 20. 15 до 20. 20) и второй раз тоже в течение пяти минут (с 21. 40 до 20. 45). Так как быть с этим недоразумением? А как быть с «потоком писем от советских людей» на пятый день войны? А как стыкуется глупейший диалог между И. В. Сталиным и прибывшими на дачу с фактом принятия 29 июня Директивы СНК и ЦК ВКП (б) партийным и советским организаци-

ям прифронтовых областей, в подготовке которой принимал активное участие И. В. Сталин? Разве оценки происходящего и поставленные в ней задачи созвучны с пессимистическим настроением вождя? А как быть с содержанием будущего выступления И. В. Сталина по радио, которое он в эти дни отсутствия в Кремле готовил?

Вот практически и все, что вытащил на свет божий Э. С. Радзинский из неопубликованной рукописи Я. Е. Чадаева. А я практически все это вытащил из его книги «Сталин». Больше драматург-писатель-историк-публицист-артист Э. С. Радзинский к цитированию управляющего делами Совнаркома до конца своей книги не прибегал. Мне трудно судить о причине такого неуважения к столь уважаемому человеку. Вот если бы эту рукопись полистать да почитать. Вполне возможно, что ее автор ограничился лишь первыми днями войны. Но, вполне возможно, все остальное в чадаевской рукописи не вписывалось в хулительную концепцию Э. С. Радзинского. Повторяю: вот если бы...

Но даже без этого «если бы...», основываясь только на том, что извлек Э. С. Радзинский, а я прокомментировал, можно поставить несколько блоков вопросов и сделать вполне определенные выводы.

Блок первый. Он вытекает из того посыла автора книги «Сталин», который мною уже приведен, а именно: «Я. Е. Чадаев был управляющим делами Совнаркома. Хозяин поручил ему вести краткие записи **всех** заседаний правительства и Политбюро, проходивших в его кабинете» и «он был единственным, кому Сталин разрешил записывать». Я умышленно выделил слово «всех». Если это на самом деле так, то где хранятся практически протокольные записи этих «всех» заседаний правительства и Политбюро? Если Я. Е. Чадаев был «единственным», кто имел право записывать, то это говорит только об одном – И. В. Сталин весьма строго относился к тому, чтобы все, о чем говори-

лось в его кабинете, не было достоянием посторонних ушей. В таком случае эти записи должны были бы храниться в пределах Кремля, а затем, по истечении определенного срока, перекочевать в один из партийных или государственных архивов. Возможно, я ошибаюсь, но ссылок на такой источник в работах советских и постсоветских историков я не встречал.

Блок второй. Если официальным порядком чадаевские записи в свое время не ушли в архив, если каким-то непостижимым образом ему удалось их сохранить для себя, то почему он, как деятель государственного масштаба, не сдал их туда сам? Или почему после его смерти эти записи не сдали члены семьи? Ведь рукопись воспоминаний под названием «В грозное время» туда попала. А раз попала, то она имеет инвентарный номер. Но Э. С. Радзинский ссылок на архив не делает. Или Я. Е. Чадаев в кремлевском кабинете вождя не протоколировал заседания правительства и Политбюро, а сразу писал мемуары? Если уж тетради регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина, которые сродни простому статистическому документу, удостоились архива, то протокольные записи Я. Е. Чадаева, несущие важнейшую партийную и государственную информацию, должны были оказаться там в первую очередь.

Блок третий. Если Я. Е. Чадаев действительно записывал все, о чем говорилось в кабинете И. В. Сталина, то как он мог допустить столько явных ошибок в своих воспоминаниях? Подобные факты невозможно списать даже на замшелую аберрацию.

Блок четвертый. Почему главный помощник И. В. Сталина по Совнаркому так (не хочу употребить слово «негативно») неуважительно относится к своему прямому начальнику? Вот подборка выражений, в какой-то степени показывающая характер И. В. Сталина и его отношение к людям: «пришел в бешенство», «обрушился с упреками», «распалила его негодова-

ние», и дважды – «сдерживая гнев». Чем обидел И. В. Сталин своего подчиненного? Таких выражений, размещившихся на узком книжном пространстве книги Э. С. Радзинского, довольно много.

Блок пятый. Чем объяснить тот факт, что антисталинисты ограничились лишь только тем, что их самый яркий представитель в лице Э. С. Радзинского высветил неопубликованную рукопись Я. Е. Чадаева и обнародовал из нее несколько выдержек? Почему они не пошли дальше? Им бы надо было за уши вытащить на белый свет сей важный документ из молчаливого архивного лежания и тем самым окончательно пригвоздить к столбу позора ярлык бездеятельности И. В. Сталина в первые дни войны. Почему сам Э. С. Радзинский не отважился на публикацию воспоминаний Я. Е. Чадаева? Глядишь, и заработал бы от Б. Н. Ельцина какой-либо орден постсоветского отлива.

Вывод. По своему содержанию и обилию допущенных ошибок неопубликованная рукопись Я. Чадаева «В грозное время» вызывает серьезные сомнения в своей подлинности. Этот мой вывод вполне возможно не объективен, так как с рукописью Якова Ермолаевича, увы, я незнаком.

Ответы на многие мои блочные вопросы мы с вами, дорогой читатель, можем получить, обратившись (уже в который раз (!), в том числе и в этом разделе нашего разговора) к книге Г. А. Куманева «Рядом со Сталиным», который встречался с Яковом Ермолаевичем многократно, их отношения, как он выразился, «стали теплыми и дружественными». Георгий Александрович оставил нам в виде интервью бесценные мнения и оценки одного из патриархов сталинского советского руководства. Чтобы с ними познакомиться, следует прервать общение с Э. С. Радзинским и посмотреть на Я. Е. Чадаева под несколько иным ракурсом. И хотя проблема поведения И. В. Сталина в первые дни войны в беседах с Г. А. Куманевым особо не затрагивалась, сле-

дует, право, к этим свидетельствам все же обратиться. Так или иначе, пусть даже косвенно, они проясняют нечто иное, чем знакомство с управляющим делами Совнаркома через книгу Э. С. Радзинского.

Г. А. Куманев более подробно объясняет нам, как и почему Я. Е. Чадаев стал фактически протоколирующим секретарем И. В. Сталина. «Как рассказывал Чадаев, обнаружив в нем умение не только стенографировать и составлять хорошие протоколы, но и готовить удачные проекты различных постановлений, Сталин для этой цели стал приглашать управделами Совнаркома почти на все заседания Политбюро ЦК, СНК, а в период войны – и Государственного Комитета Обороны.

Чадаев обеспечивал визирование правительственных документов руководящими государственными и партийными деятелями и практически каждый день бывал в кабинете у Сталина по его вызову или по собственной инициативе, получая текущие задания, в том числе по подготовке тех или иных проектов решений и распоряжений. Наряду с этим вел и соответствующие записи обсуждавшихся там вопросов и бесед. Многие из записанного тогда Яковом Ермолаевичем, включая воспроизведенное по «живым следам» в домашней обстановке, составит основу его будущих обширных воспоминаний»¹⁰⁵.

Этот небольшой анализ обширной деятельности управляющего делами Совнаркома подводит нас к выводу, что Я. Е. Чадаев действительно при написании рукописи воспоминаний имел при себе «записи обсуждаемых в кабинете И. В. Сталина вопросов и бесед».

В связи с этими сведениями вызывает недоумение следующее мнение П. Лопуховского, выраженное в статье «В первые дни войны»: «В отличие от Гитлера, разглагольствования которого скрупулезно фиксировались в интересах истории тысяче-

¹⁰⁵ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 382.

летнего рейха, Сталин запрещал протоколировать, а тем более стенографировать обсуждение важных вопросов в узком кругу, а также заседания Ставки и ГКО – чтобы потом, в случае чего, было проще свалить ответственность за неудачу на тех, кто слепо выполнял его же указания (это он проделывал неоднократно)»¹⁰⁶.

Не мытьем, так катаньем!

Теперь, на основе беседы Г. А. Куманева с Я. Е. Чадаевым, можно прояснить главное: как он относился к И. В. Сталину. «К Сталину Чадаев относился с каким-то особым благоговением, постоянно отмечая в нем такие черты, как: мудрость и гениальность, необычайный дар предвидения, простоту и скромность, огромную работоспособность, редкую память, строгость и требовательность при рассмотрении важных государственных дел наряду со справедливостью, заботой и вниманием к людям. Довольно часто Яков Ермолаевич касался оценки характера Сталина, хотя о недостатках «верного ученика и продолжателя дела великого Ленина» предпочитал говорить вскользь или вообще умалчивал»¹⁰⁷.

И далее идет описание одной из черт характера вождя, которую никто никогда не подмечал. По крайней мере, в проштудированной мной массе книг о И. В. Сталине ничего подобного мне встречать не приходилось.

«Вот одна из чадаевских характеристик «отца народов»: «Сталин обладал очень сложной и своеобразной чертой характера. Ее приходилось редко видеть у других лиц. Иногда при хороших делах, при удачном развитии событий его настроение было прямо противоположно происходящему: он был замкнут, суров, резок, требователен. А когда на горизонте сгущались тучки, когда события оборачивались неприятностями, – он был

¹⁰⁶ Л. Лопуховский. В первые дни войны. В кн.: 1941. Великая отечественная катастрофа. С. 368.

¹⁰⁷ Там же. С. 383.

настроен оптимистически. Именно такое настроение у Сталина было в первый период войны, когда наша армия отступала, один за другим переходили в руки врага города, а Сталин был сдержан, невозмутим, проявляя большую терпимость, как будто события развиваются спокойно и безоблачно. Чем это можно объяснить? Очевидно, тем, что если бы Сталин стал демонстрировать пессимизм или какое-то уныние, то это удручающе подействовало бы на других, внесло бы растерянность. Его сила была в положительном влиянии на окружающих, в безусловном доверии, которое он вселял, в твердости его характера. Он проявлял непререкаемую волю в делах. Заставляя людей верить в свой талант, мудрость, силу, вселяя в них энтузиазм и пафос борьбы.

Кто имел счастье работать в непосредственной близости к Сталину, видел, что он смело брал на себя ответственность за принятие тех или иных решений, за действия на фронте и в тылу. Внешне он был спокойный, уравновешенный человек, неторопливый в движении, медленный в словах и действиях. Но внутри вся его натура кипела, бурлила, клокотала. Он стойко, мужественно переносил неудачи и с новой энергией, с беззаветным мужеством работал на своем трудном и ответственном посту. Сколько бессонных ночей, сколько часов сверх напряженной работы должен был потратить этот человек, чтобы через каких-нибудь шесть месяцев после победоносного наступления врага, остановить его и погнать назад...

Во время заседаний Сталин мало сидел на председательском месте, я всегда внимательно оглядывал движущуюся мимо меня фигуру в защитном френче, вглядывался в его манеру держать себя, прислушивался к его неторопливой речи, интонации голоса и хотел понять, в чем притягательность этого человека, почему так беспрекословно покоряются его воле и желаниям миллионы человек. Почему эти неторопливые слова так бурно и сильно впечатляют слушателей, вызывая у них

прилив огромной энергии и подъема? Хотелось делать именно так, как говорил Сталин, не сомневаясь, с полной ответственностью выполнять все его указания и распоряжения. Видимо, сила этого воздействия состояла в том, что Сталин был уверен в правдивости, верности своих слов, в ясности своих мыслей, безошибочности выдвигаемых им предложений, и его уверенность охватывала и завоевывала массы»¹⁰⁸.

Ну как, Эдик Радзинский, нравится вам эта характеристика управляющего делами Совнаркома? И с «помощью» такого человека, который относился к И. В. Сталину с «особым благоговением» вы хотели доказать своим читателям и слушателям, что он в первые дни был в прострации, отошел от государственных дел? И вам не стыдно? Ну, ладно, И. В. Сталина вы ненавидите лютой ненавистью, но зачем же порочить имя порядочного человека? Но что это я, право, о стыде да порядочности. Их у ненавистника советской власти и днем с огнем не сыщешь.

Завершая анализ фактов, изложенных Я. Е. Чадаевым в беседах с Г. А. Куманевым, хочу передать читателям фрагмент, раскрывающий судьбу его мемуаров. Георгий Александрович подал этот факт от себя, основываясь на рассказах управляющего делами Совнаркома.

«Одновременно Яков Ермолаевич напряженно трудился над мемуарами («Мои воспоминания»)¹⁰⁹, по несколько раз переделывая и перепечатывая отдельные главы и разделы. Их главную источниковую основу составили почти ежедневные записи (в том числе стенографические) автора различных заседаний, проходивших у Сталина во время войны. «Таких записей и других материалов у меня накопилось на восемь чемоданов», – не раз говорил Я. Е. Чадаев. (Правда, по его же более позднему свидетельству, после перепечатки последнего варианта

¹⁰⁸ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С.383–386.

¹⁰⁹ У Э. С. Радзинского они называются, как уже упоминалось, иначе – «В грозное время».

рукописи он ликвидировал все эти записи и заметки военного времени, «занимавшие слишком много места в квартире».)

Где-то в 1983 году Чадаев решил подготовить краткий вариант своих воспоминаний. Он просил меня ознакомиться с полным текстом мемуаров и отметить наиболее важные и интересные места. Так появилась в сжатом виде почти готовая мемуарная рукопись объемом около 38 п.л. После перепечатки Чадаев направил ее в Комитет по печати, оттуда она попала в «Политиздат». Этими воспоминаниями там зачитывались, их похваливали, но, увы, результат оказался нулевым. По «высоким соображениям» начальство из ЦК «не сочло дать добро». Так объяснил Якову Ермолаевичу отказ в публикации мемуаров один из руководителей Политиздата».

1983 год – это конец брежневского периода правления. Того периода, когда отношение к И. В. Сталину было не особо почитаемо, но и не подвергалось высоковольтному хулению. В этом плане мне понравилось оценочное выражение С. Кремлева, который характеризует отношение к И. В. Сталину в брежневский период правления как «возврат к мягкому сталинизму». Но это к слову.

Значит в своих рассуждениях о том, куда делись почти ежедневные записи различных заседаний, проходивших в кремлевском кабинете И. В. Сталина в годы войны, я оказался прав – они остались у управляющего делами Совнаркома, так сказать в личном пользовании, и стали основой воспоминаний Якова Ермолаевича. Неужели в то время подобное было возможным? Ведь восемь чемоданов!

Но вернемся к творению Э. С. Радзинского и поговорим о «мухах», которыми он изрядно облепил чадаевские «котлеты».

Прежде чем дать слово на страницах своей книги Я. Е. Чадаеву, автор сделал многозначительное и вместе с тем интригующее вступление, так сказать своеобразную врезку: «В первые дни войны, согласно стойкой легенде, Сталин, потрясенный

гитлеровским нападением, совершенно растерялся, впал в протрацию, а затем попросту уехал из Кремля на Ближнюю дачу, где продолжал пребывать в совершенном бездействии. Я знал его биографию (уроки, полученные в гражданской войне, когда большевики, потерявшие три четверти территории, смогли победить), и все это показалось очень странным. Но прочтя чадаевские воспоминания, я смог понять поведение Сталина».

Может быть, не всем все понятно в этом откровении биографа Радзинского, постараюсь пояснить. Ему, хорошо знающему биографию И. В. Сталина еще с хрущевских времен, все же было непонятно, как и почему, потрясенный гитлеровским нападением вождь растерялся, впал в протрацию и пребывал в совершенном бездействии. Не помогло ему и чтение книжечки собрата по антисталинскому писательскому цеху Д. А. Волкогонова, хотя там все так умело разложено по полочкам, что даже первоклашке понятно. Было время, когда Эдвард Станиславович даже засомневался в достоверности слов Н. С. Хрущева, мол, от этого кукурузника и не то можно услышать. И тут ему в секретном фонде Архива Октябрьской революции попадает нетленное творение не кого-нибудь, а самого управляющего делами Совнаркома. И, прочтя чадаевские воспоминания, он не только вновь вернулся в лагерь хулителей И. В. Сталина, но и смог понять его поведение в первые дни войны. Ему и по сей день стыдно за свои временные отклонения от генеральной линии антисталинистов. Но кто из нас не ошибался? Стыдно зато ему и за фразу, заключенную в скобки. Это ведь не биография И. В. Сталина, это биография страны, в которую Иосиф Виссарионович внес свой достойный вклад. И невдомек историку Радзинскому, что и в Гражданской войне и в Великой Отечественной мы победили благодаря тому, что народ защищал не власть буржуев, а свою, **народную власть**. Понять эту истину, когда кормишься подачками со стола олигархов, очень трудно.

Ну а то, как Эдвард Станиславович, прочитав чадаевские воспоминания, смог понять поведение И. В. Сталина в первые дни войны, мы с вами, уважаемый читатель, поймем позже.

Вот реакция Э. С. Радзинского на то место из воспоминаний Я. Е. Чадаева, которое раскрывает работу руководства страны в сталинском кабинете в первые часы и первый день войны: «Он (И. В. Сталин. – **А. С.**) еще цепляется за надежду, а может, все-таки провокация?.. Да, они верили Хозяину и по-прежнему надеялись: это всего лишь провокация – проверка сил. Разговор с послом все утрясет... В этот первый день войны все были настроены довольно оптимистически, верили, что это лишь кратковременная авантюра с близким провалом. Думаю, Чадаев неправ: и Тимошенко, и члены Политбюро просто подыгрывали Хозяину, не смели сказать иное – ведь потом не простит, запомнит, разделается с ними. И Хозяин тоже (внимание, читатель!) **играет в оптимизм**, но он, конечно, уже понял – произошла катастрофа. У Гитлера все преимущества напавшего первым. Но каковы размеры катастрофы?»

Без всякого сомнения, если бы Эдвард Станиславович в первые часы 22 июня 1941 года был на месте И. В. Сталина, он ни на секунду не задумывался бы, война это или провокация.

А теперь насчет оптимизма всех в первый день войны. Оптимист С. К. Тимошенко и оптимист Г. К. Жуков предложили принять Директивы № 2 и № 3 чисто из оптимистических побуждений. Примем, а если это провокация, то отменим. Оптимист В. М. Молотов в своем выступлении 22 июня по радио оптимистически говорил в микрофон: «Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины». Если же окажется, думал нарком иностранных дел, что Гитлер решил нас попугать, то я еще раз выступлю по радио и сообщу, что недоразумение удалось уладить дипломатиче-

ским путем. А вы посмотрите, что делает оптимист М. И. Калинин. Ни мало, ни много, он решил вселить оптимизм сразу всем мужчинам, которые родились в диапазоне с 1905 по 1918 годы, объявив им, что они с 23 июня мобилизованы. Более того, он состряпал Указ «О военном положении». Тот же Г. К. Жуков во второй половине дня, заряженный оптимизмом восседавший в сталинском кремлевском кабинете первых лиц партии и государства, вылетел на Юго-Западный фронт, чтобы вселить оптимизм командованию фронтом и подчиненным ему войскам. А Б. М. Шапошников полетел в Минск для того, чтобы сказать Д. Г. Павлову: «Что же ты тут подрастерялся, голубчик? А ну-ка, бери бразды правления в свои руки и побольше оптимизма!»

И, несмотря на ваше старание, историк Радзинский, так беспардонно заливать помои в головы своим читателям, они все же в состоянии отличить истину от фальши. Ведь это вы после цитирования Я. Е. Чадаева вставили от себя такую фразу: «Первый заместитель начальника Генерального штаба Ватутин отлучился из кабинета на несколько минут, чтобы получить новые данные, вернулся и объявил: «Немецкие войска быстро движутся в глубь страны, не встречая сильного сопротивления». Ведь любой школьник придет в недоумение и подумает: «Как же так, немецкие войска быстро движутся в глубь страны, а им там, в Кремле, с их оптимизмом море по колено?! Да там только один человек не поддался этому дурману оптимизма, это И. В. Сталин. Не верите? Он один впал в прострацию».

А что скажет автору книги тот же школьник, если узнает, что генерал Н. Ф. Ватутин не отлучался из сталинского кабинета на несколько минут за получением новых сведений об обстановке в зоне боевых действий и не информировал присутствующих о быстром продвижении противника в условиях отсутствия сильного сопротивления? Не отлучался по той простой причине, что его утром в этом кабинете просто не было. Первый раз он появился у И. В. Сталина лишь в 14 часов, когда в Кремль были

повторно вызваны С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков. Как невнимательно публицист Радзинский просматривал Журнал регистрации лиц, принятых И. В. Сталиным в первый день войны! Или надеялся, что также невнимательно его будут просматривать и все остальные?

Вот так все руководство страны весь день 22 июня, по версии Э. С. Радзинского, если что-то и делало, то обязательно с надеждой, что авось все уладится, фашисты одумаются, остановятся и, в конце концов, уберутся восвояси. А что же И. В. Сталин? А он – **играл в оптимизм**. Вот первое, что сумел понять психолог Радзинский, прочитав воспоминания Я. Е. Чадаева. Помилуйте, Эдвард Станиславович, как может человек, находящийся согласно стойкой легенде в состоянии прострации, одновременно с этим играть в оптимизм?

Идем дальше. Вот как Э. С. Радзинский отреагировал на то место в рукописи Я. Е. Чадаева, где говорится о выступлении В. М. Молотова по радио. «Он выставил Молотова вперед: он подписывал пакт – пускай и расхлебывает. А пока они вместе составляют обращение к народу – два партийных журналиста, когда-то редактировавшие «Правду»... В полдень страна услышала обращение правительства. Во многих городах его уже слушали под грохот рвавшихся бомб. Молотов был явно растерян – говорил трудно, чуть заикался и закончил свою речь написанными Сталиным словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Вся войну, бесчисленное количество раз будет повторяться, вводиться в сознание эта фраза. Сталин сделает ее заклинанием».

Многие историки и по сей день пытаются выяснить, почему 22 июня по радио выступил не И. В. Сталин, а В. М. Молотов, хотя на этот вопрос сам Вячеслав Михайлович давно и вразумительно ответил. Но, тем не менее, версии и по сей день множатся. Вот одну из них родил и мифолог Радзинский: вождь решил наказать своего не в меру строптивого наркома за по-

спешное подписание советско-германского договора о ненападении в 1939 году. Пусть расхлебывает сам, если не сумел предугадать, чем все это кончится. А я умываю руки. Дурака нашли, понимаешь!

А крылатые слова – «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» – И. В. Сталин заклинанием не делал, никто их насильно в сознание людей не «вводил». Ну и словечко! Прямо сродни инъекции в то место, откуда у человека растут ноги. В войну никто из советских людей не задумывался над вопросом, кому они принадлежат. Это после войны с подачи самого В. М. Молотова стало известно, что они принадлежат И. В. Сталину. Четыре года каждый светский человек повторял эту крылатую фразу как клятву. В этом ее величие, в этом умение И. В. Сталина сжато и объемно выразить суть переживаемого момента. Подобные слова не могут родиться в голове человека, впавшего в протрацию, не способен на них и даже тот, кто играет в оптимизм.

А вот что написал Э. С. Радзинский после того, как И. В. Сталин, в изложении Я. Е. Чадаева, сказал: «Надо поручить эвакуировать население и предприятия на восток. *Ничего не должно достаться врагу*»: «За этой фразой – гибель от отступающей армии городов, сел, заводов, азиатская тактика выжженной земли. Тогда, в панике отступления, это было пожеланием. В скором будущем – станет реальностью».

И сей муж числит себя историком. И неведомо ему, что уничтожением материальных ценностей отступающая армия если и занималась, то только в исключительных случаях. Это ответственное дело исполняли местные власти. И уничтожали только то, что не успевали вывезти. А выделить сталинскую фразу «ничего не должно достаться врагу» курсивом, понадобилось псевдоисторику Радзинскому для того, чтобы выразить свое негативное отношение к этой идее вообще. Уважаемый читатель, после прочтения этой фразы не возник ли у вас во-

прос: кто может осуждать одно из основных требований войны – ничего не должно достаться оккупантам? У меня и вопрос возник и ответ есть. Такое может прийти в голову только врагу. Ведь по сути дела осуждать деятельность И. В. Сталина в годы войны вообще и за это его требование в частности может только тот, кто неистово жаждал победы Германии. Но победила не она, а Советский Союз. И эта реальность доводит мечтателей до исступления, и по сей день они лезут из кожи вон, чтобы очернить нашу Победу.

Мне придется повторить текст шифровки от 10 июля 1941 года в адрес Н. С. Хрущева, в которой выражена истинная суть фразы «Ничего не должно достаться врагу»: «Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат данным в речи Сталина. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100–150 километров от противника, независимо от состояния фронта. Такое мероприятие может парализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать как в армии, так и среди населения настроение обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу». Это что, «азиатская тактика выжженной земли»?

Вот что думал по поводу этой тактики П. К. Пономаренко, организуя в неимоверно тяжелых условиях эвакуацию из Белоруссии всего, что можно было вырвать у яростно наступающего врага. «Это была грандиозная производственная операция, не имевшая в истории стран и народов аналогов по своим масштабам, срокам и результатам. Следует иметь в виду, что перемещение на восток миллионных масс населения и материальных ценностей осуществлялось зачастую под огнем врага, в условиях острой нехватки транспортных и погрузочных средств, а также рабочей силы. Не имели мы и необходимого опыта в этом сложном деле. Но этот процесс в целом не

был стихийным и главная цель – **спасти от врага людские и материальные ресурсы страны – была достигнута**¹¹⁰.

Фразу «спасти от врага людские ресурсы» я выделил для вас, Э. С. Радзинский, ибо вы и вся свора антисталинистов и правозащитников по поводу и без него стараются лягнуть советскую власть, советское руководство в связи с якобы безжалостным их отношением к людям в годы Великой Отечественной войны. По мнению извращенца Э. С. Радзинского, отступая, мы должны были не демонтировать и увозить, скажем, оборудование танкового завода, а оставлять его в рабочем состоянии, пусть фашисты под угрозой смерти сгоняют в его цеха рабочих и налаживают выпуск бронетехники. «Азиатская тактика выжженной земли» – это ведь тактика не по отношению к своим людям, это тактика по отношению к врагу. Так за кого сей муж, под неазиатской фамилией Радзинский?

А вот мнение В. М. Молотова по поводу эвакуации, высказанное Г. А. Куманеву в одной из бесед: «Из ратных и трудовых подвигов советского народа Молотов особенно выделяет беспримерную, по его словам, в мировой истории эвакуацию.

– Ведь на сотни и тысячи километров, да в каких ужасных условиях, – подчеркивает он, – удалось быстро переместить в тыл фактически целую промышленную страну, миллионные массы людей. И не только переместить, но и разместить, **и в самые короткие сроки пустить в действие**. Где еще это было возможно?

Он согласен с тем, что у нас об этом подвиге очень мало написано, а опубликованные итоговые цифры перебазирования производительных сил представляются далеко не полными, заниженными»¹¹¹.

Слова «и в самые короткие сроки пустить в действие» я вновь выделил для вас, Э. С. Радзинский. Ибо по неизвестным

¹¹⁰ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 124, 125.

¹¹¹ Там же. С. 13.

мне причинам вы совершенно не понимаете, что вырвать в невероятных условиях буквально из-под носа врага вместе с квалифицированными инженерами, техниками и рабочими заводы, фабрики и мастерские, в самые короткие сроки наладить на них выпуск военной продукции на новом месте, – это была задача из задач. Ее успешное решение в самые краткие сроки не позволило врагу взять Москву, а нам позволило переломить в течение нескольких месяцев ожесточенных боев ход событий всей войны в свою пользу. А что бы могло быть, если бы не эта «азиатская тактика выжженной земли»? Вполне возможно мы бы потеряли Москву и, вполне возможно, пятилетнего мальчика по имени Эдик. Но миллионы советских людей, перемещенных вместе с заводами и фабриками в тыловые районы страны и наладившие в кратчайшие сроки и в запредельно трудных условиях выпуск военной техники, не позволили это сделать. Вот так эта «азиатская тактика» подарила нам уникальную возможность воочию лицезреть, вслушиваться в зажигательные речи и вчитываться в глубокомысленные рассуждения писателя, публициста, историка, тещи и артиста Э. С. Радзинского.

А мы, читатель, перейдем к рассуждениям Эдварда Станиславовича, которые появились в его светлой головушке с рыжими кудряшками после воспроизведения чадаевской записи, в которой излагаются мысли И. В. Сталина по поводу создания народного ополчения. «В его мозгу уже сформировалась кровавая мысль восточного полководца (ну и стиль у литератора Радзинского!): приберечь резервы, сохранить свежие, формировавшиеся в те дни в Сибири новые дивизии. Там – страна охотников, там много молодежи. А пока затыкать дыры на фронте человеческим мясом народного ополчения – городской интеллигенцией, очкариками, с трудом умевшими стрелять, молодыми мальчиками из вузов – и потрепанными, истекающими кровью отходящими частями. И начался патриотический призыв в ополчение. Запись была объявлена добровольной, но

это был «глубокий язык» (ну и язык у литератора Радзинского!): отказавшихся записаться «обливали презрением и обещаниями расправиться».

Посмотрите, как жаль телепустозвону Э. С. Радзинскому тех, кто отказывался записаться в ополчение! А что думать о таком «отказнике» тому, кто с первых минут после прослушанного выступления В. М. Молотова побежал в военкомат? А там, несмотря на воскресный день, очереди. И таких были сотни тысяч. И никто их палкой не гнал. Сколько по этому уникальному факту было опубликовано документов, а Эдику все божья роса. Вот несколько документов.

«Телеграмма из Сталинабада 23 июня 1941 года

Москва, ЦК ВКП (б).

Товарищу Сталину Иосифу Виссарионовичу

Сообщаю, что в течение 23 июня в ЦК КП (б) Таджикистана и военный комиссариат только по Сталинабаду поступило свыше 700 заявлений о **добровольном зачислении**¹¹².

Секретарь ЦК КП (б) Таджикистана Протопопов».

«Телеграмма из Красноярска 24 июня 1941 года.

Москва, ЦК ВКП (б), тов. Маленкову

...23 июня в райвоенкоматы и райкомы поступили сотни заявлений с просьбой о **зачислении добровольцами** в ряды Красной Армии...

Секретарь крайкома ВКП (б) Голубев».

«Телеграмма из Таллина 24 июня 1941 года.

Москва, ЦК ВКП (б), товарищу Жданову

...Наличие большого потока заявлений о **добровольном вступлении в армию** и отправке на фронт вызывает необходи-

¹¹² Все выделения в текстах мои.

мость быстрого разрешения вопроса о проведении мобилизации подавших заявления и их использования, иначе это может неблагоприятно отразиться на политико-моральном состоянии передовой части трудящихся.

Секретарь ЦК КП (б) Эстонии Сярэ».

«Телеграмма из Киева 25 июня 1941 года.

Москва, ЦК ВКП (б), тов. Сталину

Мобилизация происходит при исключительном подъеме народа. За два дня мобилизации по 13 восточным областям из 15 – 27 500 человек подали заявление с просьбой зачислить их **добровольцами** на фронт...

Секретарь ЦК КП (б) Украины Бурмистенко».

*«Информация Кировского обкома партии
и облисполкома 26 июня 1941 г.*

...Мобилизация людского состава проходит организованно, как предусмотрено мобилизационными планами. На сборные пункты военнообязанные являются без опозданий. Имеется единственный случай неявки на сборный пункт одного члена партии.

Секретарь обкома ВКП (б) Лукьянов

Председатель исполкома облсовета Иволгин».

*«Информация организационно-инструкторского отдела
ЦК ВКП (б) 28 июня 1941 г.*

...В военкоматы и райкомы партии поступает большое количество заявлений о добровольном зачислении в ряды Красной Армии. В одном только городе Красноярске на 26 июня поступило 2632 заявления о добровольном зачислении в Красную Армию...»

На этом же трехстраничном документе приведен всего лишь один факт антисоветских настроений:

«Некоторые обкомы сообщают об отдельных случаях анти-советских высказываний и поджогов. В Горшеченском районе Курской области кулак, недавно выпущенный из заключения, во время передачи по радио речи т. Молотова заявил – «Вот и хорошо, наконец-то дождались».

*За зам. зав. организационно-инструкторским отделом ЦК
ВКП (б) Карасев»¹¹³.*

*«Телеграмма ЦК ВКП (б) в ГКО СССР – И. В. Сталину
об организации народного ополчения*

5 июля 1941 г. Строго секретно.

На Украине организовано 657 истребительных батальонов, которые имеют 319 пулеметов, 34 тысячи винтовок, 279 револьверов, 8 тысяч разного оружия, в том числе охотничьих ружей. За истребительными батальонами закреплено 1032 автомашины, 4 тысячи велосипедов, 2700 подвод, 6 тысяч лошадей.

Можно организовать в Киеве народное ополчение 50 тысяч человек, Харькове – 50 тысяч человек, Одессе – 40 тысяч человек, Днепропетровске – 40 тысяч человек, городах Сталинской области – 100 тысяч человек, городах Ворошиловградской области – 80 тысяч человек, Днепродзержинске и Кривом Роге – по 15 тысяч человек.

Оружия для ополченцев нет.

Прошу Вашего указания.

Секретарь ЦК КП (б) Украины

Хрущев»¹¹⁴.

¹¹³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С 201–212.

¹¹⁴ 1941 год. Документы. Кн. 2. И., 1998. С. 453.

Аналогичных документов тысячи, если не больше. Их можно найти в любом архиве не только областного, но и районного масштаба. Но до такого уровня наш герой Э. С. Радзинский не опускался. Он – птица большого полета.

До какого идиотизма можно договориться, когда во главу угла ставишь цель как можно почернее представить читателям образ И. В. Сталина. В воспоминаниях Я. Е. Чадаева вопрос о народном ополчении был затронут 24 июня. И что же, на третий день войны, чтобы «не затыкать дыры на фронте человеческим мясом», как мыслит Э. С. Радзинский, нужно было бросить в бой формировавшиеся в Сибири новые дивизии? Да к их формированию никто еще не приступал. Чтобы сформировать дивизию нужно время. Людей надо собрать, одеть, обуть, вооружить, **обучить**. А сколько времени надо на то, чтобы дивизию перебросить на фронт. А пока это воистину человеческое мясо. И если бы сформированную в Сибири дивизию без всякого обучения бросили затыкать дыры, представляю, какой вой поднял бы правдолюбец Радзинский. Сибирские дивизии созрели для боевых дел только к декабрю 1941 года. И тогда, в битве под Москвой, они сыграли свою решающую роль.

Вот мнение А. М. Василевского: «Надо прямо сказать, что, несмотря на тяжелую, порой критическую обстановку в дни героической обороны Москвы, Ставка Верховного Главнокомандования проявила большую выдержку и волю, сохранив выдвинутые в район Москвы стратегические резервы для перехода Красной Армии в решительное контрнаступление. Опыт Московской битвы в использовании резервов весьма поучителен»¹¹⁵. Именно эта «кровавая мысль восточного полководца» приберегла резервы для осуществления перелома в войне в декабре 1941 года. Именно сталинская железная воля способствовала собиранию сил во имя решающего сражения. Многие военачальники в сво-

¹¹⁵ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 177.

их мемуарах отмечали эту особенность полководческого таланта И. В. Сталина. Они просят помочь резервами, а он не дает, концентрируя их для решающего сражения. Ведь действительно надо было иметь нечеловеческую выдержку не поддаваться эмоциям и отказываться в то время, когда сам осознаешь, что тот или иной военачальник просит помочь резервами не просто так, а в связи с крайней необходимостью. И это было не только в период подготовки наступательной операции под Москвой. Успех советских войск в Сталинградской и Курской битвах – это результат резервной политики Ставки и прежде всего настойчивости в этом вопросе Верховного Главнокомандующего.

Что же касается мнения гражданина Радзинского по вопросу народного ополчения, то, вполне очевидно, он в него, не боясь быть «облитым презрением», не записался бы ни в 1812 году, ни в 1941 году, ни даже сейчас, если бы возникла такая необходимость.

А теперь давайте посмотрим, каким умозаключением сопровождал Э. С. Радзинский описание Я. Е. Чадаевым своих настойчивых попыток выяснить, где находится И. В. Сталин и почему его нет в Кремле.

«Было много легенд об этом исчезновении Сталина из Кремля в эти страшные первые дни войны... Итак, что же произошло на самом деле? Как мы уже говорили, любимым героем Сталина был Иван Грозный... Нет, этот железный человек не повел себя как нервная барышня. Тогда, в Наркомате обороны, поняв новые настроения, он сделал вывод: со дня на день падет Минск, немецкая лавина покатится к Москве, и его жалкие холопы от страха могут взбунтоваться. И он повел себя как царь Иван – учитель. Любимый прием Грозного – притвориться умирающим, следить, как поведут себя его злосчастные бояре, а потом восстать с одра болезни и жестоко карать, чтобы другим неповадно было. Практиковал царь Иван, как известно, и исчезновение из столицы, чтобы бояре поняли, как беспомощны они без царя.

И он действует, подобно учителю. Конечно, Поскребышев – его «око государево» – и глава НКВД Берия все знают и слушают, что говорят соратники без него. Но опытный царедворец Молотов сразу понял игру – и страшится подписывать важные бумаги... Хозяин хорошо их подобрал: без него соратники «слепые котята», как он назовет их впоследствии. Оставив «бояр» одних, он дал им почувствовать их ничтожность, понять: без него военные их сметут. Молотов спешит устроить поход членов Политбюро на дачу. Там великий актер (внимание, читатель!) **разыгрывает знакомый спектакль – «Игра в отставку».**

И уже после того, как Я. Е. Чадаев со слов Н. А. Булганина описал разговор на даче членов Политбюро с И. В. Сталиным, Э. С. Радзинский подвел итог: «Они усердно умоляют. Знают: кто не будет усерден – обречен. Игра закончена: теперь, когда в очередной раз они сами умоляли его быть вождем, он как бы вновь облечен ими властью»¹¹⁶.

Ну что ж, теперь и мы можем подвести итог.

Познакомившись с неопубликованными воспоминаниями Я. Е. Чадаева, Э. С. Радзинский нашел в поведении И. В. Сталина в первые дни войны два ключевых момента, которые, без сомнения, пополнили мифологический арсенал антисталинистов. Оба они могут быть приравнены к научному открытию. Первое: 22 июня И. В. Сталин, ошеломленный внезапным нападением фашистской Германии на Советский Союз, не оставляя надежды на то, что все еще уладится, **играл в оптимизм.** Второе: поняв после визита в Наркомат обороны, что военные его не боятся, что они могут всех смести, И. В. Сталин делает блестящий ход – покинув Кремль и уединившись на даче, **разыгрывает спектакль о своей отставке.**

Выдумать подобное может только человек, испытывающий патологическую ненависть к И. В. Сталину и всему, что зовет-

¹¹⁶ Радзинский Э. С. Сталин. С. 504.

ся советским периодом нашей истории. Что и говорить, оригинальную пьеску состряпал драматург Радзинский. И это при всем притом, что имел под рукой Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина. Игнорировать подобный серьезный документ может только псевдоисторик. Каковым, судя по всему, и является Радзинский.

Что же касается деятельности И. В. Сталина в годы войны, то историк Радзинский показал себя основательным дилетантом. Этот раздел в его книге занял приблизительно 9 процентов ее объема. Большинство сражений, подготовкой и ходом которых руководил И. В. Сталин, даже не упоминается, зато уделено внимание таким проблемам, как «Катынская ликвидация», «Семья и война», «Уничтожение народов», «НКВД и церковь». Это и понятно: в перечисленных темах можно в полной мере расправить плечи и махать, махать, махать косою лжи. В этих давно набивших оскомку темах Эдвард Станиславович мастак. А вот в вопросах военной истории... Ну посудите сами: «Вместо Тимошенко Сталин делает наркомом Жукова»...

Вот практически все, что отражено в книге Э. С. Радзинского относительно первых военных дней И. В. Сталина. Эта книга, повторяю, была издана в 1997 году. Затем все это было повторено в его же книге «Сталин. Жизнь и смерть», вышедшей ровно через десять лет после первой. Тираж их по нашим временам достаточно солидный. А если учесть, что тещу Радзинскому доступно телевидение, которое явно заинтересовано в пропаганде его вранья, то можно сказать, что, запудрив мозги многим, напакостил он прилично. Одно дело сказать что-то в толстой и дорогой книге, которую далеко не всякий решается купить. И совсем другое дело – с ужимочкой и ухмылочкой вещать с экрана в один из мартовских дней 1997 года: «Сталин бежал из Кремля... Я проверил по журналу посетителей. Все так: целых три дня Сталин отсутствовал в своем кабинете». Кто после этого услышанного побежит сверяться с каким-то журналом посетителей? И полетела утка...

Начиная разговор о Э. С. Радзинском, я призвал в помощники В. С. Бушина. Владимир Сергеевич поможет мне и завершить этот разговор: «Он никогда не называет архивы, а говорит о своей каторжной работе в неведомых архивах отвлеченно. И притом, ликуяще улыбаясь, травит баланду примерно так: «Я всегда подозревал, даже был уверен, что такой документ есть. Я перерыл горы архивных бумаг. И представьте мою радость, когда после семи лет бессонного труда я наконец-то его нашел. Вот он – журнал посетителей кабинета Сталина в Кремле!» А журнал этот давным-давно опубликован в «Известиях ЦК КПСС». И так – всегда и всюду»¹¹⁷.

Завершая свои рассуждения о фактах поведения И. В. Сталина в первые дни войны, изложенных в книге Э. С. Радзинского «Сталин» главным образом на основе неопубликованных воспоминаний Я. Е. Чадаева, хочу привести некоторые рассуждения по этому вопросу директора Российского Государственного архива С. В. Мироненко. Он тоже ссылается на чадаевскую рукопись. В предисловии к книге я упоминал о его интервью, данное корреспонденту «Комсомольской правды» Л. Кафтан. Директор архива не скрывает, что является «абсолютным противником сталинизма» (это и понятно: при нынешней власти директором подобного заведения может быть только антисталинист), как не скрывает и того, что основательно заглотив хрущевскую наживку. Вот его мнения.

«Многие факты только в последние годы стали известны. Например, о поведении Сталина в начале войны. Ведь он верил Гитлеру, и то, что Гитлер напал на СССР, стало для Сталина сильнейшим ударом. И два с половиной дня Сталин не показывался в Кремле. Ворошилов, Молотов, Булганин, Вознесенский, его соратники, были в растерянности: что делать?»

¹¹⁷ Бушин В. С. Злобный навет на великую Победу. С. 213.

Факты поведения И. В. Сталина в первые дни войны по версии Н. С. Хрущева известны настолько давно, что уже основательно обросли бородой. Руководитель советского государства Гитлеру никогда не верил, это хранителю архивов должно быть известно лучше, чем кому-либо. А вот насчет такой точности, как два с половиной дня, так это просто новое слово в деле поведения И. В. Сталина в первые дни войны. И где архивный документик, подтверждающий этот факт? Ведь насквозь лживая выдумка Н. С. Хрущева это не документ. Даже сам В. М. Молотов теряется в подсчете, указывая на два-три дня, да и то, не приписывая их к конкретным числам третьей декады июня.

И далее. Л. Кафтан задает вопрос: **«Вот это тоже момент для горячих споров. Хрущев утверждал, что Сталин был в прострации в первые дни войны. В то же время некоторые историки доказывают, что, согласно записям сталинских помощников, Сталин в первые дни войны напряженно работал, проводил совещания, заслушивал доклады. Где же правда?»**

Держатель архивов отвечает: «В Государственном архиве РФ хранятся воспоминания управляющего делами Совета Народных Комиссаров, потом – управляющего делами Государственного Комитета Обороны Чадаева. Он сталинист абсолютный, для него Сталин – идеал. Он бы не стал сочинять во вред образу Сталина. Но он не мог написать то, чего не было. Чадаев сидел в приемной. Приходят люди. Где Сталин? Нет Сталина. В конце концов отправились к Сталину, который решил, что приехали его арестовывать. И тогда он произнес эти знаменитые слова: «Ленин оставил нам великую империю, а мы ее потеряли». И только когда Ворошилов сказал: «Коба! Как ты можешь! Ты должен нас возглавить! Мы без тебя никто!» – Сталин немножко приободрился».

Я. Е. Чадаев в приемной не сидел, это рабочее место А. Н. Поскребышева. Я. Е. Чадаев должен был записывать ход совещаний в кабинете И. В. Сталина. Не у него спрашивали, где

И. В. Сталин, а он сам спрашивал об этом у А. Н. Поскребышева. А чтобы якобы сталинские «знаменитые слова» окончательно стали таковыми, нужен документик. А без него эти слова стали знаменитыми только для того, кто их придумал.

Кстати, за якобы сталинские слова о том, что В. И. Ленин оставил нам великую империю, директор ГАРФ уже был бит известным историком Ю. В. Емельяновым. В первых числах декабря 2008 года в Москве проходила международная конференция на тему «История сталинизма, итоги и проблемы изучения». Собрались там титаны антисталинизма, начиная с Д. Гранина и кончая Н. Сванидзе. Среди участников конференции, вполне естественно, был и директор Госархива РФ. В ходе этого форума он дал интервью «Независимой газете». Отчет о работе духовных мародеров Ю. В. Емельянов поместил в «Правде». Вот отрывок из его статьи.

«Когда же началась война, то Сталин, по словам Мироненко, опять опростоволосился. Тут директор госархива по памяти воспроизвел фантастическую версию Хрущева, изложенную на XX съезде КПСС, о бегстве Сталина из Кремля в июне 1941 года. Мироненко уверял, что тогда «Сталин несколько дней не появлялся в Кремле». Эта байка давно опровергнута после опубликования тетради, в которую охранники аккуратно записывали всех посетителей сталинского кабинета. Из ее содержания следует, что Сталин с утра 22 июня постоянно находился в кремлевском кабинете. Лишь 29 и 30 июня он не посетил Кремль. Однако из воспоминаний Жукова и Микояна известно, что 29 июня Сталин дважды находился в Наркомате обороны и продолжал руководить страной из загородного кабинета. Также известно, что 30 июня состоялась встреча Сталина с членами Политбюро у него на даче, в ходе которой было принято решение о создании Государственного Комитета Обороны. Не было ни бегства «от соратников», как выразился корреспондент «Независимой газеты», ни исчезновения «на несколько дней», как уверял Мироненко.

Даже излагая хрущевскую байку, Мироненко ошибся. Слова, которые, по утверждению Хрущева, произнес Сталин, теперь говорили члены Политбюро с упреком Сталину. Мироненко уверял, будто они заявили (хором?): «Ленин оставил нам великую империю...» Оказывается, большевистские руководители называли в 1941 году СССР «империей». И это говорит человек, который по своему служебному положению должен блестяще разбираться в нюансах исторического материала. Не исключено: скоро Мироненко будет уверять, что эти слова произнес по мобильному телефону Ворошилов, до этого пытавшийся связаться со Сталиным по электронной почте»¹¹⁸.

Что тут можно сказать? Одно из двух: или С. В. Мироненко не читал статью Ю. В. Емельянова, или, зная о ней, продолжает врать, прикрываясь своей ответственной должностью. Скорее всего, второе.

6. О двух днях, не зафиксированных в ЖРП

Об этих двух днях, 29 и 30 июня, непосещения И. В. Сталиным своего кремлевского кабинета, стоит поговорить подробнее, ибо антисталинисты не обошли их стороной. По мнению одних, это был новый приступ протрации, по мнению других – он затянулся с первого дня войны до конца июня. Договорились до того, что после первых тяжелых поражений на фронте, и особенно после потери Минска, И. В. Сталин укатил на дачу, не появлялся в Кремле, пока члены Политбюро не приехали уговаривать его вернуться к руководству страной. В процессе анализа исследуемой проблемы мне уже приходилось приводить некоторые

¹¹⁸ «Правда». 2008. 12–15 декабря.

мнения по этой проблеме и давать им оценку. Приведу еще несколько фактов, отражающих якобы версию, что в эти два дня И. В. Сталин бросил государственные дела и уединился на даче.

Вот мнение А. И. Микояна: «Решили поехать к нему. Он был на ближней даче. Молотов, правда, сказал, что у Сталина такая прострация, что он ничем не интересуется, не проявляет никакой инициативы, находится в плохом состоянии. Тогда Вознесенский, возмущенный всем услышанным, сказал: «Вячеслав, иди вперед, мы за тобой пойдём», – то есть в том смысле, что если Сталин будет себя так же вести и дальше, то Молотов должен вести нас, и мы пойдём за ним. Другие члены Политбюро подобных высказываний не делали и на заявление Вознесенского не обратили внимания. У нас была уверенность в том, что мы сможем организовать оборону и сражаться по-настоящему. Однако это сделать будет не так легко. Никакого упадочнического настроения у нас не было. Но Вознесенский был особенно возбужден.

Приехали на дачу к Сталину. Застали его в малой столовой, сидящим в кресле. Увидев нас, он как бы вжался в кресло и вопросительно смотрит на нас. Потом спросил: «Зачем приехали?» Вид у него был такой настороженный, какой-то странный, не менее странным был и заданный им вопрос. Ведь по сути дела он сам должен был нас созвать.

Молотов от нашего имени сказал, что нужно сконцентрировать власть, чтобы поставить страну на ноги. Для этого создать Государственный Комитет Оборону»¹¹⁹.

Подумать только: потерявшего над собой контроль И. В. Сталина пришли уговаривать продолжить борьбу железные Л. П. Берия, А. И. Микоян и Г. М. Маленков! Ну, конечно же, в отличие от вождя они не впадали в прострацию, не устранились от государственных дел, у них не было даже «упадоч-

¹¹⁹ Микоян А. И. Так было. С. 391.

нического настроения». Это даже не смешно! В этой компании я намеренно не упомянул имени В. М. Молотова, ибо Вячеслав Михайлович о прострации И. В. Сталина никогда, никому и нигде не говорил. Но посмотрите, как ловко Анастас Иванович перевел стрелки на В. М. Молотова.

И вновь нам не обойтись без Д. А. Волкогонова. Его мнение по этому вопросу я уже частично отражал, теперь воспроизведем это место из его книги более полно. Он верещит: «В последние дни, особенно к исходу месяца, Сталин, осознав наконец масштабы смертельной угрозы, на какое-то время просто потерял самообладание и оказался в глубоком психологическом шоке. Документы, свидетельства лиц, видевших в то время «вождя», говорят, что с 28 по 30 июня Сталин так был подавлен и потрясен, что не мог проявить себя как серьезный руководитель...

Кульминацией психологического шока была его реакция на известие о падении Минска. Прочитав утреннюю сводку Генштаба, Сталин уехал к себе на дачу и почти весь день не появлялся в Кремле. К нему отправились Молотов и Берия. Нет данных, о чем говорила «святая» троица. Но Сталин с трудом мог воспринять, что почти через неделю после начала войны столица Белоруссии оказалась под пятой захватчиков....

Сталин, «терявший самообладание, резко переходивший из состояния апатии в нервное возбуждение, 29 июня дважды неожиданно появлялся в Наркомате обороны. Не стесняясь в выражениях, обвинял во всем военных руководителей»¹²⁰.

Даже этим фактом появления И. В. Сталина в Наркомате обороны именно 29 июня, причем дважды, Д. А. Волкогонов разоблачает сам себя, заявляя, что «Сталин не мог проявить себя как серьезный руководитель». По-волкогоновски посещение Наркомата обороны, стремление с помощью военных разобраться с положением дел на фронтах, особенно на За-

¹²⁰ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 163, 173, 170.

падном, это не работа. Обратите внимание, читатель, как генерал-историк стремится во всем обвинить только одного человека – И. В. Сталина. Он, дескать, не стесняясь в выражениях, стремился переложить всю вину на военных. А с кого должен спрашивать Председатель Совнаркома, как не с первых лиц военного ведомства? Может быть, ему следовало позвонить Геббельсу или самому Гитлеру и выяснить, что же происходит на Западном фронте? И как можно сдержаться, если ни нарком обороны, ни начальник Генерального штаба не в состоянии внятно доложить о положении дел на фронтах? Ведь это их прямая обязанность. Кстати, ни С. К. Тимошенко, ни Г. К. Жуков за выражениями в своих карманах особо не шарились.

О чем говорила «святая троица» известно, хотя бы с только что приведенных слов А. И. Микояна. И насчет свидетельств помолчим, они бывают разные. А в отношении документов, следует поговорить. На тему, что «с 28 по 30 июня Сталин так был подавлен и потрясен, что не мог проявить себя как серьезный руководитель» нет ни одного документа. А вот документ о его дееспособности имеется. Прошу познакомиться.

«Образование Государственного Комитета Обороны

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный комитет ВКП (б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе: т. Сталин И. В. (председатель), т. Молотов В. М. (заместитель председателя), т. Ворошилов К. Е., т. Маленков Г. М., т. Берия Л. П.
2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.

3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. И. Калинин

Председатель Совнаркома Союза ССР

и Секретарь ЦК ВКП (б)

И. В. Сталин

Москва, Кремль. 30 июня 1941 года¹²¹.

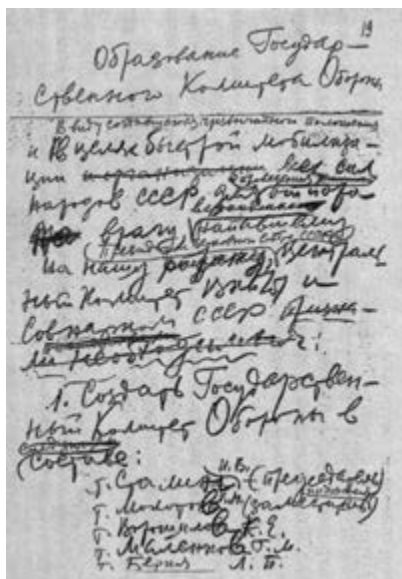
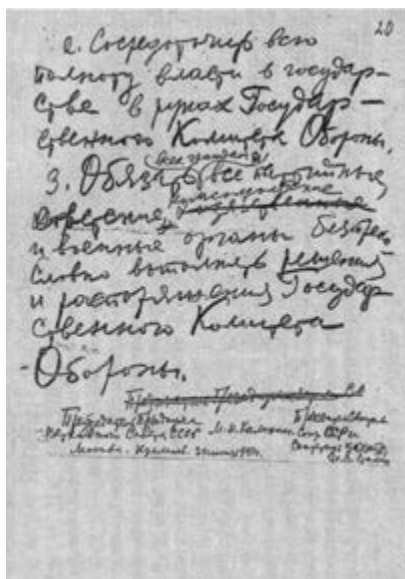

Фото оригинала этого документа напечатано в шестом номере журнала «Известия ЦК КПСС» за 1990 год. Под ним помещено следующее пояснение: «Постановление было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) 30 июня 1941 года. Подлинник

¹²¹ «Правда». 1941. 1 июля.

постановления, который хранится в архиве ЦК КПСС, написан красным карандашом Г. М. Маленковым... Ручкой В. М. Молотова в тексте слово «страну» заменено на «родину». И. В. Сталин внес две поправки: добавил слова «всех граждан» и заменил слово «хозяйственные» на «комсомольские».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.).

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б).
№ 130 (2583) | Вторник, 1 июля 1941 г. | ЦЕНА 15 КОП.

Образование Государственного Комитета Обороны

Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признали необходимыми:

1. Создать Государственный Комитет Обороны в составе:
 - г. Сталин И. В. (председатель)
 - г. Молотов В. М. (заместитель председателя)
 - г. Ворошилов К. Е.
 - г. Маленков Г. М.
 - г. Берия Л. П.
2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Обороны.
3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Обороны.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР	Председатель Совпаркома Союза ССР и Секретарь ЦК ВКП(б)
М. И. КАЛИНИН.	И. В. СТАЛИН.

Москва, Кремль, 30 июня 1941 года.

Вот так: И. В. Сталин, который «не мог проявить себя как серьезный руководитель», правит и подписывает основополагающий документ периода Великой Отечественной войны, и он же, будучи «подавленным и потрясенным», берет как Председатель ГКО ответственность за судьбу страны в свои руки.

Но вы посмотрите, каков все-таки этот Д. А. Волкогонов шулер. Целая страница книги посвящена речи И. В. Сталина, с которой он выступил, как известно, 3 июля. Ну, конечно же, преподнес ее Волкогонов в издевательском тоне. Однако сказал, что в своем выступлении вождь изложил основные положения этого документа, назвав, правда, его не Директивой, а Постановлением. Генералу-политработнику негоже путать эти понятия. Больше о Директиве в книге ни слова. Почему? Да потому, что в таком случае надо было бы сказать, что над этим документом работал И. В. Сталин, и не когда-нибудь, а именно в эти дни. Но сказать об этом никак нельзя, так как рухнет миф, изложенный десятью страницами раньше, а именно: «с 28 по 30 июня Сталин был так подавлен и потрясен, что не мог проявить себя как серьезный руководитель». Вот так «серьезный» историк Волкогонов сделал несерьезным руководителем И. В. Сталина.

Отсутствие записей о посещении кабинета И. В. Сталина совсем не означает, что в эти дни он не работал. Да, и 29, и 30 июня И. В. Сталин в своем кремлевском кабинете никого не принимал, но все эти дни он работал. Над «Директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей», которая датируется 29 июня. Если Д. А. Волкогонов читал этот документ, то не мог не обратить внимания на его серьезность. Это программа партии и правительства по мобилизации всех сил и средств советского народа на разгром врага. В одночасье такой документ не готовится. Думается, что он разрабатывался не день и не два, а вот завершающая стадия падает как раз на 29 июня. И. В. Сталин не мог быть в стороне от этой серьезной работы, тем более что под этим документом стоит его подпись.

**«ДИРЕКТИВА СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР И ЦК ВКП (б)
ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ
ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ**

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Виленскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города – Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом – немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией. Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значения этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша Родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации закончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП (б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, своиственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым, предоставлением под госпитали больниц, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, разъяснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять про-

тивнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах.

б) ¹²² Немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, – невзирая на лица.

Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) заявляют, что в навязанной нам войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

¹²² Так в документе.

Задача большевиков – сплотить весь народ вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

**Председатель Совнаркома СССР
и секретарь ЦК ВКП (б) И. Сталин
Заместитель председателя
Совнаркома СССР В. Молотов
29 июня 1941 г.»**

И уж если Дмитрий Антонович апеллирует к «свидетельствам лиц, видевших в то время «вождя», то давайте обратимся к двум из них. Если читатель подумал, что я, прежде всего, имею в виду В. М. Молотова, он не ошибся. «Когда началась война, рассказывает Молотов, он со Сталиным ездил в Наркомат обороны. С ними был Маленков и еще кто-то. Сталин довольно грубо разговаривал с Тимошенко и Жуковым.

– Он редко выходил из себя, – говорит Молотов...

Поехали в Наркомат обороны Сталин, Берия, Маленков и я. Оттуда я и Берия поехали к Сталину на дачу. Это было на второй или третий день. По-моему, с нами был еще Микоян. А кто еще, не помню точно. Маленкова помню. (Давайте для себя заметим: среди тех, кто поехал к И. В. Сталину на дачу, Вячеслав Михайлович А. И. Микояна не упоминает. Неужто он такой не приметный?)

Сталин был в очень сложном состоянии. Он не ругался, но не по себе было.

– Как держался?

– Как держался? Как Сталину полагается держаться. Твердо... Такое было трудное состояние тогда. Ну, я старался его немножко ободрить»¹²³.

¹²³ Чувев Ф. И. Молотов. Полудержавный властелин. С. 60–61.

Вот вам два мнения. Одно принадлежит человеку, который не пропустил ни одного приемного дня из десяти за период с 22 июня по 3 июля: И. В. Сталин держался «твердо». И второе принадлежит человеку, который не то что ни разу в эти дни не был в кремлевском кабинете вождя, но даже никогда его не видел: И. В. Сталин «так был подавлен и потрясен, что не мог проявить себя как государственный руководитель». Кому из них больше верить, пусть читатель определится сам.

А теперь обратимся к мнению еще одного участника поездки группы лиц высшего советского руководства на дачу в Кунцево. Вот какие детали приводит в дневниковой записи за 9 июля 1941 года Л. П. Берия. В связи с тем, что здесь же выражены некоторые бериевские оценки поведения И. В. Сталина в первые дни войны, а также его мнения по некоторым вопросам, связанным с войной, я подам этот материал наркома в последовательности. При этом я опущу слова нецензурного свойства и некоторые орфографические ошибки, на которые обращает внимание публикатор дневника.

«Ожидал бардака, но такого бардака не ожидал... Коба уже был готов к бардаку, но к такому никто не был готов. А Коба тем более. Сказал: «Верил в одних, а вытягивают другие». Ну, это он сгоряча. Много работают как надо. И дураков хватает. Хорошо, что никто больше не сомневается, что мы победим. Коба говорит: «Будет и на нашей улице праздник».

Будет! Не скоро будет. Это теперь на два года, а то и на три. Может, и больше. Боюсь, много мы отдадим, пока на Берлин пойдем. А пойдем! Коба говорит, теперь войну кончать в Берлине будем. Будем! Мне главное надо дать полнокровные дивизии. Коба говорит, твои пограничники нас спасают. Все бы так воевали. Так что давай, Лаврентий, формируй дивизии НКВД из пограничников. Нужны как воздух, больше, как воздух.

Пока не дам, спать не буду. Первые дни нас Коба держал. Только его воля. Кругом рушится. Тимошенко... обстановки не

знает, Георгий тоже, все на нервах, а Коба как был, так и есть! Сталь! И все за ним тянутся».

Я прерву цитирование для того, чтобы подчеркнуть: более высокой оценки поведения И. В. Сталина из его ближайшего окружения в первые дни войны никто не давал: **«А Коба как был, так и есть! Сталь!»** Вот вам и прострация, и растерянность, и отход от государственных дел!

А теперь свидетельство Л. П. Берии о посещении дачи: «А после Минска у него как жила порвалась. Сказал, не могу больше... Были только я, Вячеслав и Анастас. Рукой махнул и ушел. Сказал, спать поеду. А вы тут без меня. Вот когда страшно стало. Смотрю на них, они на меня. Вячеслав говорит, пойдем тоже спать. Утро вечера мудренее, надо выспаться.

Днем пришел к Вячеславу, он говорит, что делать? Я говорю, надо власть свести в одни руки. Поедем к товарищу Сталину. Приехали. Я Кобу таким никогда не видел и уже не увижу. Снова стало страшно. Руки опускаются, а работать надо. Говорю Вячеславу: «Войну не остановишь. Надо действовать. У Кобы это пройдет. Мы устали, а он еще больше устал». Ушли.

Вячеслав говорит, нужен Государственный Совет Оборона. Я говорю, хватит, насоветовались. Надо крепче. Комитет пойдет? Он говорит, это хорошо. Потом говорит, давай зови людей, к вечеру поедем к Кобе. Пусть успокоится, а там мы ему предложим. А ты пока шуруй. А к вечеру Коба уже в норму вошел.

Так и вылезли из... Люди – главное. И для нас, и для Кобы! Коба нас собрал. Коба нас воспитал. Пришла Гроза. Он первое время нас держал. Потом дал слабину, а мы его поддержали. Теперь все, он будет тянуть все. А мы рядом. Он так и сказал: «Теперь работаем до Победы!» Я так своим и говорю, товарищ Сталин сказал, отдохнем после Победы»¹²⁴.

¹²⁴ Л. Берия. Личный дневник 1937–1941. «Сталин слезам не верит». С. 278–280.

О чем говорит это свидетельство Л. П. Берии? О том, что проезд на дачу части руководства страны был дважды. Что И. В. Сталин был так расстроен потерей Минска и незнанием обстановки со стороны руководства Наркомата обороны, что, как выразился Лаврентий Павлович, «дал слабину». Что эта «слабинка» долго не продолжалась. Могла ли описанная Л. П. Берией обстановка этих дней породить у И. В. Сталина мысль о том, что его приехали арестовывать? И можно ли сделать на основе всего этого вывод, что он устранился от решения государственных дел? Чувств это и злобная клевета тех из окружения И. В. Сталина, прежде всего Н. С. Хрущева и А. И. Микояна, которые решил по личным мотивам втоптать в грязь имя И. В. Сталина. И тех, кто, используя эту ложь, ненавидит советское прошлое и является противником социализма. И, наконец, свидетельство Л. П. Берии говорит о том, что инициатива создания ГКО принадлежит В. М. Молотову и ему самому.

С этим мнением категорически не согласны авторы только что вышедшей книги «И. В. Сталин: в горниле Великой Отечественной»: «Сейчас, ссылаясь на различные воспоминания, кому только не приписывается идея создания ГКО. На самом деле это было предложение Сталина»¹²⁵.

Или вот такой факт. 29 июня 1941 года на имя И. В. Сталина поступила телеграмма из Гомеля за подписью секретаря Гомельского обкома Жиженкова. Вот ее текст:

«Москва, ЦК ВКП (б), товарищу Сталину

Бюро Гомельского обкома информирует Вас о некоторых фактах, имевших место с начала военных действий и продолжающихся в настоящее время.

¹²⁵ *Серебрянников В. В. Суходеев В. В. И. В. Сталин: в горниле Великой Отечественной. М., 2011. С. 203.*

1. Деморализующее поведение очень значительного числа командного состава: уход с фронта командиров под предлогом сопровождения эвакуированных семейств, групповое бегство из части разлагающе действует на население и сеет панику в тылу. 27 июня группа колхозников Корналинского сельсовета Гомельского района истребительного батальона задержала группу военных около 200 человек, оставивших аэродром, не увидев противника, и направляющихся в Гомель. Несколько небольших групп и одиночек разоружили колхозники Уваровичского района.

2. Незнание командованием дислокаций частей, их численности, вооружения, аэродромов, снаряжения, дислокаций баз Наркомобороны, их количества и содержимого в районе его действия тормозит быструю организацию активного отражения противника.

3. Посылка безоружных мобилизованных в районы действия противника (27 июня по приказу командующего в Жлобине было выгружено 10 000 человек, направляемых в Минск).

4. Все это не дает полной возможности сделать сокрушительный удар по противнику и отбросить его, а, наоборот, создало сейчас большую угрозу для Гомельского участка фронта и тем самым создает угрозу прорыва противника в тыл Киевского участка фронта»¹²⁶.

Я воспроизвел этот документ не для того, чтобы показать, как некоторые командиры Красной Армии встретили вторжение врага, нет. Хотя подобные факты надо знать, ибо на их фоне более рельефно осознается понимание того, какие усилия понадобились для того, чтобы переломить ситуацию, добиться хотя бы относительной стабилизации на фронтах. Я ввел этот документ в текст книги лишь только для того, чтобы еще раз

¹²⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 214–215.

подтвердить: И. В. Сталин в этот день не валялся в растрепанных чувствах на диване, не волюнил в Волынском, а работал. Доказательством тому служит пометка на полях этого документа: «Выяснить». А относится она к пункту третьему, в котором говорится о посылке безоружных мобилизованных в районы действия противника. Именно этот вопиющий факт привлек его внимание. А всякие там волгогоновы, радзинские и прочие тупицы пытаются обвинить И. В. Сталина в том, что он бездушно относился к людям. Но я хватаю себя за язык, ибо чувствую, что ухожу в сторону от столбовой дорожки.

Версия об отходе в эти дни И. В. Сталина от государственных дел из работ историков перекечевала даже в художественную литературу. Не удержался от соблазна изобразить вождя в таком свете даже такой писатель, которого антисталинистом назвать никак нельзя. Речь идет о А. Б. Чаковском и его романе «Блокада».

«Поздним вечером Сталин и несколько сопровождавших его членов Политбюро неожиданно появились в здании Наркомата обороны на улице Фрунзе. Входя в кабинет наркома, Сталин был спокоен и уверен в себе. Однако именно там, в центре военного руководства страны, он впервые со всей конкретностью ощутил масштабы надвигающейся опасности. Танковые группы противника стремились клещами охватить Минск, и казалось, ничто не может противостоять их движению. Связь с нашими отступающими под ударами врага войсками была нарушена.

Обычно внешне спокойный, медлительный в разговорах и движениях, Сталин на этот раз не мог сдержаться. Он обрушился с гневными, обидными упреками на руководителей Наркомата и Генштаба. Потом, ни на кого не глядя, поникший, ссутулившийся, вышел из здания, сел в машину и уехал в свой кунцевский дом. Никто не знал, о чем думал Сталин в течение последующих нескольких десятков часов. Его никто не видел.

Он не появлялся в Кремле. Никто не слышал его голоса в телефонных трубках. Он никого не звал. И никто из тех, кто в эти дни ежечасно ожидал его вызова, не решался ехать к нему незванным.

На членов Политбюро, наркомов, руководителей Наркомата обороны, Генштаба и Политического управления армии сразу же обрушились тысячи дел, больших и малых, связанных с осуществлением военных мероприятий в стране и на фронтах. Никто не бездействовал. Однако с утра до глубокой ночи занятые неотложными делами, они не раз спрашивали себя: где же Сталин? Почему он молчит? Что же делал, о чем думал этот, казалось, всесильный и всезнающий человек в те долгие, страшные часы? Об этом можно только гадать»¹²⁷.

Тут и гадать нечего. Работал Иосиф Виссарионович на даче, готовил свое обращение к народу. Уж кто-кто, а писатель, в отличие, скажем, от шахтера, должен знать, как трудно даже в нормальных условиях иногда ложатся мысли на бумагу.

Вот и Р. Медведев считает, что подготовка этого выступления дело плевое: «Некоторые из апологетов вождя утверждали позднее, что он закрылся на два дня в Кунцево для того, чтобы подготовить свое обращение к народу. О таком обращении Сталин, несомненно, думал еще раньше, и он продолжал лично составлять текст этого обращения 1 и 2 июля, когда вернулся к руководству страной и армией уже в качестве председателя ГКО»¹²⁸.

Во-первых, апологеты не могут говорить о двух днях затворничества, ибо приезд И. В. Сталина в Наркомат обороны 29 июня факт неоспоримый. Во-вторых, если он «**продолжал** лично составлять текст этого обращения 1 и 2 июля», то когда же он это дело **начал**?

¹²⁷ Чаковский А.Б. Собр. соч. В 6 т. Т. 4. Блокада. М. 1976. С. 150 – 151.

¹²⁸ Военно-исторический журнал. 2002. № 6.

А вот что пишет Л. Лопуховский в статье «В первые дни войны»: «Учитывая выход противника к Борисову, положение на Западном фронте стало критическим. Связь работала с перерывами, управление войсками не налаживалось. Не знали положения не только противника, но и своих войск. Даже о том, что 11 дивизий фронта оказались в окружении, в Генеральном штабе узнали не сразу. **Еще 30 июня Сталин приказал вызвать командующего Западным фронтом Павлова в Москву** (выделено мной. – А. С.). В этот день в командование фронтом вступил генерал-лейтенант А. И. Еременко, но уже со 2 июля его на этом посту сменил маршал С. К. Тимошенко, который одновременно стал Главкомандующим войсками западного направления»¹²⁹.

«Подавленный и потрясенный» И. В. Сталин приказывает вызвать Д. Г. Павлова в Москву, назначает на его место других лиц, принимает другие решения и даже проводит вне своего служебного кабинета короткое, но обширное по своему составу совещание. Вот что рассказал

профессору Г. А. Куманеву нарком по строительству СССР С. З. Гинзбург.

«**В конце июня** (выделено мной. – А. С.) 1941 г. в Кремль были вызваны руководители промышленных наркоматов и ряда важнейших хозяйственных учреждений. В Овальном зале с кратким обращением к нам обратился Сталин. Все присутствующие стояли. Откровенно заявив об очень трудном положении,

¹²⁹ Л. Лопуховский. В первые дни войны. В кн.: 1941. Великая отечественная катастрофа. С. 412.

создавшемся на фронте, он предложил в первоочередном порядке оправить на Урал и ввести в действие броневые станы, которые необходимы для производства танковой брони. Станы требовалось срочно снять с Кировского завода в Ленинграде и с Мариупольского металлургического завода имени Ильича. На установку ленинградского стана на Нижне-тагильском заводе отводился чрезвычайно короткий срок – всего лишь два месяца.

Рабочее собрание в Кремле было непродолжительным и немногословным. На нем все мы получили важные и конкретные указания о дальнейших действиях. Я находился рядом с наркомом черной металлургии И. Ф. Тевосяном. И когда совещание закрылось, к нам подошел Сталин. Он поздоровался. Обратившись ко мне, сказал:

– Товарищ Гинзбург, я прошу вас проследить за демонтажом броневых станков в Ленинграде и Мариуполе. Они должны быть перебазированы в Нижний Тагил и на Магнитку как можно быстрее.

Сделав небольшую паузу, Сталин продолжил:

– Пока эти станы будут перемещаться на Урал, передайте туда все необходимые указания, чтобы в кратчайшие сроки там были построены соответствующие цеха и сооружения, где бы можно было смонтировать и пустить в действие оба стана. Кроме того, примите все меры, чтобы в установленные сроки были возведены цеха и все, что понадобится для увеличения выпуска танков в Челябинске, Нижнем Тагиле и Сталинграде...

После этого совещания стало особенно ясно, что война будет длительной и борьба с вторгшимися армиями фашистского блока предстоит очень тяжелой»¹³⁰.

О совещании в Кремле в конце июня 1941 года нигде и никто не рассказывал, по крайней мере, я встречаю это свидетельство Семена Захаровича впервые. А оно в своем роде уни-

¹³⁰ Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. С. 427–428.

кальное. Во-первых, по указанному им сроку. Хотя дата сама по себе неконкретна, но фраза «в конце июня» говорит о многом. Судя по всему, это совещание было проведено именно в те дни, когда, в соответствии с записями в ЖРП, И. В. Сталин в своем кремлевском кабинете никого не принимал. Но это могло быть и в первой половине дня 28 июня. Вечерний прием 27 июня затянулся за полночь и завершился в 02.40. Вечерний прием 28 июня начался в 19.35. Таким образом, разрыв между ними составил 15 часов, что вполне достаточно для отдыха и проведения подобного мероприятия.

Уникальность свидетельства С. З. Гинзбурга еще и в том – и это, во-вторых – что оно красноречиво показывает: И. В. Сталину стало совершенно понятно, что начавшаяся война это не прогулка по Невскому проспекту, это серьезно и надолго. И это понимание к нему пришло не в конце июня, а несколько раньше. Когда же? А тогда, когда он стал понимать, что главным оружием в борьбе с агрессором будут танки. Не зря же из всех наркомов, курирующих производство военной техники, первым в его кабинете 24 июня оказался В. А. Малышев – нарком танковой промышленности. Был он вызван и на следующий день. А вот начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии появился в кабинете И. В. Сталина 26 июня, нарком вооружения Д. Ф. Устинов – 28 июня. Очевидно, что именно во время этих двух встреч И. В. Сталина с В. А. Малышевым и были обсуждены первостепенные меры по переводу этой важнейшей отрасли на военный ритм работы. О небольшой части этих мер мы и узнали из письменных ответов С. З. Гинзбурга историку Г. А. Куманеву.

В эти же дни «безделья», потеряв «самообладание» и оказавшись в «психологическом шоке», Иосиф Виссарионович готовил свое выступление перед советским народом. Это еще один серьезный документ, который также не рождается в одночасье. Юродствуя при раскрытии содержания выступления И. В. Сталина, Д. А. Волкогонов по неосторожности проро-

нил одну весьма существенную фразу: «Сталин несколько раз переделывал свое выступление». Нет смысла, читатель, задавать вопрос: «А откуда ему это известно?» Дмитрий Антонович знает все, даже то, что снится И. В. Сталину по ночам. Если Д. А. Волкогонову как политработнику приходилось выступать перед личным составом, пусть даже на солдатском уровне, с каким-нибудь новым докладом или лекцией, он должен был знать, как это ответственно, знать, что это весьма напряженный труд, требующий затрат сил и времени. И. В. Сталин справился с этой сложной задачей блестяще.

Еще раз обратимся к книге «Мифы Великой Отечественной войны». В ней О. Рубецкой цитирует американского историка И. Куртукова. Вот его мнение по анализируемому мной вопросу: «Вечером 29 июня 1941 г. после посещения Наркомата Сталин, Молотов, Берия и другие отправляются на ближнюю дачу, в Кунцево, где генсек и сделал историческое заявление... что он уходит от власти.

30 июня 1941 г. Молотов собрал у себя в кабинете членов Политбюро, они наметили решение о создании Государственного Комитета Обороны и отправились к Сталину на дачу с предложением этот комитет возглавить. Сталин за это время, вероятно, отошел, предложение товарищей принял и с 1 июля 1941 года вернулся к обычному ритму трудовой деятельности»¹³¹.

Чувствуете, читатель, откуда тянет дымком? Л. П. Берия рассказал Н. С. Хрущеву, тот участникам XX съезда КПСС, и полетела утка в заморские края. И долетела. Снесла там яйца, высидела утят в виде книги И. Куртукова, и они разлетелись по всем Соединенным Штатам.

Никаких «исторических заявлений» об уходе от власти И. В. Сталин не делал, подавленным и потрясенным он также не был. Он был возмущен незнанием обстановки на фронтах со

¹³¹ Мифы Великой Отечественной. М., 2010. С. 53.

стороны руководства Наркомата обороны и Генерального штаба. И для этого возмущения были весьма веские основания. 29 июня И. В. Сталин узнал о том, что войска Западного фронта под командованием Павлова сдали врагу столицу Белоруссии Минск. От кого узнал? От наркома обороны в ранге Верховного главнокомандующего С. К. Тимошенко? Нет, не от него. Тогда от начальника Генерального штаба Красной Армии Г. К. Жукова? И не от него. Из утренней сводки Генерального штаба, как об этом пишет Д. А. Волкогонов? Нет. Так от кого же? Из передач зарубежных радиостанций. Попробуй тут сдержать свои эмоции.

Вот мнение писателя И. Ф. Стаднюка, которое вызрело после многочисленных бесед с В. М. Молотовым: «Верно то, что вечером 29 июня Сталин потерял самообладание, узнав, что немцы второй день хозяйничают в Минске, а западнее столицы Белоруссии враг захлопнул капкан вокруг основной массы войск Западного фронта, что значило: путь гитлеровским армиям на Москву открыт.

Не дождавись очередного доклада наркома обороны Тимошенко и начальника Генштаба Жукова об оперативной обстановке, Сталин с рядом членов Политбюро внезапно появился в Наркомате обороны.

Это был самый опасный момент во взаимоотношениях верховной государственной власти и высшего командования Вооруженных Сил СССР, была грань, за которой мог последовать взрыв с самыми тяжелыми последствиями. Подробно расспросив Молотова о том, как все происходило, я, работая над второй книгой «Войны», написал главу, стараясь не смягчать в ней остроты случившегося, но и не давать неприятных деталей: уж очень в грубых, взаимно оскорбительных и нервных тонах велся разговор, с матерщиной и угрозами...

Ссора закончилась тем, что Жуков и Тимошенко предложили Сталину и членам Политбюро покинуть кабинет и не мешать им изучать обстановку и принимать решения...

Сталин вернулся в Кремль ранним утром 30 июня с принятым решением: всю власть в стране сосредоточить в руках Государственного Комитета Обороны во главе с ним самим, Сталиным. В то же время разъединялась «троица» в Наркомате обороны. Тимошенко в тот же день был отправлен на Западный фронт в качестве его командующего, генерал-лейтенант Ватутин, заместитель начальника Генштаба, – назначен начальником штаба Северо-Западного фронта. Жуков оставался на своем посту начальника Генштаба под неусыпным оком Берии.

По моему глубокому убеждению, создание ГКО и служебные перемещения в военном руководстве – это следствие ссоры, отпыхавшей 29 июня вечером в кабинете маршала Тимошенко»¹³².

Да, И. Ф. Стаднюк правильно подметил, военная «троица» была разъединена: как свидетельствует ЖРП, Н. Ф. Ватутин последний раз посетил сталинский кабинет 27 июня (с 21.30 до 22.50), а С. К. Тимошенко 1 июля (с 16. 50 до 19. 00).

Только что, в 2011 году, вышел солидный труд известного историка А. В. Исаева «Приграничные сражения 1941». Исследователь подробно анализирует обстановку на западном направлении советско-германского фронта, в частности а районе Минска. Автор пишет: «Потеря столицы советской Белоруссии произвела большое впечатление на советское руководство. В сущности, это был первый, занятый противником крупный город, к тому же столица союзной республики. Мало кто ожидал, что такое может произойти уже на седьмой день войны.

В послевоенные годы появилась легенда о том, что в первые дни войны Сталин впал в прострацию и на неделю самоустранился от руководства. В наши дни был опубликован журнал посещений Сталина. По нему видно, что он достаточно интенсивно принимал высших руководителей страны и армии

¹³² Стаднюк И. Ф. Исповедь сталиниста. С. 361, 364.

в первые дни войны. Однако имеется пропуск в приеме посетителей длительностью около суток с 29 по 30 июня. Скорее всего, именно этот кратковременный уход от дел и отъезд на дачу после известий о сдаче Минска дал почву для рассуждений о недельном затворничестве»¹³³.

Не рассуждения это, уважаемый Алексей Валерьевич, а чистой воды фальсификация!

Вот, на мой взгляд, более объективное мнение по этому вопросу историка В. В. Суходеева, который многие годы исследует проблему роли И. В. Сталина в Великой Отечественной войне: «Бесстыдно и убого выглядит продолжающаяся клевета, что И. В. Сталин никого не принимал 29 и 30 июня 1941 года. Да, в Журнале регистраций нет записей принятых им за эти два дня посетителей. 29 июня под руководством И. В. Сталина была сформулирована Директива Совнаркома Союза ССР и Центрального Комитета ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей. Она четко определила империалистический характер войны фашистской Германии против социалистического Советского Союза. Директива обязывала партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководителей мобилизовать все силы советского народа на борьбу с фашистской Германией и ее сателлитами. Перед народами Советского Союза была поставлена задача – отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за каждый город и каждое село. Особое внимание придавалось всемерному укреплению тыла Красной Армии и своевременному снабжению фронта боевой техникой и продовольствием. В занятых врагом районах требовалось разжигать партизанскую войну.

29 июня И. В. Сталин узнал из немецкого радио, что части Красной Армии оставили Минск – столицу Белоруссии. Нарком

¹³³ *Исаев А. В.* Приграничные сражения 1941. М., 2011. С. 425.

Тимошенко оказался в неведении случившегося. Тогда Сталин предложил Молотову, Маленкову и Берия немедленно выехать в Генштаб и самим разобраться в сложившейся обстановке и выработать дополнительные меры по отражению врага.

Разговор состоялся крутой. Сталин заявил Тимошенко и находившимся Жукову и Ватутину: «Вы обязаны постоянно видеть все как на ладони и держать нас в курсе событий, сейчас вы просто боитесь сообщить нам правду»¹³⁴.

А теперь призовем на помощь арифметику. Прием посетителей, начатый вечером 28 июня, завершился в 00.50. Это уже 29 июня. Прием посетителей 1 июля начался в 16.40. Следовательно, в соответствии с записями в ЖРП, И. В. Сталин отсутствовал в своем кабинете не двое суток, а 41 час. А если учесть, что 29 июня он дважды появлялся в Наркомате обороны, и вполне понятно не для того, чтобы убедиться побриты или нет С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков, а для того, чтобы разобраться в сложившейся обстановке, то сколько же времени продолжалось его затворничество? Сколько времени он был подавлен

и потрясен? И на какое время он устранился от руководства страной? Даже арифметика восстает против выдумок и дури некоторых зашоренных «исследователей».

Здесь будет уместным привести рассуждения известного историка, автора нескольких книг о деятельности И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны А. Б. Мартиросяна. Правда, они достаточно обширны, но, на мой взгляд, правильно проливают свет

¹³⁴ Суходеев В. В. Война началась – война Отечественная. С. 25.

на некоторые детали первых дней войны. Эти рассуждения помещены в интернетской статье автора «У Сталина была своя разведка». Отвечая на некоторые вопросы корреспондента «Красной звезды» А. Бондаренко, Арсен Беникович дал такие пояснения по затронутым мной вопросам.

«– Но если так, тогда почему 22 июня по радио выступил Молотов? Может, Сталин действительно впал в прострацию и укрылся на даче?»

– Учтите, уже двадцать лет кряду прекрасно известно, что на протяжении всего периода работы Сталина в Кремле его помощники тщательно вели «Журнал посещений И. В. Сталина в его кремлевском кабинете», который ранее хранился в «Особой папке Политбюро», а ныне – в Архиве Президента Российской Федерации. Журнал свидетельствует, что Сталин с раннего утра 22 июня 1941 года находился в Кремле, в своем кабинете, и напряженно работал. В среднем – по 14-16 часов в сутки. Записи в журнале свидетельствуют, что в период с 22 по 28 июня включительно Сталин принимал от 20 до 30 человек в день из числа высших должностных лиц, в том числе и военных, партийных работников, руководителей различных гражданских ведомств, ученых, конструкторов, испытателей самолетов, танков, другой военной техники, деятелей культуры и дипломатов. С ними он решал бесчисленное количество вопросов организации обороны, материально-технического снабжения ведущей тяжелой бои Красной Армии, массовой эвакуации населения, промышленных объектов, различных материальных и иных ценностей из зон возможной оккупации, организации партизанского движения на оккупированной территории и т.д.

Даже известный историк-диссидент и антисталинист Рой Медведев в конечном итоге признал, что версия об исчезновении Сталина является «чистой выдумкой» Хрущева. Но что интересно – об этом говорится в его книге, написанной совместно с братом Жоресом Медведевым, «THE UNKNOWN STALIN»

для Запада. Однако при переиздании того же труда на русском языке сведения о «чистой выдумке» Хрущева были опущены. Почему-то он счел, что нет необходимости рушить чистейший миф, столь удобный для всех антисталинистов.

– То есть версия возникла на пустом месте?

– На первый взгляд кажется, что одна «зацепка» есть. В журнале отсутствуют записи за 29 и 30 июня. Но должно ли это означать, что в эти два дня Сталин пребывал в прострации или что-нибудь в подобном роде? Отнюдь. Он принимал посетителей еще и по адресу: улица Кирова (ныне Мясницкая), дом 33, где была его резиденция, на пункте управления Генштаба, а также на своих дачах. Наконец, с какой стати задним числом Сталина лишают возможности уединиться в одной из своих резиденций, чтобы сосредоточенно обдумать сложившуюся обстановку и наметить конкретные пути выхода из нее и меры по их реализации? Ему же крайне необходимо было уединиться, чтобы детально обдумать тяжелейшую ситуацию. Ведь накануне, 28 июня, стало известно о взятии гитлеровцами столицы Белоруссии – Минска. Кстати, узнал он об этом из сообщений иностранных радиостанций, а не от Генштаба, а также о катастрофическом разгроме войск Западного фронта, который, по сути-то, рухнул менее чем за неделю боев. А это было самое опасное направление удара вермахта, потому как это самая короткая дорога к столице: Минск – Смоленск – Москва.

– Эта дорога была истоптана многими потенциальными завоевателями. Получилось, что советское командование словно бы игнорировало в своих планах этот вариант гитлеровской агрессии. Что же предпринял Сталин?

– Сталин пришел к выводу о явной неспособности высшего военного командования организовать достойный отпор агрессору. В такой ситуации необходимо было коренным образом и немедленно менять всю структуру государственного и военного управления в целях максимальной концентрации власти

в едином государственном органе. Иначе было бы невозможно мобилизовать все силы и ресурсы для отпора врагу. Ведь в первые дни войны, когда постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) от 23 июня была создана Ставка Главного Командования во главе с наркомом обороны маршалом С. К. Тимошенко, дело доходило, скажем мягко, до странностей. Являясь официально утвержденным председателем Ставки, Тимошенко ставил такую подпись: «От Ставки Главного Командования народный комиссар обороны С. Тимошенко». Ну и что же должна была означать такая подпись на важнейших директивах?! Одним только фактом столь несурзадной подписи он, по сути, расслаблял командующих сражающихся с врагом войск, потому как резко понижал уровень исполнительской дисциплины! Ведь получалось, что не председатель Ставки Главного Командования требует исполнения директив, а всего лишь Тимошенко «от ее имени». Военные, к слову, вообще очень чувствительны к атрибутическому оформлению приказов, тем более в военное время и особенно в период боевых действий. По этим признакам они определяют степень обязательности и срочности выполнения тех или иных приказов вышестоящего командования. А тут всего лишь «От Ставки»...

– Чем вы объясняете такую позицию Семена Константиновича?

– Не следует сбрасывать со счетов то обстоятельство, что в первые дни войны он инициативно стал нарываться на отставку самым тоном в телефонных разговорах со Сталиным. Его ближайший зам тоже вел себя вызывающе, когда Сталин жестко требовал объяснить, что же на самом-то деле происходит с нашими войсками. К тому же с первых дней войны Генеральный штаб вообще потерял управление и связь с войсками и по большей части не знал, что конкретно творится на фронтах.

– Получилось, что ближайшие сподвижники растерялись больше Сталина...

– Подобное положение никак не могло устроить главу государства! Вот потому-то он и уединился на пару дней, чтобы разработать новую систему управления государством в создавшейся критической обстановке. В результате было разработано положение о Государственном Комитете Оборона, которое уже 30 июня было опубликовано. До этого 29 июня Сталин завершил разработку и подписал Директиву Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей – о развертывании партизанского движения. Надеюсь, хоть теперь-то стало понятно, куда и, главное, зачем он пропал на двое суток?

– Ну, мне-то известно, что в действительности он куда не пропал. Это у вас с другими оппонентами спор.

– Да, 29 июня он дважды посещал Наркомат обороны и Генеральный штаб, у него произошел еще один резкий разговор с Тимошенко и особенно с Жуковым. Что же до бессовестных утверждений Хрущева о том, что-де Политбюро гуртом ездило к Сталину на дачу, дабы уговорить его вернуться к активной деятельности, так это ложь. Даже, невзирая на то, что их «подтвердил» Микоян. Да, они навевались к нему на дачу, но лишь потому, что он сам их вызвал к себе, поскольку 30 июня он, как указывает Рой Медведев, созвал на даче совещание членов Политбюро, на котором ознакомил их с тем самым решением о создании Государственного Комитета Оборона.

Вот такие небезыңтересные рассуждения популярного историка-сталиниста.

После этого небольшого анализа сложившейся в последних числах июня ситуации, можно сделать вывод: **посещением Наркомата обороны, подготовкой Директивы и своего выступления по радио – вот чем в основном занимался И. В. Сталин в период отсутствия в Кремле 29 и 30 июня. Такие важные документы в подавленном состоянии и психологическом шоке не рождаются. Но разве это могут понять историки, пишущие**

о И. В. Сталине в состоянии патологической к нему ненависти!? И 29 и 30 июня И. В. Сталин не уходил от решения государственных дел, порожденных войной. ОН РАБОТАЛ!

Но не пора ли на основе проведенного анализа в данной части книги сделать итоговые выводы? Если читатель не возражает, я займусь этим делом.

1. Так называемая прострация И. В. Сталина, если под этим подразумевать его недееспособность в первые дни войны, – чистейшая выдумка Н. С. Хрущева. Фактически ее повторил, ссылаясь на В. М. Молотова, только один из сподвижников вождя – А. И. Микоян. Однако сам Вячеслав Михайлович этого нигде не говорил. По Хрущеву, состояние прострации продолжалось целую неделю с первого дня войны до якобы приезда некоторых членов Политбюро к И. В. Сталину на дачу, а это вечером или даже в ночь на 30 июня. У последователей грязного хрущевского дела единого мнения о сроках такого состояния Иосифа Виссарионовича нет. Кто-то указывает на первые два-три дня, кто-то считает, что особенно ярко это проявилось 29 и 30 июня. Ежедневная работа И. В. Сталина в Кремле с 22 по 29 июня, которая отражена записями в Журнале регистрации посетителей, убедительно опровергает эту ложь.

2. Самоустранение И. В. Сталина от государственных дел, отказ исполнять свои должностные обязанности, и даже отказ от власти – еще одна выдумка Н. С. Хрущева. Никто из ближайшего окружения вождя об этом не упоминал. Сам же Н. С. Хрущев подает этот факт со слов Л. П. Берии. Однако Лаврентий Павлович в своем дневнике по этому поводу не обмолвился ни единым словом. Трудно себе даже представить, чтобы властолюбец И. В. Сталин мог не только решиться на отказ от власти, но даже подумать об этом.

3. Подавленное состояние, смятение, замкнутость, нервозность и даже депрессия, о которых упоминают в своих мемуарах и интервью некоторые соратники И. В. Сталина, – это не

прострация, это не отход от решения государственных дел. Это состояние души человека, отражающее его переживание за страну, народ. И ничего тут неестественного нет. И. В. Сталину, как и любому смертному, ничто человеческое не было чуждо. Все это не могло мешать и не мешало ему исполнять свои обязанности.

Ежедневный прием внушительного числа людей, начиная от первых лиц в партии и государстве и кончая простыми летчиками-испытателями, отраженный в Журнале регистрации посетителей, мнение тех, кто с ним в эти дни общался – бесспорное доказательство того, что Секретарь ЦК ВКП (б), Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Иосиф Виссарионович Сталин в первые дни Великой Отечественной войны не находился в состоянии прострации, не устранялся от государственных дел, он – работал!

Глава вторая

Болеет ли И. В. Сталин? Возможно, однако и в эти дни он работал!

Эту главу, пожалуй, следует начать со своеобразного посткриптума. Когда труд практически был завершен, я, по уже сложившейся традиции, предложил познакомиться с ним двум моим товарищам. Взгляд со стороны – дело полезное.

Через несколько дней от одного оппонента последовал звонок. На меня обрушился поток вопросов. «А вам знаком историк под фамилией Труш?» Честно признался, что не знаком. «А как вы относитесь к А. М. Коллонтай?». Ответил, что весьма положительно. «А вы читали в третьем номере журнала «Диалог» за 2004 год статью Труша о ее встречах со Сталиным?» Раз не знаком с автором, значит, не читал. Последовала читка небольшой цитаты, суть которой в том, что И. В. Сталин сам признавал свою болезнь в первые дни войны. Я опешил.

Не успел прийти в себя от этой ошеломляющей вести, как посыпался новый град вопросов. «Вы что, не верите Коллонтай

и Трушу, не верите Чухраю? Вы что, не верите самому Сталину?» Не слушая моих аргументов, он в сердцах бросил трубку. Минут несколько я осмысливал происшедшее, а затем начал рыться в своих книжных шкафах, памятуя, что этот номерок журнала у меня должен быть. Эврика!

Суть статьи доктора исторических наук, профессора М. И. Труша в ее названии – «Коллонтай: встречи со Сталиным». Внимательно ее прочитав, я дошел до того места, которое цитировал мне по телефону мой друг-оппонент. Но прежде, чем его воспроизвести непосредственно, надо ознакомиться с несколькими фразами М. И. Труша, помещенными на подступах к этой цитате.

«Истории известно еще об одном обращении Александры Михайловны к Сталину. Личный архив Коллонтай, перевезенный из скандинавских стран, находился в Министерстве иностранных дел. Ее неоднократные обращения к А. Громыко с просьбой позволить ей забрать архив домой неизменно наткались на отказ последнего, не очень жалующего не только Г. В. Чичерина, но и ее саму. Александра Михайловна после долгих размышлений решила побеспокоить Сталина».

Побеспокоила по телефону. Разговор состоялся. Вот как она его описала, а, возможно, рассказала о нем.

«В телефонной трубке раздался хриплый голос. Сталин был болен. Болело горло. Я, извиняясь, хотела прервать разговор, но мы разговаривали некоторое время. Сталин расспросил о моей жизни и здоровье, потом сказал, что (его слова выделены мной.– А. С.) **«сегодня у меня с горлом, как и в**

первый день начала войны с Германией в 1941 году. Температура была высокой, временами впадал в забытие. Трое суток лежал пластом. Я должен был обратиться по радио к народу. Но в таком состоянии не мог. Выступил Молотов. Вокруг этого потом было множество домыслов и сплетен».

Да, над этим фактом следует поразмыслить. В данной главе я буду, как говорится, с фактами в руках доказывать, что если И. В. Сталин и болел, то не до такой степени, что не мог исполнять своих должностных обязанностей. Болея, он работал. Доказательств я приведу предостаточно. Но так получилось, что только что воспроизведенная цитата сама по себе подтверждает мой тезис. Судите сами. А. М. Коллонтай звонит И. В. Сталину и застаёт его на рабочем месте больным. И определила это Александра Михайловна, не общаясь с вождем непосредственно, а по телефону, по интонации его голоса! Сколько раз во время войны он разговаривал с людьми по телефону, и никто не заметил его болезни! Далее. По его словам «у него с горлом, как и в первый день войны» – временами впадал в забытие, трое суток лежал пластом. Простой рабочий день, судя по всему, один из послевоенных, и больной И. В. Сталин не то что отказывает в приеме дипломату, но сам иницирует встречу с ней. Как же он мог под маркой болезни в первые дни войны не появляться в Кремле, пусть даже болея!?

Далее. И. В. Сталин не указал, в какие три дня он лежал пластом, но говоря, что по радио вынужден был выступить В. М. Молотов, он совершенно четко обозначил первый из них – 22 июня. Нет ни одного свидетельства среди сподвижников И. В. Сталина, я уже не говорю о записях в ЖРП, кто бы сказал, что его в первый день войны на рабочем месте не было. Многочисленные факты, приведенные в первой главе данной книги, убедительно доказывают, что в это день он в Кремле был и работал.

И еще об одном. Если, как пишет М. И. Труш, «истории известно еще об одном обращении Александры Михайловны к

Сталину», то где ссылка на это обращение? Приведенные сталинские слова много стоят, их нельзя обволакивать пустотой. Историческое событие только тогда является историческим, если подтверждено документом.

А теперь давайте посмотрим, как А. М. Коллонтай завершила телефонный разговор с И. В. Сталиным: «Я выразила сердечную благодарность. Не успела положить трубку, как в дверь раздался звонок. Три красивых гвардейца стояли передо мной со знакомыми папками моего архива».

Вот так сразу? А не стояли ли они под ее дверью с этими папками в ожидании окончания телефонного разговора? Абсурдность факта вполне очевидна. После разговора с Александрой Михайловной И. С. Сталин должен был позвонить если уж ни министру иностранных дел, то, во всяком случае, прямо в министерство, и дать команду. Там, в свою очередь, эту команду должны были опустить до непосредственных исполнителей. Не думаю, что дневники А. М. Коллонтай лежали у кого-то из сотрудников министерства в ящике рабочего стола. Они находились в архиве МИДа, туда также должно было поступить указание. Да и поиск документов в самом архиве требует времени.

Настало время сказать в этих моих рассуждениях о главном. 7 июня 2010 года в Интернете появилась статья И. Петрова «Мировой сионизм как персонаж фанфика». Автор пишет: «Случайно наткнулся на популярный в определенных кругах апокриф – «Беседа Сталина с А. М. Коллонтай» (ноябрь 1939 года). Насколько можно судить, существует две основные версии текста, одна опубликована в 18-м, дополнительном, томе Собраний сочинений Сталина в 2006 году и ссылается на журнал «Диалог», 1998, № 8, стр. 92–94» с примечанием «Извлечения из дневников А. М. Коллонтай, хранящихся в архиве МИДа РФ, произведенные историком М. И. Трушем». Другая напечатана в том же самом журнале «Диалог», только в 2004 году (№ 3, стр. 20–33) в статье этого самого М. И. Труша «Коллонтай: встречи

со Сталиным». И. Петров дает сравнительный анализ этих статей и находит в них разночтения. Я не буду вдаваться в их подробности, но об одном нюансе порассуждаю.

И в одной, и в другой статье М. И. Труша описывается встреча А. М. Коллонтай с И. В. Сталиным в ноябре 1939 года. Как известно, это был период интенсивных переговоров правительств СССР и Финляндии по поводу взаимных территориальных уступок. Для информации и выражений своей точки зрения по этому вопросу А. М. Коллонтай и приехала в Москву. Она имела встречу с В. М. Молотовым, которая ее в полной мере не удовлетворила.

В дневнике она записала: «С каким-то чувством неудовлетворенности, усталости и встающей тяжелой ответственности я медленно пошла в гостиницу, перебирая детали встречи с Молотовым. Внутренне порывалась несколько раз позвонить Сталину, но, сознавая всю сложившуюся обстановку, ту напряженность момента и ответственность, которая свалилась на Сталина, я беспокоить его не могла. Прошло несколько суетливых дней. Я решила почти все свои дела и уже собиралась уезжать. Вдруг раздался телефонный звонок...»

Так Александра Михайловна оказалась в Кремле. Хочу обратить внимание читателя на буквально начальное описание ее встречи с И. В. Сталиным: «Я снова в кабинете Сталина в Кремле». Не где-нибудь на даче или на квартире, а в кремлевском кабинете! А теперь обращаемся к сведениям Журнала регистрации посетителей и выясняем, что советский дипломат Александра Михайловна Коллонтай встречалась с И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете всего три раза: первый раз 16 января 1931 и дважды в 1934 году – 26 февраля и 4 июля. В ноябре 1939 года на приеме у И. В. Сталина в Кремле она не была. Что после этого прикажете думать?

Но и это еще не все. Дневник А. М. Коллонтай был опубликован издательством «Академия» в 2001 году. Он охватил период ее дипломатической работы с 1922 по 1940 годы. Более

поздние записи она не успела обработать. И вот ошеломляющая запись в дневнике самой А. М. Коллонтай за тот день, когда она якобы находилась в Кремле: «Хотя я была в Москве всего два дня, от В. М. Молотова пришел приказ вылетать обратно в Швецию в шесть часов утра. Сталина так и не видела. Досадно! С ним легко и просто говорить».

Вот и приехали! Бермудский треугольник! Одна дневниковая запись говорит о встрече, другая эту встречу отвергает, а ЖРП вообще ее не фиксирует. После этих моих рассуждений кто-то подумает: «Ну и продажная же эта девка история!» Да нет! История, если к ней подходить ответственно, такая же точная наука, как и математика. Продажной она становится лишь только тогда, когда вокруг нее вьются нечистоплотные ухажеры.

После этого своеобразного постскрипума я, пожалуй, перейду к основному содержанию главы.

В последние годы, основываясь на сведениях ЖРП, многие честные историки достаточно основательно разгребли кучи мусора, нанесенного антисталинистами на могилу Иосифа Виссарионовича, разоблачили ложные утверждения Н. С. Хрущева и целой рати хрущевистов о недееспособности вождя в первые дни Великой Отечественной войны. Однако в этом потоке литературы историков-сталинистов появилась новая версия: в первые дни войны И. В. Сталин сильно болел, вынужден был несколько дней не появляться в Кремле и по этой причине не мог в полной мере исполнять свои партийные и государственные обязанности.

Конечно, отсутствие на рабочем месте по причине болезни, и это же отсутствие по причине прострации или шока – вещи совершенно разные, но, тем не менее, обе эти версии неверны. С первой мы разобрались. Со второй разбираться уже начали, а теперь продолжим эту работу подробнее. И в этом деле нам вновь поможет Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина.

1. Детектив Владимира Жухрая

Версию о том, что И. В. Сталин накануне войны и в первые дни после ее начала болел, начал раскручивать и отстаивать в своей книге «Сталин» известный историк Владимир Михайлович Жухрай (Мироненко) – доктор исторических наук, профессор, ветеран советских спецслужб, генерал-полковник. В этом плане его можно назвать первооткрывателем. Упомянутая книга вышла в 2007 году. А если повторить, что статьи про-

фессора М. И. Труша в журнале «Диалог» появились значительно раньше (в 1998 и 2004 годах), то возникает вопрос: почему В. М. Жухрай не сделал в своей книге ссылок на журнальные статьи М. И. Труша? Как-никак, а ведь сам И. В. Сталин признал свою болезнь в первые дни войны! Какую бы дополнительную доказательность получила версия болезни И. В. Сталина! Почему автор обошел этот факт? Не знал? Допускаю. Но ведь могли и подсказать друзья-товарищи и коллеги-историки. В общем, сие – тайна.

Основополагающим доказательством болезни И. В. Сталина стал личный рассказ профессора Б. С. Преображенского автору, которого в ночь с 21 на 22 июня доставили на ближнюю дачу больного вождя. Вот это место из книги В. М. Жухрая.

«Зачарованный причудливым зрелищем, Преображенский, забыв усталость и сон, долго стоял на балконе. Он не сразу услышал звонок. И лишь когда тот повторился – более громко и продолжительно – Борис Сергеевич, наконец, подошел к двери.

– Кто там?

Из-за двери ответили:

– Открывайте, НКВД.

Отперев дверь, Преображенский увидел перед собой трех молодых людей в военной форме. Не ожидая приглашения, они тотчас вошли в квартиру. Предъявивший удостоверение на имя капитана госбезопасности сказал:

– Собирайтесь, профессор, – поедете с нами.

Борис Сергеевич почувствовал, как у него вдруг отяжелели ноги. Однако он еще попытался сохранить самообладание и придать своему голосу лишь оттенок удивления.

– Куда?

– Там узнаете.

Преображенский, с трудом подавляя волнение, спросил:

– Разрешите позвонить жене на дачу?

– У нас нет времени, – сухо ответил капитан. – Собирайтесь.

Сомнений больше не оставалось – это арест. Помедлив, Борис Сергеевич тихо, почти равнодушно проговорил:

– Мне собирать вещи?

– Этого не потребуется. Возьмите только ваши инструменты.

Освежающий воздух мгновенно наполнил легкие, и на несколько секунд перехватило дыхание. Вероятно, внезапно нахлынувшее облегчение отразилось и в глазах профессора. И это заметил капитан. В уголках его губ на миг возникла и тотчас погасла усмешка. Преображенский поспешно прошел в кабинет и тут же возвратился с саквояжем, который всегда у него был наготове.

Капитан кивком головы пригласил его к выходу. На бешеной скорости, почти не притормаживая, расчищая себе дорогу резкой сиреной спецсигнала, автомобиль вскоре вынес их на Минское шоссе. Спустя несколько минут они свернули на боковую дорогу, прорезавшую лесной массив параллельно шоссе. Борис Сергеевич тотчас узнал эту дорогу – по ней он много раз

ездил в Волынское, так называемую ближнюю кунцевскую дачу Сталина: теперь он окончательно успокоился.

Борис Сергеевич Преображенский много лет лечил И. В. Сталина, который имел слабое горло и часто болел ангинами, однако удалить гланды отказывался.

В дверях дома профессора встретил начальник личной охраны Сталина комиссар государственной безопасности Власик. Молча кивнув на приветствие, он ввел Преображенского в зал, где обычно проходили выездные заседания Политбюро. На широком диване, под теплым одеялом, лежал Сталин. На столе возле него стояли несколько бутылок «Боржоми», стакан молока, настольная лампа и лежало несколько папок.

Власик вышел, осторожно притворив за собой дверь, Борис Сергеевич приблизился к дивану.

– Посмотрите, профессор, что со мной, – хрипло и едва слышно проговорил Сталин. – Не могу глотать. Отвратительно себя чувствую.

Попросив разрешения зажечь настольную лампу, Преображенский осмотрел горло и поставил диагноз: тяжелейшая флегмонозная ангина. Термометр показал температуру за сорок.

– Не могу вам не сказать, товарищ Сталин, – вы серьезно больны. Вас надо немедленно госпитализировать и вскрывать нарыв в горле. Иначе может быть совсем плохо.

Сталин устремил на Преображенского горящий пристальный взгляд:

– Сейчас это невозможно.

– Тогда, быть может, я побуду возле вас? Может потребоваться экстренная помощь.

Преображенский проговорил это как можно мягче. Но профессиональная требовательность все же проявилась в его тоне. И Сталин почувствовал это. Взгляд его сделался жестким.

– Я как-нибудь обойдусь. Не впервой. Поезжайте домой. Будет нужно – позвоню.

Борис Сергеевич еще с минуту стоял, растерянно глядя на Сталина.

– Поезжайте, профессор, – уже мягче произнес Сталин. Но едва Преображенский сделал несколько шагов к выходу, как Сталин окликнул его. Голос его был тихим, но твердым: – Профессор!

Борис Сергеевич замер на мгновение, затем, обернувшись, быстрыми легкими шагами приблизился к больному.

– Профессор, о моей болезни – никому ни слова. О ней знаете только вы и я.

– Да, да, – также тихо проговорил Преображенский, невольно цепенея под устремленным на него пронизывающим взглядом Сталина. – Я понял, товарищ Сталин. Я буду наготове. Если что – сразу приеду. Спокойной вам ночи, товарищ Сталин.

Та же машина, с той же бешеной скоростью, оглушая спящий город сереной спецсигнала, доставила профессора Преображенского домой»¹³⁵.

Не доверять В. М. Жухраю, подавшего этот факт на основе устных воспоминаний профессора Б. С. Преображенского, у меня нет оснований. А вот сомнения есть. Я пытался их развеять в личной беседе с автором книги, будучи в 2010 году в Москве, но Владимир Михайлович был болен и встреча не состоялась. А теперь, увы, его с нами уже нет.

Многие вещи в приведенной цитате не вяжутся со здравым смыслом. Ну, скажем, для чего на дачу к больному И. В. Сталину приезжал профессор? Для того чтобы установить диагноз и предложить госпитализацию? Если больной от нее отказался, то врач должен был оказать ему первую помощь или, на худой конец, дать необходимые советы. Или: зачем на обратном пути машина возвращалась в Москву с «бешеной скоростью»?

¹³⁵ Жухрай В. М. Сталин. М., 2007. С. 293–296.

А главное сомнение в следующем. Продолжая мною превранный рассказ о приезде Б. С. Преображенского к больному И. В. Сталину, В. М. Жухрай пишет: «Не прошло и часа, как в зал, где лежал больной Сталин, вошел начальник дежурной девятки и, выждав, пока тот обратил на него внимание, произнес:

– Простите, товарищ Сталин. Звонит начальник Генерального штаба Жуков. У него чрезвычайное сообщение. Он просит вас подойти к телефону»¹³⁶.

Далее идет цитирование из мемуаров Г. К. Жукова его телефонного разговора с И. В. Сталиным.

Таким образом, визит профессора завершился за час до звонка начальника Генерального штаба И. В. Сталину с сообщением о нападении фашистской Германии. На основе этого мы вправе сделать вывод о том, что он, работавший накануне вечером в Кремле допоздна, был уже болен. Заглянув в Журнал регистрации за 21 июня, можно еще раз уточнить: с 18 часов 27 минут и до 23 часов он принял 13 человек. Если он уже в это время был так болен, что буквально уже через несколько часов после завершения работы, Б. С. Преображенский предлагал ему госпитализацию, то как этого не могли заметить те, с кем он общался? По крайней мере, о болезненном состоянии вождя никто из присутствующих в этот вечер в его кабинете в своих воспоминаниях не упоминает.

Теперь давайте обратимся к описанию неожиданного прихода на квартиру профессора офицеров НКВД. Автор явно дает понять читателю, что Борис Сергеевич растерялся и подумал о возможном аресте. Это описание могло быть правдивым, если бы уже в пути профессор не узнал бы дорогу, по которой они мчались с бешеной скоростью. Оказывается «по ней он много раз ездил в Волынское, так называемую ближнюю кунцевскую дачу Сталина». Если ездил много раз, то и вызывали и приез-

¹³⁶ Жухрай В. М. Сталин. М., 2007. С. 296.

жали за ним тоже много раз. И всегда вот так таинственно и с непременным ожиданием ареста?

Сомнения в отношении болезни И. В. Сталина 21 июня подтверждаются и такими двумя фактами. Вот что писал в своих воспоминаниях командующий войсками Московского военного округа генерал армии И. В. Тюленев: «21 июня 1941 года в штабе Московского военного округа, которым я командовал с сентября 1940 года, мне сообщили:

– С вами будет говорить товарищ Сталин.

В трубке – глуховатый спокойный голос:

– Товарищ Тюленев, как обстоят дела с противоздушной обороной Москвы?

Я коротко доложил И. В. Сталину о мерах противоздушной обороны, принятых на 21 июня.

В ответ донесся, ставший вдруг металлическим, голос:

– Учтите, положение на границе тревожное, и вам следует еще раз проверить боевую готовность войск противоздушной обороны Москвы»¹³⁷.

«Глуховатый и спокойный голос», да еще «ставший вдруг металлическим» ну никак не похож на голос человека с больным горлом.

И второй факт. 5 апреля 1945 года в Москву самолетом прибыла югославская партийно-правительственная делегация во главе с И. Б. Тито. В ее составе находился министр по делам Черногории генерал-лейтенант М. Джилас. 11 апреля И. Б. Тито и В. М. Молотов подписали советско-югославский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. Из Москвы югославская делегация выехала поездом в Киев. В украинской столице И. Б. Тито и М. Джилас встречались с Н. С. Хрущевым, который рассказал, что 21 июня И. В. Сталин лично позвонил ему и предупредил о возможности нападения фашистской Германии на следующий

¹³⁷ Тюленев И. В. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе. 1988. С. 17.

день. Не думаю, что признаки тяжелой болезни И. В. Сталина не могли быть не замечены при разговоре по телефону.

Воспаленное при ангине горло меняет тональность речи. Не заметить этого нельзя даже при телефонном разговоре. Однако ни И. В. Тюленев, ни Н. С. Хрущев этого изменения не почувствовали.

И еще одно сомнительное место в зарисовке В. М. Жухрая. Это требование И. В. Сталина о том, чтобы Б. С. Преображенский о его болезни не говорил никому ни слова. В связи с чем такая строгость? Было бы понятно желание И. В. Сталина держать в тайне свое болезненное состояние, если бы оно было выражено в условиях уже начавшейся войны, мол, не следует будоражить ближайшее окружение, а то, чего доброго, до народа дойдет, начнется паника. Да, день 21 июня было тревожным, войной уже пахло, но все же это не война.

Продолжая версию о болезни И. В. Сталина, В. М. Жухрай переносит ее, вполне закономерно, и на 22 июня. При этом он связывает отказ И. В. Сталина выступить по радио с его болезненным состоянием. Вот как по-жухраевски разворачивались события после телефонного разговора начальника Генерального штаба с И. В. Сталиным рано утром 22 июня.

«Положив после разговора с Жуковым трубку телефона на рычаг, Сталин оперся рукой о стул. Дурнотное состояние охватывало его все сильнее. Сталину временами казалось, что он теряет сознание. Однако надо было, вопреки строжайшему запрету врача, ехать в Кремль. Сталин нажал кнопку звонка на стене и вошедшему Власику приказал подать к подъезду машину. Одевшись, с трудом сел в машину рядом с шофером, приказал: «В Кремль».

Прервусь, чтобы сказать, что это место уж очень похоже на манеру Д. А. Волкогонова вкрапливать в описание того или иного факта такие детали, которые можно подметить лишь только в том случае, если сам видел и слышал или подглядывал и подслушивал.

Но продолжу: «Около 13 часов 22 июня 1941 года больной Сталин, у которого температура по-прежнему держалась за сорок (он что, ее тайно мерил? – **А. С.**), временами впадавший в полузабытье (и этого никто не заметил? – **А. С.**) все еще был в своем кремлевском кабинете. Выступить по радио с обращением к советскому народу в таком состоянии он, понятно, не мог. Поэтому еще утром было принято решение, что в 12 часов 22 июня 1941 года с таким обращением к советскому народу выступит Молотов (значит, окружающие заметили его болезненное состояние? – **А. С.**). Пересиливая недомогание, Сталин пытался решить ряд важнейших и неотложных вопросов, связанных с обороной страны.

Около 7 часов утра 22 июня 1941 года Сталин подписал Директиву Вооруженным Силам об отражении гитлеровской агрессии. В 9 часов 30 минут в присутствии Тимошенко и Жукова отредактировал и подписал указ о проведении мобилизации и введении военного положения в европейской части страны...

Лишь вечером 22 июня 1941 года Сталин возвратился в Воыньское. Сколько сил потребовалось от него, чтобы выдержать прошедшую ночь и день – никто никогда не узнает. Однако никто не догадался о подлинном состоянии Сталина. И только когда Сталин, не раздеваясь (на это сил уже не осталось), лег на диван и закрыл глаза, силы оставили его и на какое-то время (какое именно, сегодня установить невозможно) впал в забытье.

Сталин трое суток – 23, 24 и 25 июня 1941 года – пролежал пластом, никого не принимая, без еды. Есть из-за нарыва в горле он не мог. В эти дни, кто бы ни звонил, получали один и тот же ответ: «Товарищ Сталин занят, и разговаривать с вами не может».

О болезни И. В. Сталина не знала даже его личная охрана. Не знали и члены Политбюро ЦК ВКП (б). И. В. Сталин решил факт своей болезни сохранить в строжайшей тайне, чтобы не радовать врага и не деморализовать советский народ, который возлагал на него все свои надежды. Один из охранников Стали-

на Лозгачев в своих воспоминаниях отмечал, что Сталин из-за болезни в первые месяцы войны несколько осунулся и почернел, но позднее вошел в норму. По свидетельству Лозгачева, за весь день 22 июня 1941 года Сталин выпил один стакан чая.

Появилось утверждение, что якобы согласно записям дежурных секретарей в приемной Сталина 23, 24 и 25 июня 1941 года он посещал Кремль и даже принимал посетителей. Так, указывалось, что 23 июня 1941 года Сталин принял Молотова, Ворошилова, Берию, Тимошенко, Ватутину, **Кузнецова** (выделено мною. – **В. Ж.**) и Жигарева. Вероятно, это ошибочное утверждение.

Так, бывший в то время первым заместителем Сталина Вячеслав Молотов утверждает, что в эти дни Сталин находился на даче в Волынском и в Кремле не появлялся.

Нарком Военно-Морского Флота Кузнецов же, который указан в записях дежурных секретарей как бывший на приеме у Сталина 23 июня 1941 года, утверждает, что 22, 23 и 24 июня не мог найти Сталина и добиться встречи с ним.

Интересно, что ни один из указанных в списке якобы присутствующих на приемах у Сталина 22, 23, 24 и 25 июня 1941 года никаких воспоминаний об этих встречах не оставил. Все воспоминания о встречах со Сталиным начинаются с 26 июня 1941 года. Интересно, что в эти дни нет ни одной резолюции, ни одной пометки Сталина ни на одном документе. А вот что рассказал автору книги сотрудник личной охраны И. В. Сталина подполковник Борисов Михаил Евдокимович, дежуривший в тот день у ворот дачи в Волынском:

«22 июня 1941 года Сталин возвратился из Кремля поздно вечером и больше 23, 24 и 25 июня 1941 года никуда не выезжал. К нему тоже никто не приезжал. Прошла лишь одна машина с закрытыми шторами, которую мне было приказано пропустить без проверки. Впоследствии я узнал, что приезжал профессор Преображенский, который длительное время был личным врачом Сталина.

Интересен и такой факт. Обычно члены Политбюро ЦК ВКП (б) после работы приезжали в Волынское к Сталину, где во время обедов и ужинов продолжали обсуждать дела. 23, 24 и 25 июня 1941 года таких посещений не было. В эти дни члены Политбюро Сталина не видели и терялись в связи с этим в догадках по поводу происходящего»¹³⁸.

Прокомментирую этот фрагмент из книги В. М. Жухрая, обратив внимание читателя на то, что это уже не рассказ профессора Б. С. Преображенского, а мнение самого автора.

Итак, Владимир Михайлович своими словами «дурнотное состояние», «впадал в полузабытье», «казалось, что теряет сознание» внушает читателям, что звонок Г. К. Жукова застал И. В. Сталина в крайне тяжелом состоянии. А словами «температура держалась под 40 градусов», «пересилив недопомогание» показывает, что в таком же состоянии он работал в Кремле. В. М. Жухрай даже указывает время – 13 часов. Внимательный читатель догадается, что здесь автор «зацепился» за ложный факт из воспоминаний Г. К. Жукова: «В 13 часов мне позвонил И. В. Сталин...» Подвел его Георгий Константинович и в связи с тем, что якобы он и С. К. Тимошенко были в кабинете И. В. Сталина в 9 часов 30 минут. В этих ошибках Г. К. Жукова мы уже достаточно основательно разобрались.

Ошибочным следует признать и мнение В. М. Жухрая о том, что И. В. Сталин подписал директиву «Об отражении гитлеровской агрессии». Речь идет о директиве № 2, но ее подписали С. К. Тимошенко, Г. К. Жуков и Г. М. Маленков. Не подписывал И. В. Сталин и Указ о проведении мобилизации и введении военного положения. Это прерогатива Президиума Верховного Совета СССР. Вот, к примеру, содержание Указа о мобилизации, кто его подписал и дата.

¹³⁸ Жухрай В. М. Сталин. С. 298–301.

«На основании статьи 49 пункта «Л» Конституции СССР Президиум Верховного Совета объявляет мобилизацию на территории военных округов – Ленинградского, Прибалтийского, Западного особого, Киевского особого, Одесского, Харьковского, Орловского, Московского, Архангельского, Уральского, Сибирского, Приволжского, Северо-Кавказского и Закавказского.

Мобилизации подлежат военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 год включительно. Первым днем мобилизации считать 23 июня 1941 года.

*Председатель Президиума ВС СССР М. Калинин
Секретарь Президиума ВС СССР А. Горкин
Москва, Кремль, 22 июня 1941 г.»*

В. М. Молотов не говорил о том, что 23, 24 и 25 июня И. В. Сталин в Кремле не появлялся, а находился на даче. Не писал и нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов о том, что 22, 23 и 24 июня не мог найти И. В. Сталина и добиться встречи с ним.

Теперь о сведениях, подтверждающих болезненное состояние вождя. Тот, кто из нас испытывал температуру за сорок, тот хорошо знает, что это такое. Несомненно, Иосиф Виссарионович был волевым человеком, но не настолько, чтобы продержаться на работе одиннадцать часов и сделать так, чтобы никто из присутствующих этого не заметил.

Владимир Михайлович, подавая буквально на одной странице книги два факта, не заметил явного собственного противоречия. Если о болезни И. В. Сталина не знала его личная охрана, то как один из них (Лозгачев) мог в своих воспоминаниях утверждать, что «И. В. Сталин из-за болезни в первые месяцы войны несколько осунулся и почернел». Или Лозгачев знал, или это «доказательство» болезни Иосифа Виссарионовича Владимиром Михайловичем притянута за уши. И как мог тот же Лоз-

гачев свидетельствовать, что за весь день 22 июня И. В. Сталин выпил только стакан чая? Он что, весь день находился в его кабинете?

Можно ли поверить, что в течение трех дней (23, 24 и 25 июня) все, кто звонил И. В. Сталину на дачу, получали один и тот же ответ: «он занят и с вами разговаривать не может». Будучи в таком же состоянии 22 июня, с температурой за сорок, он отработал в Кремле одиннадцать часов, и в таком же состоянии три дня не показывался и не отвечал на телефонные звонки? Даже на звонки В. М. Молотова? С. К. Тимошенко? Г. К. Жукова? Что, температура поднялась до пятидесяти градусов? И все это на второй, третий и четвертый день войны! И что, за эти три дня он не соизволил позвонить никому и сам? Что, И. В. Сталина в эти дни не интересовало даже местонахождение германских войск? А если они уже в двадцати километрах от Москвы? Как все это не похоже на И. В. Сталина! Как тут все шито белыми нитками!

Трудно поверить и в то, что три дня члены Политбюро И. В. Сталина не видели и терялись в связи с эти в догадках по поводу происходящего. Благо все эти измышления уважаемого Владимира Михайловича Жухрая опровергает самый объективный свидетель – Журнал регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина. Записи на его страницах говорят о том, что он все эти дни работал в Кремле, и членам Политбюро не приходилось теряться в догадках, что же происходит с вождем, так как зрели они его воочию.

И еще об одном. По воспоминаниям сотрудника охраны М. Е. Борисова, за эти три дня в ворота дачи прошла лишь одна машина с закрытыми шторками. Это приезжал Б. С. Преображенский. Один раз за три дня болезни? Ну, ладно, пусть один раз. Но почему же в таком случае В. М. Жухрай, подробно передавший рассказ профессора о его визите в ночь с 21 на 22 июня, не описал второй приезд более подробно, а лишь сослался на рассказ охранника? А ведь мог обнаружить подробности: в

каком состоянии застал профессор И. В. Сталина на этот раз, как лечил, какие давал советы и т. п. Ведь в условиях начавшейся войны нужно было как можно быстрее поставить вождя на ноги. Этих подробностей нет, и это усиливает предположение, что сам факт болезни автором или слишком преувеличен и доведен до абсурда, до того, что из-за нее И. В. Сталин не появлялся в Кремле целых три дня, или он просто придуман. Но зачем? Ведь В. М. Жухрай антисталинистом никак назвать нельзя, он убежденный сталинист, поклонник и защитник его дел.

И еще. О том, что «ни один из указанных в списках якобы присутствующих на приемах у Сталина 22, 23 и 24, 25 июня 1941 года никаких воспоминаний об этих встречах не оставил». Как же так? А воспоминания Г. К. Жукова, А. И. Микояна, Н. Г. Кузнецова, И. Т. Пересыпкина, Н. Д. Яковлева? А свидетельства В. М. Молотова и Л. М. Кагановича? Именно эти перечисленные товарищи, которые все эти дни работали вместе с И. В. Сталиным, его болезненного состояния не заметили.

В угоду своей версии о болезни И. В. Сталина Владимир Михайлович даже поставил под сомнение сведения Журнала регистрации посетителей, заявив, что это «вероятно, ошибочное мнение». И обратите внимание на то, что при этом он на этот документ ссылается, но прикрывается фразой о том, что якобы «появилось утверждение». Трудно предположить, чтобы такой историк, как В. М. Жухрай, не знал о публикации ЖРП в периодической печати. Ведь между его первой публикацией и выходом книги Владимира Михайловича прошло 17 лет. Конечно, знал! И сам это подтвердил перечислением всех, кто 23 июня побывал в кремлевском кабинете И. В. Сталина. Правда, упустил лишь фамилию Л. М. Кагановича. Знаком В. М. Жухрай с ЖРП, только по каким-то причинам решил об этом умолчать.

Возможно, В. М. Жухрай продлил бы болезнь И. В. Сталина еще на несколько дней, но его остановил Г. К. Жуков. Вот как это произошло. Цитирую Владимира Михайловича: «Как толь-

ко болезнь немного отпустила, Сталин тут же включился в активную деятельность. Уже 26 июня 1941 года все еще тяжело больной Сталин работал в своем кремлевском кабинете». Сопоставим это место с воспоминаниями Г. К. Жукова: «Поздно вечером 26 июня я прилетел в Москву и прямо с аэродрома – к И. В. Сталину. В кабинете И. В. Сталина стояли навтыяжку нарком С. К. Тимошенко и мой заместитель генерал-лейтенант Ватутин. Оба бледные, осунувшиеся, с покрасневшими от бессонницы глазами. И. В. Сталин был не в лучшем состоянии.

Поздоровавшись кивком, И. В. Сталин сказал: «Подумайте вместе и скажите, что можно сделать в сложившейся обстановке?» – и бросил на стол карту Западного фронта.

– Нам нужно минут сорок, чтобы разобраться, – сказал я.

– Хорошо, через сорок минут доложите.

Мы вышли в соседнюю комнату и стали обсуждать положение дел и наши возможности на Западном фронте. (...) Все наши предложения И. В. Сталиным были утверждены и тотчас же оформлены соответствующими распоряжениями»¹³⁹.

В связи с тем, что игнорировать свидетельство Г. К. Жукова о том, что 26 июня после возвращения из командировки он был в кабинете И. В. Сталина, невозможно, В. М. Жухраю ничего не оставалось как поднять вождя с постели и «включить в активную деятельность». И вновь Георгий Константинович ошибся: после прилета из командировки он оказался в кабинете И. В. Сталина не поздно вечером, а в 15 часов. Так свидетельствует ЖРП.

Не согласен с версией о болезни И. В. Сталина и уже упомянутый мной В. П. Мещеряков. Вот некоторые его суждения по этому вопросу.

«На сцену выходит военный историк генерал-писатель В. М. Марков, с литературным псевдонимом В. Жухрай и плюс

¹³⁹ Жухрай В. М. Сталин. С. 301 – 302.

ко всему заявляющий о себе, как о «внебрачном сыне вождя». Новоявленный «сын лейтенанта Шмидта» в современной аранжировке предлагает новую версию отсутствия Сталина в Кремле – болезнь. Давайте рассмотрим и этот предложенный материал. Он изложен в ряде книг Жухрая под разными названиями.

У меня под рукой книга «Роковой просчет Гитлера. Крах блицкрига». Смотрим главу вторую: «21 июня 1941 года. Первые месяцы войны». Некий профессор Преображенский Борис Сергеевич (тоже с литературной фамилией), как выясняется чуть позже, лечащий врач самого Сталина, находится около часу ночи, один (наверное, чтобы не было свидетелей, разумеется. – **В. М.**), в своей московской квартире. Раздается звонок в дверь. Открыв, Борис Сергеевич, увидел на пороге сотрудников НКВД. Ему показали удостоверение (хорошо, что не ордер на арест. – **В. М.**) и приказали собираться. У профессора от страха «отяжелели ноги», и он подумал, что это арест, так его напугало удостоверение капитана госбезопасности. Но, к его удивлению, ему предложили взять не вещи, а врачебные инструменты (как сельскому фельдшеру). На «бешеной скорости» машина привезла профессора на дачу Сталина.

Ну, как детектив на кремлевскую тему? И это еще не все перипетии данного жанра. Профессор много лет лечил Сталина и вдруг испугался работников личной охраны вождя. Кстати, они, наверное, сменились, по всей видимости, коли он их не признал? Да и ребята тоже хороши, «гуси лапчатые». Прежде надо было позвонить по телефону на квартиру и выяснить: дома ли хозяин? Если нет дома – узнать, где находится? А не врываться ночью в квартиру и тыкать под нос хозяину удостоверение. Все это описание – литературный прием, призванный создать определенную интригу в данном художественном произведении. Дальше – больше...

Неужели В. Жухрай историк, не понимает, что приведенные факты ему надо как-то прокомментировать? А так, все это очень странно, не более. Как видите, В. Жухрай склоняет нас все же к версии отсутствия Сталина в Кремле из-за болезни, но, правда, только во второй половине первого дня войны, чтобы, видимо, не поломать версию Жукова. Не будем этому противиться, тем более у нас тоже стоит задача постараться доказать именно отсутствие Сталина в Кремле, в том числе и 22 июня».

Вот так, опровергая версию В. М. Жухрая о простудной болезни И. В. Сталина и отсутствие его по этой причине в Кремле в первые дни войны, В. П. Мещеряков пытается доказать это отсутствие в эти же дни уже по другой причине – по причине отравления. Спросим у читателя, как и сам автор: «Ну, как детектив на кремлевскую тему?»»

2. Достойный продолжатель версии В. М. Жухрая

К числу тех, кто поддерживает версию о болезни И. В. Сталина и автор книги «Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина» А. Л. Костин. При этом он не только поддерживает В. М. Жухрая, но пытается эту версию доказать тем, что якобы в день отсутствия Иосифа Виссарионовича в Кремле прием в его рабочем кабинете проводил заместитель Председателя СНК и нарком иностранных дел В. М. Молотов. В своей книге, на которую

мне пришлось часто ссылаться, он обозначил несколько таких дней и даже один полудень. Прежде чем перейти к полемике с ним, хочу отметить: А. Л. Костин, как и В. М. Жухрай, о дневниках А. М. Коллонтай и статьях М. И. Труша не упоминает.

Какие аргументы в доказательство своей версии приводит А. Л. Костин? Он ссылается на мнение авторов научного комментария к книге «На приеме у Сталина», в которой, как я уже отмечал, воспроизведен Журнал регистрации посетителей. «Иногда в кабинете Сталина проводился прием в отсутствие его хозяина... В пользу такого предположения говорит следующее: в Журнале записей посетителей кабинета Сталина за 22 августа 1933 года есть пометка дежурного секретаря: «Во время отсутствия товарища Сталина», а за 4 ноября: «В присутствии товарища Сталина»... Судя по записям, в кабинете Сталина собирались в его отсутствие члены Политбюро – сюда же приглашались и те, кто принимал участие в заседаниях или были вызваны для согласования решения каких-либо вопросов»¹⁴⁰.

Далее сам А. Л. Костин пишет: «Развивая далее эту мысль, авторы научного комментария делают предположение, что не только в 1933 году во время отпуска Сталина, но и другие годы, особенно послевоенные, случаи приема посетителей в сталинском кабинете другими членами Политбюро в отсутствие Сталина вполне могли иметь место. Не исключаются при этом и годы войны, в том числе и в первые дни после ее начала...»¹⁴¹

Если все так, как отмечают авторы научного комментария, с которыми А. Л. Костин солидарен, то им и издательству следовало бы назвать книгу более точно, а именно: «На приеме в кремлевском кабинете Сталина». Ибо название «На приеме у Сталина» совершенно конкретно говорит, что принимал не кто-то, а сам И. В. Сталин. Кроме этого, известно, что Иосиф Висса-

¹⁴⁰ На приеме у Сталина. М., 2010. С.10.

¹⁴¹ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 187–188.

рионович принимал посетителей не только в своем кремлевском кабинете, но и в других местах – во время войны на улице Кирова (Мясницкая) 33, где была резиденция, функционировавшая с 26 июля по 26 декабря 1941 года, на пункте управления Генерального штаба, а также на дачах.

И что самое главное, всех тех, кто считает, что в ЖРП зарегистрированы только те лица, которых принимал лично И. В. Сталин, А. Л. Костин зачисляет в создателей нового мифа о вожде. Он пишет: «Наконец, еще раз следует упомянуть о мифе, родившемся всего лишь год тому назад, который буквально на глазах растет и ширится, будучи поддержанным целой когортой профессиональных мифосоздателей...

Однако все разрушители мифа о сталинской прострации, в том числе и весьма маститые и высокоуважаемые в соответствующих кругах историков и любителей истории, с упорством, достойным иного применения, продолжают настаивать, что журналы фиксировали посетителей, которые непременно принимались самим Сталиным, который, несмотря на болезнь, отпуск и иные причины, не позволявшие ему прибыть в Кремль, умудрился лично принимать всех записавшихся.

В доказательство, в качестве обязательного аргумента в своих книгах и статьях, эти авторы приводят фото- и ксерокопии соответствующих страниц журналов (Ю. Горьков, Н. Зенькевич, В. Карпов, С. Кремлев, И. Пыхалов, О. Рубецкий, Б. Соловьев, В. Суходеев), а если и не приводят соответствующие выкопировки, то на записи активно ссылаются, как на неопровержимый аргумент в пользу присутствия Сталина в своем кабинете»¹⁴².

В связи с тем, что с доводами А. Л. Костина я не согласен, прошу и меня числить в клубе «создателей нового мифа» о И. В. Сталине. Попробую показать слабые места в версии А. Л. Костина

¹⁴² Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С 186–188.

о том, что якобы в течение нескольких дней в период с 22 июня по 3 июля И. В. Сталин в Кремле отсутствовал по причине болезни, а прием в его кабинете производил В. М. Молотов. Для этого нам вновь необходимо пройти по тем дням ЖРП, которые автор относит к дням болезни Иосифа Виссарионовича.

Вот анализ А. Л. Костина записей Журнала за 23 июня: «Итак, кто и в какое время посещал кремлевский кабинет И. В. Сталина в эти тревожные дни, а также кто их принимал? Нет надобности воспроизводить и анализировать записи в Журнале регистрации посетителей за 22 июня 1941 года, поскольку в первой части книги данная ситуация уже была подробно проанализирована, из чего со стопроцентной вероятностью следовало, что Сталин находился в своем кабинете с 5 ч. 45 мин. до 16 ч. 45 мин. То есть, будучи тяжелобольным, он провел в своем кабинете 11 часов. А вот 23 июня И. В. Сталин в кабинете не появлялся...

Как утреннее, так и вечернее заседание Ставки Главного Командования в кремлевском кабинете Сталина проводил В. М. Молотов, который первый входил в кабинет Сталина и последним в числе других членов Ставки выходил из кабинета. Структура записей в Журнале регистрации посетителей в точности соответствует ранее рассмотренным случаям, когда Сталин в кабинете отсутствовал. Таким образом, 23 июня 1941 года Сталин отсутствовал в Кремле, оставаясь на Ближней даче в связи с тяжелой болезнью»¹⁴³.

Неубедительно. Главным аргументом того, что прием ночью и вечером 23 июня вел В. М. Молотов, стал факт его входа в кабинет и выхода из него – он первый вошел и последний вышел. Но если этот факт взять за основу доказательства, то и 21 июня прием в кабинете И. В. Сталина тоже вел заместитель председателя СНК: в списке посетителей Вячеслав Михайлович первый вошел (в 18. 27) и последний вышел (в 23. 00).

¹⁴³ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 114–116.

А. Л. Костин записи в ЖРП за 21 июня не анализирует. Но зато он подробно проанализировал первый день войны, доказав, что 22 июня, будучи тяжело больным, И. В. Сталин весь день работал в своем кремлевском кабинете. А я, попреки этому мнению автора, докажу, что И. В. Сталина в этот день в Кремле не было и прием посетителей вел В. М. Молотов. Для этого прошу читателя вернуться на несколько страниц книги назад и внимательнейшим образом вместе со мной проанализировать сведения, отраженные в Журнале за 22 июня.

В списке посетителей В. М. Молотов первый. Против его фамилии стоит время входа и выхода. Вышел он в 12 часов 05 минут для выступления по радио. Вместе с ним в это же время вышел и К. Е. Ворошилов. И вот тут, внимание, читатель (!), проявляется «убийственное доказательство», что в этот день прием посетителей вел В. М. Молотов. После его ухода для выступления по радио в кабинете никого не осталось. В пустующий кабинет Вячеслав Михайлович вернулся в 12. 25, а через пять минут вошли К. Е. Ворошилов и А. И. Микоян. Потом приходили и уходили другие посетители. Завершился прием в 16. 45. Последними вышли К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия и В. М. Молотов. Ну что, уважаемый А. Л. Костин, куда делось ваше стопроцентное доказательство, что 22 июня И. В. Сталин работал в своем кремлевском кабинете? Не было его там в этот день, как не было и накануне, 21 июня! Он болел!

Но вернемся к 23 июня. Здесь возникает настоятельная потребность повторить ключевую фразу А. Л. Костина, а именно: «Структура записей в Журнале регистрации посетителей в точности соответствует ранее рассмотренным случаям, когда Сталин в кабинете отсутствовал. Таким образом, 23 июня 1941 года Сталин отсутствовал в Кремле, оставаясь на Ближней даче в связи с тяжелой болезнью». Почему же, в таком случае, в соответствии со структурой записей в ЖРП, дежурный секретарь не сделал пометку: «В отсутствии товарища Сталина»? И еще

каверзный для А. Л. Костина вопрос: зачем в кабинет И. В. Сталина в этот день был вызван начальник личной охраны вождя генерал Н. С. Власик? И вызван буквально на 5 минут. Кому он там мог понадобиться и кто его, кроме И. В. Сталина, мог оторвать от службы, если самого хозяина в кабинете не было? Получается так: И. В. Сталин лежит в постели на даче больной, а В. М. Молотов по какой-то надобности вызывает начальника его личной охраны в кабинет. Для чего? Чтобы тот усилил охрану дачи? Или чтобы узнать, не поднялась ли у Иосифа Виссарионовича температура? Или спросить, кому на следующий день принимать посетителей: ему самому или И. В. Сталин сам выйдет на работу?

И, наконец, главный контрфакт. Если повнимательнее проанализировать вечерний прием 23 июня, то можно обнаружить, что первым посетителем кремлевского кабинета И. В. Сталина был начальник ВВС Красной Армии генерал П. Ф. Жигарев. Вошел он туда в 18 часов 25 минут, а вот В. М. Молотов появился у И. В. Сталина через 20 минут после Павла Федоровича. Это что же, начальник ВВС ожидал В. М. Молотова прямо в кабинете вождя. Или он сам решил «порулить» и начал прием?

Полемизируя с А. Л. Костиным по тем дням, в которые, как он считает, прием осуществлял В. М. Молотов, я приводил доводы, так сказать, логического и арифметического свойства. Но логика в таком деле, конечно, дело хорошее, а вот неопровержимый факт – еще лучше. И так хотелось его найти, чтобы он был конкретным и сразу же уложил А. Л. Костина на лопатки. Вполне понятно, что найти его можно было только в воспоминаниях кого-либо из тех, кто в эти дни имел с И. В. Сталиным контакт в его кремлевском кабинете или по телефону. И такой факт мне удалось найти. И даже не один.

Я уже приводил свидетельство первого секретаря ЦК КП (б) Белоруссии П. К. Пономаренко о сути его разговора с И. В. Сталиным буквально в первый день войны. А вот факт, который

относится ко второму дню, который, в соответствии с версией А. Л. Костина, вождь провел в постели на даче.

«23 июня 1941 г., бюро ЦК КП (б) Б, проанализировав военное положение, пришло к выводу о необходимости развернуть эвакуацию. Это было нелегкое решение. Еще тяжелее было ставить данный вопрос перед ЦК ВКП (б) и правительством. В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: «Вы думаете это надо делать? Не рано ли?»

Я ответил: «Обстановка сложилась так, что в половине западных областей республики (в Брестской, Белостокской, Пинской, Барановичской) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим из Минска и восточных областей станет непоправимым».

Подумав, Сталин сказал: «Хорошо, приступайте к эвакуации. Кроме населения и особенно детей, родители которых ушли на фронт, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов и государственные ценности, какие считаете необходимым в первую очередь. Делайте это так, чтобы не создать паники и сохранить порядок. Вы должны понимать, что эвакуация – это тоже элемент войны»¹⁴⁴.

Еще один факт. Его, правда, без привязки к книге А. Л. Костина, я уже приводил. Теперь придется его в несколько сокращенном виде повторить. Это фрагмент интервью А. И. Микояна историку Г. А. Куманеву: «На второй день войны для руководства военными действиями решили образовать Ставку Главного Командования. В обсуждении этого вопроса Сталин принял живое участие... Вечером собрались у Сталина. Были тревожные сведения. С некоторыми военными округами не было никакой связи»¹⁴⁵.

¹⁴⁴ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 125.

¹⁴⁵ Там же. С. 25–26.

Обращаю внимание читателей – на второй день войны! А второй день войны – это 23 июня. И хотя А. И. Микоян этим фактом разоблачает миф о болезни И. В. Сталина и тем самым доказывает, что он в этот день не вольтанил на даче в Волынском, верить ему, как я уже об этом упоминал, нет основания. В ЖРП фамилия А. И. Микояна за 23 и 24 июня не значится. И, тем не менее, я этот микояновский факт привожу. Так работал И. В. Сталин 23 июня или болел?

А столь серьезное постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) тоже принималось без него?

**«О вводе в действие мобилизационного плана
по боеприпасам**

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б)

23 июня 1941 г.

Строго секретно

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП (б) постановляют:

1. Обязать Наркоматы: НКЮ, Наркомбоеприпасов, Наркомвооружения, Наркомсудпром, Наркомтяжмаш, Наркомстанкопром, Наркомсредмаш, Наркомобщемаш, Наркомавиапром, Наркомморфлот, Наркомчермет, Наркомречфлот, Наркомвнудел СССР, Наркомпусть, Наркомтекстиль, Наркомэлектропром, Наркомцветмет, Наркомзем СССР, Наркомсовхозов СССР, Наркомхимпром, Наркомуголь, Наркомнефть, Наркомстрой, Наркомлес СССР, Наркомторг, Наркомрыбпром, Наркомзаг, Наркоммясомолпром СССР, Наркомпищепром СССР, Наркомбумпром, Наркомсвязи, Наркомстройматериалов СССР, Совнарком РСФСР, Наркомхоз РСФСР, Наркомместпром РСФСР, Наркомсобес РСФСР, Управление Промкооперации при Совнарком РСФСР, Моссовет, Совнарком УССР, Наркомместпром УССР, Укомпромсовет, Наркомсобес УССР, Совнарком БССР, Нар-

комместпром БССР – немедленно ввести в действие мобилизационный план по боеприпасам и патронам, утвержденный постановлениями Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) №№ 1509–620сс/ов, 1510–621сс и 1511–622сс от 6 июня 1941 г.

2. Разрешить наркоматам разбронировать мобзапасы спецприспособлений и инструмента на заводах, переведенных на выполнение мобплана по элементам боеприпасов и патронам.

3. Обязать Наркомат путей сообщения обеспечить внеочередную подачу вагонов под материалы и оборудование, идущие на изготовление боеприпасов и патронов, приравняв их к воинским перевозкам.

4. Госплану СССР в двухдневный срок представить мобилизационный народнохозяйственный план III квартала, взамен утвержденного Совнаркомом СССР от 14 июня 1941 г.

5. Освободить рабочих и инженерно-технических работников заводов Наркомата боеприпасов от призыва по мобилизации.

6. Разрешить заводам, занятым изготовлением элементов боеприпасов и патронов, применять обязательные сверхурочные часы до 3 часов в смену, а также применять обязательную работу в воскресные дни.

7. Обязать наркомов, председателей СНК союзных республик и секретарей областных и краевых комитетов, на предприятиях которых изготавливаются элементы боеприпасов, ежедекадно представлять в Совнарком СССР сводки о ходе выполнения мобплана со следующими данными:

а) название предприятия;

б) квартальное задание;

в) сдача военпреду по состоянию на 10, 20 и 1 число каждого месяца (нарастающим итогом).

Первый отчет представить по состоянию на 10 июля 1941 г.»¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 197–198.

Я уже приводил текст постановления СНК и ЦК ВКП (б) «О Ставке Главного Командования Вооруженных Сил СССР», принятого в этот же день и, вполне понятно, не без участия И. В. Сталина.

Прием 24 июня А. Л. Костин оставляет за Иосифом Виссарионовичем, при этом приглашая нас заглянуть в список зарегистрированных лиц, он констатирует: «Судя по широкому спектру рассматриваемых вопросов и количеству приглашенных руководителей разного уровня и специалистов, прием действительно вел И. В. Сталин, который, вероятно, почувствовал некоторое облегчение, прибыл в Кремль и провел большую работу в течение 4 часов и 10 минут»¹⁴⁷.

Как будто во время приема 23 июня, который по версии А. Л. Костина вел В. М. Молотов, количество «приглашенных руководителей разного уровня и специалистов» было меньше! 23 июня – двадцать один посетитель, 24 июня – двадцать. Да и зафиксированный список руководителей страны, присутствовавших на приеме, говорит о том, что добрая половина из них была в кабинете и 23 и 24 июня. Это В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, С. К. Тимошенко, Н. Ф. Ватутин, Н. Г. Кузнецов, Л. М. Каганович, П. Ф. Жигарев, Н. А. Вознесенский. Так что вышеприведенный тезис автора несостоятелен.

Ну, а в отношении «спектра рассматриваемых вопросов», то расшифровать, какие и с кем решались вопросы, проблематично. Журнал этих данных не фиксировал. Некоторые сведения можно почерпнуть лишь из воспоминаний тех, кто в этот день присутствовал в кремлевском кабинете И. В. Сталина.

Короткая информация об этом дне работы проскользнула в воспоминаниях наркома авиационной промышленности А. И. Шагурина, причем не в его воспоминаниях «Крылья победы», а в письменных ответах на вопросы профессора Г. А. Ку-

¹⁴⁷ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 118.

манева. «На третий день войны, 24 июня, на заседании Политбюро ЦК с обсуждением вопросов танковой промышленности было заслушано и мое сообщение. Политбюро приняло решение о переброске оборудования и авиазаводов в глубокий тыл и об ускорении строительства предприятий авиационной промышленности в восточных районах. 27 июня Политбюро приняло план размещения эвакуированных авиационных заводов»¹⁴⁸.

А мы, читатель, пойдем дальше и посмотрим, как А. Л. Костин комментирует день 25 июня. «Однако случилось то, что должно было случиться. Ослабленный организм Сталина не выдержал сильнейшей нагрузки, связанной с его поездкой в Кремль 24 июня, и болезнь обострилась. В связи с этим 25 июня он не смог подняться с постели и прием посетителей в его кабинете снова провел В. М. Молотов»¹⁴⁹.

К сказанному А. Л. Костиным есть опровергающий факт, который не вызывают ни тени сомнения. Вот как измышление о болезни И. В. Сталина и его отсутствие в кремлевском кабинете опровергает бывший нарком связи СССР, заместитель наркома обороны СССР и одновременно начальник Главного управления связи Красной Армии, маршал войск связи И. Т. Пересыпкин.

В условиях начавшейся войны он впервые появился в кремлевском кабинете И. В. Сталина, как это зафиксировано в Журнале, в ночное время 25 июня и находился там 33 минуты – с

¹⁴⁸ Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. С. 201.

¹⁴⁹ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 120.

1 часа 07 минут до 1 часа 40 минут. И, как он свидетельствует, общался он не с В. М. Молотовым, а с И. В. Сталиным. Прежде чем дословно передать описание этой встречи, следует со слов Ивана Терентьевича познакомить читателя с описанием его контактов с И. В. Сталиным буквально накануне войны.

Первый из них состоялся 17 июня в Кремле. В кабинете И. В. Сталин, как пишет И. Т. Пересыпкин, находился один¹⁵⁰, и, как ему показалось, был чем-то взволнован. В разговоре он был краток: «У нас неблагополучно с подбором и расстановкой кадров в Прибалтийских республиках. Поезжайте и разберитесь», – сказал он. На этом разговор был завершен.

20 июня, как свидетельствует Иван Терентьевич, состоялось заседание Совета Народных Комиссаров. Его вел И. В. Сталин. «В ходе заседания, – писал нарком, – возникла необходимость создать комиссию для подготовки решения по какому-то вопросу повестки дня. Для включения в состав комиссии были названы фамилии, в том числе и моя, которую предложил Сталин... Во второй половине следующего дня проект решения был подготовлен и подписан. После этого, поработав в наркомате часа два, я уехал за город. Был уже субботний вечер, и мне в голову пришла мысль, что в воскресенье в Прибалтике нам делать нечего, так как в этот день все отдыхают. Словом, я отложил свою поездку до следующего дня.

¹⁵⁰ Здесь неточность. В кабинете И. В. Сталина уже находились двое – В. М. Молотов и Л. М. Каганович.

Когда я приехал к себе на дачу, мне позвонил А. Н. Поскребышев и сказал:

– Позвоните товарищу Сталину по такому-то телефону.

Немедленно набираю указанный номер телефона.

– Вы еще не уехали? – спросил меня Сталин.

Я попытался ему объяснить, что по его поручению работал в комиссии, но он меня перебил и снова задал вопрос:

– А когда вы выезжаете?

Мне уже ничего не оставалось, как ответить:

– Сегодня вечером.

Он положил трубку, а я стал думать, как сегодня же уехать из Москвы»¹⁵¹.

Хочу пояснить мое стремление познакомить читателя с этими фактами. В течение нескольких дней накануне войны Иван Терентьевич Пересыпкин трижды вступал в контакт с И. В. Сталиным: в его кремлевском кабинете, на заседании правительства и по телефону. И никаких признаков болезни Иосифа Виссарионовича не заметил. А по версии В. М. Жухрая и А. Л. Костина И. В. Сталин уже в эти дни болел.

А теперь вернемся к 25 июня. Начавшаяся война с полпути вернула наркома связи СССР из командировки. На рассвете 23 июня он уже приехал в Москву и через несколько дней был вызван в Кремль. Дату посещения кабинета И. В. Сталина он не указывает, но ее зафиксировал Журнал регистрации посетителей – 25 июня. Иван Терентьевич так рассказывает о сути встречи с вождем:

«В один из первых дней войны сразу же по возвращении из Орши мне удалось попасть на прием к И. В. Сталину, что тогда было очень непросто. Во время доклада Сталин спросил меня, как обстоят дела в наркомате. Я пытался подробно доложить, но он перебил меня и вновь спросил: «А что требуется?» – и,

¹⁵¹ Пересыпкин И. Т. А в бою еще важней. М., 1970. С. 53.

подвинув ко мне большую стопку бумаги, сказал: «Пишите». Я сел за ничем не покрытый стол у стены и задумался. Потом начал писать, а Сталин ходил по кабинету, время от времени поглядывая на меня. Нелегко было в столь необычной обстановке перечислить все то, что требуется в первую очередь. Нужд было очень много. Я понимал, что указать надо самое главное и кратко, но исписал несколько листов писчей бумаги. Прочитав мою записку, И. В. Сталин написал на ней «согласен» и сказал:

– Идите к Чадаеву, пусть выпускает закон.

Так и сказал «закон».

А. Е. Чадаев в то время был управляющим делами Совнаркома СССР. С ним я познакомился, еще когда он работал заместителем председателя Комиссии советского контроля у Землячки. Это был вдумчивый работник и приятный человек. Он очень помогал Наркомату связи в то время.

Вскоре было принято решение, где в числе других мер по оказанию помощи Наркомату связи был один очень важный пункт: НК связи было разрешено сформировать в Москве три ремонтно-восстановительных батальона.

Численность каждого из этих батальонов была установлена в 500 человек. Для их укомплектования Наркомат связи должен был выделить специалистов и весь остальной личный состав; автотранспорт и другое имущество, а также военное обмундирование выделялись распоряжением Наркомата обороны. Батальоны зачислялись на все виды довольствия Красной Армии»¹⁵².

Как видим, приведенный в воспоминаниях И. Т. Пересыпкина факт начисто опровергает выдумку А. Л. Костина о том, что 25 июня болезнь И. В. Сталина до такой степени обострилась, что он не смог подняться с постели и в связи с этим прием в его кремлевском кабинете проводил В. М. Молотов. **Прием вел И. В. Сталин!**

¹⁵² Пересыпкин И. Т. А в бою еще важней. С.69.

Во время этой встречи решался не только вопрос о помощи наркомату. Возвращаясь 22 июня в машине из прерванной командировки в Прибалтику, И. Т. Пересыпкин решил послушать последние известия и включил радиоприемник. Вот его рассказ профессору Г. А. Куманеву: «На многих частотах лилась страшная антисоветчина, звучали бравурные фашистские марши, слышались крики «Зиг! Хайль!» и «Хайль! Гитлер!» Гитлеровские радиостанции на русском языке выливали на нашу страну, на советских людей потоки злобной и гнусной клеветы. Враг хвастливо сообщал, что Красная Армия разбита и через несколько дней германские войска будут в Москве. Слышать весь этот бред было невозможно, и я выключил радиоприемник».

Вполне понятно, нарком связи СССР не мог не среагировать на развязанную в эфире пропагандистскую войну: «По возвращении в Москву при первой же встрече со Сталиным я рассказал ему, что творится в эфире. После этого 25 июня 1941 г. было вынесено решение Политбюро «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств». Оно было оформлено как постановление СНК СССР. Эти радиоприемники и передающие устройства подлежали сдачи в пятидневный срок на временное хранение ввиду того, что они могли быть использованы, как говорилось в постановлении, «вражескими элементами в целях, направленных во вред Советской власти»¹⁵³.

А теперь давайте проанализируем факт, о котором Г. А. Куманев поведал П. К. Пономаренко: «24 июня в соответствии с решением бюро ЦК КП (б) Белоруссии началась эвакуация из Минска женщин и детей. Город подвергался почти непрерывным бомбардировкам. Военная обстановка для многих районов оставалась настолько угрожающей, что через несколько дней ЦК КП (б) Б и правительство республики поставили вопрос об общей эвакуации. После получения от нас шифровки об

¹⁵³ Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. С. 160, 178.

этом Сталин позвонил и сказал, что наше предложение об общей эвакуации санкционируется. Вечером того же дня он вновь позвонил и сказал: «К вашим мероприятиям по эвакуации добавьте «и лошадей». Я ответил: «Мы, конечно, имели в виду, тов. Сталин, и эвакуацию лошадей. В шифровке мы не указали об этом, потому что считали это само собой разумеющееся»¹⁵⁴.

Мы вправе, читатель, предположить, что И. В. Сталин дважды звонил в Минск именно 25 июня?

26 и 27 июня А. Л. Костин вновь оставляет за И. В. Сталиным. При этом подчеркивает: «26 июня И. В. Сталин, хотя и ослабленный после перенесенной болезни, вышел на работу и в течение 11 часов 10 минут принял в своем кабинете 28 посетителей».

Ну кто из нас не переносил различные простудные заболевания! И основываясь на своем личном опыте, мы вправе прийти к выводу, что болезнь И. В. Сталина в эти дни выглядит несколько странной. Больной накануне германского вторжения, он 22 июня одиннадцать часов работает в Кремле, да так, что никто не замечает его недуга. Но из-за перегрузки болезнь обострилась, да так, что на следующий день он не может подняться с постели. Однако уже 24 июня приезжает в Кремль и проводит прием. И вновь никто не замечает его болезненного состояния. Но ослабленный организм и на этот раз не выдержал нагрузки, да так, что болезнь вновь обострилась до такой степени, что 25 июня больной остался на даче. Но уже 26 июня, «хотя и ослабленный после перенесенной болезни» И. В. Сталин приступает к работе. Просто какие-то качели. Но главное, никто из десятков посетителей, прошедших в эти дни через кабинет вождя, не заметил признаков недомогания.

Не заметил их и начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии Н. Д. Яковлев, который 26 июня,

¹⁵⁴ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 125.

как зафиксировано в ЖРП, впервые с начала войны появился в кабинете И. В. Сталина. Правда, Николай Дмитриевич несколько сместил дату посещения Кремля.

«Шел третий день войны. Я все еще знакомился со структурой ГАУ, его людьми. И вдруг неожиданный вызов в Кремль, к И. В. Сталину.

В приемной И. В. Сталина познакомился с его секретарем А. Н. Поскребышевым. А затем через кабинет Поскребышева и смежную с ним комнату, в которой находились двое людей из охраны, вошел в многократно уже описанный другими мемуаристами кабинет Сталина. Как сейчас помню, среди кабинета стояли члены Политбюро, нарком обороны С. К. Тимошенко, еще кто-то из военных. Разговор велся общий.

Остановившись у двери, стал ждать. До той поры мне никогда еще не приходилось близко видеть И. В. Сталина. Он представлялся более крупным, чем оказался в действительности. Сталин был сухощав, среднего роста, с небольшими следами оспы на слегка желтоватом лице. Одет в сероватого цвета френч, такого же цвета брюки, заправленные в мягкие сапоги с невысокими голенищами.

Наконец заметив меня, И. В. Сталин отделился от группы и неторопливо приблизился ко мне. Я доложил, что являюсь начальником ГАУ, назвал свою фамилию.

– Так вы и есть тот самый Яковлев, новый начальник ГАУ? – кивнул Сталин. – Здравствуйте! Как у вас идут дела?

Я ответил, что пока мне все ново, стараюсь поскорее познакомиться с большим ведомством, которое мне доверили. Не скрыл, что есть много неясного в обеспечении войск, данные

поступают разноречивые. Устанавливаю связь с промышленностью и, конечно, жду резкого повышения поставок в соответствии с требованиями военного времени. Чувствую, что мне нужна авторитетная помощь кого-либо членов правительства, так как руководство Генштаба сейчас целиком занято оперативной обстановкой, а я еще не знаю, как быть с заказами на вооружение и боеприпасы.

Сталин выслушал меня спокойно, пожелал поскорее войти в дела ГАУ. Подчеркнул, что нужно быть внимательным, по-хозяйски подходить к заявкам. Обещал помочь во всех моих просьбах. На этом наша первая встреча с ним и закончилась»¹⁵⁵.

ЖРП дает возможность проверить эти сведения Н. Д. Яковлева. Он находился в кабинете И. В. Сталина в период с 15.15 до 16.00. В этот же период там присутствовали: Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, С. М. Буденный, П. Ф. Жигарев, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Н. Ф. Ватутин, Ф. Ф. Петров, Я. Н. Федоренко, Н. Г. Кузнецов, Г. К. Жуков, Л. П. Берия и С. К. Тимошенко. Все верно, Н. Д. Яковлев ничего не напутал.

О встрече с И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете 26 июня свидетельствует И. В. Ковалев. Начало войны Иван Владимирович встретил в должности заместителя наркома госконтроля СССР по железнодорожному транспорту, но уже в июле стал начальником Управления военных сообщений Красной Армии. 28 мая 1988 года он в письменном виде ответил на

¹⁵⁵ *Яковлев Н. Д.* Об артиллерии и немного о себе. С. 67–68.

вопросы профессора Г. А. Куманева. Отвечая на один из них, он поведал о визите в Кремль на прием к И. В. Сталину.

«Г. А. Куманев: Где вы встретили начало Великой Отечественной войны, были ли вызваны к Сталину и чем занимались в первые дни и недели после фашистской агрессии?

И. В. Ковалев: Начало войны застало меня в Наркомате государственного контроля, в моем рабочем кабинете. 22 июня 1941 г., как и последующие три дня, сотрудники Наркомата государственного контроля пребывали в каком-то неопределенном положении. Каждый чувствовал, что война, словно лавина, вторгается в наш дом, что надо что-то делать, а что именно, никто не знал...

Для меня это «подвешенное» состояние закончилось 26 июня, когда я был вызван в Кремль к И. В. Сталину. В его кабинете (как я тогда себе пометил) в это время находились В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, С. М. Буденный, С. К. Тимошенко, Н. Ф. Ватутин, П. Ф. Жигарев и И. Ф. Петров.

Сталин выглядел необычно. Вид не просто усталый. Вид человека, перенесшего сильное внутреннее потрясение. До встречи с ним я по всяким косвенным фактам чувствовал, что там, в приграничных сражениях, нам очень тяжело. Возможно, назревает разгром. Увидев вождя, понял, что худшее уже случилось. Хотя внешне он был спокоен, и, как всегда, удерживая в левой, усохшей и полусогнутой руке трубку, правой рукой не спеша начинал ее табаком.

Кто знает, что пережил он за эти дни? Замысел удержать Гитлера от нападения политическими маневрами и сверхосторожностью, тот замысел, в угоду которому он пожертвовал боеготовностью приграничных военных округов, оказался пустопорожним и вредным. Доктрина о войне на чужой территории и малой кровью – тоже оказалась беспочвенной. Да и многое другое, считавшееся бесспорным, рухнуло в эти че-

тыре дня. **Однако сам он не рухнул** (выделено мной. – А. С.) Претерпел и взялся за дело, и начал исправлять положение.

Поздоровавшись со мной, спокойно сказал:

– Мы считали, что немцы главный удар нанесут через Украину с целью захватить хлебную житницу, донецкий уголь, а потом и бакинскую нефть. Но они наносят главный удар на западном направлении. Через Минск, Смоленск на Москву. Нами даны указания перебросить две армии с Украины на угрожаемое направление. Но эшелоны 16-й армии Лукина застряли в этом районе...

Он подошел к большой карте и показал, причем не очень определенно, обширный район к северу от Киева и на Брянск, Смоленск и Оршу. Пояснил, что немецкая авиация систематически бомбит крупные железнодорожные узлы, они не прикрыты истребителями и зенитной артиллерией, поэтому положение тяжелое.

– Вы были начальником Западной дороги, – сказал Сталин. – Поезжайте, мы вам даем полномочия любой ценой продвинуть эшелоны Лукина на Смоленск – Оршу. Желательно, чтоб выехали сейчас же.

Я находился в кремлевском кабинете вождя не более 10 минут. После данного мне поручения сразу же поехал в НКПС»¹⁵⁶.

Вполне естественно, после ознакомления с этими сведениями И. В. Ковалева, я не преминул заглянуть в ЖРП. Там зафиксировано время его пребывания в кабинете И. В. Сталина – с 14.00 до 14.10. Ровно 10 минут! Не ошибся Иван Васильевич и в отношении того, кто в это время там находился. И никакого намека на болезнь И. В. Сталина у И. В. Ковалева нет.

Жаль, что подобных свидетельств, характеризующих, как работал И. В. Сталин 27 июня, когда он принял наибольшее количество посетителей, 30 человек, – нам никто не оставил.

¹⁵⁶ Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. С. 310–311.

Но, вполне возможно, они есть, и я их просто не обнаружил. Мог, пожалуй, об этом дне рассказать Н. А. Соколов-Соколенок, который, как считают авторы-составители книги «На приеме у Сталина», 27 июня с 22. 05 до 0.45 находился в кабинете вождя. Однако факт этот спорный. Дело в том, что в записях за этот день его фамилия не значится. А зафиксирован там некий Сококов-Сокеров. Кто это такой и каковы инициалы этого человека составители Именного алфавитного указателя, судя по всему, выяснить не смогли. Пометив в указателе его фамилию с датой 27 июня, составители одновременно приписали ее и Н. А. Соколову-Соколенку. В 1987 году Николай Александрович издал книгу «По путевке комсомольской», но довел свое повествование в ней только до 1935 года.

Дополняет факты интенсивной работы И. В. Сталина и следующий документ.

**«Вопрос НКАП
Постановление Политбюро ЦК ВКП (б)**

27 июня 1941 г.

Строго секретно

В целях сохранения авиационных заводов от воздушной бомбардировки обязать тт. Шагурина и Кагановича Л. М. немедленно приступить к переброске оборудования и кадров следующих предприятий:

- 1) Завод № 24 (Москва) в Куйбышев, на новостройку;
- 2) Завод № 1 (Москва) тоже;
- 3) Завод № 39 (Москва) в Казань, на 124 завод;
- 4) Завод № 82 (Москва) в Казань, на 27 завод;
- 5) Завод № 218 (Ленинград) в Казань, на фабрику кино-пленки;
- 6) Заводы № 234 и № 451 (Ленинград) в Уфу, на Моторный завод № 384;

- 7) Завод № 213 (Москва) в Энгельс, на мясокомбинат;
- 8) Заводы № 23 и № 47 (Ленинград) в Новосибирск, на завод № 153;
- 9) Заводы № 380 и № 381 (ленинградские) в Тагил на вагоностроительный завод;
- 10) Завод № 81 на автосборочный и новостроящийся моторный в г. Омске;
- 11) Завод № 28 (Москва) в г. Павлов (г. Павлово. – *Прим. редактора*) Горьковской области.

Поручить тт. Кагановичу Л. М. (созыв), Вознесенскому, Микояну и Шахурину разработать сроки и порядок эвакуации, а также определить ответственных лиц за проведение указанной работы»¹⁵⁷.

А вот вечерний прием 28 июня, по мнению А. Л. Костина, вновь проводил В. М. Молотов. «Итак, И. В. Сталин 28 июня 1941 года в своем кремлевском кабинете не появился, что, по воспоминаниям Я. Чадаева, вызвало тревогу у его соратников – уж не заболел ли вождь вновь? А поскольку Сталин не появился в Кремле и в следующие два дня, то это вызвало переполох у тех, кто не был осведомлен о том, что Сталин 29 и 30 июня вовсе не уединился на своей даче, а активно работал...»¹⁵⁸ Посмотрим, так ли это?

Итак, по А. Л. Костину прием посетителей в кремлевском кабинете вождя вечером 28 июня проводил В. М. Молотов. В списке посетителей он значится первым и приступил к работе в 19. 36. Вместе с последними посетителями он покинул кабинет в 00. 50. За пять часов пятнадцать минут он принял 20 человек. Среди них были и три летчика-испытателя – А. И. Кабанов, П. М. Стефановский и С. П. Супрун. На решение вопроса с ними

¹⁵⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 209–210.

¹⁵⁸ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 122.

ушло 10 минут. Так все выглядит в соответствии с записями в ЖРП и в соответствии с версией А. Л. Костина, доказывающего, что их принимал В. М. Молотов.

Так, да не так! С Вячеславом Михайловичем летчики-испытатели не встречались, он их вопросы не решал. Встречался с ними И. В. Сталин. Откуда дровишки? Из леса, вестимо! С. П. Супрун погиб 4 июля 1941 года. Вполне естественно, о встрече с И. В. Сталиным он личных свидетельств не оставил.

Но о его встрече с Иосифом Виссарионовичем написали другие, в частности авиационный конструктор А. С. Яковлев. Вот это место из его книги «Цель жизни».

«Война застала Супруна в Научно-испытательном институте ВВС, где он был занят испытанием созданных к тому времени новых типов боевых самолетов. При оценке этих самолетов его мнение часто было решающим... Он рассказал мне о своем разговоре

со Сталиным, у которого просил разрешения сформировать истребительный полк из летчиков-испытателей и во главе этого полка отправиться на фронт. Сталин не только одобрил намерение Супруна, но и предложил переговорить с другими опытными летчиками, чтобы создать несколько таких полков.

Прощаясь, мы крепко пожали друг другу руки, и он взял с меня слово, что первые модифицированные серийные «Яки» пойдут в его будущий истребительный полк. Я от всей души пожелал этому замечательному человеку успеха в его смертельно опасной работе. Он прямо с завода уехал в Генеральный штаб хлопотать насчет организации своего полка».

Замечу, эта встреча летчика с И. В. Сталиным, как подтверждает Журнал, произошла в кремлевском кабинете 24 июня 1941 года и продолжалась 20 минут – с 20.15 до 20.35. Как мы выяснили, А. Л. Костин считает, что И. В. Сталин в этот день работал в Кремле.

Но продолжим знакомиться со свидетельством А. С. Яковлева. «Дня через два Супруна, а также известнейших военных испытателей Стефановского и Кабанова принял Сталин, а уже 30 июня они во главе полков вылетели на фронт.

Перед промышленностью была поставлена задача в самый короткий срок, исчисляющийся днями, создать еще 2–3 истребительных полка из летчиков-испытателей Летно-исследовательского института наркомата. Насколько я помню, все без исключения летчики этого института во главе с М. М. Громым потребовали отправки на фронт, поэтому поручение правительства выполнить было нетрудно.

Сталин объяснил нам, почему он сразу поддержал предложение Супруна.

– Для того, чтобы новые машины воевали успешно, – сказал он, – нужно, чтобы на фронте они попали в умелые руки, чтобы опытные испытатели показали, что можно выжать из этих машин в практических боевых условиях. Испытатели должны научить рядовых фронтовых летчиков, как использовать в бою новую технику против немецких самолетов с наилучшей отдачей.

Прошло еще несколько дней, и все мы были потрясены известием: Супрун погиб. Ему разрешили сформировать истребительный полк под названием «Полк особого назначения № 401». В него вошли добровольцами такие же, как он, энтузиасты, летчики-испытатели Константин Коккинаки, Леонид Кувшинов, Валентин Хомяков и другие»¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Яковлев А. С. Цель жизни. М., 1972. С. 247–250.

Обращаю внимание на ключевую фразу А. С. Яковлева: «Дня через два Супруна, а также известнейших военных испытателей Стефановского и Кабанова принял Сталин». И еще об одном моменте: «Сталин объяснил нам, почему он сразу поддержал предложение Супруна». Логика подсказывает, что И. В. Сталин поддержал предложение С. П. Супруна после того, как встретился с ним 24 июня и дал соответствующие указания на сей счет. Возникает вопрос: каким образом? Общеизвестно, что Иосиф Виссарионович любое дело доводил до конца без какой-либо раскочки. Вполне возможно, поддержав просьбу С. П. Супруна о формировании полка из летчиков-испытателей, он тут же позвонил в Наркомат авиационной промышленности и выдал все указания – «в самый короткий срок, исчисляющийся днями, создать 2–3 истребительных полка для летчиков-испытателей». Но И. В. Сталин мог это сделать и во время первой личной встречи с авиаконструктором, которая состоялась 1 июля в период 00.50–01.10.

Внимательный читатель, познакомившись с моими доводами, может подумать: так-то оно так, но ведь это не свидетельство самого С. П. Супруна, а А. С. Яковлева, который все это подает от слов Степана Павловича. Доля правды в этом, конечно, есть. Но и эту долю я постараюсь свести на нет. Для этого призываю в помощники человека, который 28 июня был в кабинете И. В. Сталина и рассказал об этом в своих воспоминаниях. Речь идет о летчике-испытателе П. М. Стефановском. Вот это место из его книги «Триста неизвестных».

«Ежедневно в кабинетах начальника института и его заместителей, в партийном комитете

собирается много народу. Мы уже не просим, а требуем немедленной отправки на фронт. Ответ получаем один и тот же:

– Занимайтесь своим делом. Об отправке вас на фронт никаких распоряжений не поступало.

Заниматься-то занимаемся, летаем, испытываем, но все делается как-то механически, без прежнего огонька. Думы каждого там, на фронте, где пылают наши города и села, гибнут советские люди, где враг неумолимо продвигается в глубь нашей страны. Но солдат есть солдат...

Внешне институт живет по давно заведенному распорядку. Все ведут себя деловито, спокойно. Но в сердцах наших кипят страсти. Нас, испытателей, считают лучшими летчиками, а вот туда, где мы сейчас больше всего нужны, не пускают. Гордиев узел какой-то...

Узел этот разрубил Степан Супрун, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза. Когда началась война, он отдыхал в Сочи. Услышав по радио о нападении на нашу страну гитлеровской Германии, он немедленно направился в Москву, прямо к И. В. Сталину, с просьбой разрешить ему сформировать из летчиков-испытателей авиационно-истребительный полк.

– Это очень хорошо, – произнес И. В. Сталин, – что испытатели готовы помочь нам и на фронте. Но одного полка мало.

– Можно поручить моему другу подполковнику Стефановскому, – ответил Супрун, – организовать еще один полк истребителей.

– Все равно мало, – сказал И. В. Сталин. – Войне нужны десятки, сотни полков. Постарайтесь организовать в НИИ возможно больше добровольцев. Срок формирования частей – трое суток. По приезде в институт немедленно доложите, сколько полков можно организовать у вас на новых самолетах и кто будет ими командовать. Все необходимые распоряжения будут отданы. Вам на период формирования предо-

ставляются большие полномочия. До свидания. Желаю вам удачи, товарищ Супрун»¹⁶⁰.

Я прерву цитирование для того, чтобы немножко порассуждать. После приведенных слов автор сделал сноску: «Содержание этого разговора привожу почти дословно по рассказу С. П. Супруна». Я же воспроизвожу ее не для того, чтобы в этом месте читатель вновь воскликнул: «Ну вот, снова с чьих-то слов!», а для того, чтобы подчеркнуть, что эта встреча летчика с И. В. Сталиным произошла на третий день войны. Конкретный двадцатиминутный разговор. И никакой прострации, и никаких признаков болезни. И уже ясное понимание масштабов начавшейся войны – нам нужны десятки, сотни полков. Хочу обратить внимание читателя на то, что И. В. Сталин попросил С. П. Супруна «по приезду в институт немедленно доложить, сколько полков можно сформировать и кто ими будет командовать».

А я продолжу цитирование. «С какой радостью встретили в институте это известие Степана Павловича! Руководящий состав обсудил поставленную перед нами задачу. В Кремль полетело донесение: на базе НИИ ВВС и Наркомата авиапромышленности можно создать шесть авиационных полков – два истребительных на МиГ-3, один штурмовой на Ил-2, два бомбардировочных на пикирующих Пе-2 и один дальнебомбардировочный на ТБ-7 (Пе-8). На должности командиров этих частей соответственно подобраны С. П. Супрун, П. М. Стефановский, Н. И. Малышев, А. И. Кабанов, В. И. Жданов, В. И. Лебедев».

Еще раз прерываю цитирование для того, чтобы прокомментировать. П. М. Стефановский не указывает, кто автор этого донесения, но это не столь важно, важно то, что это донесение «полетело» в Кремль и, без всякого сомнения, было положено на рабочий стол вождя. Это еще один конкретный маленький штришок в доказательство того, что И. В. Сталин работал.

¹⁶⁰ Стефановский П. М. Триста неизвестных. М., 1973. С. 166, 167.

Вернемся к цитированию книги. «Через три дня Супруна, Кабанова и меня вызвали в Кремль к И. В. Сталину.

– Как, формирование полков закончено? – сразу спросил И. В. Сталин.

Первым доложил подполковник С. П. Супрун: к вылету на фронт готова половина его полка, готовность остальных через сутки. Мы с полковником А. И. Кабановым доложили то же самое.

– Хорошо, – в раздумье сказал И. В. Сталин. – Куда вылетать и в какое время, получите приказ сегодня. Оставьте своих заместителей для завершения формирования. Сами с готовыми экипажами по получении приказа вылетайте в пункты назначения. Есть у вас вопросы?

– Есть, – заявил Степан Павлович. – Нельзя ли нам получить по самолету Ли-2 для переброски техсостава и боеприпасов. Истребительным полкам нужны также лидеры. Ведь мы, истребители, редко летаем по маршруту.

– Хорошо, – последовал ответ И. В. Сталина, – Ли-2 будут выделены каждому из полков в ваше полное распоряжение. Лидеров для истребителей назначит товарищ Кабанов. Желаю успеха.

В НИИ ВВС возвращались молча. Каждый из нас прекрасно сознает, какая огромная ответственность легла на его плечи. И в который раз задает себе вопрос: что ждет мой полк завтра, там, на фронте... Ночью поступил приказ – полкам вылететь в пункты назначения 30 июня 1941 года в 17 часов»¹⁶¹.

После этих слов П. М. Стефановского я заглянул в ЖРП для того, чтобы проанализировать, кто из авиационных начальник присутствовал при этом разговоре. Свои распоряжения И. В. Сталин отдавал в присутствии начальника ВВС Красной Армии генерала П. Ф. Жигарева. О чем это говорит? О том, что

¹⁶¹ Стефановский П. М. Триста неизвестных. С. 167–169.

И. В. Сталин уже командовал, причем предметно, четко и требовательно. Прошу обратить внимание: во время разговора 24 июня с С. П. Супруном для формирования полков он отвел трое суток. 28 июня назначенные командиры были вызваны в Кремль для доклада о выполнении приказа. И никакой прострации, и никакой болезни. Но главное здесь вот в чем: 28 июня 1941 года прием в кремлевском кабинете осуществлял не В. М. Молотов, а И. В. Сталин. Под только что приведенными неопровержимыми фактами относительно 25 и 28 июня блекнет убедительность и относительно того, что, как утверждает А. Л. Костин, 23, полдня 24 и весь день 25 июня прием в кремлевском кабинете И. В. Сталина осуществлял В. М. Молотов. Версия о болезни И. В. Сталина и о его по этой причине нерабочем состоянии рассыпалась, как карточный домик.

Пересказ П. М. Стефановского ценен именно своей конкретикой. Он позволяет более четко представить, чем занимался Иосиф Виссарионович в эти первые дни войны. К сожалению, подобных фактов в воспоминаниях тех, кто описывает работу И. В. Сталина в этот период его деятельности, до обидного мало.

О первых днях военной биографии Супруна рассказал журналист С. Федосеев в очерке «За счастье народа».

«На аэродроме Супрун встретил Стефановского и других летчиков-испытателей. Тут же начался деловой разговор. Степан убежденно говорил:

– Очень важно, чтобы опытные люди проверили, как поведут себя новые машины в бою, что в них усовершенствовать и улучшить. Думаю, что надо создать несколько боевых групп из летчиков-испытателей и послать их на фронт. Они будут бить фашистов, и продолжать испытательную работу с большой пользой.

Летчики-испытатели горячо поддержали предложение Супруна.

– Ты, Степан, депутат Верховного Совета, поезжай в Кремль и доложи все это непосредственно наркому, – посоветовал Стефановский.

На том и порешили.

Герой Советского Союза генерал-майор в отставке Петр Михайлович Стефановский вспоминает разговор, который состоялся тогда после возвращения Супруна из Кремля.

Он сообщил, что обратился к И. В. Сталину с просьбой разрешить ему сформировать из летчиков-испытателей полк и немедленно вылететь на фронт. На это Сталин ответил:

– Это очень хорошо, что испытатели готовы помочь нам и на фронте. Но одного полка мало. На войне нужны десятки, сотни полков. Постарайтесь организовать в НИИ возможно больше добровольцев...

На формирование полков было дано трое суток. Последовали и соответствующие распоряжения.

Через некоторое время в Кремль пошло донесение: на базе НИИ и Наркомата авиапромышленности можно создать шесть авиационных полков – два истребительных на МиГ-3, один штурмовой на Ил-2, два бомбардировочных на пикирующих Пе-2 и один дальнебомбардировочный на ТБ-7 (Пе-8). Командирами этих частей соответственно предлагались С. П. Супрун, Н. И. Малышев, А. И. Кабанов, В. И. Жданов, В. И. Лебедев и П. М. Стефановский.

На третий день Супрун, Кабанов и Стефановский были вызваны в Кремль, где они доложили о ходе формирования частей. Штаб ВВС присвоил авиаполкам особого назначения свою нумерацию. Они подчинялись непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. Ночью 30 июня 1941 года поступил приказ – полкам вылететь на фронт в пункты назначения»¹⁶².

¹⁶² Люди бессмертного подвига. Кн. 2. М., 1975. С. 463.

Приведенные фрагменты из воспоминаний свидетельствуют, что отведенный срок для формирования авиаполков оказался слишком малым. Вызванные через истекшие три дня для доклада летчики, вполне естественно, не могли не переживать. Это их состояние описал журналист В. Фадеев в очерке «Степан Супрун», помещенном в сборнике «Летчики». Он писал:

«Как должны были волноваться люди, зная, что задание секретаря ЦК ВКП (б) не выполнено – полки еще не готовы для отправки на фронт. Трех суток, которые были отведены на формирование авиаполков, не хватило. Шло обмундирование летного и наземного состава, с заводов получали самолеты, боеприпасы; велась пристрелка оружия, изучались карты... Шести полкам, которые создавались по предложению С. П. Супруна, Ставка Верховного Командования присвоила наименование «особого назначения» и намеревалась использовать по особому.

Лицо Сталина было утомленным.

– Формирование закончили? – спросил он спокойно».

В 1981 году в серии ЖЗЛ вышла книга «Летчики», в ней тот же В. Фадеев, в полной мере воспользовавшись воспоминаниями П. М. Стефановского, в основном правильно рассказал о двух встречах летчика с И. В. Сталиным. Мое внимание привлек факт, которому, судя по всему, можно верить: «Анна Павловна, сестра Супруна, жившая в Москве, получив известие о несчастье с братом, в первых числах июля побывала на приеме у Сергея Игнатьевича Руденко, ныне маршала авиации: он сказал ей, что Иосиф Виссарионович приказал уточнить причину и место гибели Супруна»¹⁶³.

Упоминает о встрече С. П. Супруна с И. В. Сталиным и летчик-испытатель С. А. Микоян: «На второй или третий день войны подполковник С. П. Супрун (служивший в том самом отделе, ку-

¹⁶³ Летчики. М., 1981. С. 92.

да меня назначили) обратился к Сталину с предложением сформировать из летчиков, инженеров и техников института боевые полки. Уже через пять дней, 30 июня, они вылетели на фронт...»¹⁶⁴

Есть упоминание об этой встрече и в статье «И. В. Сталин и Ставка ВГК», помещенной в третьем номере «Военно-исторического журнала» за 1995 год: «По одному из таких вопросов в Ставке побывал летчик-испытатель подполковник П. С. Супрун. Накануне 23 июня, прибыв из отпуска в Москву, он записался на прием. Его беседа с И. В. Сталиным проходила в присутствии К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова и М. И. Калинина (ошибка: Михаил Иванович за весь 1941 год был в кабинете И. В. Сталина всего один раз, 4 марта. – **А. С.**). Сталин, поинтересовавшись, как летчик отдохнул, спросил: «Что у вас за предложение?» Супрун ответил: «Нужно срочно сформировать 4 – 6 полков из военных летчиков-истребителей». Сталин поддержал идею офицера. В результате оперативно произведенной работы было сформировано несколько истребительных авиаполков.

Кстати, 401-й истребительный авиаполк особого назначения под командованием Супруна, только за четыре дня боев сбил 12, а за три месяца (уже под командованием В. К. Коккинали) – 56 вражеских самолетов».

Мне остается только добавить, что полк, которым командовал С. П. Супрун, вошел в состав 23-й смешанной авиадивизии. 9 июля, через пять дней после гибели летчика, ее командир полковник В. Е. Нестерцев подписал наградной лист, в котором отмечалось: «Степан Павлович Супрун, прибыв на фронт борьбы с фашистами во главе группы скоростных истребителей, показал себя бесстрашным командиром, мастерски владеющим скоростной машиной, наносил неоднократно фашистским стервятникам крепкие удары, уничтожал их самолеты и рассеивал пехоту. Группа, возглавляемая Супруном, сразу же

¹⁶⁴ Микоян С. А. Мы – дети войны. С. 206.

отбила желание хождения фашистских стервятников на малых высотах, загнав их на высоту. В одном из боев Супрун геройски погиб. За героизм и отвагу достоин дважды Героя Советского Союза»¹⁶⁵.

И еще один факт, относящийся к этому периоду. 25 июня 1941 года секретарь Брестского обкома ВКП (б) М.Н. Тупицын направил в ЦК ВКП (б) на имя И. В. Сталина и в ЦК КП (б) Белоруссии на имя П. К. Пономаренко следующее донесение:

«[...] Обком КП (б) Б считает, что руководство 4-й армии оказалось неподготовленным организовать и руководить военными действиями [...]

Вторжение немецких войск на нашу территорию произошло так легко потому, что ни одна часть и соединение не были готовы принять боя, поэтому вынуждены были или в беспорядке отступить, или погибнуть. В таком положении оказались 6-я и 42-я стр. дивизии в Бресте и 49-я сд – в Высоковском районе.

В Брестской крепости на самой границе держались две стр. дивизии, которым даже в мирных условиях требовалось много времени для того, чтобы выйти из этой крепости и развернуться для военных операций. Кроме того, несмотря на сигнал военной опасности, командный состав жил в городе на квартирах. Естественно, при первых выстрелах среди красноармейцев создалась паника, а мощный шквал огня немецкой артиллерии быстро уничтожил обе дивизии [...].

[...] Командование 4-й Армии [...] не подготовилось к военным действиям. Вследствие такого состояния с первого же дня военных действий в частях 4-й Армии началась паника. Застигнутые врасплох нападением, командиры растерялись. Можно наблюдать такую картину, когда тысячи командиров (начиная от майоров и начальников и кончая мл. командирами) и бойцов обращались в бегство. Опасно то, что эта паника и дезертир-

¹⁶⁵ Документ публикуется впервые. ЦАМО, ф. 33, оп. 793956, д. 46, л. 116.

ство не прекращаются до последнего времени, а военное руководство не принимает решительных мер. Работники обкома партии вместе с группой пограничников пробовали задержать бегущих с фронта. На шоссе около Ивацевичи нам временно удалось приостановить это позорное бегство [...]. Поэтому, не зная обстановки, не имея связи с военным командованием, не рассчитывая на боеспособность военных частей, мы вынуждены были оставить город Брест.

Обком КП (б) Б считает, что необходимо принять самые срочные и решительные меры по наведению порядка в 4-й Армии и укрепить руководство 4-й Армии».

На документе имеется резолюция И.В. Сталина – «т. Маленкову» и справка Г. К. Жукова: «Командующий 4-й армией снят с работы и отдан под суд»¹⁶⁶.

Трудно предположить, когда И. В. Сталин познакомился с этим документом, ибо на резолюции «т. Маленкову» нет даты. Но не думаю, что донесение, имеющее гриф «Сов. секретно», да еще с таким содержанием, шло по линии специальной связи в Москву медленнее, чем немецкие армии продвигались к Минску.

Всей своей книгой А. Л. Костин пытается доказать, что миф о прострации И. В. Сталина в первые дни войны порожден болезненным состоянием вождя, которое он тщательно скрывал. По этой самой причине он и не выступил по радио 22 июня с сообщением о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Более того, А. Л. Костин, доказывая, что в дни, когда хозяин кабинета отсутствовал по болезни и прием вел В. М. Молотов, утверждает, что Вячеслав Михайлович знал о болезни Иосифа Виссарионовича. Вот его рассуждения.

«Под большим секретом Сталин поведал Молотову о своей тяжелой болезни и физической неспособности выступить с

¹⁶⁶ 1941. Великая отечественная катастрофа. С. 381–382.

обращением к народу. Да Молотов и сам видел, в каком состоянии находился вождь. Оба они понимали, что будет, если о болезни Сталина узнает весь мир, и какой шум поднимет геббельсовская пропаганда вокруг факта о болезни вождя.

А может быть, перестраховался вождь? Может быть, и нужно было Молотову перед своим выступлением во всеуслышание объявить о болезни Сталина? Болен, мол, вождь... Нет, дорогие товарищи, не ошибся Сталин и не струсил! Он все предусмотрел, уж таков он был мудрый. Объяви он о своей болезни, что бы тогда началось? Ага, как в бой, так у солдата понос? Медвежья болезнь у вождя Советов? С толчка не мог сойти 11 дней? Вы можете себе представить, какие нелепости и мифы стали бы гулять по свету не с 1956 года, когда подлец Хрущев оболгал с ног до головы Сталина и запустил эту гадость о его «прострации», а сразу же с 22 июня 1941 года, а уж до наших дней дошло бы все это с такими комментариями Радзинских – Радзиховских – Млечных и иже с ними, что нынешний миф о «прострации» Сталина показался бы доброй сказкой, которую на ночь рассказывают младенцам.

Да, Сталин решил сохранить втайне свою болезнь. Он взял слово с профессора Преображенского, а затем и с Молотова, что они эту тайну не выдадут до конца своих дней... Если бы болезнь Сталина не была связана с тайной, никаких мифов о «прострации» не возникло бы.

В. М. Молотов свято соблюдал взятое на себя обязательство – ни при каких обстоятельствах не выдавать тайну, в которую посвятил его Сталин. Он, уже будучи человеком преклонного возраста, когда по естественным причинам многое прочно позабыто, помнил одно – тайну болезни Сталина выдавать нельзя. Вот она природа его уклончивых ответов, некоторых недоговоренностей, недомолвок, двусмысленностей»¹⁶⁷.

167 Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 155–158.

Познакомившись с фактом, что И. В. Сталин «поведал Молотову о своей тяжелой болезни и физической неспособности выступить с обращением к народу», я легонько ругнул себя за невнимательность при прочтении книги Ф. И. Чуева «Молотов. Полудержавный властелин». И хорошо, что легонько, так как новое чтение «по диагонали» убедило меня, что этого костинского «факта» я не пропустил. Его в книге просто нет. Пришлось за потерянные несколько часов повторного чтения легонько ругнуть самого А. Л. Костина.

Откуда это утверждение? Если Ф. И. Чуеву В. М. Молотов не говорил, то А. Л. Костину тем более. Тогда остается И. В. Сталин? Давайте предположим, что между Председателем Совнаркома и его заместителем тайный сговор имел место. Но что, табу было наложено на вечные времена? Допустим, И. В. Сталин взял слово С. В. М. Молотова не раскрывать тайну до его смерти. Допустим, Вячеслав Михайлович слово сдержал. Но какой смысл хранить тайну после смерти вождя, тем более, когда его бездоказательно стали обвинять в трусости, пристрастии и отстраненности в деле руководства страной в первые дни войны? Взял и сказал бы: «Хватит врать! Иосиф Виссарионович несколько дней болел, он даже просил меня вести за него прием. А молчал я, потому что он просил меня никому об этом не говорить». И случай удобный для этого был – сто сорок бесед с писателем. Но не сказал об этом полудержавный властелин и Ф. И. Чуеву. Что, решил унести тайну с собой в могилу?

Хочу обратить внимание читателя на следующую фразу А. Л. Костина: «Да Молотов и сам видел, в каком состоянии находился вождь». Этой фразой автор сам себя выхлестал: если видел Вячеслав Михайлович, то почему болезненного состояния И. В. Сталина не заметили Л. М. Каганович, Г. К. Жуков, Н. Г. Кузнецов, П. М. Стефановский? Ведь, как мы убедились, в своих воспоминаниях они этого факта не отразили. И еще. Если

И. В. Сталин стремился так тщательно сохранять тайну о своей болезни, то зачем он рассказал о ней А. М. Коллонтай?

А мы перейдем к завершающему аккорду А. Л. Костина по вопросу болезни И. В. Сталина. Он резюмировал: «И вот здесь мне хотелось бы дать совет опровергателям мифа о «сталинской прострации». Уважаемые товарищи, граждане, господа, леди и джентльмены, не смотрите на записи в журналах регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина сквозь розовые очки и не воспринимайте их столь прямолинейно! Усомнитесь однажды, что в них что-то не так, как усомнился в свое время В. М. Жухрай.

Нет, он не отрицает действительную природу этих записей. Не ставит под сомнение несущую ими информацию, а уж о фальсификации этих записей в рассматриваемом временном интервале не может быть и речи. Он просто высказал сомнение по поводу того, что присутствие посетителя в кабинете Сталина не всегда является абсолютным свидетельством присутствия в кабинете самого Сталина. То есть он выдвинул версию, что в какие-то промежутки времени, когда сам Сталин по тем или иным причинам отсутствовал в Кремле, посетителей мог принимать кто-то другой из членов Политбюро, которому вождь поручал это сделать... Проанализировав все это, вы непременно придете к следующим выводам:

– в первые дни войны Сталин физически не мог принимать посетителей в своем кремлевском кабинете, поскольку был тяжело болен;

– будучи тяжелобольным, он в самом начале болезни, мобилизовав свою волю и силу, тем не менее, 22 июня работал в Кремле, но выступить по радио с обращением к народу он физически не мог;

– усугубив течение болезни тем, что он напряженно работал весь этот день с 5 часов 45 минут до 16 часов 45 минут, то есть 11 часов без отдыха и еды (выпил всего один стакан чая),

он не мог подняться с постели и прибыть в Кремль 23 июня 1941 года. В этот день прием в сталинском кабинете вел его первый заместитель В. М. Молотов;

– через двое суток (с 16 часов 45 минут 22 июня до 16 часов 20 минут 24 июня), немного оправившись от болезни благодаря интенсивному лечению, которое проводил лучший ЛОР-специалист профессор Преображенский, Сталин прибыл в Кремль, но ненадолго, приняв с 16 часов 20 минут до 21 часа 30 минут, то есть за 5 часов, 20 посетителей, но самое главное – с головой окупился в решение непростых проблем, возникших с началом войны;

– перерыв в лечении, непомерная нагрузка на больной организм привели к резкому обострению болезни, и Сталин 25 июня вновь не мог вернуться к исполнению своих нелегких обязанностей. И лишь 26 июня он активно включился в работу, приняв с 12 часов 10 минут до 23 часов 20 минут (снова 11 часов подряд) 28 посетителей.

Таким образом, Сталин действительно фактически три дня отсутствовал в Кремле, но не в силу «прострации» он «оглушительно молчал» или, напротив, проверял своих соратников на лояльность, а по вполне естественной причине¹⁶⁸.

В книге А. Л. Костина есть раздел «Обращение Сталина к советскому народу». Наряду с тем, что автор высоко оценивает содержание речи И. В. Сталина по радио 3 июля, он вновь обращает внимание читателя на факт болезни вождя. «Вернувшись к активной деятельности после перенесенной тяжелой болезни, Сталин ни на минуту не забывал о том, что ему нужно обратиться к советскому народу по поводу начавшейся тяжелейшей войны... Болезнь принесла Сталину не только физические страдания, но нанесла ему глубокую морально-психологическую травму, поскольку он прекрасно понимал, что его временное отсутствие

¹⁶⁸ Костин А. Л. Июнь 41-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 150–152.

на боевом посту из-за болезни серьезно подорвало его репутацию не только среди ближайшего окружения, но и в войсках, а самое главное, в широких народных массах. По стране поползли слухи о его болезни или даже смерти, что в руководящих кругах произошел раскол, возможен государственный переворот и тому подобные слухи набирали силу и крепили упаднические настроения в различных слоях советского общества»¹⁶⁹.

Стоит ли автору, в целом положительно относящемуся к деятельности И. В. Сталина вообще и в годы Великой Отечественной войны в частности, оглуплять его до такой степени?! Если Иосиф Виссарионович, как мыслит А. Л. Костин, «прекрасно понимал, что его временное отсутствие на боевом посту из-за болезни серьезно подорвало его репутацию», то он должен был это понимать и тогда, когда задумывал скрыть свое болезненное состояние от окружающих. Я, как и А. Л. Костин, попробую помыслить.

Приехав в Кремль рано утром 22 июня с температурой за сорок и заслушав первые доклады военного руководства, а затем информацию наркома иностранных дел о встрече с послом Германии в СССР, И. В. Сталин пришел к выводу, что это война. Уяснив случившееся и ощущая свое недомогание, он колебался, говорить ли ближайшему окружению о своей болезни или нет. Когда же встал вопрос о выступлении по радио, и все сходилось к тому, что это должен сделать он, Иосиф Виссарионович должен был сказать, что из-за болезни горла и высокой температуры он этого сделать не сможет. А чтобы в стране не поползли различного рода слухи, В. М. Молотову следует в своем выступлении сказать, что по состоянию здоровья и чрезвычайной занятости, вызванной разработкой неотложных мер по организации отпора врагу, И. В. Сталин выступить не может, сделает он это позже.

¹⁶⁹ Костин А. Л. Июнь 41-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 138.

Разве такой посыл не логичен? Зачем скрывать свою болезнь перед ближайшим государственным и партийным окружением, и, тем более, по этой причине не появляться в Кремле, понимая, что ни В. М. Молотов, ни С. К. Тимошенко, ни Г. К. Жуков, ни кто-либо другой не могут принять какого-либо решения без согласования с ним? Это на И. В. Сталина не похоже. А уединиться из-за болезни на даче и не отвечать на звонки, это на него похоже? А что должен был ответить на немой вопрос коллег В. М. Молотов, начиная прием в те дни, когда, как доказывает А. Л. Костин вслед за В. М. Жухраем, И. В. Сталин по болезни не появлялся в своем кабинете? Трудно предположить, что никто не спросил у Вячеслава Михайловича, почему он ведет прием, дает указания и где, в конце концов, находится сам Иосиф Виссарионович. А непоявление И. В. Сталина в Кремле по причине болезни, когда о ней не знают даже ближайшие сподвижники, не могло стать более веским основанием для всякого рода слухов. Что, он об этом не думал? Право, не стоит оглуплять И. В. Сталина до такой степени.

Не стоит преувеличивать и степень тех слухов, которые якобы могли поползти по стране в связи с невыступлением И. В. Сталина по радио 22 июня. Вряд ли кто-либо из взрослого населения Советского Союза не слышал и не читал в те дни выступление В. М. Молотова по радио. А в нем имя И. В. Сталина упоминается дважды – в начале и в конце. Думаю, будет излишним воспроизвести это выступление Вячеслава Михайловича.

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некото-

рые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью

и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну (примечательно: начавшейся войне исполнилось всего десять часов, а она уже была названа отечественной. – А. С.) за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины, отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему тру-

ду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Трудно, очень трудно представить, что после слов о том, что В. М. Молотов выступает по поручению главы Советского правительства да еще призывает народ сплотиться «вокруг нашего великого вождя тов. Сталина», кто-либо мог подумать, что он болен или даже умер, что в руководящих кругах раскол и возможен государственный переворот. Не стоит почитателю И. В. Сталина А. Л. Костину брать дурной пример с Д. А. Волкогонова, Э. С. Радзинского и всех остальных ненавистников вождя, выстроившихся в затылок за ними.

И чтобы завершить разговор на эту тему, следует привести фрагмент из раздела «Вместо эпилога». А. Л. Костин пишет: «При этом вышеупомянутых авторов (тех, кто считает, что И. В. Сталин работал в Кремле ежедневно. — **А. С.**) нисколько не смущает тот факт, что своим упорным отрицанием возможности отсутствия Сталина в своем кабинете в первые дни войны они попадают в логическую ловушку, из которой нет выхода, чтобы вразумительно ответить на вопросы:

– Поему Сталин отказался выступить с обращением по радио к народу в первый день войны?

– Что же явилось первопричиной для самого факта зарождения мифа о сталинской прострации?

– А для тех авторов, которые признают факт тяжелой болезни Сталина (Б. Соловьев и В. Суходеев), еще и дополнительный вопрос: мог ли работать с подобной нагрузкой человек с температурой за 40 градусов по Цельсию?»¹⁷⁰.

Никакой ловушки тут нет. А на поставленные автором вопросы ответить можно.

И. В. Сталин не отказывался выступить по радио 22 июня, он, как Председатель СНК, поручил это дело своему заместителю. Ведь если внимательно вчитаться в текст выступления В. М. Молотова, то нетрудно заметить, что основная его часть посвящена разоблачению коварства германского руководства, нарушившего договор между СССР и Германией о ненападении. Ведь это он, В. М. Молотов, как нарком иностранных дел в утренние часы 22 июня принимал немецкого посла Шуленбурга, которому предъявил именно эти претензии Советского правительства. Кому как не ему разъяснять это основополагающее содержание документа. Что он и сделал как первоисточник переговоров с послом Германии.

А не выступил И. В. Сталин 22 июня, и я уже об этом писал, по совершенно очевидной причине: в условиях внезапно начавшейся войны дорога была каждая минута, следовало решить массу вопросов по организации отпора, уяснить обстановку, принять самые неотложные меры и документы по переводу страны на военные рельсы. Решение этих первоочередных задач без его непосредственного участия было невозможно.

Давайте еще раз обратимся к записям в Журнале за 22 июня. До ухода В. М. Молотова для выступления по радио в кабинете И. В. Сталина побывало 18 человек. Они входили в разное время. Решив неотложные вопросы и получив соответствующие указания, они уходили для их решения. Совершенно очевидно,

¹⁷⁰ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 186–187.

что в это же время была масса указаний по телефону. И все это в спрессованные пять часов.

Сколько, скажем, надо времени, чтобы обсудить и утвердить директивы № 2 и № 3, принятые утром и вечером 22 июня в кабинете И. В. Сталина? Они небольшие, но ведь в них должно быть продумано каждое слово. Давайте вчитаемся в текст этих документов.

«ДИРЕКТИВА № 2¹⁷¹

Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО.

**Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота
«О внезапном нападении Германии и боевых задачах войск»**

22 июня 1941 года в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль Западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его назем-

¹⁷¹ Отправлена в войска в 7 часов 15 минут 22 июня 1941 года.

ных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

ТИМОШЕНКО, МАЛЕНКОВ, ЖУКОВ»

«ДИРЕКТИВА № 3¹⁷²

Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов

22 июня 1941 г.

1. Противник, нанося удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шауляй и Седлец, Волковыск, в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23–24.6 ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалковскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки.

¹⁷² Отправлена в войска в 21 час 15 минут 22 июня 1941 года.

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6А окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы. Граница слева – прежняя.

б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки.

Граница слева – прежняя.

в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки.

Граница слева – прежняя.

г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая госграницу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 26.6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления.

д) Армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу территорию. При попытке противника нанести удар в черновицком направлении или форсировать рр.Прут и Дунай мощными фланговыми ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией уничтожить его; двумя мехкорпусами

в ночь на 23.6 сосредоточиться в районе Кишинев и лесов северо-западнее Кишинева.

4. На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей.

5. Авиации Главного Командования:

а) поддержать Северо-Западный фронт одним вылетом 1-го ав. корп. ДД и Западный фронт одним вылетом 3-го ав. корп. ДД на период выполнения ими задачи по разгрому сувалковской группировки противника;

б) включить в состав Юго-Западного фронта 18-ю авиадивизию ДД поддержать Юго-Западный фронт одним вылетом 2-го ав. корпуса ДД в период выполнения им задачи по разгрому люблинской группировки противника;

в) 4-й ав. корпус ДД оставить в моем распоряжении в готовности содействовать главной группировке Юго-Западного фронта и частью сил Черноморскому флоту.

*Народный комиссар обороны
Союза ССР
Маршал Советского Союза
Тимошенко*

*Член Главного
Военного Совета Маленков*

*Начальник Генерального штаба Красной Армии
генерал армии Жуков.»¹⁷³*

Оба документа во всех отношениях сырые. И по форме и по содержанию. Сегодня не то что военный, но даже далекий от армии человек легко найдет в них существенные изъяны. Скажем, мне, как авиатору, непонятно, почему нужно в соответствии с директивой № 2 бомбить Кенигсберг и Мемель? А

¹⁷³ 1941 год. Документы. Кн. 2. М., 1998. С. 439–440.

почему не нанести бомбардировочный удар сразу по Берлину? Изъяны этих документов говорят только об одном – они принимались в спешке и в совершенно неясной обстановке на западных границах страны. Также в спешке и неясной обстановке принимались и другие решения. И это надо учитывать.

В эти трудные и перегруженные неотложными делами часы перед И. В. Сталиным стояла дилемма: или продолжать принимать экстренные меры по организации отпора, или заняться вычиткой Заявления Советского правительства, ведь этот документ, судя по всему, был написан рукой В. М. Молотова. Затем надо было его озвучивать. Это минимум час драгоценного времени. А мои слова о том, что «была дорога каждая минута», не расхожая фраза, а истинное положение вещей. Опять же призываю к тщательному просмотру записи посетителей за 22 июня. В момент выступления В. М. Молотова по радио из кабинета И. В. Сталина вышли Л. П. Берия и Г. М. Маленков (в 12 часов), а через пять минут вышел К. Е. Ворошилов. И. В. Сталин остался один. Если он слушал выступление своего заместителя, находясь на рабочем месте, то вместе с ним могли прослушать и те, кто вышел в 12 часов. Но у них, судя по этому факту, были неотложные дела.

На второй вопрос А. Л. Костина можно ответить кратко. Первопричиной зарождения мифа о сталинской прострации стала пещерная ненависть Н. С. Хрущева к своему предшественнику. А вообще, сам по себе вопрос непонятен. Получается, что болезнь стала первопричиной вывода о прострации? Если о болезни И. В. Сталина в эти дни не знало его ближайшее окружение, то Н. С. Хрущев не знал об этом и подавно. Но даже если б и знал, это его не остановило бы. До книг В. М. Жухрая, в которых, судя по всему, этот факт болезни И. В. Сталина обнаружен впервые, он даже не дожил.

И в отношении вопроса к Б. Соловьеву и В. Суходееву. Его следовало бы адресовать родоначальнику версии о болезни И. В. Сталина. Ну, а насчет того, мог ли работать с подобной

нагрузкой человек с температурой за 40 градусов, ответили В. М. Жухрай и сам А. Л. Костин – 22 июня, как они показали, он отработал именно с такой температурой.

Не поддерживает версию о болезни И. В. Сталина в первые дни войны известный историк-сталинист Ю. В. Емельянов: «Порой же авторы, стараясь оправдать действия Сталина, прибегают к заведомо сомнительным материалам. Так, пытаясь дать ответ на хрущевское обвинение Сталина в уходе от дел после нападения Германии 22 июня 1941 года, в одном из таких материалов утверждалось, что с 21 июня у Сталина было острое респираторное заболевание и, мол, поэтому он не был в Кремле в течение нескольких дней и после начала войны. (На самом деле в эти дни Сталин был здоров и постоянно находился в кремлевском кабинете с 22 по 28 июня)»¹⁷⁴.

И самый последний вопрос А. Л. Костину. Если И. В. Сталин болел и вместо него посетителей принимал В. М. Молотов, то почему он это делал не в своем кабинете? Ведь он, кабинет, находился не на другом конце Москвы, не за пределами Кремля, не даже в другом здании, а этажом выше.

3. В помощники призван даже нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов

В доказательство версии о том, что И. В. Сталин несколько дней отсутствовал в Кремле по болезни, и В. М. Жухрай и А. Л. Костин призывают воспоминания наркома ВМФ Н. Г. Кузнецова. Николай Герасимович был одним из тех, кто в первые дни войны встречался с И. В. Сталиным. Он оставил нам в наследство пять книг своих воспоминаний – «Накануне», «На фло-

¹⁷⁴ Емельянов. Ю. В. Сталин перед судом пигмеев. М., 2008. С. 416.

тах боевая тревога», «Курсом к Победе», «На далеком меридиане» и «Крутые повороты».

В. М. Жухрай, ссылаясь на книгу Н. Г. Кузнецова «Накануне» 1966 года издания с указанием страницы 329, цитирует: «Нарком Военно-Морского флота Кузнецов же, который указан в записях дежурных секретарей как бывший на приеме у Сталина 23 июня 1941 года, утверждает, что он 22, 23 и 24 июня не мог найти Сталина и добиться встречи с ним»¹⁷⁵. Раскрываю указанную Владимиром Михайловичем страницу книги «Накануне» 1966 года издания и убеждаюсь, что этих сведений там нет.

В отличие от меня в книгу «Накануне» этого года издания А. Л. Костин не заглянул. Иначе он не написал бы следующей фразы: «Историк, писатель и отличный знаток биографии И. В. Сталина В. М. Жухрай тоже пишет об отсутствии в Кремле Сталина в течение трех дней – 23, 24 и 25 июня 1941 года, но точно указывает источник, откуда почерпнул эти сведения»¹⁷⁶. Из приведенной ссылки становится ясно, что эти сведения Владимир Михайлович «почерпнул» из книги Н. Г. Кузнецова именно этого года издания, а вот страница иная – 339. Более чем странно!

Да, но «источник», то есть Н. Г. Кузнецов, в изложении В. М. Жухрая, указывает на отсутствие И. В. Сталина в Кремле даже в первый день войны. И вот как своеобразно А. Л. Костин интерпретирует этот факт: «Разница в один день, вернее, по-

¹⁷⁵ Жухрай В. М. Сталин. С. 300.

¹⁷⁶ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 93.

чему 22 июня, по воспоминаниям Кузнецова, трансформировалось в 25 июня в утверждении Жухрая, он не пояснил, похоже, в силу очевидности того факта, что 22 июня Сталин в Кремле был... Логика рассуждений Жухрая, вероятно, была следующей: Кузнецов утверждает, что в течение трех дней не видел Сталина и называет 22–24, из которых два дня (23 и 24) подтверждаются другими свидетелями (простите, кто это? фамилии? источники? – **А. С.**), следовательно, в силу аберрации памяти он несколько «перепутал» дни и сдвинул событие на один день назад. Что ж, бывает! Хотя Кузнецов по жизни обладал буквально фотографической памятью. Однако простим эту ошибку начинающему стареть бывшему наркому ВМФ (книгу «Накануне» он закончил писать в 1966 году, будучи 62 лет от роду) и в дальнейшем, солидаризуясь с Жухраем, что он «не мог найти Сталина и добиться встречи с ним 23–25 июня 1941 года», – будем считать, что именно эти три дня Сталин отсутствовал в Кремле»¹⁷⁷.

Какой легкий подход в интерпретации явно противоречивых фактов! И это в угоду только того, чтобы доказать свою надуманную версию о якобы болезни И. В. Сталина и его недееспособности по этой причине. Видите ли, начинающий стареть Н. Г. Кузнецов в силу аберрации памяти несколько перепутал дни. А уже не молодой В. М. Жухрай, видите ли, их трансформировал. И резюме: «Что ж, бывает!» Хрущев ляпнул явную ложь о сталинской прострации, и понеслась она по свету – что ж, бывает! Подхватили ее противники советской власти внутри страны и недруги за рубежом – что ж, бывает! Вот, что бывает, когда лгут и когда косвенно, пусть даже из благих побуждений, стараются подтвердить эту ложь.

И насчет того, что «будем считать, что именно эти три дня Сталин отсутствовал в Кремле». **Нет, не будем считать, что именно в эти три дня Сталин отсутствовал в Кремле!** Во-

¹⁷⁷ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 93–94.

первых, этого не было, в эти дни он работал, и именно в Кремле. Во-вторых, Н. Г. Кузнецов свидетельствует о том, что три дня не мог найти И. В. Сталина в книге 1966 года издания не оставлял. Но, может быть, этот факт отражен в книгах позднего издания – 1969 и 1989 годов? Я не поленился это проверить. Ни в одном из перечисленных изданий слов автора о том, что он в течение трех дней не мог встретиться с И. В. Сталиным, я не нашел.

Трудно сказать, чем руководствовался В. М. Жухрай, приводя эти сведения, но это, мягко выражаясь, явная ошибка. Это выдумка В. М. Жухрая, подхваченная А. Л. Костиным. В соответствии с этой выдумкой выходит, что нарком ВМФ в первые дни начавшейся войны в кабинет И. В. Сталина не вызывался. Это что же, потребности в общении с ним у высшего руководства страны не было? Но ведь он с 23 июня член Ставки Главного командования! И его в таком новом качестве в Кремль не вызывали? Абсурдность этого вполне очевидна.

И здесь нам следует разобраться в одном запутанном вопросе, а именно: был Николай Герасимович в первые дни войны в кремлевском кабинете И. В. Сталина или не был, если был, то почему в своих книгах «Накануне» он этого факта не отразил?

Кузнецовых в стране может быть и меньше, чем Ивановых, но людей с такой фамилией достаточно много. Тот же А. Л. Костин в одной из сносок перечисляет всех Кузнецовых, которые прошли через кремлевский кабинет И. В. Сталина и зарегистрированы в ЖРП. По его подсчетам, в сталинском кремлевском кабинете на приеме за период 1924–1953 годы побывало десять Кузнецовых.

Если проанализировать записи в Журнале за исследуемые мной двенадцать дней, то получается такая картина. Люди с фамилией «Кузнецов» посетили кабинет И. В. Сталина по дням и количеству вхождений, следующим образом: 22 июня трижды, 23 и 24 – дважды, 25 – трижды, 26 и 27 – дважды и 28 июня один раз. Таким образом, в Журнале за этот период зафиксиро-

ровано 15 фамилий Кузнецовых. Из них дважды после этих фамилий кратко помечена должность – «Кр. М. ф.» и «НК ВМФ». Эти сокращения означают соответственно: «Комиссар морского флота» и «народный комиссар ВМФ». В первом случае эта пометка сделана 24 и во втором – 25 июня.

Даже если дежурившие секретари по каким-то причинам 22 и 23 июня не пометили, что у И. В. Сталина был нарком ВМФ, то даже этих сведений достаточно для того, чтобы сделать вывод: запись в Журнале регистрации посетителей кремлевского сталинского кабинета за 24 и 25 июня опровергает сведения В. М. Жухрая о том, что в эти два дня, а также 25 июня, Н. Г. Кузнецов не мог найти И. В. Сталина.

Но не только в эти два дня нарком ВМФ вызывался в Кремль. Книга «На приеме у Сталина» сопровождается Именным алфавитным указателем. В нем действительно как это правильно подсчитал А. Л. Костин, зафиксировано десять фамилий Кузнецовых. Только трое из них встречались с И. В. Сталиным за весь период Великой Отечественной войны – председатель ЦК профсоюза черной металлургии Центра, председатель ВЦСПС В. В. Кузнецов (22 марта 1945 года), командующий Прибалтийским особым военным округом генерал Ф. Ф. Кузнецов (11 июня 1941 года) и начальник Главного разведывательного управления ГШ КА Ф. Ф. Кузнецов (4 октября 1944 года). Шесть Кузнецовых за период войны в кремлевском кабинете И. В. Сталина ни разу не были. Значит Кузнецов, побывавший на приеме у И. В. Сталина 22 июня, был нарком ВМФ Николай Герасимович Кузнецов. И сколько же раз он побывал в его кабинете до двухдневного перерыва 29 и 30 июня? Вот этот расклад, в соответствии с данными ЖРП, по дням: 22 июня – три раза, 23 – два, 24 – два, 25 – три, 26 – два, 27 – два и 28 – один раз. Всего 15 раз. А если по дням, то получается ежедневно¹⁷⁸.

¹⁷⁸ На приеме у Сталина. М. 2010. С. 643.

Получается, что в первые дни войны из всех Кузнецовых в кабинете И. В. Сталина был только нарком ВМФ.

Однако эти сведения из книги «На приеме у Сталина» пытаются опровергнуть А. Л. Костин. И надо признать, делает он это не без основания. Касаясь записей в Журнале за 25 июня 1941 года, он пишет: «Аналогично, похоже, что во время вечернего приема адмирал входил один раз, поскольку он не мог войти второй раз в 21 час 05 минут, выйдя из кабинета во время первого посещения в 21 час 40 минут. «Другим» Кузнецовым, посещавшим кабинет Сталина в эти дни, мог быть, например, Ф. Ф. Кузнецов – генерал-полковник, с 1949 года начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба РККА, или генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, в 1941 году командующий Прибалтийским особым военным округом, а с началом войны командующий Северо-Западным фронтом. Возможно, это был Кузнецов А. А – начальник Управления кадров ЦК партии»¹⁷⁹.

В отношении Н. Г. Кузнецова замечание совершенно справедливое. А вот в отношении других Кузнецовых его мнение расходится со сведениями из Именного алфавитного указателя книги «На приеме у Сталина». А они таковы: Ф. Ф. Кузнецов, как мы только сейчас выяснили, в период войны встречался с И. В. Сталиным один раз – 4 октября 1944 года; А. А. Кузнецов и Ф. И. Кузнецов во время войны в кабинете И. В. Сталина вообще ни разу не были. Думается, что составители алфавитного указателя не все тут досконально выявили.

В доказательство того, что нарком ВМФ в первые дни войны был в кабинете И. В. Сталина, можно привести еще такой факт, относящийся к 24 июня. В 16 часов 20 минут этого дня в кабинет И. В. Сталина одновременно вошли шесть человек. Перечислю их без инициалов, как это подано в Журнале: Малышев, Возне-

¹⁷⁹ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 95.

сенский, Кузнецов, Кизаков, Зальцман и Попов. Вот как тот же А. Л. Костин наделяет их инициалами и должностями.

«Первой группой, вошедшей в кабинет Сталина в 16 ч. 20 мин., были «ленинградцы», с которыми, вероятно, обсуждались вопросы защиты города на Неве (М. М. Попов – командующий Ленинградским военным округом, Ф. И. Кузнецов – командующий Прибалтийским особым военным округом, а затем командующий Северо-Западным фронтом) и перевода крупнейших промышленных предприятий на выпуск боевой техники и вооружения (И. М. Зальцман – директор Кировского завода и Н. С. Казаков – директор Ижорского завода Наркомата тяжелого машиностроения).

Видимо для выяснения вопросов взаимодействия с войсками моряков Балтийского флота на несколько минут (с 16 ч. 45 мин. до 17 ч. 00 мин.) приглашался нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, который, вероятно, запомнил этот кратковременный визит...»¹⁸⁰.

«Видимо»... «вероятно». Это все догадки, а не доказательства. А доказательство-то есть. Не «запомнил этого краткого визита» сам Николай Герасимович. Раскрываем его книгу «Курсом к победе» на странице 33, изданной в 1976 году, и убеждаемся, что вечером этого дня на совещании он выступил с докладом о полетах финских и немецких самолетов над полуостровом Ханко, а также о положении Северного флота.

Таким образом, по сведениям книги «На приеме у Сталина» получается, что в этот день никаких Кузнецовых, кроме наркома ВМФ, на приеме у И. В. Сталина не было, а раз так, то Н. Г. Кузнецов входил в кабинет дважды. А. Л. Костин разъединяет Кузнецовых, доказывая, что первый из них – это командующий Прибалтийским особым военным округом, а второй – нарком ВМФ. И он прав. Вот время пребывания в кабинете первого вошед-

¹⁸⁰ Костин А. Л. Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина. С. 119.

шего Кузнецова: 16.20 – 17.05. А вот время второго вошедшего Кузнецова: 16.45 – 17.00. Получается, что в течение 15 минут в кабинете И. В. Сталина одновременно находилось два Кузнецова. И получается, что вошедший второй Кузнецов покинул кабинет на 5 минут раньше первого Кузнецова. Логический вывод: побывавшие на приеме у И. В. Сталина 24 июня два Кузнецова – это разные люди. Но кто второй? Загадка.

Что же касается других «ленинградцев», побывавших 24 июня в кабинете И. В. Сталина, то логика в рассуждениях А. Л. Костина, хотя и не безупречна, но заслуживает внимания. Трудно предположить, что на третий день войны, покинув свои ответственные посты, в Москву на совещание к И. В. Сталину прибыли командующие двумя округами. С другой стороны, мнение А. Л. Костина опровергают составители Именного алфавитного указателя. По их сведениям, М. М. Попов в военный период 1941 года в кабинете И. В. Сталина не был, а Ф. И. Кузнецов с ним в годы войны вообще не встречался. Что касается Попова, то это второй секретарь МГК Г. М. Попов, о котором упоминает Я. Е. Чадаев и который отмечен в Именном алфавитном указателе.

Так что сведения Именного алфавитного указателя к ЖРП небезупречны. Это сами признают авторы-составители во Введении: «...и в настоящем издании возможны неточности, за что заранее просим извинения».

Теперь, когда я доказал, что так называемое «свидетельство» Н. Г. Кузнецова об отсутствии И. В. Сталина в Кремле в течение трех дней, это не что иное, как фальшивка, а с помощью Журнала показал, что нарком ВМФ в кремлевском кабинете вождя находился практически ежедневно, следует коснуться другой стороны этого вопроса. А именно: почему в воспоминаниях наркома ВМФ «Накануне» и «На флотах боевая тревога» вообще ни слова не сказано о встречах с И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете в первые дни войны, в том числе и 22 июня? Познакомившись с этими книгами, можно подумать,

что для руководства страны нужды в наркоме ВМФ в эти дни не было. Это тем более странно, после того, когда мы выяснили, что он там бывал ежедневно и даже по несколько раз в день.

Почему? Почему он об этом не написал в двух книгах, да еще несколько раз переизданных? И почему об этом все же сказано через 21 год после смерти адмирала? И вот где.

В 1995 году вышла книга Н. Г. Кузнецова «Крутые повороты. Из записок адмирала». В качестве приложения в ней опубликована «Хронология основных событий жизни, государственной и общественной деятельности Адмирала флота Советского Союза Кузнецова Николая Герасимовича». В этом источнике есть такая запись: «23 июня – вызван к И. В. Сталину, в присутствии членов Политбюро и наркома обороны доложил о положении на флотах». А теперь сверим этот факт с ЖРП и получаем однозначное подтверждение: С. К. Тимошенко и Н. Ф. Ватутин вошли в кабинет в 3 часа 30 минут и находились там в то время, когда к ним присоединился некий Кузнецов, которому без тени сомнения я приставляю имя и отчество – Николай Герасимович. В это же время у И. В. Сталина находились В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, почти все члены Политбюро.

В 2003 году издательством «АСТ» книга Н. Г. Кузнецова «Накануне» была переиздана. В ней, также в качестве приложения, помещена «Хронология», в которой вновь повторяется факт, что 23 июня нарком ВМФ был вызван И. В. Сталиным. Кроме этого, в новом издании книги «Накануне» вымышленное утверждение В. М. Жухрая о том, что 23, 24 и 25 июня Н. Г. Кузнецов не мог найти И. В. Сталина, не воспроизведено.

Сам же визит в Кремль описан следующим образом: «Поздно вечером 23 июня я был приглашен к Сталину. Это был первый вызов с начала войны. Машина подошла к подъезду в тупике, где всегда было тихо и безлюдно. Только узкому кругу лиц было известно, как подняться на второй этаж и по ковровой дорожке пройти в приемную Сталина.

Оставив фуражку в гардеробе первого этажа, я вошел в лифт и поднялся наверх. В приемной никого не было. Значит, все уже в кабинете, решил я, и поспешил справиться у А. Н. Поскребышева, можно ли пройти. Как всегда, над его столом висела фотография Сталина в буденовском шлеме времен обороны Царицына. Внешне все оставалось по-старому. Я мысленно готовился доложить о нормальном развертывании флотов, наступлении немцев на Либаву и подготовке Черноморского флота к операции по обстрелу Констанцы.

В кабинете Сталина кроме членов Политбюро находился нарком обороны. На столе развернуты карты. Как я понял, речь шла о строительстве оборонительных рубежей в районе Вязьмы. Завидев меня, Сталин попросил доложить о положении на флотах. Выслушав, удовлетворительно кивнул: хорошо»¹⁸¹.

Заглянем еще разочек в Журнал регистрации посетителей. 23 июня было два приема – рано утром и поздно вечером. Смотрим фамилии вечернего приема. Кузнецов там есть. Он вошел в кабинет в 23 часа 55 минут вместе с С. К. Тимошенко и Н. Ф. Ватутиным. Значит все верно: Н. Г. Кузнецов 23 июня был в кабинете И. В. Сталина, и принимал его не кто иной, а лично он.

И это еще одно доказательство для А. Л. Костина о том, что 23 июня прием в кремлевском кабинете И. В. Сталина вел не В. М. Молотов, а хозяин кабинета.

Из этих фактов, отраженных в двух книгах и подтвержденных сведениями из ЖРП, следует два вывода. Во-первых, сведения из «Хронологии» верны. Во-вторых, вопреки В. М. Жухраю и А. Л. Костину доказано, что 23 июня нарком ВМФ был у И. В. Сталина, и, следовательно, доказано, что Иосиф Виссарионович в этот день не отлеживался больным в постели, а работал в своем кремлевском кабинете. Если хотите: больным работал в своем кремлевском кабинете!

¹⁸¹ Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 2003. С. 441.

Но вернемся к книге Н. Г. Кузнецова «Накануне» 2003 года издания, ибо в ней есть интересные сведения о том, как Николай Герасимович пытался связаться с И. В. Сталиным в первый день войны. Вот они. «Смотрю на часы. 3 часа 15 минут. Вот когда началось... У меня уже нет сомнений – война! Сразу снимаю трубку, набираю номер кабинета И. В. Сталина. Отвечает дежурный:

– Товарища Сталина нет, и где он, мне неизвестно.

– У меня сообщение исключительной важности, которое я обязан немедленно передать лично товарищу Сталину, – пытаюсь убедить дежурного.

– Не могу ничем помочь, – спокойно отвечает он и вешает трубку.

А я не выпускаю трубку из рук. Звоню маршалу С. К. Тимошенко. Повторяю слово в слово то, что доложил вице-адмирал Октябрьский.

– Вы меня слышите?

– Да, слышу.

В голосе Семена Константиновича не звучит и тени сомнения, он не переспрашивает меня. Возможно, не я первый сообщил ему эту новость. Он мог получить подобные сведения и от командующих округов. Говорить наркому обороны о положении на флотах, об их готовности сейчас не время. У него хватает своих дел. Еще несколько минут не отхожу от телефона, снова по разным номерам звоню И. В. Сталину, пытаюсь добиться личного разговора с ним. Ничего не выходит. Опять звоню дежурному.

– Прошу передать товарищу Сталину, что немецкие самолеты бомбят Севастополь. Это же война!

– Доложу, кому следует, – отвечает дежурный. Через несколько минут слышу звонок. В трубке звучит недовольный, какой-то раздраженный голос.

– Вы понимаете, что докладываете? – Это Г. М. Маленков.

– Понимаю и докладываю со всей ответственностью: началась война.

Казалось, что тут тратить время на разговоры! Надо действовать немедленно: война уже началась! Г. М. Маленков вешает трубку. Он, видимо, не поверил мне. Кто-то из Кремля звонил в Севастополь, перепроверял мое сообщение»¹⁸².

Все только что процитированное выглядит вполне правдоподобно. Как правдоподобно выглядит этот же факт, изложенный Н. Г. Кузнецовым в беседе с Г. А. Куманевым. Адмирал рассказывал историку: «Как бы то ни было, но я был поражен (внезапным нападением фашистской Германии на Советский Союз. – **А. С.**), хотя всем ходом событий был к этому подготовлен. Я немедленно взялся за телефонную трубку и доложил Сталину о том, что началась война. Через несколько минут мне позвонил Г. М. Маленков и спросил: «Вы представляете, что доложили Сталину?»

– Да, представляю. Я доложил, что началась война!

Вслед за этим позвонил Тимошенко. Он не был удивлен. Видимо, был к этому подготовлен»¹⁸³.

Вот вам ярчайший образчик фальсификации. В книгах, изданных при жизни автора, этого факта нет. О нем, этом факте, Николай Герасимович рассказал лично Г. А. Куманеву, будучи во здравии. Читатели узнали о нем, этом факте, с выходом в свет книги «Рядом со Сталиным», это 1999 год. А через четыре года переиздается книга «Накануне», в которой подробно живописуется, как ответственный нарком ВМФ пытался связаться по телефону с И. В. Сталиным, но этого ему не удалось сделать, и как безответственные дежурные и даже сам Г. М. Маленков отнеслись к его инициативе преступно-халатно.

А вот дальше в книге «Накануне» последнего издания идет описание попытки Н. Г. Кузнецова доложить обстановку

¹⁸² Кузнецов Н. Г. Накануне. С. 434.

¹⁸³ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 296.

И. В. Сталину лично. Познакомившись с ним, любой скажет: «Такого быть просто не могло!» Судите сами.

«Около 10 часов утра 22 июня я поехал в Кремль. Решил лично доложить обстановку. Москва безмятежно отдыхала. Как всегда в выходные дни, в центре было малоллюдно, редкие прохожие выглядели празднично. Лишь одиночные машины, пронесившиеся на повышенной скорости, пугали пешеходов тревожными гудками. Столица еще не знала, что на границах уже полыхает пожар войны и передовые части ведут тяжкие бои, пытаюсь задержать врага.

В Кремле все выглядело как в обычный выходной день. Часовой у Боровицких ворот, подтянутый и щеголеватый, взял под козырек и, как всегда, заглянул в машину. Немного сбавив скорость, мы въехали в Кремль. Я внимательно смотрел по сторонам – ничего не говорило о тревоге. Встречная машина, поравнявшись с нашей, как было принято, остановилась, уступая дорогу. Кругом было тихо и пустынно.

«Наверное, руководство собралось где-то в другом месте, – решил я. – Но почему до сих пор официально не объявлено о войне?» Не застав никого в Кремле, вернулся в наркомат.

– Кто-нибудь звонил? – был мой первый вопрос.

– Нет, никто не звонил».¹⁸⁴

Что же это получается? Пробыв у И. В. Сталина рано утром 22 июня 2 часа 45 минут, на свои рабочие места вернулись трое высокопоставленных военных – нарком обороны С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба Г. К. Жуков и начальник Гл. ПУРа Л. З. Мехлис. И что, нарком МВФ почти в течение полтора часов, с 8 часов 30 минут и до 10 часов, с ними не общался? В такое не верится. Ведь наркоматы обороны и МВФ находились рядом, в нескольких шагах друг от друга. Наконец, имеется телефонная связь. Если бы Николай Герасимович по-

¹⁸⁴ Куманев Г. А. Рядом со Сталиным. С. 437–438.

звонил наркому обороны в то время, когда тот утром был в Кремле, то ему бы доложили, что руководство наркомата на совещании у И. В. Сталина. Если бы он позвонил С. К. Тимошенко после его возвращения из Кремля, то тот сам бы сказал ему, что был на совещании. Конечно же, Н. Г. Кузнецов не мог за истекшие практически семь часов не общаться с руководством Наркомата обороны, тем более с С. К. Тимошенко.

И другое: если твои попытки связаться с И. В. Сталиным в четвертом часу утра не увенчались успехом, то почему ты их не повторил в шесть или семь часов? Тебе бы обязательно из приемной И. В. Сталина ответили, что он на месте, в его кабинете идет совещание. И что это за фраза: «Не застав никого в Кремле, вернулся я в наркомат»? На территории Кремля, возможно, застать кого-либо было и трудно, но если ты поехал для личного доклада И. В. Сталину, то почему не поднялся к А. Н. Поскребышеву? Там бы ты убедился, что И. В. Сталин и практически все руководство страны на месте. Тебе бы об этом сказали не только А. Н. Поскребышев, но любой человек из охраны и даже дворник. Не заметить, что И. В. Сталин проехал в Кремль, что приезжают и уезжают на машинах первые лица государства, просто невозможно. А то получается, что в Кремле никого, тишь и гладь, а война-то идет.

Какая грубая, на дураков рассчитанная фальсификация!

Заглянем еще в одну книгу. Она вышла в 2006 году в издательстве «Молодая гвардия» и называется «Адмирал Кузнецов». Ее автор В. Булатов пишет: «Поздно вечером 23 июня Николай Кузнецов был вызван к Сталину. В кабинете находились члены Политбюро ЦК ВКП (б) и нарком обороны. Заслушав сообщение наркома ВМФ о положении на флотах, И. В. Сталин разрешил нанести совместный удар авиации и надводных кораблей по румынской военно-морской базе Констанца. Он также поддержал предложение начать активные минные постановки в водах противника»¹⁸⁵.

¹⁸⁵ Булатов В. Адмирал Кузнецов. М., 2006. С. 116.

Без всякого сомнения, при описании этого эпизода, автор воспользовался сведениями из «Хронологии», но в ней зафиксировано только то, что Н. Г. Кузнецов был вызван к И. В. Сталину 23 июня и кто в это время находился в его кабинете. Суть разговора в «Хронологии» не отражена, как не отражена и в книге «Накануне», изданной после смерти Н. Г. Кузнецова. Значит, В. Буланов эту суть добавил от себя, что непозволительно даже писателю.

Таким образом, основываясь на фактах ЖРП и сведениях, отраженных в «Хронологии» и книге Н. Г. Кузнецова «Накануне», изданной в 2003 году, можно сделать несколько выводов.

1. И 23, и 24, и 25 июня 1941 года народный комиссар ВМФ Н. Г. Кузнецов находился в кремлевском кабинете И. В. Сталина по его вызову.

2. Все эти дни его принимал не В. М. Молотов или еще кто-то, а лично И. В. Сталин.

3. Версия, что 23 и 25 июня И. В. Сталина в Кремле не было и что в связи с его болезнью прием проводил В. М. Молотов, несостоятельна.

Но возникает вопрос: почему и в «Хронике» и в переизданной в 2003 году книге «Накануне», в отличие от прежних работ Николая Герасимовича, упоминается посещение кабинета И. В. Сталина только 23 июня? Причем автор оговаривается, что этот визит был первым с начала войны. А как же быть с посещением наркома ВМФ кабинета И. В. Сталина 22 июня? Причем трижды за день. Ведь забыть троекратное посещение кабинета вождя в первый день войны, согласитесь, весьма не похоже на человека, обладающего почти фотографической памятью. Тем более это не укладывается в голове, когда сам автор в подробностях описывает как он в этот день, 22 июня, побывал в Кремле, но с И. В. Сталиным так и не встретился. Удивительные встречаются случаи в некоторых мемуарах, но этот из самых удивительных.

Что здесь? Неприязненное отношение Н. Г. Кузнецова к И. В. Сталину? Вполне допускаю. Из 142 страниц книги «Крутые повороты», отражающей главным образом факты снятия наркома с должности, добрая половина посвящена негативным оценкам деятельности И. В. Сталина в годы Великой Отечественной войны. Пожалуй, во всех вместе взятых воспоминаниях, оставленных нам полководцами, флотоводцами и военачальниками, негатива в отношении И. В. Сталина меньше, чем в книге «Крутые повороты». Однако после грубых фальсификационных подделок, выявленных в книге Н. Г. Кузнецова «Накануне» 2003 года издания, можно смело сказать: авторство книги «Крутые повороты», изданной через 21 год после смерти Николая Герасимовича, весьма сомнительно

Полагаю, что здесь можно подумать и о кознях редакторов и издательств. Побочное доказательство этому моему рассуждению я нашел у автора книги «Сталин. Разгадка Сфинкса»: «Отсюда, важным моментом является отношение сталинских военачальников друг к другу. Несомненно, многие из них ревностно и даже завистливо относились к чьим-либо успехам, кроме собственных. Не исключены были и служебные трения по причине чисто психологической несовместимости индивидов. К сожалению, редко кто из них высказывался определенно, в подобном случае сыграла свою роль и партийная цензура. Даже в третье издание мемуаров флотоводца Кузнецова, датированное 1989 годом, не вошла отдельная глава, посвященная его сложным отношениям с Жуковым»¹⁸⁶.

Как видим, явно грубых фальсификационных вмешательств издателей и издательств в мемуарное наследие советских военачальников, вмешательство с целью опорочить советское прошлое и роль И. В. Сталина в Великой Отечественной войне,

¹⁸⁶ Ахметов М. М. Сталин. Разгадка Сфинкса. С. 397.

предостаточно. Квалифицированно разоблачать эти подтасовки – одна из задач тех, кто стоит на страже исторической правды.

Версию о болезни И. В. Сталина в первые дни войны поддерживают не многие. По крайней мере, в поле моего зрения попали только двое. Привожу эти факты с сожалением, так как авторы этих книг своим отношением к И. В. Сталину не могут не вызывать симпатий. Восхищен работой Г. Л. Липартелиани «Сталин Великий». Познакомился я с ней в «Ленинке», сделал ряд выписок, но так хотелось иметь ее в своей библиотеке, что позвонил в Ленинград (не считать название этого города моей ошибкой, на том стою и не могу иначе!), попросил знакомого мне молодого аспиранта Романа Лунева найти автора и обязательно, за любую цену приобрести сей великий труд о Великом И. В. Сталине.

И вот теперь могу заглянуть на 184-ю страницу и процитировать: «Итак, мы выяснили, что И. В. Сталин во второй половине июня 1941 года был болен». Далее упоминается профессор Б. С. Преображенский, температура под 40 градусов и просьба никому о болезни не говорить. Да не болел И. В. Сталин, уважаемый Григорий Лаврентьевич, а если и болел, то не до такой степени, чтобы не работать!

Заинтересовало меня объявление в «Правде» о том, что в Ижевске можно приобрести книгу Д. Чистова под выразительным названием «Где Сталин, там победа». И вот она у меня в руках. Цитирую первые строки первой части: «По словам историка Владимира Жухрая Сталин во второй половине первого летнего месяца неожиданно заболел ангиной. 21 июня один из врачей Сталина Борис Сергеевич Преображенский был вызван к своему пациенту. Профессор поставил диагноз: тяжелейшая флегмонозная ангина. При этом у Сталина температура подскочила выше сорока градусов!»¹⁸⁷

¹⁸⁷ Чистов Д. Где Сталин, там победа. Ижевск, 2010. С. 4.

В общем, гуляет версия В. М. Жухрая о болезни И. В. Сталина в первые дни войны по некоторым книгам историков, правда, без перевода ее в причинный факт его отсутствия на рабочем месте, как это делает А. Л. Костин.

Теперь, после того как мы познакомились со всеми доводами автора книги «Июнь 1941-го. 10 дней из жизни И. В. Сталина», критически рассмотрели его «доказательства» по каждому дню приема посетителей В. М. Молотовым, я попытаюсь поставить под сомнение всю его версию в целом.

1. Какими бы ни были провалы в памяти Вячеслава Михайловича Молотова, но такое событие, как руководство страной в самой, что ни на есть экстремальной обстановке не могло ему не запомниться. Ведь И. В. Сталин никогда не был безответственным человеком. Если он в самом деле болел и поручил эту работу В. М. Молотову, то Вячеслав Михайлович обязательно это запомнил бы и так же обязательно об этом рассказал в беседах Ф. Чуеву. Однако этого нет. Если И. В. Сталин такого поручения В. М. Молотову не давал, то мог ли он самостоятельно принимать посетителей в течение трех дней? Здесь надо вновь повторить фразу Вячеслава Михайловича, сказанную Ф. Чуеву: «Все эти дни и ночи он, как всегда работал, некогда ему было теряться или дар речи терять». Обратите внимание – «все эти дни и ночи».

2. Если И. В. Сталин поручал В. М. Молотову вести прием посетителей в своем кабинете, то он должен был объяснить своему заместителю по СНК, почему он это делает. То есть он должен был поставить В. М. Молотова в известность, что он болен и исполнять свои обязанности не в состоянии. И опять же, вследствие аберрации факт болезни И. В. Сталина В. М. Молотов забыть не мог и в беседах с Ф. Чуевым об этом сказал бы непременно. Ведь о причинах невыступления И. В. Сталина 22 июня Ф. Чуев его спрашивал.

3. Если В. М. Молотов несколько дней работал за И. В. Сталина, и это, по мнению А. Л. Костиной, утверждают записи в Жур-

нале регистрации посетителей, то почему заместитель Председателя Совмина не работал за И. В. Сталина 29 и 30 июня? Заболел? Или нечего было делать? А записей в Журнале нет потому, что И. В. Сталин не работал в эти дни в своем кремлевском кабинете, но некоторое время он провел в Наркомате обороны, а потом уехал на дачу для подготовки своего выступления по радио.

4. Из тех, кто в эти первые дни войны присутствовал в кремлевском кабинете И. В. Сталина, факта его болезни в своих воспоминаниях никто не отразил. Не заметить болезненного состояния человека с температурой за сорок градусов невозможно. Точно так же никто не отразил и факта того, что прием вел В. М. Молотов.

Завершая свою книгу, А. Л. Костин весьма уверенно резюмировал результаты своего труда: «Мы, как смогли, постарались ответить на эти вопросы, после чего надеемся, что миф о «прострации» Сталина в первые дни войны окончательно канет в Лету».

Я буду более скромным. После моего исследования миф о болезни И. В. Сталина и в связи с этим его недееспособности в Лету, конечно, не канет, но поколеблен будет основательно.

Основываясь на всех своих замечаниях и рассуждениях относительно болезни И. В. Сталина в первые дни войны, позволю себе сделать общий вывод: **слухи о его болезни слишком преувеличены, И. В. Сталин мог в эти дни болеть, но не до такой степени, чтобы не появляться в Кремле. Версия о болезни И. В. Сталина льет воду на мельницу тех, кто придумал прострацию и кто ее раскручивает по сей день. Ежедневный прием людей, отраженный в Журнале регистрации посетителей, свидетельство тех, кто в эти дни общался с вождем – бесспорное доказательство того, что Секретарь ЦК ВКП (б), Председатель Совета Народных Ко-**

миссаров СССР Иосиф Виссарионович Сталин в первые дни Великой Отечественной войны от решения государственных дел по причине болезни не устранялся, все эти дни он – РАБОТАЛ!

4. Было ли в массе дел место для прострации и болезни?

Теперь давайте подойдем к проблемам прострации и болезни И. В. Сталина, выводов некоторых его сподвижников и историков об уходе от государственных дел в первые дни войны, как говорится, с другой стороны. Попробуем собрать воедино все, что было сделано в эти двенадцать дней советским руководством в деле принятия первоочередных мер для организации отпора агрессорам и перевода страны на военные рельсы.

На заседаниях Политбюро, совещаниях с первыми лицами государства, работниками наркоматов и ведомств Советского правительства, партийными работниками, встречами с конструкторами военной техники были разработаны, обсуждены и приняты следующие основополагающие военные директивы, правительственные и партийные постановления и решения.

22 июня. На заседании Политбюро ЦК ВКП (б) совместно с наркомом обороны и начальником Генерального штаба Красной Армии разработана и утверждена Директива № 2 «Военным советам ЛВО, ПриБОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, ВМФ о внезапном нападении Германии и боевых задачах войск», а также Директива № 3 «Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов».

Общими усилиями членов Политбюро ЦК ВКП (б) подготовлен текст Заявления Советского правительства для выступле-

ния по радио о вероломном нападении фашистской Германии и ее союзников на СССР.

Президиум Верховного Совета СССР подготовил и издал Указ о мобилизации военнообязанных 1905 – 1918 годов рождения на территории всех военных округов, кроме Среднеазиатского, Забайкальского и Дальневосточного.

Одновременно Указом Президиума Верховного Совета СССР вводилось военное положение в Белорусской, Украинской, Карело-Финской, Латвийской, Литовской, Эстонской и Молдавской союзных республиках, а также в Архангельской, Вологодской, Воронежской, Ивановской, Ростовской, Курской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Ярославской областях, Краснодарском крае, в Крыму, городах Москве и Ленинграде.

На базе управлений и войск приграничных военных округов были созданы Северный, Северо-Западный, Западный, Юго-Западный и Южный фронты.

Был принят Указ «О военном положении», устанавливающий особый правовой режим по всей стране, а также Указ «Об утверждении положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

23 июня. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП (б) создана Ставка Главного Командования Вооруженных Сил СССР. При Ставке создан институт постоянных советников, в который вошли видные военачальники, партийные работники и члены правительства. Возглавил Ставку народный комиссар обороны, маршал С. К. Тимошенко.

ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление, которое определяло задачи партийных и советских органов в условиях военного времени.

СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление о вводе в действие мобилизационного плана по боеприпасам.

СНК СССР принял постановление о подчинении в оперативном отношении Гражданского воздушного флота народному комиссару обороны СССР и формированию из личного состава и самолетов ГВФ особых авиационных групп.

Образована Комиссия Бюро СНК СССР по текущим делам.

В действующую армию направлены члены Политбюро К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов и Н. С.Хрущев.

Отдан приказ об ударе трех танковых и одного кавалерийского корпусов Западного фронта в направлении Гродно.

24 июня. Принято решение создать при Совнаркоме СССР Совет по эвакуации, которому вменялось в обязанность руководить эвакуацией населения, учреждений, военных и народно-хозяйственных грузов, оборудования предприятий и других различных ценностей. Председателем Совета стал Н. М. Шверник.

ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли решение о создании Советского информационного бюро (Совинформбюро) во главе с секретарем ЦК А. С. Щербаковым.

СНК СССР принял постановление о перемещении из фронтовой полосы в тыл предприятий авиационной промышленности.

СНК СССР принял постановление об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов.

На заседании Политбюро ЦК ВКП (б) заслушан доклад наркома среднего машиностроения, заместителя Председателя СНК СССР В. А. Малышева о нуждах танкового производства.

Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило принятое постановление СНК о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе.

На совещании у И. В. Сталина принято решение о формировании из летчиков-испытателей нескольких авиационных полков.

25 июня. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение об организации на Урале и в Сибири новой базы танкостроения.

Решением СНК СССР введен институт фронтовых и армейских начальников охраны войскового тыла.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) создано Советское бюро военно-политической пропаганды.

Сформирована группа резервных армий во главе с С. М. Буденным.

26 июня. Совнарком СССР принял постановление, которым директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли предоставлялось право устанавливать для всех или части рабочих и служащих обязательные сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день. Устанавливалась полуторная, по сравнению с обычными, оплата обязательных сверхурочных работ. Отменены очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной компенсацией.

Установлен порядок назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время.

27 июня. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества».

Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «Об отборе коммунистов для усиления партийно-политического влияния в полках».

Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, Алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля».

Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление «Вопрос НКАП»¹⁸⁸.

29 июня. Принята Директива СНК СССР и ЦК ВКП (б) партийным и советским организациям прифронтовых областей.

¹⁸⁸ НКАП – Народный комиссариат авиационной промышленности.

Учреждена должность командующего Военно-Воздушными Силами. Командующим ВВС назначен генерал-лейтенант авиации П. Ф. Жигарев.

СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли постановление «О переводе из Москвы Наркоматов и Главных управлений».

За подписью С. К. Тимошенко, И. В. Сталина и Г. К. Жукова издан приказ Ставки Главного командования № 00100 о формировании стрелковых и механизированных дивизий из личного состава войск НКВД.

30 июня. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, ЦК ВКП (б) и СНК СССР образован Государственный Комитет Обороны, который сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Возглавил ГКО Секретарь ЦК ВКП (б) и Председатель СНК СССР И. В. Сталин. Одновременно он был утвержден председателем Транспортного комитета при ГКО.

1 июля. СНК своим постановлением расширил права народных комиссаров СССР для обеспечения своевременного и быстрого решения оперативных вопросов, связанных с выполнением в условиях военного времени возложенных на наркоматы задач, и в первую очередь планов производства и строительства.

2 июля. СНК СССР ввел обязательную всеобщую подготовку населения к противовоздушной и химической обороне.

Принято решение СНК СССР, которым дети рядового и младшего начальствующего состава армии и флота освобождались от платы за обучение в старших классах средней школы, техникумах и вузах.

3 июля. Председатель СНК и ГКО И. В. Сталин выступил по радио с обращением к народу.

Я сконцентрировал основные постановления и решения Политбюро и ЦК ВКП (б), СНК СССР, Президиума Верховного Совета СССР за период с 22 июня по 3 июля 1941 года. Только одно перечисление этих документов и мероприятий показы-

вает, что партия и Советское правительство провели большую организаторскую работу по переводу страны на военные рельсы, превращению ее в единый военный лагерь. Давайте зададимся вопросом: можно ли было хоть одно из них принять без согласования с И. В. Сталиным? Вряд ли! Все эти мероприятия, учитывая его тогдашнее положение в партии и государстве, высочайший авторитет у подавляющего большинства советского народа, не могли совершаться без его ведома и участия.

Как же тогда это осуществлялось, если он впал в прострацию, отошел от решения государственных дел, болел, уединялся на даче как затворник, не отвечал на телефонные звонки, никого не принимал? Все эти измышления не результат ошибочных выводов и предположений, это намеренная ложь, стремление опорочить работу И. В. Сталина не только в эти двенадцать дней, но и всю его деятельность в целом за весь период Великой Отечественной войны.

Вот мы и подошли, уважаемый читатель, к завершающей фазе нашего исследования деятельности И. В. Сталина в первые дни войны. Логическим завершением этого короткого, напряженного и динамично развивающегося периода его организаторской деятельности, неимоверного напряжения физических и моральных сил, стала подготовка и выступление по радио 3 июля 1941 года. Многие исследователи, в том числе и из стана сталинистов, как-то легковесно, я бы сказал упрощенно, подходят к этому историческому факту. Я имею в виду не содержание самого выступления, нет. Речь идет о том, что не уделяется должного внимания **оценке самого процесса подготовки** И. В. Сталина к этому выступлению. Текст обращения вождя к советскому народу – это не коллективный труд Политбюро, это не подготовленная кем-то болванка. Это личное творение И. В. Сталина. Вот по этому поводу вопрос Ф. И. Чуева В. М. Молотову и его ответ:

«– А речь третьего июля он готовил или Политбюро?

– Нет, это он. Так не подготовишь. За него не подготовишь. Это без нашей редакции. Некоторые речи он говорил без предварительной редакции»¹⁸⁹.

Для подобного выступления в весьма сложной обстановке и в условиях психологического напряжения нужно многое – и ум, и хладнокровие, и способность охватить весь комплекс событий, и дар предвидения. А главное – нужно время. А с ним в эти дни была невероятная напряженка. Даже те два дня, в которые И. В. Сталин в своем кремлевском кабинете никого не принимал, полными в его распоряжении при подготовке к выступлению не стали.

С. Н. Семанов, автор книги «Сталин», подтверждает эту мою мысль:

«К тому времени уже несколько раз высказывалось мнение о необходимости выступления Сталина с обращением к народу. Но Сталин не торопился. Видимо, ему хотелось осмыслить происходящее, понять, чем вызвано отступление Красной Армии, и уже в соответствии с этим обращаться к народу...

Спустя два года, в 1943-м, Сталин сам сказал за обеденным столом, что наиболее тяжелой и памятной была для него ночь 30 июня. Надо полагать, что немало времени он провел в раздумье, на даче в Кунцеве, прежде чем на бумагу легли первые строки речи, с которой он выступил 3 июля 1941 года по радио»¹⁹⁰.

Он же приводит два факта, отражающие, чем занимался И. В. Сталин 30 июня: «По-видимому, первым серьезным вмешательством Сталина в управление чисто военными делами была смена командования Западного фронта. 30 июня Сталин, только что возглавивший ГКО, приказал Жукову отозвать гене-

¹⁸⁹ Чув. Ф. И. Молотов. Полудержавный властелин. С. 59.

¹⁹⁰ Семанов С. Н. Сталин. – С. 332.

рала Д. Г. Павлова в Москву. Павлов был виновен в серьезных должностных упущениях и ответил за это по всей суровости военного времени...

В ночь на 1 июля Сталин по ВЧ разговаривал с Ворошиловым. Получив информацию о реальной опасности захвата противником плацдарма на Днестре, Сталин отвечал, что Ставка крайне обеспокоена этим и что на Западный фронт назначается новый командующий. Им стал нарком обороны С. К. Тимошенко – этим подчеркивалась ответственность поста»¹⁹¹.

Вполне можно предположить, что подготовкой своего выступления, его шлифовкой И. В. Сталин занимался и между возобновившимися приемами в Кремле 1 и 2 июля, а также руководством боевыми действиями фронтов. Сегодня доподлинно известно, что 2 июля Председатель Государственного Комитета Оборона имел переговоры по прямому проводу с командующим войсками Западного фронта С. К. Тимошенко и заместителем начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта М. Г. Соловьевым. Эти документы опубликованы в части первой 15-го тома сочинений И. В. Сталина.¹⁹²

Давайте посмотрим, как разложилось рабочее время И. В. Сталина в эти дни, когда он принимал посетителей уже в ранге Председателя Государственного Комитета Оборона. Вот сведения из ЖРП за 1 и 2 июля.

1 июля 1941 года

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	16 ч. 40 мин.	19 ч. 45 мин.
2.	Т. Берия	16 ч. 40 мин.	18 ч. 30 мин.
3.	т. Маленков	16 ч. 40 мин.	18 ч. 00 мин.

¹⁹¹ Там же. – С. 334.

¹⁹² См. указанный источник. – С. 9–12.

4.	т. Щербаков	16 ч. 50 мин.	19 ч. 15 мин.
5.	т. Тимошенко	16 ч. 50 мин.	19 ч. 00 мин.
6.	т. Жуков	16 ч. 50 мин.	19 ч. 00 мин.
7.	т. Каганович Л.М.	17 ч. 10 мин.	18 ч. 50 мин.
8.	т. Гусев	17 ч. 30 мин.	18 ч. 30 мин.
9.	т. Королев	17 ч. 30 мин.	18 ч. 30 мин.
10.	т. Трубецкой	17 ч. 30 мин.	18 ч. 30 мин.
11.	т. Микоян	17 ч. 45 мин.	19 ч. 20 мин.
12.	т. Андреев	18 ч. 50 мин.	19 ч. 45 мин.
13.	т. Вознесенский	19 ч. 05 мин.	19 ч. 20 мин.
14.	т. Щербаков	22 ч. 40 мин.	23 ч. 50 мин.
15.	т. Молотов	22 ч. 45 мин.	01 ч. 30 мин.
16.	т. Шахурин	23 ч. 10 мин.	01 ч. 20 мин.
17.	т. Маленков	23 ч. 15 мин.	01 ч. 20 мин.
18.	т. Жигарев	23 ч. 15 мин.	01 ч. 10 мин.
19.	т. Щербаков	00 ч. 26 мин.	01 ч. 00 мин.
20.	т. Микоян	00 ч. 50 мин.	01 ч. 10 мин.
21.	т. Меркулов	00 ч. 50 мин.	01 ч. 10 мин.
22.	т. Берия	00 ч. 55 мин.	01 ч. 20 мин.
23.	т. Вознесенский	01 ч. 00 мин.	01 ч. 10 мин.
Последние вышли в 01 ч. 30 мин.			

2 июля 1941 года

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Щербаков	23 ч. 10 мин.	00 ч. 15 мин.
2.	т. Берия	23 ч. 10 мин.	03 ч. 20 мин.
3.	т. Ворошилов	23 ч. 10 мин.	03 ч. 20 мин.
4.	т. Молотов	23 ч. 10 мин.	03 ч. 20 мин.
5.	т. Маленков	23 ч. 10 мин.	03 ч. 20 мин.
6.	т. Пересыпкин	24 ч. 00 мин.	00 ч. 15 мин.

7.	т. Каганович Л.	00 ч. 30 мин.	03 ч. 20 мин.
8.	т. Микоян	00 ч. 40 мин.	03 ч. 20 мин.
9.	т. Вознесенский	00 ч. 50 мин.	03 ч. 20 мин.
Последние вышли 03 ч. 20 мин. 3/VII 41			

Как видим, 1 июля прием начался в 16. 40 и продолжался до 01.30, то есть 8 часов 50 минут. Теперь посмотрим, каким оказался перерыв для отдыха. Начатый прием 1 июля завершился практически уже 2 июля. Уже вечером этого дня в 23.10 начался очередной прием. Следовательно, время между приемами составило 21 час 40 минут, то есть почти сутки. Вполне можно предположить, что это был и отдых, и окончательная шлифовка текста выступления, хотя будет правильным, если на первое место поставить здесь слово «шлифовка».

Обратим внимание на состав посетителей. На приеме вечером 1 июля в кабинете И. В. Сталина находились практически все члены Политбюро, руководство НКО и солидная группа авиаторов (нарком авиационной промышленности А. И. Шахурин, командующий ВВС П. Ф. Жигарев, авиаконструктор, заместитель наркома авиационной промышленности А. С. Яковлев, заместитель начальника Управления ВВС А. И. Гусев, начальник 3-го Главного управления Наркомата авиационной промышленности Д. В. Королев). Судя по составу посетителей, обсуждались важные военно-политические вопросы.

На приеме 2 июля в кабинете И. В. Сталина находились в период с 23. 10 до 03. 20 практически все члены Политбюро. Нетрудно догадаться, что обсуждалось предстоящее выступление Председателя Государственного Комитета Оборона по радио. Косвенным подтверждением этого предположения является присутствие на совещании наркома связи СССР, начальника Главного Управления связи Красной Армии И. Т. Пересыпкина. Именно он осуществлял техническое обеспечение этого выступления.

Иван Терентьевич вспоминал: «Особенно запомнилось выступление по радио И. В. Сталина 3 июля 1941 года. Незадолго до этого выступления Центральный Комитет партии и Советское правительство приняли специальное постановление. В нем совершенно откровенно была охарактеризована тяжелая обстановка, в которой оказалась наша страна в начале войны. Коммунистическая партия не скрывала от советских людей трудностей предстоящей борьбы с врагом. В постановлении указывалось, что только при условии напряжения всех сил можно добиться победы. Партия призывала всех советских людей отстаивать каждую пядь родной советской земли. Это историческое постановление было разослано в областные комитеты партии всех прифронтовых областей 29 июня 1941 года.

Спустя два-три дня Политбюро ЦК ВКП (б) сочло необходимым, чтобы выступил по радио И. В. Сталин. Этот вопрос обсуждался самым тщательным образом: что должно быть главным в выступлении, где выступать, в какое время...

Сначала предполагалось, что выступление должно состояться в студии, находившейся в здании Центрального телеграфа на улице Горького. Но потом спросили у связистов:

– Можно ли организовать трансляцию речи И. В. Сталина из Кремля?

Мы сказали:

– Можно.

После этого мне поручили обеспечить эту трансляцию по радио и по московской радиотрансляционной сети. В то время мы, конечно, не располагали такими техническими средствами, которые имеются в распоряжении современного радиовещания и телевидения. Связисты всю ночь напряженно трудились, чтобы осуществить трансляцию. Надо было оборудовать комнату, подвести туда кабели, установить микрофоны и многое другое.

В пять часов утра 3 июля мы с известным советским диктором Юрием Левитаном были уже на месте. В шесть часов

пришел туда И. В. Сталин. Он был одет в свой обычный серый костюм военного покроя. Поздоровавшись с нами, он спросил:

– Ну как, готово?

– Да, все готово, – ответили мы.

Сталин сел за небольшой столик, на котором были установлены микрофоны. Рядом с ним стояли бутылка боржоми и стаканы.

Ю. Левитан объявил по радио о предстоящем выступлении И. В. Сталина. Наступил самый ответственный момент. Заметно волнуясь, Сталин начал свою речь. С огромным напряжением мы с Левитаном, как и все советские люди, слушали его речь.

Следует отметить, что к тому моменту немецко-фашистским войскам удалось продвинуться далеко в глубь нашей страны. Время было тревожное, трудно было предположить, что ждет нас впереди, поэтому часть радиовещательных станций была уже демонтирована и готовилась к отправке на восток. Однако поставленную задачу связисты выполнили: речь Сталина слышала вся страна»¹⁹³.

Из воспоминаний Ивана Терентьевича Пересыпкина мы узнали о том, что И. В. Сталин выступал не с Центрального телеграфа, а из специально оборудованной комнаты на территории Кремля, что пришел он туда в шесть часов, во время выступления волновался.

Выступление Председателя СНК СССР и Председателя ГКО И. В. Сталина рано утром 3 июля по радио, ставшее программой борьбы советского народа против фашистской Германии и ее союзников в начавшейся Великой Отечественной войне, – это своеобразный итог его двенадцатидневной организаторской и аналитической работы.

Перед тем, как воспроизвести текст этого выступления, приведу одно свидетельство того человека, который представлял И. В. Сталина радиослушателям страны в то историческое

¹⁹³ Пересыпкин И. Т. А в бою еще важней. С. 65–67.

утро 3 июля и которого Иосиф Виссарионович впервые увидел. Конечно же, речь идет о Ю. Левитане. Вот как об этом поведал писатель Ф. Чуев:

«Диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан рассказывал, как перед выступлением Сталина по радио 3 июля 1941 года его инструктировали Берия и Власик: «На все вопросы товарища Сталина отвечать «да» или «нет», ни о чем не спрашивать».

Ощупали одежду, даже носки посмотрели.

Сталин, увидев Левитана, сказал: «Так вот вы какой? Таким я вас и представлял. – И спросил: – Как вы думаете, как мне читать?» – «Как вы всегда читаете, товарищ Сталин, так и читайте», – нашелся Левитан. «А где мне паузы делать?» – «Как вы их всегда делаете, товарищ Сталин, там и делайте». Тут Сталин не выдержал и рассмеялся»¹⁹⁴.

¹⁹⁴ Чуев Ф. И. Молотов. Полудержавный властелин. С. 59.

Выступление И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года

«Товарищи! Граждане!
Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное нападение гитлеровской Германии на нашу Родину, начатое 22 июня, – продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей Родиной нависла серьезная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только

на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась все же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было еще отмобилизоваться и придвинуться к границам.

Немалое значение имело здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключенный в 1939 году между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка?

Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое

государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии – если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР являлся именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определенный выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьезным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши летчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии – клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к Советскому правительству, одобряют поведение Советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом – германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооруженные тысячами танков и самолетов. Храбрость воинов Красной Армии – беспрецедентна. Наш отпор врагу крепнет и растет. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия. От беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, от пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других народов Советского Союза, их онемечение, их превращение в рабов немецких князей и баронов.

Дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть

беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу Отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение ее рядов, обеспечить ее снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны крепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу

всех предприятий, производить больше винтовок, пулеметов, орудий, патронов, снарядов, самолетов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижный железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно, безусловно, уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие. Создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя арми-

ями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма.

В этой освободительной войне мы не будем одиноки. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе и в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилками. Наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистской армии Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, – являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину – в нашей Отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу Ро-

дину, – создан Государственный Комитет Оборона, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Оборона приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы.

Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота! Все силы народа – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!»

Публично выступал И. В. Сталин редко. Но если уж говорил, то говорил! Силу сталинского слова удачно подметил Я. Е. Чадаев: «Выступление Сталина было всегда событием. Его выступления всегда ждали. А когда он говорил, все слушали его очень внимательно, с захватывающим интересом, чуть ли не благоговейно. Его речи не были насыщены набором красивых оборотов и фраз. Это были речи, которые зажигали слушателей, зажигали их сознательно и разумно действовать так и идти туда, и решать задачи так, как начертала партия. Он всегда оставался сдержанным в словах, но эти слова были простыми, ясными, понятными. Они содержали такую большую логику, глубину, огромную внутреннюю правду, что их трудно было не понять, не подчиниться, не выполнить их. Сталин произвольно привязывал к себе, убеждал и потрясал содержанием своих речей»¹⁹⁵.

Если вчитаться и вдуматься в произнесенные слова И. В. Сталина повнимательнее, то возникает вопрос: мог ли он произнести их 22 июня 1941 года? Мог ли он в этот день поставить перед народом, партией и армией такие задачи? Это стало возможным только после того, как в определенной степени прояснилась обстановка.

¹⁹⁵ Куманев Г. А. Говорят сталинские наркомы. С. 464.

Если вчитаться и вдуматься в произнесенные слова И. В. Сталина повнимательнее, то возникает вопрос: мог ли человек, будучи всего несколько дней назад в прострации и шоке, растерянности и недееспособности, призывать людей к тому, чтобы **«в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе»?**

Мы не знаем, куда пошел или поехал И. В. Сталин после выступления по радио – или в свою кремлевскую квартиру или на дачу. Мы не знаем, кто из сподвижников слушал выступление и как его оценил. Но мы точно знаем, что уже в 21 час 3 июля он начал в своем кремлевском кабинете новый прием посетителей. Он продолжался 4 часа 55 минут. Мы также знаем, кто в очередной раз собрался в его кабинете. Эти сведения дает нам ЖРП.

3 июля 1941 г.

№ п/п	Посетители кабинета И. В. Сталина	Время входа	Время выхода
1.	т. Молотов	21 ч. 00 мин.	01 ч. 55 мин.
2.	т. Ворошилов	21 ч. 00 мин.	01 ч. 55 мин.
3.	т. Маленков	21 ч. 00 мин.	01 ч. 55 мин.
4.	т. Берия	21 ч. 00 мин.	01 ч. 15 мин.
5.	т. Микоян	21 ч. 00 мин.	23 ч. 30 мин.
6.	т. Каганович	21 ч. 00 мин.	01 ч. 55 мин.
7.	т. Вознесенский	21 ч. 50 мин.	01 ч. 55 мин.
8.	т. Щербаков	22 ч. 35 мин.	23 ч. 40 мин.
9.	т. Артемьев	22 ч. 35 мин.	23 ч. 15 мин.
10.	т. Масленников	02 ч. 15 мин.	23 ч. 40 мин.
11.	т. Булганин	23 ч. 40 мин.	00 ч. 50 мин.
12.	т. Рухле	23 ч. 40 мин.	00 ч. 50 мин.
13.	т. Жигарев	23 ч. 40 мин.	00 ч. 50 мин.
14.	т. Серов	23 ч. 40 мин.	00 ч. 50 мин.
15.	т. Петров	23 ч. 40 мин.	00 ч. 50 мин.

16.	т. Голованов	24 ч. 00 мин.	00 ч. 40 мин.
17.	т. Жуков	24 ч. 00 мин.	01 ч. 40 мин.
18.	т. Кузнецов	24 ч. 00 мин.	01 ч. 40 мин.
Последние вышли 01 ч. 55 мин.			

Среди уже привычных фамилий членов Политбюро и руководства НКО появились новые. Впервые за период войны порог кабинета И. В. Сталина переступили начальник Управления оперативных войск НКВД СССР П. А. Артемьев, заместитель наркома внутренних дел СССР И. И. Масленников, начальник штаба ВВС И. Н. Рухле, заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов.

Среди тех, кто впервые с начала войны появился в кабинете И. В. Сталина, был и командир 212-го отдельного авиаполка ДБА А. Е. Голованов. Он был принят И. В. Сталиным в период с 24.00 да 00. 40 и вошел к нему вместе с Г. К. Жуковым и Н. Г. Кузнецовым. Из всех, кто зафиксирован в ЖРП за этот день, кабинет И. В. Сталина к этому времени покинули четыре человека – А. И. Микоян, И. И. Масленников, А. С. Щербаков

и П. А. Артемьев. Разговор состоялся в присутствии руководства ВВС – командующего П. Ф. Жигарева, члена Военного совета Н. А. Булганина и начальника штаба И. Н. Рухле. В своих мемуарах А. Е. Голованов оставил нам зарисовку этого приема.

«3 июля, на двенадцатый день войны, я неожиданно получил распоряжение немедленно прибыть в Москву.

Центральный аэродром, на котором сел наш самолет, был замаскирован под поле, где женщины убирают урожай.

В штабе ВВС меня принял Н. А. Булганин, назначенный членом Военного совета ВВС. Я доложил о проделанной боевой работе нашего полка и по задаваемым вопросам понял, что этот человек пока что мало разбирается в вопросах боевого применения авиации. Поговорив со мной, он сказал, чтобы я никуда не отлучался.

Через некоторое время я оказался в Кремле, в уже знакомом кабинете. Народу было много, но я мало кого знал. Вид у всех был подавленный. Многие из присутствующих были небриты, их лица, воспаленные глаза говорили о том, что они уже давно не высыпаются. Оглядевшись, кроме уже знакомых мне лиц, узнал, по портретам, Н. А. Вознесенского. С удивлением увидел, что В. М. Молотов одет в полувоенную форму защитного цвета, которая ему совсем не шла.

Среди присутствующих резко выделялся Сталин: тот же спокойный вид, та же трубка, те же неторопливые движения, которые запомнились еще с первых моих посещений Кремля до войны, та же одежда.

– Ну, как у вас дела? – спросил Сталин, здороваясь.

Я кратко доложил обстановку и что за это время сделал полк.

– Вот что, – сказал Сталин, – мы плохо ориентированы о положении дел на фронте. Не знаем даже точно, где наши войска и их штабы, не знаем, где враг. У вас наиболее опытный летный состав. Нам нужны правдивые данные. Займитесь разведкой. Это будет ваша главная задача. Все, что узнаете, немедленно передайте нам. Что вам для этого нужно?

– Прикрытие, товарищ Сталин, – ответил я.

– Что мы можем дать? – спросил Сталин Булганина.

– Немного истребителей, – ответил Булганин.

Сталин пошел по дорожке, о чем-то думая.

Вернувшись и подойдя ко мне, он сказал:

– На многое не рассчитывайте. Чем можем – поможем. Рассчитывайте больше на свои силы и возможности. Видите, что делается!

Сталин опять заходил. Снова подойдя ко мне, он вдруг сказал: – Мы дали указание арестовать и доставить в Москву Павлова. – Голос его был тверд и решителен, но в нем не слышалось ни нотки возмущения, ни тени негодования...

Передо мной, как наяву, возник служебный кабинет в Минске и бритоголовый, с массивной фигурой человек, вызывающий по телефону Сталина, чтобы взять в свое подчинение наш полк, убеждающий его не верить сведениям о сосредоточении немцев на исходных рубежах у наших границ, не поддаваться на «провокации». Разговор этот, как помнит читатель, происходил в моем присутствии, и, видимо, Сталин, обладая феноменальной памятью и уверенный в том, что я все пойму, объявил мне об этом решении Государственного Комитета Оборона. Больше о Павлове не было произнесено ни слова. Попрощавшись, я отправился на аэродром и тотчас же улетел к себе в полк. Полет до Ельни занял немного времени, но я многое передумал»¹⁹⁶.

Следует прокомментировать это свидетельство А. Е. Голованова. Разговор генерала Д. Г. Павлова с И. В. Сталиным накануне немецкого вторжения происходил в кабинете командующего в присутствии командира 212-го авиаполка ДБА. Суть разговора Председателя ГКО с Александром Евгеньевичем об организации авиаразведки не только войск противника, но и своих частей и соединений, судя по всему, стала результатом информации нового командующего Западным фронтом, которую он изложил И. В. Сталину во время переговоров по прямому проводу 2 июля. С. К. Тимошенко сетовал: «Ощущается крайняя нужда в разведывательной и истребительной авиации. Лишен возможности вести воздушную разведку и прикрывать сосредоточение войск. Прошу ускорить командирование начальника авиации группы». И. В. Сталин ответил: «По

¹⁹⁶ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. С. 59–60.

поднятым Вами вопросам примем меры»¹⁹⁷. И эти меры были приняты уже вечером 3 июля после выступления И. В. Сталина по радио. Только вот остается загадкой – почему А. Е. Голованов, описывая свой визит в Кремль, ни словом не обмолвился о том, что он состоялся именно в день выступления Председателя ГКО.

Тщательный анализ записей в Журнале регистрации посетителей сталинского кремлевского кабинета показывает, что в первые двенадцать дней начавшейся войны Иосиф Виссарионович Сталин не впадал в прострацию, не болел, а если болел, то по этой причине не устранился от государственных дел, ни на один день не бросал страну и народ на произвол судьбы. Он работал. Работал организационно и аналитически. Начиная с 22 июня и по 3 июля, за исключением двух дней, И. В. Сталин принимал в среднем 25 человек в сутки. Любой, кто трудился на руководящих должностях, знает, что принять даже треть от этого количества, да не просто принять, а решать с ними проблемы государственного уровня, не так-то просто. Да еще в такой напряженной обстановке.

Тщательный анализ записей в Журнале регистрации посетителей показывает также, что буквально с первого часа войны в сталинском кремлевском кабинете постоянно собирались члены Политбюро ЦК ВКП (б), высшие руководители народного комиссариата обороны, видные хозяйственные руководители. Здесь общими усилиями выработывалась военная политика государства, определялись первоочередные и долговременные задачи страны в начавшейся войне.

Свершившееся вероломство не могло не отразиться на психике вождя, его внешнем виде и поведении. Кто из советских людей в те первые ошеломляющие дни начавшейся войны мог равнодушно относиться к тому, что произошло? Вряд ли кто-

¹⁹⁷ *Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. Ч. 1. С. 10.*

либо из разумных радовался этому событию. Разве что только откровенный враг или умом тронутый человек. Переживал это событие и И. В. Сталин. Было бы странным, если бы он этого не делал. Только его переживания, в отличие от других, многократно множились в соответствии с той ответственностью, которая лежала на его плечах. Да, он был подавлен, но не только случившимся, но и тем, что высшее военное руководство оказалось, мягко выражаясь, не на высоте. Это его состояние усугублялось еще и тем, что боеспособность Красной Армии оказалась далеко не той, о которой ему докладывали.

Многочисленные факты, отраженные в документах и в воспоминаниях сподвижников И. В. Сталина, а также в мемуарах советских полководцев и военачальников, давно сложили устойчивое мнение о том, что он думал о возможной войне с фашистской Германией. И не только думал, но и имел по этому поводу твердое убеждение. Более того, он высказывался по этому вопросу публично и делал все, чтобы достойно встретить агрессию. Он верил профессионалам и был убежден, что Красная Армия выдержит первый удар. И в этой обстановке вряд ли он представлял себе, что в грядущей войне ему придется, кроме общего управления государством, еще заниматься и боевой деятельностью Красной Армии. И когда руководство Наркомата обороны буквально с первых дней войны его расчетов не оправдало, он стал понимать, что дело управления военной сферой надо брать в свои руки. Это понимание окончательно созрело к 30 июня, когда стало известно, что врагу понадобилась всего одна неделя, чтобы овладеть столицей Советской Белоруссии Минском. На основе приведенных мной примеров, читатель мог убедиться, что уже с первых часов начавшейся войны И. В. Сталин начал энергично и решительно вмешиваться в боевую работу Красной Армии.

В эти двенадцать дней, переводя себя лично и весь партийно-государственный аппарат на рельсы войны, И. В. Сталин, как

Председатель СНК, принимал первые неотложные организационно-правовые меры по мобилизации всех сил и средств для отражения агрессии, делал первые практические шаги на пути разворачивания огромной страны от труда мирного к труду военному. Многогранная его деятельность на этом поприще тоже показана мной на страницах этой книги.

Была еще одна сфера его деятельности в эти дни – аналитическая. Несмотря на то, что текущие дела полностью захлестнули И. В. Сталина, ему надо было обдумать исторический опыт страны, определить средства для длительной борьбы с врагом. В результате анализа создавшейся обстановки у И. В. Сталина окончательно сложилось понимание нависшей над страной угрозы. Он стал осознавать, что такого сильного врага как фашистская Германия и ее союзников мощью одной Красной Армии не одолеть, на борьбу с агрессорами надо поднимать весь народ. В связи с этим необходимо принимать долгосрочные меры в масштабах всей страны, которые позволят ликвидировать достигнутое внезапным нападением преимущество врага, выровнять положение и перейти к плановому и более успешному ведению войны.

Результатом этой аналитической работы и стало его выступление по радио 3 июля 1941 года, основополагающей мыслью которого была короткая, но емкая фраза – «отрешиться от благодушия, от беспечности, от настроения мирного строительства».

Выступлением И. В. Сталина по радио 3 июля 1941 года завершился двенадцатидневный этап его военной деятельности. В течение этих дней им была проведена колоссальная работа по принятию первых неотложных организационных мер, призванных перевести страну на военные рельсы. Главными среди них стали: разработка и принятие Директивы СНК и ЦК ВКП (б) советским и партийным организациям прифронтовых областей; создание Государственного Комитета Обороны, сосредото-

точившего в себе все рычаги партийного и государственного руководства страной в условиях войны; выступление Председателя ГКО по радио, ставшее мобилизующим фактором для всего советского народа.

И завершу свое исследование о деятельности И. В. Сталина в первые дни войны словами почитаемого мною историка В. В. Суходеева: «Хроника событий и характер принятых решений с начала вероломного нападения фашистской Германии и ее сателлитов на Советский Союз с 22 июня по 3 июля 1941 года показывает, что партия большевиков и Советское правительство во главе с И. В. Сталиным предприняли огромные усилия по превращению Советского Союза в единый военный лагерь, направляли все военные и трудовые действия народа на разгром агрессора...

Сколько наговорено и написано вздора об одиннадцати днях идущей Отечественной войны Советского Союза, что и вспоминать неприлично. Но, по мнению этих незадачливых политиков, лжеисториков и подкупных журналистов, только, наконец, 3 июля 1941 года И. В. Сталин вспомнил, что ему нужно обратиться к советскому народу по поводу начавшейся тяжелейшей войны. Там самым перечеркивается все уже сделанное советским, партийным, государственным и военным руководством во главе с И. В. Сталиным, бесстрашная борьба воинов Красной Армии и Красного Флота, самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции Советской страны во имя разгрома наглого и коварного фашистского агрессора»¹⁹⁸.

¹⁹⁸ Суходеев В. В. Война началась – война Отечественная. С. 29–30.

Заключение

Пишу эти строки в дни кануна 70-летия начала этой страшной войны. Пишу под впечатлением просмотренной очередной омерзительной пивоваровской стряпни «Роковые решения». Вместо того чтобы рассказать, как страна встретила эту ужасную весть, как под слова и музыку песни «Вставай, страна огромная» поднялась на защиту Отечества, А. Пивоваров, этот телевизионный молокосос, жонглер историческими фактами, решил уровнять ответственность гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза за трагедию 22 июня 1941 года. И буквально на следующий день на телевизионном экране появляется всем до боли знакомое и родное лицо В. В. Путина, который вещает: мы не должны позволять фальсифицировать историю Великой Отечественной войны. Фарисейство! Однако надо отметить, что ничего нового в пасквиле на предвоенную историю в фильме с карикатурным И. В. Сталиным, нам не сообщили. Просто шулерская перелицовка истории. Но антисталинисты радуются, как-никак, а еще одна ложка дегтя...

Радуются они и тогда, когда кому-либо из цеха коллег по очернению советского прошлого удастся вытащить из архива что-то жареное. Как часто можно сегодня слышать от антисталинистов различных мастей о том, что выявление новых ар-

живных документов и их последующая публикация приносит дополнительные сведения, подтверждающие те или иные негативные деяния Иосифа Виссарионовича Сталина в период его руководства страной. И особо радуются недруги вождя и противники Советской власти, когда выявляются такого рода документы периода Великой Отечественной войны. И грозятся – то ли еще будет! И жалуются, что некоторые архивные пласты советской истории до сих пор недоступны исследователям. И им невдомек, что они до сих пор не открыты лишь только потому, что их публикация больно ударит по измышлениям Н. С. Хрущева и его последователей.

К этим моим рассуждениям так и просятся мысли И. Ф. Стаднюка, высказанные им еще тридцать лет тому назад: «Тяжелое это было время. К нему часто будут обращать взор летописцы, философы и златоусты всех континентов. Найдутся среди них и такие, которые позволят себе судить о событиях тех дней без должного понимания их сложной трагичности и рассматривать их с позиций некоего философско-исторического дальтонизма. А иные, стыдливо позабыв о бывших своих верованиях и публичных утверждениях, станут искать маятник «нового» времени и нередко скрип флюгера на чужой крыше принимать за голос истины. Эти люди при определенных гарантиях безопасности для себя, когда страх за свое благополучие не смущает их сердца, скоры на первое слово и на сомнительное дело. Они ревностно начнут высекать своими перьями искры из колеса истории и выдавать их за лучи правды. Глядя в прошлое через призму своего распаленного воображения, они будут замешивать истину на жи и на собственном невежестве, преподнося плоды трудов своих как озарение гениев, воссоздающих подлинную и всеобъемлющую историю. Но, к великому счастью истории, неодолимы те силы, которые защищают истину»¹⁹⁹.

¹⁹⁹ Венок славы. Т. 1. М., 1987. С. 79.

Но не только антисталинисты радуются, когда вытаскивают из архива, словно из кармана замшелого кафтана, что-либо «жареное» в отношении И. В. Сталина. Радуюсь и я, когда нахожу в архиве документ, который разоблачает антисталинскую и антисоветскую ложь. И когда, в свое время, узнал о существовании Журнала регистрации посетителей сталинского кремлевского кабинета, а затем познакомился с его содержанием, моей радости не было предела. Этот архивный документ – сродни разорвавшейся в стане наших врагов атомной бомбе. Этот взрыв не оставил камня на камне от той лжи, которая опорочила деятельность Иосифа Виссарионовича Сталина в первые дни Великой Отечественной войны. Подвело наличие Журнала и некоторых сталинистов, пытавшихся через якобы болезнь Иосифа Виссарионовича в первые дни войны противостоять лживому хрущевскому утверждению о его прострации. Но и в этом вопросе, как мне представляется, сведения Журнала поставили все на место. Только само перечисление фамилий лиц, принятых И. В. Сталиным, без раскрытия сути решаемых с ними вопросов, дает возможность понять, что уже с первых часов начавшейся войны И. В. Сталин активно руководил государством, целенаправленно организовывал оборону страны.

Благодаря этому уникальному и бесценному документу я постарался опровергнуть явную ложь о прострации И. В. Сталина в первые дни войны, а также не слишком убедительные попытки некоторых историков опровергнуть эту ложь версией о его тяжелой болезни.

Прекрасно понимаю, что данная книга, имея в виду ее тираж, – это капля в море антисталинской литературы. Но капля воды камень точит. Вот если бы таких капель побольше. А то ведь миф о недееспособности И. В. Сталина в первые дни войны и его ошибках, усилиями антисоветчиков внедряемый в сознание людей на протяжении жизни уже считай трех поколений, для кое-кого превратился в убеждение. Не следует, ко-

нечно, чрезмерно преувеличивать воздействие книги того или иного придурка-антисталиниста на головы людей по той простой причине, что эти творения выходят не слишком большим тиражом, по причине дороговизны подолгу задерживаются на полках книжных магазинов, да и библиотеки по этой же причине не в состоянии раскошелиться.

А вот чем следует беспокоиться, так это тем, что подобного рода бред попадает на страницы школьных и вузовских учебников по истории. Вот несколько примеров.

«Авторы учебного пособия «Курс советской истории. 1941–1991», изданного в 1999 году, так трактуют начальный период войны: «Известие о начале войны повергло в шок руководство в Кремле. Сталин, получавший отовсюду сведения о готовящемся нападении, рассматривал их как провокационные, преследующие цель втянуть СССР в военный конфликт. Не исключал он и вооруженных провокаций на границе. Ему лучше всего было известно, в какой степени страна была не готова к «большой войне». Отсюда – желание всячески оттянуть ее и нежелание признать, что она все-таки разразилась. Сталинская реакция на нападение германских войск была неадекватной. Он все еще рассчитывал ограничить ее рамками военной провокации. Между тем с каждым часом яснее вырисовывались огромные масштабы вторжения. Сталин впал в прострацию и удалился на подмосковную дачу. Объявить о начале войны было поручено зампредсовнаркома В. М. Молотову, который в 12 часов дня 22 июня выступил по радио с сообщением о вероломном нападении на СССР фашистской Германии. Тезис о «вероломном нападении» явно исходил от вождя. Им как бы подчеркивалось, что Советский Союз не давал повода для войны. Да и как было объяснить народу, почему недавний друг и союзник нарушил все существующие соглашения и договоренности!..

Была создана Ставка Главного Командования во главе с народным комиссаром обороны маршалом С. К. Тимошен-

ко. Сталин фактически уклонился от того, чтобы возглавить стратегическое руководство войсками. Окружение вождя повело себя более решительно. Оно выступило с инициативой создания чрезвычайного органа управления страной с неограниченными полномочиями, возглавить который было предложено Сталину. После некоторых колебаний последний вынужден был согласиться. Стало ясно, что уйти от ответственности нельзя и надо идти до конца вместе со страной и народом. 30 июня был образован Государственный Комитет Обороны (ГКО)»²⁰⁰.

В учебнике «Отечественная история» И. Н. Кузнецова читаем: «Нападение фашистской Германии на СССР стало «вероломным и внезапным» только из-за маниакальной уверенности Сталина в том, что войны удастся избежать, что столкновения в невыгодных для нас условиях не будет. Естественная для политика осторожность переросла у него в перестраховку, сковавшую всех, кто ощущал надвигающуюся смертельную опасность»²⁰¹.

В учебнике «История России от Рюрика до Путина» автор статьи о И. В. Сталине А. И. Козлов распоясался до предела: «Но победа досталась огромной ценой. Только прямые потери в живой силе составили, по весьма приблизительным подсчетам, около 27 миллионов человек. Во многом они – результат самоуправства, некомпетентности, жестокости, головотяпства, вседозволенности, преступности Сталина и равнявшихся на него... Главную вину катастрофы первых дней Сталин переложил на «предателей и трусов». Ими стали чудом уцелевшие крупные командиры. 3 июля 1941 года он выступил по радио, а 4 июля во исполнение предначертаний вождя его каратели по обвинению в предательстве арестовали

²⁰⁰ Соколов А. К., Тяжельников В. С. Курс советской истории. 1941–1991. Учебное пособие. М., 1999. С. 415.

²⁰¹ Кузнецов И. Н. Отечественная история. М., 2004. С. 392.

командование Западного фронта во главе с 44-летним генералом армии Д. Г. Павловым, Героем Советского Союза, кавалером трех орденов Ленина и трех орденов Красного Знамени, участника боев в Испании»²⁰².

Взрослые дяди и тети читают книги на исторические темы (или вообще не читают) в соответствии со своими взглядами, вкусами, потребностями и прочими запросами. Мальчики и девочки, юноши и девушки читают (изучают) учебники по истории по принуждению. Вот где происходит тотальное внедрение в сознание миллионов молодых людей ложных исторических знаний. Хорошо, если кто-то из них может критически мыслить. Хорошо, если кому-то из них попадет незашоренный ложью учитель. Хорошо, если у кого-то из них здравомыслящие родители или дедушки с бабушками. А еще лучше, если девчонки и мальчишки сами тянутся к чтению и разбираются, какую стоит взять в руки книгу.

Вероятно, читатель уже давно мучается вопросом: кому поклониться в ноженьки за выявление этого уникального документа под названием ЖРП и его публикацию?

Кто же обнаружил в архиве эти тетради? Могу удовлетворить это любопытство. Это сделал доктор исторических наук, профессор, бывший консультант Института марксизма-ленинизма Л. П. Спирин. Вот его признание: «Мне посчастливилось в 1960 году, работая в архиве, обнаружить дневник записей приема у Сталина в Кремле. Его вели по очереди три полковника из особой охраны. Они сидели в комнате, которая вела в кабинет Сталина, и никто их не мог миновать. Эти люди фиксировали всех, кто приходил к Сталину, а также часы и минуты прихода и ухода. Казалось бы, ну что здесь особенного? На самом деле документ не имеет цены. И читатель поймет, почему... После этих фактов, видимо, нельзя говорить, как де-

²⁰² История России от Рюрика до Путина. М., 2005. С. 531.

лают некоторые, что Сталин после начала войны долго находился чуть ли не в прострации, никого не принимал»²⁰³.

С этим выводом нельзя не согласиться – в деле разоблачения вранья и домыслов о поведении И. В. Сталина в первые дни Великой Отечественной войны этот документ не имеет цены. Основываясь на его сведениях, я и постарался доказать это.

За публикацию ЖРП следует благодарить редактора журнала «Известия ЦК КПСС», но особенно редактора журнала «Исторический архив» доктора исторических наук А. А. Чернобаева и весь коллектив этого журнала. Это они провели кропотливую и огромную по важности работу. Чего только стоит труд по составлению Именного алфавитного указателя! Но журнал, тем более такой специфический, каким является «Исторический архив», широкому кругу читателей малоизвестен. Поэтому особая благодарность и авторам-составителям книги «На приеме у Сталина» А. В. Короткову, А. Д. Черневу и А. А. Чернобаеву, а также рецензенту доктору исторических наук, профессору Р. Г. Пихоя.

Но есть еще один вопрос. В чью светлую голову пришла идея фиксировать посетителей сталинского кремлевского кабинета? Праху какого человека поклониться за эту инициативу? К стыду своему до сих пор не знаю, кто это. Вполне возможно, имя этого человека никто и никогда не узнает. А может быть, это инициатива самого И. В. Сталина? Если это так, то надо в очередной раз удивиться его прозорливости. И тогда станут понятными его слова о том, что придет время, и ветер истории развеет горы мусора, которые недруги нанесут на его могилу. Пусть с помощью Журнала регистрации посетителей кремлевского кабинета И. В. Сталина **сильнее дует ветер истории!**

²⁰³ Вопросы истории КПСС. 1990. № 5.

Содержание

Глава первая

И. В. Сталин не впадал в прострацию. Он работал!.....	10
1. От кого и почему родилась ложь о недееспособности И. В. Сталина в первые дни войны	10
2. И ты, Брут? Далеко ли падают яблоки от яблони?	42
3. Лучше поздно, чем никогда	92
4. «Сталиноед» в генеральских погонах и некоторые другие ..	125
5. Многостаночник Э. С. Радзинский и еще кое-кто	198
6. О двух днях, не зафиксированных в ЖРП	241

Глава вторая

Болел ли И. В. Сталин? Возможно, однако и в эти дни он работал!.....	272
1. Детектив Владимира Жухрая.....	278
2. Достойный продолжатель версии В. М. Жухрая.....	293
3. В помощники призван даже нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов	342
4. Было ли в массе дел место для прострации и болезни?	361
Заключение	390

Анатолий Михайлович Сергиенко

ПУСТЬ СИЛЬНЕЕ ДУЕТ ВЕТЕР ИСТОРИИ!

**Первые двенадцать дней
из военной жизни И. В. Сталина**

Тех. редактор **Сытник Г. В.**
Корректор **Камышанова И. В.**

Подписанов в печать 25.04.2012 г.
Формат 80х64 1/16. Объем 24,875 п.л. Гарнитура Calibri.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Тираж 50 экз.

Издательство «КОНСТАНТА»
308023, г. Белгород, ул. Менделеева, 6.

Отпечатано в типографии «КОНСТАНТА»
г. Белгород, ул. Менделеева, 6. Тел./факс (4722) 300-720.